

Всеволод Болдырев
Марина Завыдова

Судьба-Полынь

События разворачиваются в мире Ваярия, где у каждого народа свой бог, а жизнь течет по древним канонам. Но вековые устои рушатся с появлением Сеятеля — человека, решившего очистить мир от богов и людей с колдовским даром. Брат и сестра, ставшие жертвами войны, оказываются по разные конфликтующие стороны. Ильгар выбирает путь солдата, а Ная становится прислужницей культа смерти.

Судьба-Полынь

«Желающего идти судьба ведет, нежелающего — влачит!» (с)

Клеанф

Глава 1

Эхо быстрых шагов гулко раздавалось в тишине подземелья. В коридорах застывшего в вечности храма Ньяхе даже дыхание оглушало. Не затаиться, не сбить со следа погоню. Оставалось только двигаться вперед, так был хоть маленький шанс выбраться живым.

Хок проверил спрятанный за пазухой сверток. Цел. Будь это драгоценные камни — давно бы бросил. Сокровища не стоят того, чтобы за них отдавать жизнь. Самоцветы можно раздобыть и в другом месте, с меньшим риском, а вот похищенные им знания не найти нигде. Они стоили в тысячу раз дороже любых богатств. Трое друзей отдали жизни, чтобы он вынес рукописи из подземелья. И Хок не имел права сдать, подвести погибших.

Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвет грудь. Воздуха не хватало. Пот заливал глаза. Но нельзя остановиться даже на мгновение! Проклятые ассашы уже спустили своих тварей с поводка! Пленные им не нужны. До сих пор делалось дурно от воспоминания, как сгусток тьмы накрыл и с мерзким чавканьем пожрал Рэба. Даже костей не осталось.

Рука затекла, но Хок продолжал вести ладонь по холодной влажной стене на уровне плеча, отыскивая метки. Через каждые полсотни шагов от тепла кожи на кладке тускло загоралось желтое пятно. Светящуюся краску нанес Шед, чтобы не затеряться впотьмах в лабиринте коридоров. Воспользоваться факелами они не могли. Свет сразу выдал бы их присутствие. «Следуй строго по левой стороне туннеля», — были последние слова друга... перед тем, как заклинание ассашей сковало его каменным панцирем, сделав ничем не отличимым от горных глыб. И вор, помня о наставлении, боялся оторвать руку от стены и отойти в сторону даже на шаг. Предсмертные крики весельчака Нода, провалившегося в дыру всего в пяти шагах от них, до сих пор звучали в голове.

Тихий шелест за спиной заставил похолодеть. Они близко! Оглядываться было страшно и бессмысленно — в темноте все равно ничего не разглядеть. Но Хок оглянулся. Это его и спасло. Он не увидел тварь. Ощутил. В лицо, будто пригоршню снега кинули. Рука нырнула в мешочек на поясе, выхватила щепоть порошка и метнула через плечо. Тварь взвыла, и охватившие тело ледяные путы соскользнули, содрав кожу на левой ноге.

Не зря все же в Даржиладе отдал за колдовской порошок целое состояние!

Хок, прихрамывая, припустил в сторону выхода. Тварь отстала. Но он не питал надежды, что угроза миновала. И точно. Вскоре раздалась шаги. Неторопливые. Размеренные. Они отдавались в голове падающими в золотую чашу каплями. И приближались. Это было странно.

Звук шагов становился громче.

Вот он раздался в пройденном только что вором туннеле. Вот за поворотом.

Не уйти!

Хок нырнул в ближайшую нишу, чуть не вскрикнул, наткнувшись на кого-то во мраке. Кто бы там не прятался, нападать неизвестный не спешил. Вор лихорадочно ощупал молчаливого владельца убежища. Содрогнулся. Мертвец. Высохший, точно мумия. Неужели его ждет такая же участь? Зажав ладонью рот, затаился.

«Отдай! Не твое!» — прошелестел сквозняк.

По ногам потекла моча. В ледяном подземелье она казалась обжигающей. Но стыд отступил перед страхом. Шаги замерли напротив ниши, где укрылся Хок.

«Что будешь делать с украденными рукописям, тварь?»

Близость чужака ввергала в трепет. Ощущаемая даже сквозь толстую стену сила подавляла волю и оплетая разум. Чужие, навязчивые мысли завладели сознанием. Невидимая рука проникла в нутро и плела из кишечков удавку, на которой собиралась вздернуть Хока. От невыносимой головной боли и тошноты вор сполз на пол, скрючился, сжимая виски ладонями. Каким-то необъяснимым образом он знал, что незнакомец видит его залитое слезами лицо, чувствует страх. И наслаждается этим, будто любимым лакомством. Но самое ужасное, что Хок тоже видел лицо ассаша... или то, что было вместо него. Черный провал... затягивающий крутящейся воронкой в другой мир, с другим небом и звездами, горами и реками, городами и странными животными.

Вор обмочился во второй раз. Это было не небо со звездами, не горы с реками и города с животными. По ту сторону провала находилась бескрайняя бездна со светлячками — душами умерших людей, засыпанными пеплом руинами, пирамидами из костей и порожденными человеческой злобой, завистью и подлостью вечно голодными сущностями. Наверное, он мертв, если очутился за гранью. Но прозвучавший в голове голос вернул вора в реальность не менее страшную, чем он видел мгновение назад.

«Что будешь делать с украденными знаниями, тварь? Продашь, воспользуешься сам? Думаешь, что знаешь, какова их сила. Но даже представить не можешь, насколько ошибаешься. Они в тысячу раз опаснее. Не каждое знание — благо, не с каждым можно совладать. Уверен, что непустишь в мир людей ненасытное чудовище? Уверен, что им под силу груз этих знаний, и он не раздавит их, как сапог яичную скорлупу? Не уверен. Но жаждешь власти. Что ж, ты сам отдал себя и мир в руки чужеродной силы. Пожинай плоды. Спасения не будет».

Некто вроде только что стоял возле ниши, и вдруг шаги зазвучали уже в соседнем туннеле. Сгибаясь от жгучей боли в животе, Хок заспешил к выходу. Больше его никто не преследовал.

Вор выбрался на склон горы, развел костер. Прошло совсем немного времени, и из-за островов выплыл дракк...

Мальчик перевернул страницу.

До конца истории оставался десяток листов, и это расстраивало. Дядя должен вернуться со дня на день и привезти два-три драгоценных тома, что станут новой жизнью для калеки, но всякий раз, закрывая книгу, мальчик испытывал сожаление. Мало кто из сидящих в ярко освещенном зале таверны понимал истинную ценность фолиантов! Эти люди могли в любой момент сорваться с насиженных мест и рвануть навстречу приключениям, окунуться в романтику странствий... но предпочитали торчать дома.

Ард видел весь зал как на ладони.

Уплетающие кашу с салом углежоги, охотники, ремесленники и пахари представлялись юнцу замшелыми камнями, вросшими в землю. Мысль о том, чтобы покинуть родные края, казалась им крамольной, книги считали блажью, а тех, кто платил за бумагу серебром, называли не иначе как дураками и транжирами.

Шумящие в уголке купцы — иное дело. Много повидали, пережили. Они смотрят на работяг со снисходительными улыбками, ценят чужой талант и знания о мире.

На другом конце зала бражничали наемники. Грозные и злые. Топоров и ножей при них нет, поскольку отец Арда, Ландмир, принимал в таверне только безоружных. Буянов и драчунов ждали обмотанные сыромятной кожей дубины.

— Вэля! — позвал Ард. — Помоги, пожалуйста.

К нему подошла юркая служанка. Веснушчатый нос, платье из мягкой шерсти, в глазах веселые искорки.

— Притомился? — она озорно взъерошила ему волосы.

Мальчишка кивнул, потер лоб. Слишком увлекся чтением и теперь расплачивался болью. Но это — ничтожная плата за дни и ночи удовольствия, за драгоценные часы, когда чувствовал себя по-настоящему живым, а не парализованным мешком с костями.

Зная, как молодой хозяин дорожит книгами, девушка обтерла фартуком руки, бережно взяла фолиант, завернула в холстину.

— Пард тебя заберет. Я отнесу книгу, — сказала она и легко взбежала по лестнице на второй этаж.

Вначале Ард воспринимал заботу как жалость, огрызался на ласку и даже плакал, прячась ото всех в своей комнате. Но с годами заметил, что почтительное отношение и любовь к нему искренне и не связаны с тем, что он калека и хозяйский сын. И тогда Ард потянулся навстречу людям, с удивлением обнаружив, как легко удастся ему ладить с самыми ершистыми посетителями и работниками таверны, вроде конюха Шаста или властной кухарки Пэг, что орудовала большой ложкой, точно дубинкой. По просьбе отца плотник Варт смастерил кресло с крепёжными ремнями, удобной спинкой, откидной подставкой под книги и колесиками, чтобы Ард мог присутствовать в общем зале, читать или слушать истории путешественников и песни менестрелей.

С тех пор жизнь мальчика изменилась. Он познавал мир, сидя у камина.

Пард, старший из трех вышибал, обходя столы и носившихся с подносами служанок, подошел к мальчишке.

— Как дела, коротышка?

— Скверно. Книга заканчивается, а дяди все нет.

— Ох и охоч ты до чтения! — усмехнулся здоровяк. — Этакпустишь отца по миру! Книжки — удовольствие не дешевое.

Вдруг хлопнула дверь, и в трактир вошел незнакомец. Из-за широкой спины Парда мальчику удалось разглядеть длинный плащ и посох. Внутри у калеки все сжалось. Руки впились в подлокотники кресла. Опять! Но Пард отклонился, и мальчик облегченно выдохнул — обычный путник. Не вещун, не пророк, не колдун.

После несчастья, которое случилось с ним и матерью, эти люди пугали его. Отец запретил пускать в трактир кого-либо из этой братии, пусть тот даже помирал у порога. И прислуга, помня о постигшем хозяйскую семью несчастье, следовала приказу беспрекословно.

Только однажды охранники замешкались, проглядели, как в таверну зашел мужчина неприглядного вида. Но едва тот скинул капюшон, все заметили вживленный в правую глазницу аметист. Лицо провидца было морщинистым, усталым и спокойным. Ард задрожал. Дыхание застыло в груди.

Давняя история всплыла в памяти, лишив сил. Он закричал, забился, выгибаясь, в кресле. В трактире наступила тишина. Побледневший отец выскочил из-за стойки с ножом в руках, заорал на опешившего путника:

— Вон! Вон, сучье племя! Прочь из моего дома!

Провидец промолчал на грубость. Взглянул на Арда и направился к двери. Но у порога обернулся и сказал:

— Я бы преклонился перед тобой в восхищении, не удерживай меня желание придушить тебя.

Переступил порог и скрылся в ночи...

— Ард, — отцовский голос выдернул калеку из мыслей о прошлом. — Пэг приготовила твой любимый пирог с мясом и сыром. Ешь — и ложись спать. Уже поздно.

Мальчика разбудили громкие голоса, ржание лошадей, топот и хлопанье дверьми. В окно глядела полная луна, заливая комнату бледным серебром.

В коридоре слышались спешные шаги. Распахнулась дверь, на пороге появился Пард со свечой. За пояс у здоровяка был заткнут топор.

— Мелкий, просыпайся! — пробасил он. — Скорее!

Охранник поставил свечу на стол, сгреб в охапку ребенка и кинулся прочь из комнаты.

— Что ты творишь? — сдавленно просипел Ард.

— Эту ночь тебе лучше провести в городе, — пробурчал здоровяк, сбегая по лестнице в зал. — Лошади запряжены. Поедешь на телеге вместе с девками.

Внизу толпились люди. Многие — при оружии. Наемники.

Отец что-то яростно высказывал Элдмаиру, одежда торговца была залита кровью и вымазана в грязи.

— Дядя! — воскликнул встревожено Ард. — Что случилось?

На мальчишку никто не обратил внимания. Пард вынес его на улицу, побежал к конюшне...

— Йа-а-а! — крик разрезал ночной воздух. — Йа-а-а!

Из мрака на дороге вынырнули всадники. Человек десять. Лица скрывали кожаные маски, волосы были собраны на затылках в хвосты.

Кочевники Гуурна! Ард читал про них и несколько раз видел в трактире, когда те пригоняли на ярмарки лошадей. Но мирные гуурны не надевали масок!

Свист огласил окрестности. Защелкали кнуты. На лезвиях топоров заиграл лунный свет.

Телега рванула с места, не дожидаясь хозяйского сына. Конюх Шаст, нахлестывая лошадей, погнал ее в сторону города. Следом поскакал один из всадников, размахивая топором и дико визжа.

Пард юркнул за угол дома, прижался спиной к бревенчатой стене. Ругнулся:

— Догонит, сучий потрох.

— Чего им нужно?

— Тихо, малыш, — охранник прислонил палец к губам, — они могли нас не заметить в темноте... За девок не бойся. Там Горд с самострелом.

Тем временем один из кочевников, с длинной седой косой, повесил на луку седла кнут и спрыгнул на землю. Косолапо направился к двери. Остановился. Помочился на ступени.

— Йа-а-а! — крикнул во всю глотку. — Жрец Туин хочет говорить с хозяином деревянной юрты!

Ландмир вышел на крыльцо. За его спиной маячили Мурд и незнакомый Арду чернобородый мужчина. Отец сложил руки на груди.

— Снимешь маску — поговорим.

— В твоей юрте то, что принадлежит нашему богу Хорасу, — ответил гуурн. — Отдай.

И мы снимем маски. Никто не умрет.

— В моей таверне нет ничего, что принадлежит вам, — спокойно сказал трактирщик.

— Лжец! — процедил Туин. — Отдай светловолосую. Она не для тебя.

— Не отдам.

— Забрызгаем кровью юрту...

— Только если своей, — усмехнулся Ландмир. — Три лука и два самострела повышибают вас из седел раньше, чем почесаться успеете. Уходите.

— Макама! — крикнул Туин, обернувшись к спутникам. — Х'орд макама!

Воины спрятали оружие, но маски снимать не спешили.

— Предлагаю бой, — сказал кочевник. — Ты и я. Кто одолеет — заберет беловолосую.

— Я не воин, — развел руками трактирщик. — Много чести жрецу — а ты ведь жрец? — зарезать неумелого торгаша?

— Нет чести.

— Про то и говорю. Могу предложить замену.

— Туину все равно с кем биться. Веди свою овцу на заклание, а потом погоню кнутом беловолосую до пещеры Хораса.

По ступенькам сошел чернобородый незнакомец. В руках он держал туго свернутую козью шкуру.

— Меч, — прошептал Ард, заметив крестообразную рукоять, торчавшую из свертка. — Настоящий меч...

— Замолкни! — шикнул Пард.

Туин отбросил кнут, взял у соратников пару топоров. Развел руки в стороны и засвистел так пронзительно, что Ард скривился.

Чернобородый развернул шкуру. На короткой полоске железа заиграли огненные блики от факелов. Мечи стоили дорого. Ковали их слуги самых воинственных богов в далеких горных поселениях и продавали такое оружие неохотно.

Воин обернул предплечье плащом. Выставил клинок перед собой, чуть наклонился. Пошел по дуге, быстро перебирая ногами и путая противника. Туин сделал короткий шаг и метнул топор. Оружие врубилось в стену трактира — чернобородого и след простыл.

Воин Ландмира взмахнул плащом, ударил. Снова взмахнул, уколол. Низкорослый Туин умело уходил от атак, пытался сбить с ритма чернобородого, метил в ноги. Воины кружили, обмениваясь выпадами, но никак не могли достать друг друга. Топор и меч ни разу не соприкоснулись.

Мечник увернулся от лезвия, раскрутил и швырнул плащ в лицо противнику.

Туин отмахнулся... и прозевал укол в бедро.

Жрец Хораса потерял равновесие. Получил рукоятью по лицу. Еще один удар — по руке с оружием.

Взмах. Укол.

Железная полоса вошла в живот Туину.

Не теряя ритма, воин Ландмира освободил клинок и, завершая полукруг, снес противнику голову.

В трактире раздался победный клич. Чернобородый накрыл убитого жреца плащом. Вытер клинок, завернул в шкуру и поднялся по лестнице.

— Забирайте тело и уезжайте, — сказал Ландмир.

— Вар'ор!Эн'аарку! — прокричал один из гуурнов. — Не радуйся долго! Беловолосая

вернется в племя! Еще свидимся.

Послышался стук копыт. Это прискакал конь кочевника, отправившегося в погоню за телегой. Тело всадника влачилося по земле, нога запуталась в стремени, из груди торчала стрела без оперенья.

— Свидимся, — холодно проговорил Ландмир.

Жители степей Гуурна забрали мертвецов и скрылись в клубах пыли.

— Идем, — Пард поднял мальчишку. — Думаю, отец обрадуется, что ты не укатил в город.

В трактире было жарко. И от растопленного камина, и от висевшего в зале напряжения. Ландмир метал гром и молнии, нависнув над сидевшим на лавке братом.

— Безумец! О чем ты думал, когда решил отнять у бога жертву и притащить сюда? Какой демон нашептал тебе? — Элдмаир угрюмо молчал, прижимая к ране на правом боку полотенце, но глаза горели бунтарским огнем. — Ты хоть понимаешь, что натворил, в какую передрыгу нас втянул?

— Да понял я, понял. Хватит разоряться! — не выдержал Элдмаир. — Мы отбились. Все обошлось. Кочевники убрались восвояси. Может, пошлешь уже за лекарем?

— А если они вернутся? И спящим нам глотки перережут? — не унимался отец Арда.

— Выставим охрану. Вернутся — опять получают по носу, — Элдмаир поморщился, зашипел от боли. — Пойми, не мог я поступить иначе: бросить беззащитную девчонку на растерзание!

Только тут Ард заметил на столе возле камина расстеленную шкуру, а на ней бесчувственную, одетую в лохмотья девушку. Запястья и лодыжки степнячки были изуродованы ожогами. Предплечья, бедра и шея — в порезах. Кожу усеивали синяки и ссадины. Светлые волосы сбились в грязный колтун.

— Она — жертва богу Хорасу. Тебя не касается ее судьба. Кто ты такой, чтобы бросать вызов богам? Когда научишься, наконец, думать головой, а не только слушать сердце? — продолжал бушевать отец.

— А когда ты стал таким бездушным?! — вспыхнул дядя.

— Когда из-за доброты лишился жены и чуть не потерял сына, — Ландмир опустил на лавку рядом с братом, запустил пальцы в волосы. — Ты о жене своей, что на сносях, подумал, когда геройствовал? Об Арде? А, — махнул рукой, — что теперь говорить. Навлек беду. Думай, как расхлебывать.

— Два дня. Я прошу всего два дня. Пусть она побудет у тебя, пока я не подберу подходящий дом, куда девчонку примут служанкой. А для безопасности своих людей оставлю. Отобьемся. Двое убитых пыл кочевникам поубавили, — Элдмаира похлопал брата по плечу.

Трактирщик поднял голову, рыкнул уже на слуг:

— Чего встали, рты раззявили? Гара, быстро за лекарем! Мурд, отнеси девчонку наверх, в дальнюю комнату. Вэля, готовь тряпки и теплую воду! Гостью обмыть нужно, грязно больно. Да и кровь на полах затрите. Засохнет — не отскоблишь, — заметив невредимого сына на руках Парда, облегченно выдохнул, потом нахмурил брови. — Почему Ард до сих пор не в своей комнате? Ему незачем все это видеть.

Слуги сразу забегали, засуетились, выполняя приказы хозяина. А мальчик, пока охранник нес его в комнату, услышал, как отец наказал дяде носа не высовывать из дома: ни самому, ни жене.

За всем переполохом Ард напрочь забыл спросить у Элдмаира про новые книги. Появление дяди с раненой девушкой в доме, нападение степняков, бой — это походило на приключения, про которые ему нравилось читать! Мальчик был взволнован, вопросы переполняли его, хотелось поговорить с отцом. Но Ландмиру сейчас было не до того, а Пард и Веля отделялись молчанием.

Под впечатлением от случившегося Ард долго не мог заснуть. Да и шарканье слуг, сновавших мимо комнаты по коридору, не способствовало сну. Утомонились все далеко за полночь.

Ухватившись за железную ручку, вмонтированную в стену рядом с кроватью, мальчик приподнялся и выглянул в окно. У ворот прохаживались трое сторожей с луками. Четвертый охранял крыльцо. У его ног сидели два огромных пса, спущенных на ночь с цепей. Эти собачки точно в дом никого чужого не пропустят. Ростом с барашка и натасканные для охраны, они отличались верностью хозяину и злобой к желающим ему навредить. Можно спать спокойно и ничего не бояться.

Ард улегся поудобнее и только смежил веки, как за стеной раздался вопль. «Гуурны вернулись!» Но дом пребывал в тишине и спокойствии, не раздавались звуки борьбы, звон оружия и стоны раненых. Наверное, чужачке просто приснился страшный сон. Его прежде тоже мучили кошмары: разукрашенное лицо старой ведуны, костлявые пальцы, принимающие хлеб, точно сплюнутые несколько слов, судорожный мамин вздох и вмиг застланные смертью глаза...

Со временем сны поблекли. Стали приходить реже.

Где же служанки? Почему не успокоят девушку, не напоят сонным зельем? Ард перевернулся на другой бок, попытался заснуть, но доносившиеся причитания гнали сон. Подтянув к кровати кресло на колесах, мальчик перебрался в него и выкатился в коридор.

Всхлипы перешли в стоны.

Ард подъехал к дальней комнате, осторожно приотворил дверь. Кочевница металась в бреду. Выгибалась, трясла головой, лопотала на своем языке.

Куда все подевались?

Он перекатил кресло через порог, приблизился к кровати. Заметив сползшую с головы степнячки тряпицу, поднял, обмакнул в чашку с водой, потянулся положить обратно на лоб.

Неожиданно девушка вскинулась с подушки, вцепилась пальцами в его руку. Сильно коверкая слова, прошептала:

— Помоги мне.

И Ард увидел в обезумевших глазах, как встает солнце, и на его фоне появляется огромный всадник. Словно гора выплывал из-за горизонта. Конь под ним был сер, будто предгрозовое небо, сам наездник, одетый во все серое, величаво поигрывал кнутом. Плащ пыльным облаком развевался за спиной, заплетенные в косицы волосы походили на змей, ласкавших плечи великана. Копыта жеребца звонко цокали по сухой потрескавшейся почве, давно не знавшей дождя. К луке седла привязан аркан, петлей обхватывающий шею девушки, волочившейся по земле. На пленнице не осталось живого места. Степь не пожалела ни красоты, ни молодости, превратив тело в сплошную рану. Но девушка была еще жива. Искорка жизни пробивалась сквозь предсмертную отрешенность и покорность судьбе.

Всадник дотащил жертву до выстроенных кругом белых камней в виде голов чудовищ. И там...

Ард вскрикнул от ужаса, отшатнулся, вырывая руку из цепких пальцев степнячки, едва

не кувыркнулся с креслом на пол. От падения удержал только стол, за который мальчик успел ухватиться. Девушка безвольно рухнула на подушку и как-то странно притихла, словно умерла. После того, что он увидел в глазах несчастной, ее неподвижная поза и не вздымающаяся от дыхания грудь отняли последние капли храбрости.

Не мешкая, Ард выкатился из комнаты, направился к себе. Уже закрывая дверь, увидел, как по лестнице поднималась служанка Реда.

Сердце в груди мальчика готово было выпрыгнуть наружу. Пальцы дрожали, по спине скатывались ледяные капельки пота. Ард не мог успокоиться. Бог Хорас. Вот что он делал со своими жертвами. Волна содрогания прокатилась по телу.

Перед глазами продолжала стоять картина, как голова коня склоняется к полумертвой девушке и зубы впиваются в кровоточащую плоть.

Челнок пробирался по реке в сером мареве зачинающегося рассвета. В лодке сидели двое: напоминающая галчонка черноволосая девочка и мальчик, не многим старше спутницы. Похожие черты лица: одинаковый разрез темных глаз и высокие скулы подчеркивали их родство, а перехватывающие волосы плетеные ленты из кожи — о принадлежности к лесному племени. Одетые в холщевые рубахи и меховые безрукавки, дети не замечали ни прохлады утреннего ветерка, ни идущей от воды свежести. Взоры маленьких путников были прикованы к реке.

— Ну, где твой Радужный мост? — В нетерпении поерзала на скамье девочка.

— Скоро, — буркнул гребущий с сосредоточенным видом мальчик. Сестренка сморщила носик от надоевшего ответа, надула губы. — Карагач говорил, надо плыть по течению. Река сама приведет к мосту, если на то будет воля Соарт. Вот и жди, — смилостивившись, пояснил брат. Повел натруженными плечами, морщась от липнувшей к спине рубахи, откинул упавшую на лоб непослушную прядь. Весла вновь заработали в его ладонях, бесшумно опускаясь и выныривая из реки.

Девочка нахохлилась, точно воробей, подобрала под себя ноги. Окинув взглядом поросшие соснами пологие берега, проговорила негромко: — Красиво тут. Только тихо. Даже птиц не слышно.

— Владения Спящих, — ответил брат, отпихнув проплывающую мимо корягу. — Здесь держи ухо востро, всякое может случиться. Ирхан — река норовистая, колдовская, любит народ морочить.

Девочка подраживая, скорчила потешную рожицу.

— Мне все равно не страшно, напрасно стараешься, Ильгар.

— Хотел бы напугать, отвез бы на Плачущие топи. Вот где жуть. Дядька Ясен оттуда седым вернулся и не в себе.

Сестренка хихикнула в ладошку:

— Ты такой смешной, когда говоришь как волхв!

— По сторонам смотри, Ная, и не трещи сорокой, тут тишину блюсти надо. Место святое. Нечего духов тревожить пустой болтовней, — одернул ее Ильгар.

Малышка притихла, заозиралась. Стелющийся по воде утренний туман напоминал призрачных речных дев, охотниц преследовать челны с путниками. Ная боязливо вскинула опущенную в ласковые волны руку, прижала к груди. Еще сдернут с лодки, утянут в глубину! Брат прав — здесь зевать нельзя. Недаром Ирхан называли в народе Коварный или Колдун.

У великой матери-реки Елги, что брала начало высоко в Зеркальных горах и бурным своенравным потоком устремлялась через ущелья и пороги в долину, было пять сыновей. Пять притоков, в которых Елга растворялась, как мать в своих детях, разделив между ними любовь и принесенные с ледников воды. И как сыновья, они разнились характером и жизненным путем. Айкан — Строптивый, левый приток, делал петлю и опоясывал предгорье. Кархи — Ветреный, нес шаловливые воды через равнины, меняя раз в пятнадцать лет устье. Араз — Непокорный, правый приток, протекал через пустыню Гайтчи. Нарью — Ласковый, словно раздав беспокойный нрав братьям, неторопливо пролагал путь среди пологих холмов к морскому побережью, радуя речные народы спокойными водами. Но самым непредсказуемым и опасным притоком Елги считался Ирхан. Он точно ножом

разрезая лесные чащобы, чтобы излиться в лоно озера Спящих или привести к Плачущим топям, если путники ему чем-то не угодили или Соарты не желали видеть гостей. Как Ирхан попадал в топи, находящиеся в противоположной стороне от озера Спящих, оставалось для всех загадкой. Каждый раз, при новом прохождении реки, очертания и пейзаж берегов неизменно менялись, и понять, где сейчас находишься, было нельзя.

Сидеть в молчании Нае быстро наскучило и, набравшись смелости, девочка спросила:

— Карагача не насторожили твои вопросы?

— Я хитрил как лис, к тому же он выпил сока чакурицы и вряд ли вспомнит наш разговор утром, — ухмыльнулся Ильгар. — Но если нас хватится дед или Соарты откажут в истине и расскажут волхву — нам крепко попадет.

— Вздор, — передернула плечиками сестра. — Дед уверен, что мы рыбачим. А Соарты... Ты смекалистый — придумаешь, как уговорить их предсказать нам будущее.

— Далось тебе пророчество! — с недовольством пробурчал мальчик. — Подождать не могла, когда двенадцать весен встретишь? Карагач сам привез бы тебя с ровесниками к Спящим. Тогда бы и узнала о судьбе.

— Тебе хорошо говорить — один год остался до посвящения. А мне... — Она негодуя выставила вперед три пальца. — Какая разница — сейчас или потом я все о себе узнаю? Леорта говорила, Соарты не похожи на нас. Я хочу проверить.

— Боги и не могут походить на людей. Ты бы еще ляпнула, что они шкуры должны выделывать и похлебку варить, как наши женщины.

— Тихо! — насторожилась Ная. — Что это за шум?

Привстала со скамьи, вытянула шею. Ильгар обернулся, прислушался. Тут же налег с силой на весла.

— Сядь и крепко держись за борта, — велел, направляя лодку к берегу.

Но их затянуло в стремнину и неумолимо повлекло к середине реки. Непонятный шум приближался, перерастая в пугающий грохот.

— Что там? — дрогнул голос Наи.

— Пороги. Нам их не пройти. Если не сумеем причалить к берегу...

— Поздно... Убери весла, сломаешь! — В лице девочки не осталось ни кровинки. Впереди, вокруг огромных валунов, бурлила вода.

— Соарты, спасите нас, — прошептал Ильгар, сжимая оберег на груди — кусочек дерева предков. Он сунул одно весло под скамейку, другое приготовил, чтобы отталкиваться от камней.

— Мост! — выкинула вперед руку Ная, указывая на разноцветную дугу, повисшую над бурлящим потоком. — Не обманул волхв!

Через миг их лодка подпрыгнула и ухнула вниз, завивая меж валунами, как рыба кутунец. Весло, не выдержав и трех ударов, разломилось пополам и затерялось в пенящихся бурунах. Ильгар потянулся взять второе, но лодку неистово швыряло на порогах, и оставалось только со всей силы вцепиться в борта, чтобы не вывалиться при очередном столкновении с камнями. Промокшие с головы до ног, дети не могли разглядеть ничего вокруг. Вода обрушивалась на них стеной брызг, заливала глаза и рты. Грохот реки заглушал слова. Но, когда Ирхан внезапно нырнул в пропасть, одновременный крик брата с сестрой прорезал шум водопада.

Они должны были разбиться, выпасть из лодки и утонуть, наглотавшись воды. Их могло раздавить падающей с высоты рекой. Но, точно поддерживаемый твердой, бережной рукой,

челнок пролетел по воздуху и упал в пенящиеся воды каменной чаши. Течение закружило, увлекло лодку в черный зев пещеры старой полуобвалившейся скалы, потянуло дальше вглубь туннеля. Свет постепенно угас за спинами притихших детей, и они очутились в полной темноте: беззащитные, незрячие, как народившиеся котята, и хорошо помнящие рассказы старухи Вейлы, какие жуткие твари водятся во тьме. Ильгар придвинулся к сестре, обнял за плечи.

— Ничего не бойся. Я никому не дам тебя обидеть.

— Я и не боюсь, — прошептала Ная, прижимаясь крепче к брату. — Ты со мной. А двое — не один.

— Правильно, ящерка. Двое — не один. Смотри, впереди свет пробивается, — Ильгар достал весло и стал править к поблескивающему лучику. Вскоре полоса света расширилась, и лодку вынесло течением из темноты в озеро Спящих.

— Мы нашли это место, нашли! — радостно воскликнула Ная.

— Или оно нас, — не разделил восторга брат.

Озеро напоминало одну из сказок старой Вейлы. Время будто застыло здесь, погрузив маленький кусочек мира на долгие тысячелетия в сон. Царившее на озере безмолвие оглушало. Ни ветерка, ни всплеска — словно жизнь навсегда покинула эти места. А проглядывающие сквозь марево тумана покрытые мхом и занавесями паутины деревья казались не настоящими, выточенными из дымчатых камней. Но именно тут жизнь брала свое начало, на небольшом окаймленном скалами острове посреди озера, где необъятных размеров ивы сплелись верхушками и ветвями в зеленый шатер, а корни спускались лесенкой к темной, мерцающей серебром воде.

Сердце Соарт.

По легенде Спящие создали племя мархов из желудей, передав им через соки дерева силу, долголетие и крепость дуба. А также чувство единства с окружающим миром. «Твоя боль — моя боль, — принято говорить у них в племени. — За твою кровь, я пролью свою кровь».

И проливали. Прокалывали ножом пальцы после удачной охоты, оставляли порезы на предплечьях после битвы с врагами. Чем больше пролито крови, тем глубже наносилась рана. Тем заметнее шрам. Чтобы помнить: «Ничто не приходит и не уходит из этого мира просто так, за все есть цена. И взятая тобою чужая жизнь окуплена твоей кровью».

Ильгар подплыл к острову. Ная первая выпрыгнула из лодки, поднялась по ступеням-корням. Она всегда была торопыгой, рвущейся навстречу опасностям, даже когда страшно. Мимолетная тень робости отразилась на ее лице и тут же сменилась решительностью и любопытством. Мальчик последовал за сестрой. Поздно пасовать. Что сделано, то сделано. К чему теперь переживать, что без ведома волхва им здесь находиться нельзя.

Ная распахнула занавес ивовых ветвей, закрывающих вход в шатер, перешагнула через толстый корень-порог. Ильгар придержал ее, вышел вперед, загородив сестру. Уважительно преклонил колена. Девочка склонилась следом.

— Приветствуем Вас... — начали дети в два голоса, коснувшись руками земли.

— Уходите! — прервал их властный голос.

На сиденьях из перевитых ивовых прутьев восседали три Соарты. Высокие, величественные, похожие, как близнецы. И в то же время отличающиеся друг от друга цветом волос и глаз, которым соответствовало и одеяние из множества слоев легкой, как паутинка, ткани. Одна из Спящих была в зеленом наряде, другая — в голубом, третья — в

огненном. Три цвета — три начала сотворения мира. Божества столь же напоминали людей, сколь и отличались от них. Вытянутые головы, раскосые глаза, в которых отражалась мудрость тысячелетий и... что-то большее, пугающее, непонятное, чего лучше не знать и даже не касаться его тени. От Спящих исходили властность отца и нежная любовь матери, а еще было ощущение, что они знают о тебе больше, чем ты сам.

Помолчав мгновение, Ильгар ответил прямым взглядом на неприветливые слова Соарт.

— У нас в племени считается невежливым гнать тех, кого позвали сами. Ирхан не принес бы нас к вам, не желай вы того. Мы не уйдем!

На лицах Спящих промелькнуло непонятное выражение: то ли одобрения, то ли недовольства.

— Уходите! Вы явились без даров, — произнесло божество в зеленом одеянии.

— У нас в племени считается оскорблением дарить хозяевам то, что и так принадлежит им. Вы — владыки мира. И в дар мы можем вручить только верность и признательность. Мы не уйдем!

Соарты переглянулись.

— Уходите! Вы пришли раньше дозволенного срока. Вам нет двенадцати, — грозно отрезало божество в огненном наряде.

— У нас в племени не обращают внимания на возраст гостя, когда ему нужен совет или помощь. Судьба дается с рождением. Значит, мы давно идем по предначертанному пути. И правда уже не изменит прошлое и не вернет нас в лоно матери. Мы не уйдем!

Спящие усмехнулись.

— У тебя острый ум, мальчик, — промолвила одна.

— И столь же острый язык, — добавила другая.

— Его следовало бы укоротить, — добавила третья. — Если бы кто-то не научил тебя, как правильно отвечать нам.

Они перевели взгляд на Наю.

— А ты что скажешь, девочка? Или уже кто-то укоротил твой язычок?

— Мы не уйдем, — произнесла громко Ная, вдохновленная смелостью брата. — Нам нужно предсказание.

— Тебе не говорили, что знания порой опасны и горьки? — наклонилась вперед Спящая в голубом. — Все хотят услышать о своем славном будущем, и никто не спросит, а есть ли оно у него вообще? Ты по-прежнему будешь тверда в желании знать предначертанное, если скажу, что твой брат, — она ткнула пальцем в сторону Ильгара, — завтра станет предателем, а ты умрешь?

Ная, закусив губу, смотрела на Соарт исподлобья. У тех на лицах заиграла снисходительная улыбка.

— Вот видишь, малышка, порой лучше жить в неведении.

Девочка тряхнула упрямо головой.

— Я не из тех, кто бежит от судьбы. Если предначертанное мне не понравится — изменю его. Не будет этого дано — подготовлюсь заранее. А там поглядим — так ли неизбежное неизбежно.

Ответ вызвал смех у Соарт.

— Малышка достойна брата. Умна не по годам. Хорошо, — Спящие поднялись с тронов. — На просьбу было трижды отвечено отказом, но вы настояли на своем. Мы откроем будущее. И живите потом с этим знанием, как позволит совесть и мужество. Дайте какую-

нибудь ценную для вас вещь.

Ная сняла с шеи подаренное братом ожерелье, вырезанное из кости медведя. Ильгар, поколебавшись, снял с пальца железное кольцо — память о погибшем на охоте отце. Спящая в зеленом, сжав вещи в кулаках, прижала руки к груди и прикрыла глаза. Она просидела так довольно долго. Дети начали уже переминаться с ноги на ногу в нетерпении, когда Соарта открыла глаза. Их заволокла изумрудная пелена. Божество положило кольцо с ожерельем на колени, длинные тонкие пальцы извлекли из широкого рукава свирель. Спящая поднесла ее к губам, и мальчик с девочкой онемели, пораженные музыкой, разнесшейся над озером. Ничего подобного им не приходилось слышать. В ней звучала боль и горечь, шум битв и радость побед, плач смерти и неизбежность.

Колдовство музыки скрепляло колдовство танца, в котором кружилась Спящая в огненном. Ее одежды развевались, словно языки пламени, каждое движение в точности передавало наполнявшие мелодию чувства. Ильгар с Наей забыли обо всем на свете. Музыка с танцем увлекали их все сильнее, затягивали все глубже, разрывая связь с реальностью. А возникающие в воздухе картины, созданные из тумана Соарты в голубом, наполняли сердца детей трепетом и восторгом. Они видели краткие мгновения своего будущего, были там, ненавидели и любили, хоронили друзей и мстили за них врагам, получали предательский удар в спину от тех, кому верили, как себе и приносили смерть тем, кто был им дорог.

Брат с сестрой не сразу пришли в себя и поняли, что музыка давно оборвалась, танец закончен, а картины развеялись в воздухе. В памяти остались лишь смутные воспоминания, краткие всполохи свершения чего-то великого и ужасного, о чем лучше не говорить.

— Вы видели будущее, — сказала богиня в голубом облачении. — Идите и попробуйте жить с этим знанием. Измените судьбу, если сумеете.

Дети поклонились, в молчании вышли из шатра. Грядущее уже не казалось им загадочным и радостным. Оно несло одиночество и смерть. От пророчества стало зябко. В поисках тепла и защиты Ная потянулась взять брата за руку. Ухающий птичий крик разнесся над головой, захлопали громко крылья. Детей обдало потоком воздуха, и между ними, словно отсекая друг от друга, опустилось, кружа, большое перо филина.

Утром Ард с удивлением узнал, что степнячка жива. Она не поднималась с постели, но, по словам лекаря, чувствовала себя неплохо. Пару дней — и встанет на ноги.

После той ночи мальчик не приближался к ее комнате. Впрочем, нужды в том не было. Чужачка больше не кричала, не скулила. Будто, заглянув в разум девушки, он избавил ее от кошмаров.

Айла, так звали степнячку, спустилась в общий зал в полдень следующего дня, когда служанки подготавливали трактир к приему посетителей. Подошла к Гаре, отскребающей жир со столешниц, забрала у нее щетку.

— Я помогу.

И принялась усердно за работу.

Девушка мало походила на ту грязную израненную кочевницу, которую привез дядя. Принаряженная в платье, подаренное женой Элдмаира, с вымытыми и расчесанными волосами гуурнка ничем не отличалась от других служанок, разве только взгляд оставался затравленным, словно ждала постоянно удара в спину.

Смешливая Вэля пыталась разговорить кочевницу, но та лишь кивала на все вопросы.

Ард, расположившись в зале с книгой, тайком наблюдал за Айлой. Слишком много связано с ней необычного: появление в трактире, жуткое видение, которым поделилась с ним, и не типичные для степняков светлые волосы.

Мальчик не пытался заговорить с новой служанкой и держался отчужденно, но порой ловил на себе ее странные взгляды.

Через пару недель кочевница освоилась, оттаяла от доброго отношения работников, и Ард впервые увидел улыбку на ее лице. Улыбалась она замечательно. И щебетала на родном языке забавно, точно птичка. Девушка шустро сновала между столиками, разнося заказы, помогала на кухне. Относившийся к ней вначале с подозрительной прохладцей Ландмир вскоре поменял мнение и больше не просил Элдмаира забрать степнячку из трактира. Лишние руки в хозяйстве всегда пригодятся, к тому же Айла была исполнительна и вежлива. Только с Ардом продолжала держаться на расстоянии. Пока однажды не встала возле его кресла и не спросила:

— Что ты делаешь?

Он оторвался от книги.

— Читаю.

— Зачем?

Вопрос привел Арда в замешательство.

— Чтобы знать о других землях и народах.

— Зачем?

Мальчик растерялся. Как объяснить?

— Мне интересно, как жили прежде, как живут сейчас. Каков мир. Что за великие люди бродили по Ваярии задолго до моего рождения.

— Зачем читать? Ты ведь можешь заглянуть в глаза любому путнику и все увидеть. Как было со мной, — Айла, склонив голову чуть набок, смотрела непонимающе.

— Ты ошибаешься. Я не умею читать по глазам, — сглотнул Ард вставший в горле комок.

— Тебе никто не говорил, что ты — необычный мальчик и внутри тебя сильный Тха?

— Что такое Тха?

— Дух. Огненный камень, от которого идут волны по реке судеб.

— Это не обо мне, — повторил Ард с нажимом. — Я даже встать с этого проклятого кресла не в силах.

— Это ведь не с рождения? Как ты стал таким? — она по-прежнему плохо говорила на их языке, смешно и неправильно произнося слова.

— Отец повез нас в храм Тевелиана — бога наших земель. Мы всегда подавали милостыню сидевшим на ступенях нищим. В этот раз мама тоже протянула краюху хлеба старухе, простиравшей в мольбе руку. Попрошайка прокаркала несколько слов на незнакомом языке и бросилась на меня с ножом. Она двигалась не по возрасту стремительно. Никто толком понять ничего не успел. Если бы не мама... Она заслонила меня, но приняв удар, упала замертво, а я потерял сознание. С тех пор не могу ходить. Ведьму искали, только ее и след простыл.

Айла взволновано опустила перед мальчиком на корточки, впила пальцами в ручки кресла.

— Старуха была слепой?

— Да, — подтвердил Ард. — И нож странный. Я такого оружия никогда не видел.

— Сакриф, — выдохнула девушка. — Один из их клана забрел как-то в наше племя и, нарушив законы гостеприимства, убил ребенка. Воины распяли душегуба и пытали жаждой, солью и солнцем, но тот молчал. Только перед смертью сказал, что честно служит какой-то Незыблемой и пришел, чтобы забрать ее жертву с сильным тха.

— Но у меня нет ничего подобного!

— Жизнь покажет.

Этот разговор словно сдвинул камень в их отношениях. Они стали часто беседовать. Ард рассказывал Айле про далекие земли, подвиги древних героев. Она делилась легендами своего народа, пела песни, учила гуурнскому языку. Однажды принесла чашку темной жидкости и велела выпить.

— Такое снадобье изготавливала моя бабка, чтобы хвори покинули тело и дали человеку светлый ум, а рукам и ногам силу. С сегодняшнего дня будешь пить каждый день.

Мальчик принял чашку, поблагодарил. Сделал глоток. Спросил, внимательно разглядывая девушку:

— Твои волосы. Они светлые. А у всех кочевников черные.

— Такое случается в нашем племени раз в двадцать лет. Говорят, что дети, рожденные со светлыми волосами — семя Хораса, поэтому их приносят в жертву, возвращают богу его собственность.

— И он их убивает! — ахнул мальчик.

— Серый всадник забирает Тха, которое получила женщина вместе с его семенем, чтобы смертные не возвеличились и не возомнили себя равными ему.

— А что происходит с женщиной, родившей от него ребенка?

— Умирает. Таковы законы, — Айла произнесла это обыденно, будто говорила о чем-то естественном, и от этого делалось еще страшнее.

Арду нравилось проводить время с кочевницей. Несмотря на некоторую дикость суждений, она знала много интересного и с радостью делилась мудростью степного народа. Айла сумела открыть глаза ему на, казалось бы, привычные вещи, показав их с необычной

стороны. Смена времен года, зарождение весной бутонов на деревьях, сильная засуха в ее понимании несли другой смысл, подтверждаемый какой-нибудь легендой или сказкой. Мальчик сам не заметил, как привязался к девушке. Дружба не стала тайной и для отца. Ландмир благосклонно смотрел на их отношения. Ард заметил, что он после долгого времени скорби по жене стал веселее, улыбчивее, реже погружался в тяжелые думы.

Ночь стояла душная, и мальчику не спалось. Где-то стучала на ветру плохо затворенная ставня, за окном ухала сова. Ард, уставившись в потолок, находился под впечатлением от прочитанной книги. Картины приключений сменяли в мыслях одна другую. Он вновь переживал опасности и неудачи, выпавшие на долю героев. Хотелось бы ему оказаться в их числе, карабкаться по скалам, спускаться в пещеры, вступать в бой с неведомыми тварями.

Тихий полустон-полувскрик вырвал его из грез. Он приподнял голову, прислушался.

Вот опять!

То ли плачет кто, то ли скулит от боли.

Айла!

Вспомнилось, как она всхлипывала в первую ночь в трактире. Снова мучают кошмары? Ард перебрался в кресло, выкатился в коридор.

Трактир был погружен в темноту, только где-то в общем зале горела свеча. Маленький огарок, скорее усиливающий ощущение тьмы, чем ее рассеивающий. Подобная беспечность — забытая в доме без присмотра зажжённая свеча — казалась странной, отец строго за это наказывал слуг. Сам перед сном проверял каждый уголок трактира, чтобы ни уголька не затушенного, ни огарка тлеющего не осталось.

Прерывистый стон-вздых вновь нарушил тишину.

Ард подкатил кресло впритык к перилам, глянул вниз. Жар охватил лицо, запылали от стыда щеки. Увиденное настолько потрясло его, что он не мог сдвинуться с места. Айла лежала распростертая на столе, раздвинув ноги, а отец... Их переплетенные в объятиях руки, сливающийся воедино стон и скрип стола от равномерного движения тел... Как они посмели! Это подло, мерзко! Предатели! Он считал Айлу другом, а она просто через него подбиралась к отцу. Лживая дрянь! А отец?! Как он мог забыть о маме, ведь любил ее больше жизни! Мальчику захотелось чем-нибудь запустить в них, заорать: «Ненавижу! Ненавижу вас!»

Но молча развернул кресло и скрылся в своей комнате.

Наутро Ландмир пришел попрощаться. Уезжал с братом в город, заглянул спросить, не привезти ли чего. Ард прикинулся спящим. После того, что увидел ночью, говорить с отцом не хотелось.

С Айлой тоже был холоден и неразговорчив.

С угрюмой молчаливостью занял место за стойкой, открыл расчетную книгу. Когда люди думают, что ты занят — никто не полезет с разговорами. Шлюха-кочевница, например...

Несмотря на юный возраст, Арду уже доводилось вести дела, пока отец пребывал в разъездах.

Ландмир укатил в Кост-Адар, чтобы нанять пару воинов из тамошней общины, и брата прихватил с собой. Они по-прежнему ссорились, но скорее по привычке.

Пока все шло ровно.

Служанки знали обязанности, сыновья Пэг бегали по мелким поручениям. Близнецы-охранники подновляли тын, время от времени Пард заглядывал в таверну и прохаживался

вдоль столов, поигрывая дубиной.

Посетителей было мало. Земледельцы ушли в поля, никаких ярмарок не намечалось, а углежоги и бондари из близлежащего поселения неприятностей не чинили. Уплетали тушеную капусту с горохом и пили подслащенную ягодную воду.

Айла размахивала метлой, весело разговаривая с остальными девушками. Освоилась уже...

Ард с трудом оторвал взгляд от беловолосой кочевницы.

Уставился в книгу. Но ровные строчки цифр расплывались в пляшущие закорючки. Перед глазами стояла картина: отец и чужеземка. Лучше бы сородичи забрали Айлу! Убили, затоптали, отдали своему богу на растерзание! Им с отцом хорошо жилось вдвоем... Правда, Ландмир изменился с ее появлением. Стал улыбаться чаще и будто помолодел.

Задумавшись, мальчик не заметил, как перед стойкой вырос хмурый мужчина в длинном плаще и скрученным кнутом в руке.

— Пива. Живо! — отчеканил гость, похлопывая свободной ладонью по столешнице.

Ард кликнул одного из помощников, попросил принести холодного пива из погреба.

Кучер пробурчал недовольно, что ждать некогда. Поглядел на Вэлю, протиравшую стол. Ухмыльнулся. Глаза маслянисто заблестели.

Дождался, когда выйдет хмурый Пард. Ущипнул служанку.

— Девка, задницу не отклячивай. Я человек свободный, молодой. Могу не сдержаться, — попытался ее обнять, но Вэля вывернулась.

— Убери руки, свинья!

— Ну-ну, не вопи. Я ж без злого умысла. Наоборот — обласкаю раз-другой... Хочешь, медяк дам?

— Я тебе не шлюха портовая. Руки есть? Сам себя обласкай.

Лицо кучера пошло красными пятнами.

— Еще раз пасть откроешь — отхлещу, в зеркало глянуть побоишься.

В глазах у девушки сверкнули слезы, но она отважно шагнула навстречу мужчине.

— Попробуй!

— Да я тебя, подлюку... — кучер упер кнут в лицо Веле.

— Эй, ты! Хватит буянить и задирать служанок! — крикнул рассержено Ард, привлекая внимание немногочисленных посетителей. — Забирай пиво и убирайся. Иначе охранника кликну.

— Ты еще вякать будешь, щенок! — кучер осклабился. Замахнулся...

Словно из-под земли выросла Айла. Ловко выхватила оружие из рук мужчины, отпихнула от стойки. Загородила Арда.

— Ударить ребенка — умрешь, — голос кочевницы был сух и спокоен. Она ловко щелкнула кнутом, заставив буяна подскочить.

Народ в зале зашептался.

Драчун ругнулся. Дернулся... Хлесткий удар рассек ему губу.

Кучер рассвирепел. Со злостью пнул женщину в голень, схватил за плечо и повалил на стол. Выбив оружие из руки, ударил кулаком по лицу. Еще раз.

В зале поднялся крик, двое бондарей выбрались из-за стола, бросились оттаскивать кучера, но тот словно с ума сошел. Схватил табурет, швырнул в мужчин. Тупо улыбнулся, заметив кнут. Нагнулся за ним...

Вэля пронзительно завизжала. Один из сыновей Пэг стрелой вылетел во двор звать

охранников. Но пока нагрянут братья... Ард дрожащей рукой обхватил старый стаканчик с медяками, запустил в буяна. Удар пришелся в плечо, монеты зазвенели по полу.

— Уродец, я тебе нос откушу!

Пард вырос за спиной дебошира. Дубина с глухим стуком опустилась мужчине на голову, свалив на пол. Не особо валынкаясь, охранник дотащил за шиворот драчуна до порога и выкинул из трактира. Вспахав носом землю, тот замер в ногах у спешивших на подмогу Горда и Мурда.

Мальчику было стыдно признаваться, но он наблюдал с радостным удовлетворением, как братья-охранники лупили кучера и заталкивали бесчувственное тело в телегу.

Никто не смеет обижать его людей!

Ард посмотрел на Айлу. Левую щеку и глаз кочевницы изуродовал жуткий кровоподтек, на разбитых губах запеклась багровая корочка. Другая рыдала бы на ее месте, а девушка держалась, точно победитель на поле сражения.

— Мое племя, — обвела она с гордостью рукой зал. Затем встревожено развернулась к креслу с калекой. — Ты цел? Эта коровья лепешка тебя не тронула?

Прежняя обида вновь накатила на Арда.

— Не прикасайся ко мне! — мальчик выдернул рукав из ее пальцев. — Видеть тебя не могу! Пард, отнеси меня в мою комнату, пусть Пэг присмотрит за трактиром. Все равно посетители разбежались...

В ответ на растерянный взгляд кочевницы охранник пожал плечами, подхватил кресло и легко занес вместе с мальчиком на второй этаж. Помог перебраться на кровать.

— Это... может чего подать надо, пирога или вина для успокоения, что б спалось лучше?

— Ничего не нужно. Иди, — Арду не терпелось, пока за Пардом закроется дверь.

Противные слезы наворачивались на глаза. Происшествие с кучером дало толчок теснившим грудь чувствам. Давно он не ощущал себя таким несчастным и покинутым. Ард разрыдался бы, уткнувшись в подушку, не скрипни за спиной дверь.

Легкие шаги Айлы он узнал без труда.

— Уходи! Не хочу с тобой разговаривать, — бросил зло.

— Чем я тебя обидела?

Мальчик хотел гордо промолчать, но слова сами собой вырвались из горла.

— Я думал, мы друзья.

— Так и есть.

— Ложь! — выкрикнул он, задыхаясь от гнева. — Тебе нужен мой отец. Я только средство забраться в его постель. Я видел вас вчера внизу, в зале.

Ард ждал, что она смутится, начнет оправдываться, но лицо Айлы осталось спокойным, только в глазах появилось выражение жалости. И от этого еще больше охватывала злость.

— Ландмир очень хороший человек, но несчастен и одинок. Я тоже одинока. Что плохого, если два одиночества решили согреть и утешить друг друга?

— Тебе никогда не занять места мамы, никто в мире не любил так, как отец ее, — жестокие слова намерено слетали с языка, желая ранить побольнее.

— Я и не пытаюсь. У нас говорят: «Человек не сможет дышать, если у него вырвать сердце». Твоя мама — его сердце. Так пусть оно продолжает биться. Как и твое. Я лишь хотела смягчить боль потери. Это неправильно, когда человек живет в горе. Твой отец заслуживает счастья. Разве не так?

Ард ждал от Айлы негодования, возражения, насмешки, только не этих слов, не сочувствия во взгляде, не нежности в голосе. Однако распалить воображение проще, чем успокоить.

— Мой отец не одинок! У него есть я. И нам хорошо вдвоем, без тебя.

Девушка взяла стул, поставила возле кровати, села.

— Пока да. Но, что будет, когда ты вырастешь и покинешь этот дом? Тебе хочется, чтобы он доживал в одиночестве и печали? Такова благодарность за его заботу и любовь?

— Покину дом?! — повторил мальчик в гневе. — Разве что ногами вперед! Ты, видно, забыла, что я калека.

Айла пару мгновений смотрела на него задумчиво, потом встала, притворила плотнее дверь, вернулась к кровати. Ее пальцы потянули шнуровку на груди, ткань поехала с плеч, и платье упало на пол.

— Что ты делаешь? — изумленно пробормотал Ард.

— Хочу проверить, так ли верны твои слова, — кочевница, откинув край одеяла, забралась к нему в постель. — Что ты чувствуешь, глядя на обнаженную женщину?

— Я хочу, что б ты ушла, иначе все расскажу отцу, — губы мальчика внезапно стали сухими, горло походило на выжженную степь.

— Негодование. Смущение, — кивнула Айла. — А что еще? — она взяла его руку, приложила к своей груди. — Потрогай, не бойся. Тебе нравится касаться ее?

— Да, — сипло выдавил он, помимо воли глядя ее грудь, ощущая бархат кожи, исходящее от нее тепло.

Рука кочевницы скользнула ему под рубашку, горячее дыхание обожгло шею.

— А сейчас, что ты чувствуешь? — лаская, пальцы девушки опустились вниз, проникли в штаны, сомкнулись на члене. — Жар растекается внутри твоего живота, рождается желание?

Ард к своему стыду и впрямь ощутил, как чресла наполняет кровь, плоть твердеет. Впервые.

— Я... я... — выдавил он, густо краснея.

Айла вдруг выдернула руку, встала с кровати, накинула платье.

— Маленький лгун и большой лентяй! — произнесла она резко. — Хочешь выбраться из кресла? Перестань жалеть себя и бездельничать. Пробуди Тха, подчини его своей воле. Твои ноги не мертвы. И заставить их ходить в твоих силах.

Отчитав его, развернулась и вышла из комнаты.

— Ная, беги!

Плечо обожгло болью...

Боль всегда приходила вслед за криком, возвращая Наю в день, когда она умерла. Случившееся накрепко врезалось в память, не давая ничего забыть. А если события прошлого начинали меркнуть, девушка воскрешала их снова и снова, деталь за деталью, не позволяя потерять яркость, а сердцу — смириться. Смириться — значит, простить.

Ная сжалась клубком на каменной скамье, закуталась сильнее в старую волчью шкуру. Холодно. Ледяной воздух выстуживал даже дыхание, которым девушка пыталась согреть озябшие пальцы. За ночь так и не удалось уснуть. Проворочалась с боку на бок в поисках капли тепла. От дряхлой, вытертой до дыр шкуры было мало толка, но если с холодом Ная кое-как примирилась, то к ноющей боли в плече привыкнуть не удавалось. И не хотелось. Привыкнуть — значит, забыть.

Пальцы легонько коснулись шрама. Грубый рубец неприятно царапнул кожу. Восемь лет прошло, а все ноет. По словам Кагар-Радшу ей еще повезло — могла остаться совсем без руки или погибнуть в бурном потоке. Прихоть Незыблемой, решившей из каких-то соображений дать полумертвой девчонке шанс. Но главное, жива. И Ная благодарила Мать Смерть за милость. Умереть — значит, не отомстить.

Скинув шкуру, девушка поднялась с ложа. «Незыблемая, как же холодно». Заученное движение пальцев — и в очаге вспыхнул огонь. Ная протянула к нему руки. Ночь прошла, теперь она имеет право зажечь его... и в последний раз заглянуть в воспоминания, чтобы навсегда проститься с ними. Сегодня ей предстоит перешагнуть грань и вернуться в мир уже Привратницей Смерти. Если сумеет пройти испытание. «Ты должна стать чистой мыслями, как первый снег, свободной от прошлого, как птица, чтобы служить Незыблемой», — учил Кагар-Радшу. Порой он любил выражаться красочно, словно это сглаживало мерзость жизни.

Взгляд привычно устремился в глубину пляшущего пламени. Извивающиеся языки взметались вверх, переплетались, свиваясь в желто-красного зверя. Распахнутая в рыке пасть исторгала дым, в глазницах плясали такие же огненные звери. Ненасытные, жадные, пожирающие лесную деревушку с ее мертвыми жителями и деревьями предков. К одному из них был пришпилен копьём дед, на другом висел искромсанный труп волхва Карагача.

Отблески пожарищ играли на кожаных доспехах и лицах пришлых воинов, капли тягучей крови падали на землю с оружия. Кровь ее соплеменников. Каждая капля отзывалась громом в голове, ломая, безвозвратно круша прежний тихий мирок.

— Ная, беги! — крик Ильгара подхлестнул сильнее страха.

И она побежала. От своего прошлого, ставшего пеплом. И от настоящего, протягивающего к ней руки смерти. Убежать не удалось. Соарты не солгали. На заре она умерла, сброшенная в холодные воды реки метко пущенной стрелой. Умер и брат.

Все восемь лет Ная заставляла себя помнить каждый миг того утра, лицо каждого захватчика, но сегодня ей придется отказаться от имени и воспоминаний. Иначе чувства перечеркнут все усилия, годы лишений и отбросят в прошлое — сделав опять обычной девочкой, сжимающейся от страха и боли... и не способной отомстить.

Она прошла слишком долгий и нелегкий путь, убеждая колдунов принять ее в ученики. Не пала духом, даже, когда получила отказ Призванного в первый раз. Сухие слова до сих

пор звучали в ушах:

— В тебе слишком много жизни, чтобы взойти даже на низшую ступень служения Смерти. Ты нам не подходишь.

— Я мертва! Мертвее самой смерти!

Старец покачал головой:

— Тебя переполняет ненависть и жажда мщения, дитя. А ничто не заставляет так цепляться за жизнь, как желание отомстить. Внутри тебя нет покоя, а значит, нет единения со смертью. Уходи.

Но Ная осталась. Запрянула глубоко внутри себя все чувства и с упрямством мула доказывала, что готова терпеть любые трудности, лишь бы добиться согласия колдунов принять ее в клан. Девочку гнали, относились с пренебрежением, но она, как побитая собака, околачивалась возле их селения, хваталась за любую работу: таскала воду, приносила дрова, стирала одежду, чистила котлы, обмывала мертвых. Никто не просил сиротку-заморыша это делать, никто и не запрещал. Так прошел год. И однажды Кагар-Радшу поманил ее пальцем и сказал, что возьмется за обучение столь настырного создания, только если Ная каждый день будет отказываться от одного своего воспоминания. С наступлением утра колдун касался двумя пальцами лба воспитанницы, отнимая какой-то миг жизни. Призванный не стирал память, но воспоминание меркло, серело, теряло краски и прежние чувства. Оно становилось тенью, безжизненной, бесполезной, как сгнившая листва под ногами, что не вызывала никаких эмоций. О том миге уже не возникало ни сожаления, ни желания возвращаться в него мыслями. Ная отказалась от многих светлых и радостных дней детства. Но последний день, день ее смерти, берегла как самую великую драгоценность, как ожерелье из костей медведя, что подарил брат. И вот сегодня вынуждена с ним расстаться.

Ная оторвала взгляд от пламени, подошла к краю пещеры. Напротив вздымались к небу исполинские горы со снежными шапками на изломанных вершинах, где гулял ветер и парили орлы. Внизу темнела пропасть. Еще полшага и... Девушка не боялась ни высоты, ни смерти. Годы жесткого обучения вытравили все страхи. Привратникам Смерти не свойственны человеческие чувства, их сердца бесстрастны, а сами они подчиняются только указующему персту госпожи. Эту истину за семь лет учебы в нее вбили накрепко. Пришлось не раз перешагнуть через себя, отречься от многих чувств и пристрастий.

Первый урок Нае преподали в тот же день, когда Призванный взял ее в ученики. Подвели к шеренге людей и велели убить одного из них. Напуганные женщины, заплаканные дети, юные девушки и парни, немощные старики.

— Что они сделали?

— Твое дело не рассуждать, а исполнять, если желаешь служить Незыблемой, — Кагар-Радшу вручил ей нож.

Ная поняла, еще миг промедления — и ее прогонят навсегда.

— Кого? — пальцы сжались на костяной рукояти.

— Выбери сама. Чью жизнь готова вручить Матери Смерти?

Она внимательнее оглядела цепочку людей. Кого? Чью нить судьбы легче оборвать? Взгляд остановился на старике-калеке. Рука висела плетью, правая нога распухла от загнившей раны, кожа покрыта кровоточащими язвами. Старик болен и долго не протянет. Что ему дадут лишние полгода жизни в страданиях? Лучше он, чем молодка на сносях, ребенок, или теребившая косу девчонка, которой самая пора невеститься. Старик, поймав взгляд, понял все без слов.

— Доченька, не надо, помилуй.

Ладонь, держащая нож, взмокла от его молящего взгляда и скатившейся по дряблой щеке слезы. Но если не он, то кто? Молодой парень, перешагнувший черту отрочества и не успевший оставить потомства или женщина с двумя детьми? Это было бы несправедливо. Они еще толком пожить не успели.

— Убей или уходи, — подстегнул ее возглас Призванного.

Уйти она не могла, да и некуда было. Ная шагнула к старику.

— Прости, — и пока не покинула решимость, вонзила лезвие ему в сердце.

Калека упал на колени. Распахнутые глаза глянули с удивлением. Ная, в ужасе вскрикнув, отшатнулась назад. На нее смотрел брат. Вытянув руку, Ильгар прошептал окровавленными губами:

— Что же ты наделала, сестренка... За что?

Она бросилась к нему, зажала ладонью рану. Льющиеся из глаз слезы падали на пальцы, смешивались с кровью — багровой, густой... как капли на мечях жнецов. Рассудок сходил с ума. Как такое возможно? Ная непонимающе уставилась на бесстрастно наблюдавшего Призванного.

— Первый урок, девочка, — произнес Кагар-Радшу, подняв выроненный нож. — Ты не судья — лишь исполнитель. И даришь Матери Смерти ту жизнь, которую она выбрала. Невзирая, ребенок это или женщина на сносях. Даже, если перст Незыблемой укажет на твою мать, отца, брата, любимого — обязана выполнить приказ! Она решает, чья жизнь ей нужнее. Ты слышала повелевающий глас Смерти? Видела знак, что именно этот человек должен отдать тебе последнее дыхание? Нет. Для Незыблемой все равны, от грудного младенца до гниющего от болезней старика. И не тебе нарушать установленный порядок. А теперь встань, умойся и попробуй снова убедить меня, что ты мертва и послушна воле Незыблемой, — Кагар-Радшу раскрыл пальцы правой руки веером, и люди вместе с мертвым стариком испарились серой дымкой.

Колдовской морок? Будь Ная прежней, она впилась бы в горло Призванного ногтями и зубами. Но глупая злость и обида не приблизили бы к цели. Она поднялась с земли, шмыгнула носом.

— Я готова к следующему уроку.

Но обучение колдовству началось не скоро. Сначала ей пришлось постигать различные науки. Тот не колдун, кто не умеет писать, читать и считать, не разбирается в растениях и полезных свойствах камней, не знает органы человека. Безграмотный не найдет в книгах нужные заклинания, не сумеет записать новые, не сосчитает верное количество целительного порошка или яда. Это было нелегкое дело. Легче камни ворочать, чем запомнить отличие одной закорючки от другой, и как они произносятся. Еще хуже удавалось выписывать их чернилами. Послушные при стрельбе из лука пальцы, будто теряли ловкость, казались корявыми, непригодными держать перо. Сколько раз Нае хотелось забросить его куда подальше и больше не возвращаться к нуднейшему занятию. Но изо дня в день, из месяца в месяц приходила утром в жилище Призванного, доставала перо, ягодные чернила, лоскут свиной кожи и, стиснув зубы, училась выводить правильно буквы. А когда рука уставала, открывала книгу и вновь воевала с вредными закорючками, складывая их в слова и предложения.

Кагар-Радшу обожал прогулки по горам и частенько брал с собой Наю. Шествуя впереди, он нес какую-нибудь тарабарщину, потом резко останавливался и велел девочке

пересказать все слово в слово. Если ей не удавалось этого сделать, отправлял на кухню чистить котлы. На следующий день Призванный вновь вел ее на прогулку и требовал повторить очередную тарабарщину. Вскоре, не желая проводить время вместо учебы за чисткой котлов, Ная уже не бездумно следовала за наставником, а вслушивалась в каждое его слово, прокручивала раз за разом в голове, пока не научилась без запинки выдавать мимолетно услышанные фразы. Потом за тарабарщиной пошли простые заклинания. Когда она и их наловчилась схватывать и запоминать на лету, Призванный во время прогулок чертил посохом на земле или снегу какой-нибудь знак, тут же стирал и предлагал Нае нарисовать его веткой. За малейшую ошибку она по-прежнему отправлялась на кухню. «Ты должна понять разницу между тем, кем стремишься стать и тем, что тебя ждет, если не будешь усердно заниматься», — однажды сказал ей Кагар-Радшу.

Учиться Нае нравилось — другое дело, что не всегда получалось. Особенно зажигать и тушить взглядом свечу. С нее сто потов сошло, в глазах от напряжения сосуды полопались. «Ты пытаешься сдвинуть глыбу, когда требуется прикосновение перышка. Ты видела, как распускается цветок? Где те гиганты, что открывают его лепестки? И огоньку свечи дай распуститься, точно бутону. Создай эту картину сначала в голове, а потом оживи фитилек, послав ему, словно дуновение ветерка, видение». Призванному легко говорить. А у нее свеча чаще ломалась и оплывала, чем начинал коптить фитиль. Зато ликование от первой победы запомнилось надолго. Девушке тогда казалось, что в мире нет ничего прекраснее этого маленького, колышущегося над свечой огонька. У нее еще долго не получалось повторить успех, но в душе она знала, что делала это, а значит, сделает снова.

Оживлять образы в сознании на любое предложенное слово стало ежедневным занятием Наи. Она должна была в деталях представить, как льет дождь, кружит метель, скрипит колесо телеги, перекачиваются речные волны, гусеница превращается в бабочку. Как уж Призванному удавалось заглянуть в воображение ученицы, но порой он обрывал видение и заставлял начинать заново, говоря: «Плохо. Неточно. Размывчато. Где запахи? Где звуки?» Иногда наставник заставлял ее представлять даже то, чего Ная никогда прежде не видела. Кагар-Радшу рассказывал о пустыне, больших городах, древних руинах, бескрайнем море, и она должна была погрузиться в эти картины, перенестись мысленно в те места и увидеть их, будто наяву, ощутить жар суховеев, соленые капли морской воды на губах, укусы крапивы на коже. Девушка так и не поняла, было это всего лишь иллюзией или она на самом деле блуждала там незримо.

Огромное внимание наставник уделял кропотливой, сложной работе с кистями рук. Нае подолгу приходилось разминать их, вырабатывать пластичность и гибкость, складывая пальцы в различные фигуры. «От правильно и быстро составленного знака может зависеть твоя жизнь». Очередное поучение Призванного, повторенное несчетное количество раз, вызывало оскмину, но не согласиться с ним было нельзя. Как шутили у них в племени: «Прежде чем идти на медведя, научись быстро бегать». И Ная терпеливо училась знаниям, которыми делились колдуны.

Каждый год обучение вел новый наставник. И каждый наставник требовал от нее свою жертву: провести год в молчании, спать на камнях, ходить босиком в любую погоду, добывать самой пропитание в горах, приручить какое-нибудь животное, а затем убить его, выточить из самоцветов фигурку, доведя работу до совершенства, после чего разбить кропотливый труд нескольких месяцев. Ее учили разным вещам, порой очень странным, которые, казалось, никогда не пригодятся в жизни. Но кто она такая, чтобы решать из каких

знаний создается мастерство колдуна: настоящего, сродни живому чуду, а не фальшивого. А уж истинное колдовство Ная посчастливилось увидеть. И даже на миг прикоснуться к священному потоку. Позволили. Она опьянела от подаренного глотка силы. Мир перевернулся с ног на голову, заставив изнывать от жажды знаний. От жажды власти. Владеть толпой — искусство. Владеть изначальными силами — вершина совершенства. И тем невыносимее стала потеря этого упоительного момента. Дав вкусить могущества, колдуны перекрывали ученикам к нему путь. Второй урок. Помни, кто ты есть сейчас и кем должна стать, чтобы заслужить право входить в дверь потустороннего мира, когда пожелаешь. Она чувствовала обиду. Умиравшего от жажды всего лишь провели мимо колодца, но вместо воды дали лопату, велев вырыть свой.

За семь лет обучения уроков было множество. Чаще неприятных, о чем не хотелось вспоминать. Но опыт разочарований и огорчений — самый ценный. Ная постигла многое. Умела распознавать и готовить яды, слышать голоса мертвых, терпеть боль, управлять огнем, владеть сносно самым разным оружием. Стремительная и гибкая, непредсказуемо изворотливая в поединке, она предпочитала сражаться парными клинками — длинными загнутыми кинжалами, прозванными в шутку «Сестренками». Они стали для девушки единственными родственниками, лучшими собеседниками. Ная обожала свои клинки, лелеяла и ухаживала за ними каждый вечер. Но кроме них мечтала еще о «Брате» — мече из черийской стали. Когда-нибудь он появится у нее. Точно такой же, какие были у жнецов, уничтоживших селение мархов. Она научится обращаться с мечом не хуже, чем с кинжалами. И тогда отыщет убийц ее сородичей. Только теперь перед ними будет стоять не маленькая запуганная девочка, а Привратница Смерти. И пусть Сеятель попробует спасти своих слуг.

Девушка поежилась от стылого ветра, обхватила плечи руками. Где-то поблизости сильно гроыхнуло, скала дрогнула — это со склона горы сошла лавина. Ная увидела только белое облако, сползшее вниз пушистым покрывалом. Оказаться в этот момент на его пути — незавидная участь. Сама длань Незыблемой протянулась там, забирая души забредших в запретное место. «Стань чистой мыслями, как первый снег, свободной от прошлого, как птица в небе».

— И смертоносной, как лавина, — добавила Ная, отходя от края пещеры.

Она станет. Другого пути у нее просто нет.

По обычаю, перед посвящением ученики проводили ночь в доме Памяти — своеобразных, выбитых в скале, кельях-пещерах, где одна стена отсутствовала, пол обрывался пропастью, а непогода свободно и беззастенчиво проникала в каждый уголок. Там, отказавшись от навыков колдовства до утра, ученики проводили время в раздумьях, терпя неудобство и холод. Последняя дань прошлому и проверка — так ли ты уверен в своем решении. Выйти из пещер удавалось не каждому. Дверь запечатывалась колдовскими заклинаниями. И открывалась, только если ученик оставался верен выбранному пути. Сомнения служили приговором. Результат тех сомнений девушка обнаружила на каменной лавке, когда перешагнула порог пещеры — чьи-то пожелтевшие от времени кости. Их она сбросила в пропасть. Жалости неизвестный не вызывал. Он мог парить над миром, а предпочел гнить на дне ущелья. Ная лишь исполнила его последнюю волю.

Сотворенный в воздухе знак потушил огонь в очаге. Дыхание непроизвольно замерло в груди, когда рука толкнула каменную дверь. Та натужно заскрипела и отворилась. Девушка с облегчением ступила на узкую лестницу, спускающуюся вдоль стены к подземельям, где

били горячие ключи.

Камень охлаждал ступни. Рубаха из грубой холстины липла ледяным панцирем к телу. Чтобы разогнать кровь и чуть согреться хватило бы простого заклипания, но тратить даже каплю силы не хотелось: пригодится при испытании, да и до горячих ванн недалеко, потерпит. В первый раз, что ли, по камням босиком бегать? Ная преодолела несколько лестничных пролетов и, поднырнув под арку, очутилась в купальне. Здесь было значительно теплее, чем наверху. Горячий пар поднимался из округлых каменных чаш, наполняя воздух влагой и оседая каплями на стенах и ступеньках.

Ная прошлепала по мокрым плитам к лавке, на которой уже лежала чья-то одежда, всмотрелась в пелену пара. Похоже, она пришла последней. После ночи в холоде ученикам позволялось отогреться в горячих целебных источниках, набраться сил перед испытанием. И восемь будущих Привратников Смерти уже с наслаждением отпаривали свои тела. Четыре девочки и четыре мальчика от шестнадцати до восемнадцати лет. Она была девятой. Единственной ученицей в своем клане, на территории которого в этот раз проводили испытание. Прочие ученики прибыли из других селений колдунов. Ная успела с ними познакомиться, но сблизиться ни с кем не стала. Одной проще.

Без стеснения скинув рубаху, забралась в свободную ванну. От стыдливости ее отучили еще в первый год. И стесняться своего тела тоже не имелось причины. За эти годы угловатая девочка-ящерка, как в шутку звал ее Ильгар, расцвела, формы округлились, и она к своему удивлению однажды поняла, что превратилась в очень симпатичную девушку. Не красавица, как светловолосая Алишта, греющаяся в соседней ванне, или темнокожая Кайтур, шушукающаяся с подружкой-блондинкой, но и не серая мышка, навроде Саи, погрузившаяся в воду по подбородок по правую от Наи руку. В Карей, что блаженствовала в ванне напротив, было больше надменности, чем привлекательности. Даже выразительные темно-зеленые глаза, густые каштановые волосы и высокая стройная фигура с красивой грудью не прибавляли обаяния.

Плещущиеся за спиной Наи мальчишки интереса не вызывали. Мальчишки как мальчишки. Одному семнадцать, двум по девятнадцать. Четвертому — восемнадцать. У всех волосы русые, только у одного выются кудряшками, у двух других прямые и длинные, до лопаток, а у последнего короткие ежиком. Звали их Лидо, Арки, Тэзир и Витог. За пару дней, что они находились в ее селении, у Наи сложилось о каждом мнение: надо же знать, что представляют собой другие ученики, каковы их способности. Лидо хорошо сложен, и мордаха симпатичная, но самомнение бьет через край. Щуплый, серьезный не в меру, Арки обожает просиживать ночи за свитками. Тэзир — балагур и пустомеля. А обстоятельный, презирающий ложь в любом виде Витог — увалень и добряк. Будь она прежней девочкой, возможно, с кем-нибудь из этой компании и подружилась бы, а ей нынешней — они глубоко безразличны.

Ночь на каменном лежаке все-таки давала о себе знать. Спина ныла, голова была тяжелой. Сейчас вздремнуть бы немного. Ная оперлась затылком на край ванны, прикрыла глаза. Поднимающиеся к потолку струйки пара напоминали рваную пелену утреннего тумана, шум бурлящей воды — звук реки на перекатах. Пустая болтовня учеников перешла в приглушенный гул.

Так иногда гудели от ветра деревья предков. По словам Карагача это разговаривали через дубы ушедшие. В день нападения жнецов на деревню мархов деревья предков тоже вели себя беспокойно. Они пытались сказать, предупредить.... Но привыкшие к спокойной

жизни забывают порой о враге у порога.

...Она не помнила, как долго несли ее бурные воды реки, в каком месте выбросили на отмель. Сознание то меркло, то возвращалось. Пылающее огнем плечо заслонило мысли о брате и родном племени. Придя в очередной раз в чувство, Ная смогла приподнять голову и исторгнуть из себя воду. Рвало ее долго и мучительно. После чего не осталось уже никаких сил и желания шевелиться и куда-то идти. Но она заставила себя подняться, сделать несколько шагов по стылой воде к берегу. Мужества хватило только чтобы вломиться в заросли осоки, где вновь рухнула на живот, изранив ладони и лицо. Ее била дрожь, вода вокруг покраснела от крови. Попытки ползти так и остались попытками, не продвинувшими тело ни на ладонь вперед. Девочка перевернулась на спину, отрешенно уставилась в небо. Ранние сумерки слегка подсвечивались первыми звездами и серебрящимся полумесяцем. Или это мерещилось в полузабытье? Неужели с нападения жнецов прошло не так много времени? Казалось, минула целая вечность, и крик брата звучал из прошлой жизни, к Нае не имеющей никакого отношения.

Спящие, как же больно!

— Перестань скулить, — донесся откуда-то издалека хриплый голос. — Лежи тихо и, может, тебе посчастливится прожить еще день.

Рядом с ней стоял косматый старик в грязной одежде из волчих шкур. От него пахло кислым потом, руки вымазаны чем-то черным.

Старик босой ногой задвинул Наю подальше в заросли, забросал илом и пошел вверх по руслу. Девочка хотела позвать его, попросить забрать с собой, но горло перехватило, и она не издала ни звука... к счастью.

Послышался стук копыт, плеск и злобные крики. По мелководью двигалось двадцать вооруженных мужчин с факелами. Девочка сразу узнала жнецов — на кожаных латах красовались нашивки с плугом. Мечи и топоры испачканы кровью, два воина — перевязаны. Следом за ними, подняв подолы белоснежных ряс, шли четыре жреца.

Они явились за ней! Они разыскали ее!

Ная еще сильнее вжалась в прибрежную жижу, закрыла ладонями рот.

Отряд прошествовал мимо и скрылся за холмом.

Вскоре послышались крики. Зазвенело железо, загудели тетивы. Ветер принес запах дыма и смолы... Ная вновь ухнула в бездну беспамятства.

Привел ее в чувства грохот. Земля ходила ходуном, воздух дрожал от неведомого рева. Над рекой пронеслась стайка испуганных птиц, стрелой промчались по берегу серые зайцы. Девочка заметила, что вода имела бледно-розовый оттенок. Послышалось тяжелое дыхание...

По руслу в обратную сторону бежали трое жнецов. Один из них, безоружный, причитал, двое других постоянно оглядывались. Налетевшая волна сбила мужчин с ног. Что-то вспенило воду, кинулось смазанной тенью на беглецов. Ная сквозь пелену приближающейся смерти видела лишь костлявые лапы, огромные когти и свалывшуюся шерсть. Сильно пахло гнилым мясом и кровью.

Бой не занял много времени. Треск плоти, предсмертные вопли, хруст переломанных костей... тишина. Тяжелое смрадное дыхание отравляло воздух.

Но вот чудовище выбралось на берег и скрылось среди высокой травы и зарослей куманики. Все было кончено...

— Ная, проснись, утонешь.

Девушка распахнула глаза, взглянула на тормозящую ее Саю.

— Ты стонала, — извиняясь, произнесла Мышка.

— Признайся, что тебе снилось? Наверное, любовная сцена. Ты. Он. Ночь. Вы наедине и пылаете от страсти, — нелепо схохмил Тэзир. Остальные тоже смотрели с пошленькими улыбками.

Не отвечая, Ная провела по лицу мокрой ладонью. Призраки прошлого. Девушка думала, что распрощалась с ними навсегда в келье, но, видно, воспоминаниям показалось мало одной ночи. Слишком долго берегло их сердце. Кагар-Радшу прав, она должна оставить их здесь, в доме Памяти, чтобы жить и двигаться дальше.

Сая вновь коснулась ее руки, смущаясь, спросила:

— Боишься?

— Чего именно? — прищурилась Ная. Неужели сболтнула во время дремы лишнее?

— Испытаний. Никто не знает, что нам готовят колдуны. Поговаривают, не все дойдут до посвящения. Карей и Алишта точно выдержат проверку. Да и Кайтур. Они такие уверенные, смелые, не сомневаются ни в чем. О мальчишках я вообще не говорю. А мне почему-то боязно. Вдруг не смогу, испугаюсь чего-нибудь.

Наверное, прежняя Ная улыбнулась бы ободряюще девчонке, сказала бы добрые слова, что у той все получится и волноваться не о чем. Жаль, что она не прежняя. А может, хорошо.

— Когда я вошла в пещеру для раздумий, — произнесла она, разминая плечо, — то нашла на лежанке человеческие кости. Он тоже сомневался. Ты меня поняла?

Сая, закусив губу, понуро кивнула и ушла под воду по самую макушку. А Ная оглядела товарищей по испытанию. Не все дойдут до посвящения. Кто б сомневался. Сегодня колдуны расстараяются. Слабаки им не нужны. Но кто сломается, потеряет хладнокровие? Она поглядела влево, на высовывающуюся из воды рыжую макушку. Сая? Мышка пуглива и стеснительна, но порой такие мышки опаснее разъяренного медведя. Карей? Эта вряд ли, владеет собой отменно и колдовские знаки четко выводит. Алишта? Несмотря на миленькую внешность и разговоры о мужчинах — умна, хитра, осторожна. Кайтур? Тут и раздумывать нечего — отважна, как тигрица, и остра на язык. Ная развернулась в полоборота. Теперь мальчишки. Лидо — ловкий и хороший боец, но бравады больше, чем мастерства. Арки — парень начитанный, среди ночи разбуди, тут же выдаст нужное заклинание, правда, в схватке слабоват. Тэзир — этот совсем непонятно как затесался в ученики к колдунам. Ему бы на дудке играть, да народ песнями и шутками веселить. Однако продержался же десять лет у колдунов. Значит, не так прост, было за что кормить. Витог — силен, в его арсенале заклинания каждой из четырех стихий, что большая редкость. Так кто тогда? А если она? Остальные пробыли у колдунов дольше, и скорее всего, обходят в знаниях и мастерстве. Что, если придется столкнуться с чем-то, что ей неизвестно и не по силам? Кости на лавке всплыли в памяти. Прочь сомнения! Если подобное произойдет, и она струсит, то тогда зря Незыблемая оставила ей жизнь. Нет, не зря! И сегодняшний день это докажет.

Едва Ная успела намочить волосы, как в купальню вбежали двое «воронят», посыльные и младшие ученики колдунов. В руках они держали стопки свернутой материи.

— Омовение закончено. Вас ждут в Волчьем ущелье. Это одежда для испытаний.

Положив стопки на лавку, «воронят» а убежали. В купальне на мгновение повисла тишина.

— Чего сопли жевать? — произнес Тэзир — Вытаскивайте из воды свои кочерыжки, пошли наставников веселить, — и первым вылез из ванны.

Остальные потянулись за ним.

— Вот и настал этот момент, — тихо вздохнула Сая.

Ная покосилась на девчонку. Первая? Скоро узнаем.

— Незыблемая, это же бабские тряпки. Как в этом двигаться и сражаться? — возмутился Лидо, рассматривая себя в новой одежде.

Наряд и впрямь имел довольно странный вид. Невообразимо просторный, переходящий к низу в штаны и скрепляемый медными обручами на запястьях, в поясе и щиколотках. К нему шел из той же ткани платок, продетый в петлю на левом плече, и длинный шарф, предназначенный для обматывания вокруг головы.

— А никто и не говорил, что тебе должно быть удобно. Или наставникам следовало еще поинтересоваться, какое испытание ты предпочитаешь, и выполнить его за тебя? — съязвила Кайтур.

— Чем сильнее ты скован и уязвим, тем труднее испытание, а победа заслуженнее, — добавил Арки.

— Они бы нас еще голыми заставили состязаться, — пробубнил с недовольством Лидо, закрепляя рукав браслетом.

— Я не против. Наши девочки такие милашки без одежды, — не удержался Тэзир от очередной остроты. За что получил от Алишты тычок по ребрам.

— А мне нравится это одеяние, несмотря на всю его необычность, — Витог прошелся по купальне, привыкая к новому облачению, прислушиваясь к ощущениям. Взмахнул руками, вскинул вверх ногу. — И впрямь удобно. — Для проверки перекувыркнулся, присел.

Ная следила за ним с интересом. Надо же, казался неповоротливым увальнем, а на деле проворен, как кот. Она развернула свою стопку, прикидывая, где у наряда перед, где спина. Ткань казалась невесомой, точно птичий пух. Никогда прежде она не держала в руках такое тонкое нежное полотно. Только у богинь ее племени, Соарт, были платья из похожей ткани: легкие, как ветерок, струящиеся, как вода в роднике. Даже боязно носить такую красоту.

Горячая ладонь легла ей на бедро.

— Помочь одеться? — прозвучал за спиной вкрадчивый голос Тэзира.

— Еще раз дотронешься, яйца отрежу.

— Что за дикий вы народ, мархи. Чуть что, так сразу — яйца отрежу, — укорил ее Тэзир.

— Уговорил. Начну с пальцев.

— Дикарка ты, Ная, это дружеское прикосновение перед серьезным испытанием. Так все воины равнин поступают перед боем.

— Правда? — изумилась она. — А я слышала, что они пожимают другие места! — и сжала его причиндалы так, что Тэзир взвыл под гогот учеников.

— Пусти, сука бешенная, шуток не понимаешь?

— Шутить будешь, когда после сегодняшнего дня в живых останешься, а сейчас ручки побереги, пригодятся скоро. Волдыри, думаю, тебе не нужны? — для убедительности сложила пальцы щепотью и выстрелила огненной искрой.

Тэзир отступил от Наи.

— Непонятливая ты. Всего-то ребят хотел повеселить, чтоб не волновались перед испытанием. А тебя угораздило все испортить. Обязательно о печальном говорить было?

Ученики сразу притихли, посуровели. Молча вышли из купальни и цепочкой потянулись к Волчьему ущелью.

Наставники уже поджидали там, устроившись на возвышении на деревянных скамейках. Впереди восседали главы четырех кланов: Призванный и трое Верховных, среди которых находилась одна женщина. Красота и опасность сочетались в ней, как в греющейся на солнце змее. Когда лучше следовать совету: «Не тронь — не укусит». Высокая стройная шатенка принадлежала к числу сильнейших колдунов и возглавляла женский клан, откуда прибыли Алишта с Кайтур. Невзирая на не молоденький возраст, Верховной удалось обмануть года и сохранить внешность цветущей, а осанку — грациозной. У Наи женщина сразу вызвала неприязнь. Необъяснимую и неосознанную. И дело вовсе не в девчоночьей зависти пред более опытной, превосходящей по красоте и силе, зрелой соперницей. Что им делить? А вот не пришлось к душе и все.

По случаю испытания колдуны обрядились в лучшие одежды — длинные тоги с серебристой вышивкой по вороту и рукавам. На груди у каждого висел на цепи знак клана — размером чуть больше ладони с драгоценным камнем посередине. Сегодня они светились особенным ярким светом. У одних синим, у других красным, у третьих фиолетовым, у четвертых желтым. Было странно видеть наставников такими нарядными. Обычно они предпочитали сыромятную кожу, меха и грубое полотно.

Прежде, как рассказывали Нае, привратники жили одним многочисленным кланом. Но после появления Сеятеля и начала преследования всех, кто владеет колдовской силой, было решено для сохранения знаний разделить на несколько кланов и уйти в глухие места. Но нападения продолжались, и колдунам приходилось менять место жилья, уходя все дальше в горы. Свидетелем одного такого нападения Ная и стала, когда Ирхан принес ее полумертвую к селению привратников. Вместе с ними, — вернее, на их носилках — она отправилась в самый дальний уголок неприступного края скал и ущелий — Рассветные снега. Туда, где слуги Сеятеля не сумели бы их разыскать.

Когда ученики выстроились перед наставниками, вперед вышел Призванный.

— Сегодня у вас великий день. День, когда вы вознесетесь над простыми людьми, заглянете за грань и станете служить Матери Смерти. Идите вперед без страха и сомнения, ибо жизни уже не принадлежат вам. Незыблемая сама выберет Привратников. Испытания начинаются.

Едва Кагар-Радшу закончил, как за спинами учеников раздался жуткий рев, дрогнула земля, и из-за скалы показалось огромное лохматое чудовище. Ная знала этого зверя, видела, на что он способен. Подробности той схватки жили в ней так же ярко, как гибель односельчан. По позвоночнику пробежали ледяные коготки страха. А она-то думала, что навсегда отучилась бояться чего-либо.

— Ная, ты первая. Убей его! — раздался приказ Призванного.

Не было на свете занятия более скучного, чем охранять обозы Армии Жнецов. Месяцами напролет глотать пыль за основными отрядами, проводить дни и ночи в разъездах, следить за тем, чтобы неожиданно не напал враг. Но откуда ему взяться, если авангард оставлял за собой руины городов и поселений, да распаханную землю, сдобренную кровью язычников. Ни лихих битв, ни ратных подвигов, которых так жаждало сердце молодого воина. Пыльная, потная рутина.

Под знаменем Плуга Ильгар прошел половину материка Гаргия. Навидался всякого, побывал в неизведанных землях и даже поучаствовал в сражении при Кряжистом Изломе: кровавая и страшная сеча, превосходящий численностью враг, спасший положение удар резервного полка, бегство противников и безудержная радость победы.

Стоя на поле боя, уставший и раненый, Ильгар понял, чего хочет от жизни: воплотить предсказание Соарт.

Он трудился, много трудился. До синяков на теле, до тряски в руках и ногах. Каждое свободное мгновение — дождь ли, зной ли, снег — тренировался как одержимый, оттачивал приемы рукопашного боя, осваивал верховую езду. Не пропускал ни одного поединка между жнецами, перенимая издали их науку, запоминая каждое хитрое движение. Не гнушался и идти на поклон, порой клещом прилипал к тому, у кого можно чему-то было научиться: будь то воинское мастерство или письменность и счет. Настойчивость и стремление добиться большего заставили сослуживцев изменить пренебрежительное отношение к бывшему язычнику.

К тринадцати годам Ильгар заслужил кинжал и пращу, а сотник подарил ему старую стеганку с вышитым на плече Плугом.

В пятнадцать, заматерев в походах и научившись читать, писать и сражаться не хуже любого воина он был посвящен в жнецы. Осыпан священными семенами полыни. Взамен пращи получил рогатину, топор и кирасу пехотинца.

За восемь лет нахождения в армии, бывший мальчишка марх сумел дослужиться до десятника резервного полка. Регалии скромные, но для лесного дикаренка, которым когда-то начал путь под знаменем Плуга, это было достижение. А ведь какие трагические события тому предшествовали! Воспоминания до сих пор жгли болью.

Кучка перепуганных мархов сгрудилась возле скалы. Последние, кто остался в живых. Повсюду горели дома, священные деревья предков с натужным стоном рушились под топарами воинов в белых одеждах с изображением плуга на плаще. Они хотели знать, где живут их боги. Но мархи молчали. И тогда воины начали выхватывать из толпы людей, ставили на колени, спрашивали про жилище богов и, получая отказ, отрубали голову. Женщина ли, ребенок перед ними — всех под топор.

Ная жалась к нему испуганным котенком. В глазах застыло странное выражение: то ли начинающегося безумия, то ли еще чего — более пугающего. Ильгар зажмурился, моля Соарт о помощи: «Соарты! Остановите этот кошмар! Накажите врагов. Пусть все окажется лишь плохим сном». Но древние провидицы остались глухи к мольбам. Не наслали лесных чудовищ, не разверзли под ногами захватчиков землю, не вдохнули жизнь в могучие дубы и вязы, что своими корнями, как говаривалось в легендах, разрывали на части чужеземцев в былые века. Ильгар с трудом дышал от распиравшего грудь гнева. Злился на всех разом. На

захватчиков, разгромивших дом; на Соарт, не пришедших на помощь; на себя, потому что был юнцом, слабаком, не способным ничего изменить, защитить родных и близких.

Неожиданно из кустов вылетел волк Карагача, кинулся на грудь ближайшему воину. Жнецы поспешили на подмогу товарищу, но матерый зверь мигом порвал горло упавшему, цапнул за ногу одного, пробороzdил когтями щеку второму, впился зубами в бок третьему.

Возня с волком отвлекла жнецов от пленников. Ильгар дернул за руку Наю.

— Бежим!

Подхватил валявшийся в траве гарпун, ударил им, как копьем, в живот выскочившего наперерез воина. Капли крови брызнули в лицо. Жнец заорал, упал на колени. Дети вломились в кусты, понеслись к реке. Но далеко убежать им не дали. Сзади настигали трое конных воинов.

— Ная, беги!

Заслоняя сестру, развернулся навстречу жнецам, держа наготове гарпун.

Всадник на рыжем жеребце неся прямо на него. Ильгар напряженно ждал. Если промахнется, конь сомнет и его, и сестру.

Ильгар вскинул руку, метнул гарпун. Наконечник угодил воину в грудь, но кирасу не пробил, от неожиданного удара всадник лишь потерял равновесие и едва не сверзился с седла.

Раздался щелчок.

Следом что-то просвистело в воздухе, послышался тихий вскрик. Тело само развернуло Ильгара лицом к реке. Сердце обернулось ледышкой...

Сестра, всплеснув руками, выгнулась и упала в бурлящие воды со стрелой в спине.

— Ная! — Ильгар влетел в Ирхан, лихорадочно всмотрелся в пенящиеся буруны. Но тело сестры мелькнуло далеко внизу. Безвольное. На камнях осталась кровь.

Мальчик плюхнулся на колени. Крик родился и зачах в сорванном горле. Чья-то рука схватила Ильгара за шиворот, выдернула из воды.

— Иди сюда, сученок!

Мальчик извернулся, впился зубами в жесткую ладонь. Крепкий удар в челюсть отбросил его к берегу. В глазах потемнело. Его снова схватили за ворот, встряхнули.

— Подлюка, кусаться вздумал?!

ВЫхватив из воды осклизлый камень, мальчик ударил им воина в лицо.

Жнец отшатнулся, разжал пальцы на ворота рубахи.

— Убью стервеца! — прогремел злобный рык. Звякнуло железо.

В воде Ильгар увидел, как за его спиной вырос силуэт. Свет нового дня обагрил лезвие боевого топора.

— Берк, оставь мальчишку, — произнес кто-то.

— Заткни пасть, Барталин! Он разбил мне лицо...

— Спрячь оружие! — Новый голос прозвучал гораздо громче криков спорщиков и рокота Ирхана.

Воин явно смутился.

— На кой ляд тебе сопляк, жрец?

— Мальчишка пригодится Дарующим. Барталин, позаботься о юнце.

Сильные руки вздернули Ильгара на ноги, помогли выбраться на берег.

— Цел? А ты, птенчик, зубастый! — Воин взъерошил Ильгару волосы.

Мальчик дернул головой, сбросив руку. Взгляд остановился на ноже, висевшем на поясе

воина.

— Хочешь добратся до него и всадить в меня? — догадался Барталин. — Жнеца убить не так-то легко, малыш.

— Легче легкого, — процедил Ильгар.

— Уверен? Что ж, проверим, — Барталин достал нож, швырнул к его ногам.

— Совсем рехнулся? — Берк прижимал к лицу кусок полотна. — Зверенышу оружие дал? А если тебя порежет?

— Моя забота. Не мешай. Он должен понять... Чего ждешь, нападай! — рявкнул жнец.

Ильгар бросился на врага. С ножом он обращаться умел — в семье охотника родился. Но почему-то полетел кубарем, оставив оружие в руках Барталинина.

— Если заденешь меня — уговорю Геннера отпустить, не сумеешь — пообещаешь не сбегать. Нападай!

Нож снова упал возле Ильгара. Пальцы стиснули рукоять другим хватом, ноги воздели тело. Но только затем, чтобы через миг опять подломиться.

— Еще раз.

Ильгар уже ненавидел этого воина. Уж лучше бы Берк зарубил!

— Вставай! Не веди себя как слабак! — Носок сапога ткнул мальчика в ребра.

Он поднялся, оглядел собравшихся на устроенную Барталинином потеху воинов. Для него это вопрос жизни, для них — забава.

«Ненавижу!»

Ярости в его атаках прибавилось, но теперь он не кидался необдуманно на врага, а выжидал подходящего момента. Со стороны они, наверное, походили на старого волкодава и молодого щенка, пытавшегося что-то доказать.

«Плевать!»

Жнецы веселились уже вовсю. Подбадривали Ильгара, сыпали советами, как лучше нанести удар.

— Вырежи ему печень, малыш!

— Бей в глаз! Все одно — такой мешок с салом не проткнешь ножиком! Здесь и меча маловато будет!

— Сухожилие вскрой! Посмотрим, как хрыч на одной ноге скакать станет.

Барталин только усмехался, раз за разом кидал нож Ильгару и заставлял его биться. Когда у мальчишки не хватило сил подняться, воин присел перед ним, хлопнул по плечу.

— Вот так-то, сопляк, даже убивать надо учиться. Но ты бился хорошо... Вставай. Пора перекусить! И не забудь наш договор.

Ильгар поднялся. Посмотрел на реку. Шмыгнул носом.

За время пути обратно в деревню он не проронил ни слова.

Поселение выглядело чужим, незнакомым. Огонь искалечил деревья, от домов и землянок не осталось и следов, лишь буруны вспаханной почвы, сочащиеся влагой, да обугленные бревна. Тела мертвых мархов убрали. То ли сожгли, то ли утопили в реке.

В один миг он лишился всего.

Барталин усадил мальчика у костра, сунул в руки миску с кашей.

— Поешь.

Но он так и не притронулся к ложке, продолжая смотреть неотрывно в огонь, пожравший его близких и дом. Мысли были мрачными, как мертвый лес.

— Та девочка у реки — твоя сестра? — сочувственно спросил воин.

И тут Ильгара прорвало. Словно плотину смыло рекой. Он отшвырнул угощение, с ненавистью глянул на жнеца.

— Ей было девять. А вы убили ее. Как волхва, как деда, как тетку Анри с близнецами. Гьярда и Райя. Многих других. Что мы вам сделали? Почему вы напали на нас?

— Это война, малец, — вздохнул Барталин. — Жизнь за жизнь.

— Мы ни с кем не воюем!

— А как насчет ваших богов? — Подсел к ним жрец, не давший Берку пустить в дело топор у Каменки. Только сейчас мальчик смог разглядеть мужчину. Тогда не до того было. Высокий, взгляд острый, хищный, губы узкие, кривятся в презрительной усмешке. — Зуб даю — любят человеческую кровь проливать.

— Наши — мирные. Никому зла не чинят.

— В соседнем племени так же говорили. А вчера мы обнаружили у них пропавший недавно отряд. Головы нанизаны на жерди, вырезанные сердца — в чаше перед деревянным ликом бога. Сама деревня пустая, а следы к вашей ведут.

— К нам не приходили чужаки. Такое злодеяние наши боги не одобрили бы, — поубавил гнева Ильгар. — Вам надо было только спросить.

— А вам ответить, где ваши боги, — огрызнулся жрец. — Мы уж сами бы с ними потолковали, выпросили.

— Не наседай на мальчишку, Керк. Вспомни, как сам с нашим знаменем познакомился.

Они угрюмо помолчали, думая, каждый о своем.

— Мы для тебя злодеи, — сказал Барталин. — Согласен. Не с добром пришли. Но твои боги, чем лучше? Вы за них жизнь отдали. Они вас спасли, защитили?

Ильгар вспыхнул, отвернулся с досадой.

— То-то же. Вас предали. Как предали десятки и сотни иных племен... Богам наплевать на смертных. Они ради нас пальцем не пошевелят.

Правда была слишком горька и обидна. Соарты не пожелали вступить за них, отвернулись. Ведь могли запросто разметать жнецов по округе!

Не пожелали.

Еще вчера они пророчили им с сестрой великую судьбу, а сегодня он находится в плену, а Ная мертва... Лгуньи!

Он, сжав кулаки, вскочил с бревна.

— Где ваш предводитель? Отведите меня к нему!

Жрецы прочитали на лице мальчишки нечто такое, что заставило их поверить каждому его слову. Они знали, что чумазный и измученный юнец говорил правду. Глаза его потухли, голос звучал надтреснуто и холодно.

Ильгар честно предупредил захватчиков, что Спящие могут попросту не впустить их в свою тайную обитель. Заморочить, завести в Плачущие Топи или насладиться лесных чудовищ. Но жрецы не испугались. Напротив, загорелись еще большим желанием добраться до озерных божеств.

— А скажи нам, отрок, как вы назад, к деревне, добирались? По водопаду на лодке не вскарабкаться, — спросил один из жрецов. — Иной дороги, говоришь, нет?

— Нет, — кивнул согласно Ильгар. — Но на обратном пути из туннеля уже в другом месте выплываешь, не перед водопадом, а почти у деревни. Как такое случается — никто не знает. Ирхан — река колдовская, удивлять любит. А может, то дело рук Соарт.

— Чары нас не пугают. Нам ли их бояться? — гордо изрек старый жрец. — Вскоре ты

убедишься, что против нашей веры твои демоны бессильны.

Построив плоты, пустились в путь по руслу коварного Ирхана.

Предводитель жнецов, облаченный в тяжелые доспехи и белый плащ, по имени Геннер, которого с благоговением величали все Дарующим, подошел к угрюмо сидевшему на берегу Ильгару, когда плоты спускали на воду.

— Война — коварная шлюха, — промолвил он. — Она забирает самое дорогое, ничего не оставляя взамен. Я и сам потерял семью когда-то...

Геннер говорил о прошлом и будущем, вспоминал свои потери, соболезнавал утратам юнца. Слова — сухие и резкие, без прикрас, но настолько правильные... Оставалось поражаться — почему мархи не послушались его? Зачем проявили глупое упорство? Для чего? Ради Соарт? Этих надменных существ, не пожелавших спасти свой народ?

— Война скоро закончится, парень, — улыбнулся Геннер, посветлев лицом. — Не замыкайся в себе, брось разглядывать свою душу и, быть может, увидишь новый путь.

Вопреки опасениям, они легко преодолели опасные пороги и добрались до озера, посреди которого возвышался остров. Лишь водопад потрепал немного нервы, потопив один из плотов.

В Сердце Саяр природа померкла. Зеркальную гладь воды плотным ковром застлали желтые и красные листья, сам островок казался припорошенным медным снегом. Растительность пожухла, могучие корни исполинских деревьев усохли и растрескались. Во всем чувствовалось увядание, приближающаяся смерть. Тишина оглушала, люди ежились под ее гнетом, беспокойно оглядывались и боялись проронить даже слово.

Внезапно налетел ветер. Пахнуло холодом. В следующий миг под двумя плотами разверзлась воронка, утянув на дно с десятков вооруженных бойцов. Мгновение — и никаких следов буйства стихии не осталось. Поверхность озера казалась гладкой, ни малейшей ряби, хоть любуйся своим отражением. Жнецы яростнее заработали веслами, стараясь поскорее добраться до берега. Но воронка была лишь началом...

Тихий треск послышался со всех сторон. Озеро начало замерзать.

Хрустальная корочка, искрясь, быстро схватывалась на воде, догоняя плоты. Стоило ей настигнуть первый из них, раздался страшный хруст, и кричащих от страха людей сковало ледяным панцирем. Следом еще два плота обратились сверкающими глыбами, намертво вмерзшими в озеро.

Берег сулил спасение. Жнецы, добравшись до него, цеплялись за высохшие корни, ползли вверх, подальше от воды.

Едва отряд оказался на твердой земле, как лед разлетелся тысячей осколков, пронзая людей, словно кинжалами. Крики разнеслись над островком. Прижав ладони к посеченным до крови лицам, жнецы метались по суше, сея суматоху. Из пучины выскользнули щупальца водорослей, ухватили за ноги старого жреца и, к ужасу Ильгара, разорвали пополам.

— Наверх! — гаркнул Дарующий, размахивая скипетром. — Вперед, по ступеням! Держитесь подальше от воды!

Над их головами закрипели, страшно застонали деревья, осыпая людей листьями и кусками коры. Ветви разогнулись, метнулись жалящими плетями к воинам.

— Рубите прутья! — надсаживаясь, закричал Геннер.

Ильгара окружал хаос. Люди размахивали топорами, рубили и кромсали ивовые стволы и ветви, но толку было мало. Путья наносили хлесткие удары, оставляя на лицах и незащищенной коже захватчиков вздувшиеся отметины. Хуже всех приходилась жрецам,

отвергавшим любые доспехи. Их белые одежды превратились в окровавленные лохмотья, у одного вытек глаз, еще трое лишились ушей. Вооруженный отряд, сокрушивший на своем пути немало врагов, оказался разбит старыми деревьями.

— Хватит! — властный голос прекратил буйство природы.

Свесив измочаленные прутья к земле, ивы замерли. Тишину нарушали лишь стоны раненых.

Зазвучала тихая, печальная мелодия флейты. От ее звуков хотелось упасть на колени и зарыдать. Прожитая жизнь виделась тщетной, пустой и ненужной, мысли скверными, мечты смехотворными. Непреодолимое желание покончить с позорным существованием явилось как прозрение. От самоубийства жнецов удерживали только спеленавшие их по рукам и ногам поросли лозы и ивовые прутья.

К захватчикам приблизилась уже знакомая Ильгару троица. Спящие словно постарели за прошедший день. Волосы поседели, истончились, потеряли прежний лоск. Лица посерели, покрылись морщинами — подобно ивовой коре. Одежды висели свободно, заметно выцвели и выглядели неопрятными.

— Тщеславие вашего вдохновителя подобно пожару в лесу, где мы все — только деревья на его пути, — проговорила одна из Соарт.

— Но пусть это послужит вам уроком, — молвила вторая Спящая, обведя рукой поле боя. — Вы связались с силами, гораздо более древними и мудрыми, нежели ваш Сеятель. Придет время — огонь потушат. Что останется после него?

Третья Соарт отняла от губ флейту и проговорила:

— Пепел. Только пепел, и больше ничего.

— Если вы такие могущественные, почему не вступились за мое племя? — дернулся к ним из плена ивовых прутьев Ильгар. — Почему дали им умереть? Ваши слова лживы!

— Ты юн и глуп. Ты привел захватчиков в Сердце Саяр. Такова твоя преданность и признательность?

— Вы первые предали мой народ, — вскипел Ильгар. — Отвернулись от него в миг беды. Я отвернулся от вас.

— Это твой выбор, — кивнула одна из Спящих. — Твой позор и проклятие.

Неуловимым движением божество переместилось к нему. Изящная ладонь впечаталась в грудь. Вспыхнул огонь. Ильгар почувствовал боль, от которой помутнело в голове и подкосились ноги...

Спящие растаяли в воздухе.

В следующий миг дикая лоза освободила жнецов. Ивы, вырывая корни из земли и натужно скрипя, повалились в воду, подняв большие волны. Остров выглядел голым и мертвым.

Сердце Саяр опустело. Как опустела и душа Ильгара. Как стало пустым и ненужным его прошлое.

Лишь шрам на память...

Мерно покачиваясь в седле, Ильгар оглянулся. Подчиненные ехали чуть поодаль. Почти все моложе него. Лишь Барталин выделялся на их фоне, седовласый, суровый ветеран. Жесткий и опасный, как закаленный клинок. Дядька, одним словом. Он здорово помогал поддерживать порядок, и на разумные советы не скупился. Управлять даже десятком норовистых новобранцев — дело непростое и требует умелого подхода. Получив оружие, желторотые жнецы мнили себя непобедимыми воинами и рвались в любую переделку.

Именно поэтому юных солдатиков и отправляли сперва в резерв, где ветераны — вроде Барталины — живо выколачивали из буйных голов спесь и излишнюю горячность.

Ильгар с детства заметно отличался от сверстников и теперь, будучи старше подчиненных всего на год-другой, благодаря мрачноватому спокойствию и рассудительности, казался рядом с ними мужчиной, чье детство осталось далеко позади.

Он прищипорил коня, громко крикнул. Ветер засвистел в ушах: теплый, летний, наполненный ароматами молодой травы и запахом речного ила. Ильгар гнал и гнал скакуна вперед, на крутой холм, вздымая на разъезженной дороге клубы пыли... Десятник натянул поводья, придерживая жеребца. Прислушался к частому стуку сердца, выровнял дыхание. Промокнул взмокшее лицо рукавом и окинул взглядом реку. Ее берег усеивали палатки и десятки костров.

Безымянная река. Именно сюда стягивались резервные силы Армии Жнецов, чтобы подготовить все необходимое для переправы ударного отряда на другой берег. Разбив укрепления язычников по ту сторону Безымянной, военачальники планировали открыть новый, короткий и более безопасный путь к Облачному Морю.

— Умом не повредился, десятник? — хриплый и недовольный голос Барталины заставил Ильгара вздрогнуть. Он хорошо знал эти интонации и уже догадался, что за ними последует. — Кто ж по таким колдобинам несется во весь опор?

— Не сейчас, Барт...

— А я скажу кто, — не слушая его, с особым смаком принялся просвещать ветеран. — Болваны! Только болваны, не боящиеся свернуть шею, могут гнать скакуна на холм. Но юных болванов мне не жаль — вон, целый десяток таких про запас имеется! — а вот коняшку побережь следует, да... Уж больно породистый он. Нечета тебе.

Развернув вороную кобылку, Барталин пустил ее шагом вниз, напрямик к полевой кухне, откуда доносился манящий запах мясной похлебки. Вслед за ним потрусили и остальные воины десятка. Позади всех — угрюмые язычники Снурвельд и Марвин. Они совсем недавно переметнулись на сторону Сеятеля. Ильгар сомневался, что эти двое идут с ними ради просвещения или тешатся надеждой построить новый мир. Причина заключалась в другом: в отряде хорошо кормили, одевали и учили. В то время как их родное поселение — два десятка каменных хибар в пустынных землях, что раскинулись по левому берегу Араза, — подчистую выкосил голод. Когда в те ветреные края наведалься отряд жнецов, парни сами попросились в войско.

Ильгар поскакал к лагерю. Там было многолюдно и шумно. Первые отряды прибыли на берег Безымянной больше пяти недель назад и уже успели наладить нехитрый солдатский быт: палатки, шатры, полевую кузницу, кухню.

На привалах в Армии Жнецов допускались некоторые послабления, например, разбавленное вино, шлюхи, игральные кости. Но дороже всего для уставших воинов был сон. Долгий, спокойный сон. Тем удивительнее выглядела оживленная и галдящая толпа, тянувшая прочь из лагеря. Некоторые ели на ходу, запихивая в рот полоски вяленого мяса, и прикладывались к флягам. Другие даже не удосужились сбросить заплечные мешки и скатанные одеяла.

— Что стряслось? — спросил Ильгар у краснощекого вестового, спешившего куда-то с деревянным тубусом.

— К востоку от лагеря наши разведчики обнаружили деревеньку речного народа, — отчеканил паренек, словно докладывал не простому десятнику, а настоящему офицеру. —

Дома сожгли, язычников перебили, а захваченного в плен демона на закате казнят. Вот народ и идет посмотреть.

Ильгар кивнул, отпуская вестового. Слез с лошади, скривился, чувствуя, как ноющая боль расплзается по икрам, бедрам и ягодицам. Прихрамывая, направился к месту казни. Лживые боги никогда не походили друг на друга. Иногда их внешность была пугающей. Чаще смахивали на животных, лишь отдаленно напоминая человека. И, куда бы ни пришли воины Сеятеля, эти демоны, за редким исключением, оставались безучастны к судьбам своих народов. Спокойный при любых обстоятельствах, от этих мыслей Ильгар приходил в бешенство. Он помнил свои жалкие и бесполезные мольбы. Приди тогда Соарты — и все могло сложиться совершенно иначе. Разве не должны покровители защищать своих детей? Разве не для того люди служат божествам, чтобы в один день и божества послужили им? Но в ответ только тишина. Смерть в награду за века служения.

Жнец подавил вспыхнувший гнев, оглядел местность.

Безымянная несла мутные воды на юг. На другом берегу темнел густой лес, колыхалась на ветру высокая зеленая трава, просветы между деревьями загораживали кусты. Берег жнецов был гол, а склон, по которому спускались к воде воины, покрывал тонкий слой пепла. От камышовых хижин остались лишь пятна обожженной земли, трупы жителей поглотила река. Тошнотворный запах смерти все еще витал здесь.

Десятник плотнул воды из фляги, наблюдая за тем, как обнаженные по пояс мужчины вкапывают столб в песок, привязывают к нему коротышку с длинными зелеными волосами, обкладывают сухой травой и бревнами, готовя очищающий костер. Местный божок был весь покрыт чешуей, от него воняло илом. Демон выглядел оглушенным, растерянным, безостановочно мотал головой, будто не мог поверить, что некто пришел и разрушил его владычество. И тут блуждающий взгляд уперся в Ильгара. В чреве родился злобный крик:

— Предатель! Заклейменный!

Боль пронзила жнеца. Кожу на груди охватил огонь. Десятник покачнулся, но устоял на ногах. Медленно двинулся к столбу, не обращая внимания на жжение и ярость.

— Не больше, чем вы, боги, — процедил он сквозь зубы. — Как ты помог своему народу? Чем отплатил за столетия верного служения? Смертью? Гори ярко.

Ильгар выдернул из ножен кинжал и вонзил в плечо божку. Провернул. Лживый демон заверещал, забился в путах, расшвыривая перепончатыми ногами песок. Вместо крови хлынула бледная, смердящая жижа.

— Ты ничего не понимаешь... — прокашляло речное существо, взглянув на человека. — Ничегошеньки...

Десятник высвободил кинжал. Неспешно очистил лезвие песком и направился прочь от берега. Прочь от изумленных взглядов. Грудь по-прежнему нестерпимо болела, смятение царило в душе. Хотелось недолго побыть одному. Это потом он будет искать слова объяснений, писать рапорт о своей выходке, а сейчас всеобщее внимание только удручало. Парень пошел в степь. Шум лагеря слышался все слабее, из-под ног прыскали кузнечики, воздух сделался суше. Немилосердно припекало солнце.

Десятник наконец остыл. Успокоился. На ходу скинул кирасу, стеганку, отбросил в сторону перевязь и рухнул в высокую, по пояс, траву. В носу свербело от сладких запахов полевых цветов и зелени. Тишина обволакивала, умиротворяла. Ненависть без остатка растворилась в ней, оставив после себя лишь кислый привкус грусти.

— Офицеры с меня шкуру спустят, — пробормотал Ильгар.

Убивать демонов — удел жрецов и Дарующих, лишь они имели право проливать нечестивую кровь и разжигать очистительные костры. За удар кинжалом десятнику грозил выговор и одна из тех записей в личной грамоте, что навсегда оставит его в резервном полку.

Ильгар провел рукой по груди. На коже бугрился шрам от ожога — клеймо Соарт. Вечное напоминание предательства. Только чьего именно? Тут мнение божеств и его разнились. После гибели племени мархов и сестры он возненавидел ложных богов и поклялся изничтожить их всех.

Дарующий вылечил его тогда. Как лечил и возвращал к жизни почти мертвых солдат, получивших раны и увечья в битвах. Воистину это был бесценный дар Сеятеля, наделивший Геннера способностью исцелять...

В лагерь молодой жнец вернулся перед самым закатом, чувствуя себя глупцом и уже приготовившись получить строгий выговор от офицеров. Но дела, судя по всему, обстояли еще хуже. К себе его вызвал сам Дарующий.

— Постарайся объяснить свое поведение, десятник, — холодно проговорил Альхал Марлус. Невысокий и пухлый, он сидел за складным столиком в пустой палатке. Перед ним лежал свернутый пергамент, чуть левее на столешнице стояли письменные принадлежности. — Ты ведь знаешь, почему кровь демонов проливают жрецы?

— Так точно! Потому что они одни могут заключить сущность демонов в Амфору, — отчеканил Ильгар.

— Верно. Зачем ты сделал это?

— Виноват. Погорячился. Это все воспоминания... Ненавижу их! — он выпрямил спину и посмотрел прямо в глаза Альхалу. — Готов понести заслуженное наказание за проступок.

Какое-то время Дарующий молчал. Затем развернул пергамент, внимательно просмотрел аккуратную буквенную вязь. Вдохнул. Свернул пергамент, туго перевязал бечевой. Запечатал воском.

— Это послание Совета Дарующих, — спокойно проговорил Альхал Марлус. — Части наших войск перебрасывают обратно к Елге. В твои родные края. Им понадобились Плачущие Топи... Понимаешь, к чему клоню?

— Не совсем.

— Ты вырос в тех местах. Знаешь об особенностях леса и топей. С вами отправятся лучшие следопыты.

Ильгар никогда не думал, что судьба снова приведет его в земли ныне мертвого племени мархов...

Но быстро взял себя в руки, кивнул.

— Я служу Сеятелю. Куда прикажут — туда и пойду.

Ильгар плясал с мечом. Ноги устали, мышцы болели. Десятник не обращал внимания на разбитые в кровь костяшки левой руки, забыл про синяки и ссадины на теле. Он жил боем.

Их осталось трое. Кроме него — Барталин и Фаэстро. Последний — чужак из восьмого десятка, вызвавшийся разнообразить учебный поединок. Фаэстро был хорош и напорист; Ильгар уступал ему во всем. Барталин брал опытом, скупко расходуя силы. Временами умело сводил противников лицом к лицу, в то время как сам отдыхал, посмеиваясь над ними. Десятник пока держался. Природная ловкость берегла от могучих и хитрых ударов бойцов.

Защита. Контратака, пинок и два коротких, крест-накрест, взмаха. Стук учебных мечей, подбадривающие вопли зевак и выбывших из схватки солдат. Время исчезло, обратилось пылью, как и весь остальной мир. Есть только он и противники...

Короткий свист. Боль в плече, вкус пыли на губах и злость от поражения. Фаэстро достал-таки его!

Ильгар, ругаясь и потирая ушибы, направился к остальным воинам своего десятка. Молодой жнец подивился, как низко над землей висит солнце — времени с начала состязаний прошло немало, порадовался вечерней прохладе и с жадностью припал к запотевшему ковшу. Вода казалась вкуснее любого вина, вместе с ней в уставшее тело вливалась сила.

Остальные парни сидели в тени боярышника, сложив учебные мечи, и пуская по кругу трофейную трубку с длинным чубуком. Пахло мятой и малиной.

— Ты сегодня сам себя превзошел, десятник, — ухмыльнулся Тафель, выпуская в небо аккуратные колечки дыма. Лучник не принимал участие в схватке и выглядел свеженьким. — Обычно тебя пораньше выносят.

— Умник, — хмыкнул Ильгар. — Сам пойдя, попробуй деревьяхой помахать. Зуб даю — в шесть хлопков положат.

— Пойди, пойдя! — подначил товарища Партлин. — Может, побьешь мое достижение.

Все засмеялись. Толстяк прославился тем, что умудрился проиграть Нуру за десять хлопков. То был давний обычай Армии Жнецов: когда воины сходились в поединке, наблюдавшие за схваткой товарищи начинали ритмично хлопать. Так измерялось время боя. И Партлин пока являлся главным неудачником резервного полка.

— Смотрите-ка, — кивнул на сражающихся рыжебородый Нот. — Наш старик еще кое-что может.

Барталин если не превосходил, то уж точно не уступал более молодому противнику. Выверенные движения заставляли многих завистливо сжимать кулаки. Коренастый и пузатый, дядька обладал всеми качествами мечника: скорость, жесткость, расчетливость, ум. Его удары были не сильными, но точными и коварными. Целил он в самые сложные для защиты места — со стороны это заметно, да вот не каждый сумеет применить в драке. Но Фаэстро использовал свое главное преимущество — молодость. Жилистый, длиннорукий и высокий, он все-таки изматывал противника. Заставлял постоянно двигаться, думать, отводить атаки. Такая тактика приносила плоды. Рубашка Барталины пропиталась потом, редкие русые волосы мокрыми прядями липли ко лбу. Фаэстро теснил Дядьку к зарослям чертополоха, где холм резко шел под уклон.

— Все, допрыгался старикашка, — захохотал Партлин. — Сейчас ему ребра пересчитают...

Барталин покачнулся, сделал два быстрых шага и, зажав большим пальцем ноздрю, высморкался на сапог противнику. Тот словно на невидимую преграду наткнулся. Замер, расставив в стороны руки и ноги. Тут же получил удар под дых. Рухнул в пыль, лоя ртом воздух и нелепо подергивая ногами.

— Учись думать во время драки, салага, — прохрипел ветеран, вытирая покрасневший лоб. — Бой — не показная дуэль. Там убивать нужно, а не охмурять сисястых купеческих дочек и глухих горожанок!

Бойцы захохотали. Те, кто ставил на Фаэстро, с кислым видом отдавали долг более удачливым товарищам. Без парри не обходился ни один поединок.

Вдоволь насмеявшись, парни отправились к реке, смыть пот и грязь. Вода в Безымянной была студеной даже в такую жару, поток нес хвойные иголки. Причина этого стала понятна довольно скоро — дозорные разведали, что выше по течению начинается густой лес. Земля

становится каменистее, появляются первые заросли горных трав и цветов. Ледники Красных Гор оказались не так далеки, как предполагали картографы...

Ильгар уселся на гладкий валун, стянул сапоги и опустил натруженные ноги в воду. Он искоса поглядывал на своих подчиненных. Те потихоньку разбредались кто куда, пользуясь кратким отдыхом.

— Сколько ж там дичи! — мечтательно проговорил Морлин, разглядывая далекие косматые ели. Самый спокойный и задумчивый из всех ребят, он слегка подтолкнул Тафеля: — Ты как? Не прочь подстрелить что-нибудь на ужин?

— Нет уж, — отмахнулся тот. — Пока есть время — отдыхать нужно, а не шляться по лесам. Еды в лагере хватает, да и зверье мы уже распугали...

— Никакой охоты, — отрезал Ильгар. — Успеете по лесам находиться. Нур, Морлин, Кальтер — поднимайте зад и отправляйтесь на смену Снурвельду и Гуру. Партлин, Барталин и Нот сменят вас после заката.

Ребята недовольно заворчали, но десятник прикрикнул на них и велел собираться. Вооружившись луками и кинжалами, стрелки наблюдали, как Нур крепит к поясу топор и разматывает холстину на наконечнике рогатины.

Троица пошла вверх вдоль русла, на ходу обмениваясь мнениями о предстоящих странствиях.

— Увеличь вечернюю порцию вина, — шепнул десятнику Дядька. — Им предстоит долгая дорога.

Приказ отправляться на следующее утро в поход, ребятам не понравился. Они восприняли его с молчаливой покорностью, но в глазах читалось недовольство. Только что с длительного марша — и вот награда. Семнадцать дневных переходов, — по самым скромным подсчетам! — восемь дней сплава по реке Нарью и еще судьба ведает сколько пробираться лесами. Удалось немного сгладить углы, объяснив, что это их первое, по-настоящему боевое задание, порученное самими Дарующими.

Эти избранные уступали своей мудростью лишь Сеятелю и получали от него за заслуги бесценные дары: будь то целительство, понимание чужих языков или умение усмирять диких животных одним лишь взглядом. Благодаря их рвению и старанию империя Плуга разрасталась с каждым годом. Дарующие ничего не делали зря, не бросали слов на ветер, если им понадобились Топи — жнецы себе шею свернут, но отвоюют этот мерзкий и гнилой клочок земли.

Переодевшись в простую льняную одежду, Ильгар отправился к полевой кухне. После долгого боя желудок просил подбросить топлива...

— Эй, десятник! — остановил его веселый окрик. — С такой суровой мордой впору врагам глотки резать, а не с ложкой и миской расхаживать.

Ильгар улыбнулся.

По лагерю верхом на крупной каштановой кобылке ехал молодой мужчина. Одежда дорогая, украшенная вышивкой и шелковыми вставками. На шее висела серебряная цепочка с кулоном, перстни и кольца унизывали тонкие пальцы.

— Нерлин Валус, — поприветствовал его десятник. — Я думал, дамам не место на передовой.

Всадник легонько похлопал по навершию узкого кинжала в красивых ножнах, что висели на его поясе.

— Все мои дамы остались вздыхать по своему герою в Сайнарии.

— Вообще-то, дамой я назвал тебя. Ты в кого вырядился? Как баба, честное слово!

— А ты — как крестьянин с окраин. Хотя, чему удивляться... дикарь.

С этими словами Нерлин спрыгнул с лошади и, смеясь, угодил в дружеские объятия.

— Каким ветром занесло в эти края? — спросил, улыбаясь, Ильгар. — Последний раз, когда мы виделись, ты уезжал куда-то на север за тюленьим жиром для светильников и моржовой костью хрен пойми зачем.

— Еще вспомни, что было, когда мы увиделись в первый раз! — прыснул сын торговца. — Кто-то тогда вместо одежды носил мешок из-под картошки, а я — вонявший потом кожух старшего братца, перешитый под мой рост.

Нерлин отвел кобылку к коновязи, удила просунул в одно из колец, и затянул в узел.

— Меня сюда привели отцовские дела, — наконец ответил он на вопрос друга. — Старик совсем плох. Лежит пластом, только попердывает и стонет. Надо ж было так напиться, чтобы рухнуть с лошади и сломать бедро!

Ильгар помнил его отца. Высокий, грузный мужчина. Цепкий в делах, он уже тогда, больше пяти лет назад, наладил торговые связи со жнецами и частенько привозил в их лагерь всякую необходимую мелочевку, без которой на войне никак.

— Теперь все его дела на мне, — печально, но не без гордости продолжал Нерлин. — Старший брат открыл две лавки и гончарную мастерскую в Сайнарии, а сам с утра до ночи шарахается по борделям и кабакам. Ему некогда. Приходится поспевать везде мне. За последние полгода исколесил Гаргию вдоль и поперек.

— Вижу, ты преуспел, — Ильгар окинул его придирчивым взглядом.

— Это все благодаря северной кампании, — ухмыльнулся молодой торговец. — Помнишь поездку к Ледникам? С нее все и началось. Тяжело далось то путешествие. Больше половины людей умерло от цинги... пока отец не нашел замечательное средство. Тюлений жир и чай из хвои спасли много жизней... Так вот Армию постигла та же печальная участь. Спустя три месяца после начала кампании отец слег, дела встали, и семья покатила в пропасть. Тогда я продал Дарующим рецепт, на все оставшиеся деньги закупил лимонов, на остаток — кизила у горцев. Снарядил караван и сам повел его к Ледникам. Оттуда вернулся с набитыми серебром мешками, — он усмехнулся. — Хватка у меня покрепче отцовской будет. Дела идут в гору, семья богатеет.

— Ну ты и хвастун, — Ильгар задумчиво оглядел его поклажу. — А есть ли в этих тюках что-нибудь, способное поднять настроение уставшему солдату?

— Обижаешь! — Нерлин ловко отвернул угол грубого полотна, демонстрируя деревянный бочонок...

Захмелевший Ильгар шел к своей палатке. День выдался долгим, тело требовало отдыха. Молодой жнец мечтал лишь о спальнике, решив, что вытрясет снаряжение из интенданта следующим утром. Надо лишь держаться подальше от палаток офицеров, чтобы не схлопотать выговор.

Вдруг из темноты вынырнул Кальтер. Стрелок вырос в глухих чащобах на западе, отлично читал следы и умел передвигаться незаметно. Вот и сейчас ему удалось удивить десятника.

— Что такое? — устало спросил Ильгар. — Тебя уже сменили? Ты бледный, как привидение.

— Думаю, тебе стоит кое на что взглянуть, — тихо проговорил Кальтер. — Мы нашли нечто странное в лесу.

— Это не может подождать до утра?
Лучник покачал головой.

Тихое пение Айлы и скрип осей телеги придавали поездке особое очарование, навевая мечты и заставляя играть мыслями. Ард был счастлив. Первое большое путешествие! Сбылось заветное желание — отправиться в дальние земли на поиски приключений.

Мальчика все приводило в восхищение, вызывало живой интерес и обилие вопросов.

— Никогда бы не подумал, что в степи настолько красиво. Словно пестрый ковер раскинулся от края до края. А как здесь дышится легко. Правда?

— Угу, — мрачно соглашался Пард, трясаясь в седле буланой лошадки по правую сторону телеги.

— А река? Ты заметил, какая чистая вода в Тавур? Представь, я видел у самого дна мелких золотистых рыбок! Ты их тоже видел?

— Угу.

— А птицы? Слышал, как пели прошлой ночью, когда мы разбили лагерь в балке, поросшей клевером? Я не мог уснуть — слушал чудный щебет... Они замekli перед рассветом, и знаешь, я пожалел об этом. Готов был не смыкать глаз и дальше.

Здоровяк обреченно вздохнул.

— Угу.

Охранник не привык ездить в седле, и каждый раз, едва кобылка оступалась, на лице Парда отражались мучения. Он неоднократно повторял, что лучше отмахивать лигу за лигой на своих двоих, чем сбивать в кровь бедра и натирать мозоли там, где их и быть-то не должно! Какая уж тут природа...

Но Ард не замечал ничего, кроме богатого красками, непознанного мира, что окружал его последние дни. Перечитай хоть тысячи книг — пока не выйдешь из дому, Ваярия не раскроется перед тобой. Ее величие не переставало удивлять. Кругом таилось столько тайн, новых знаний. Хватит ли только времени, чтобы раскрыть во время путешествия все загадки?

Четверо верховых, две заводные кобылки, крытая повозка да телега с припасами — вот и весь караван, отбывший из трактира неделю назад. В повозке ехали втроем: Ард, Ландмир и Айла. Чуть впереди — пара наемников с труднопроизносимыми именами. Пард и Хередан — мечник, прикончивший жреца кочевников — скакали по бокам телеги, прикрывая путникам спины.

Элдмаир тоже рвался в дорогу, но его жена разродилась раньше срока двойней, и дядя остался ухаживать за ней и детьми, да следить за трактиром.

Для Арда соорудили ложе в телеге, и дни мальчишка проводил именно там. Рядом всегда находился Пард, получивший топор и старую куртку из вареной кожи. Здоровяк выглядел настоящим воином.

Поездка волновала. Неважно, чем закончится приключение, — оно само по себе было уже бесценно, — как стало неважно то, с чего оно началось.

А началось все с тяжелого разговора, полного холодных взглядов, отрывистых слов и покрасневших от стыда щек. Айла, чтоб ей пусто было, не испытывала никаких угрызений совести, рассказывая отцу о своей выходке. И на подробности не скупилась! «Как несгибаемая сталь, как раскаленная скала» — Ард до сих пор ежил, вспоминая ее метафоры. Отец же молча слушал. Но его глаза походили на две ледяные проруби с черной

водой, куда мальчишка окунался всякий раз, едва взгляд Ландмира останавливался на нем.

— Колдовство — веревка, — говорила кочевница, преспокойно отхлебывая из кружки теплое вино. — Если она не удушила тебя, не сломала шею, а лишь опутала, всегда можно найти узел и разрезать его.

Так много, как в тот вечер, Айла никогда не разговаривала.

Ландмир молчал долго. Ард ожидал, что тот раскричится, вышвырнет девку из трактира, а его, чего доброго, отлупит... Или убьет? Ведь так поступали в книгах ревнивцы и те, кого обманывали возлюбленные! Но отец просто слушал. Потом одним духом осушил полкувшина пива и спросил:

— Что за узлы и как их разрезать?

— Нужно особое место, — сказала девушка. — Такое, где много природной Тха.

— И ты знаешь, где оно?

Айла рассмеялась.

Через пять дней они покинули таверну и отправились на запад, за реку Тавур, за земли ваартанов, поклоняющихся огню и наносящих на кожу новорожденным жуткие ожоги, туда, где сливаются горные потоки Шавтар и Маятар. Где круглый год метут снега, а земля скована стужей.

Ледяная Чаша.

Так называла те безлюдные места кочевница. По легендам ее народа, когда-то давно их бог сразил там сторукое чудовище и получил право на степи. Это, скорее всего, лишь миф дикого племени, но даже если в конце пути ждет тупик, Ард не расстроится. Ведь дорога важнее всего!

Но почему-то в глупую сказку верил отец. Бросив дела и потратив деньги на повозку, припасы и наемников, Ландмир без раздумий рванул в чужие края.

Все дело в Айле — так считал Ард. Ради нее отец готов на все. Ну, и ради него, конечно, тоже... Кочевница как-то обронила, что для Ландмира исцеление сына — дань погибшей возлюбленной, которую не сумел защитить.

Дни следовали за днями. Странники все дальше уезжали от родных краев. Дикие леса сменялись островками обжитой земли, деревеньками, распаханными полями, даже небольшими городками, обнесенными частоколами и рвами, и каждое поселение удивляло своими обычаями и укладами жизни, которым тысячи лет. Некоторые городки путники объезжали стороной, в иных останавливались, пополняя запасы. Пользуясь случаем, Ард расспрашивал стариков, детей и праздно шатающийся народ о всяких пустяках, вызвавших его любопытство. Мальчику удавалось найти общий язык с кем угодно. Жалость в глазах собеседников не ранила, как бывало прежде. Он принимал ее вместе со знаниями.

Пять недель пути — и они оказались в землях ваартанов. Вряд ли на свете существовал край менее благодатный.

Когда-то здесь простирались могучие леса, шелестело зеленое море травы, журчали реки, нынче все превратилось в пыль, шлак и уголь. Взгляд натывался только на обгоревшие дубы, пересохшие русла и колючие кустарники, которым и вода-то не нужна. Ни птиц, ни зверей. Спекшаяся земля красноватого оттенка да далекие очертания гор.

Ветер озлобленно трепал полог, свистел в щелях и кружил сор и пыль.

— Плохая земля, — покачала головой Айла. — Нет места для пастбищ.

— Для людей — тоже, — хмыкнул Ландмир. — Лишь племя богини Ваартаны способно здесь существовать. Брат как-то привозил сюда вино на обмен. Хотел выторговать несколько

бочек «крови земли», которую добывают местные. Его обмазали глиной и собирались бросить в костер, но он умудрился убежать. Лучше держаться от поселений подальше...

— Я читал, что огнепоклонники хотят сжечь весь мир, — сказал Ард. — Они всегда куда-то идут. Медленно. И жгут все на пути.

— Мир слишком велик для них, — отмахнулся отец. — Это племя — капелька в океане. Мир проглотит их, пережует и выплюнет.

На ночь решили не разбивать лагерь. Лучше не рисковать и пересечь выжженные земли как можно быстрее.

Закат явил собой зрелище, от которого Арда прошиб холодный пот. Мальчик высунулся из повозки и, вцепившись в борта, во все глаза таращился на запад.

Черное небо там побагровело, озаренное сотнями, или даже тысячами костров. Воздух наполнился чадом. Порывы ветра несли над землей снопы искр, напоминавших рой огненных светлячков, кружащихся в завораживающем танце. Где-то вдали раздавался нестройный хор голосов. Били барабаны, наполняя равнину гулом.

Сухая выжженная почва хрустела под колесами повозки. За проехавшими чуть вперед наемниками поднимался шлейф пепла.

Наглотавшись пыли, Ард долго кашлял, размазывая выступившие слезы по щекам.

— Глупый мальчик! — хохотала Айла, вытирая ему лицо влажной тряпицей. — Твой рот такой, словно ты кушал уголь.

Спать в трясущейся повозке было неудобно, к тому же, барабанный бой не умолкал ни на мгновение и прекратился лишь с первыми лучами солнца. Пустоши огласили радостные крики, затем все стихло.

Позвав Парда, мальчик попросил перенести его в телегу.

Он так и уснул, лежа на боку и глядя, как потихоньку рассеивается дымное марево на западе. Дети богини Ваартаны захватили его мысли и сны. Известно об этом племени крайне мало. Чужаков не любили, прогоняли. С теми, кто приходил с оружием в руках, разбирались настолько сурово, что у мальчика от одних только рассказов дрожали пальцы.

На следующее утро он убедился, что легенды не лгут.

Сначала странники приняли темнеющий впереди силуэт за одиноко бредущего человека. Но подъехав ближе, увидели статую из обожженной глины. Кое-где красный панцирь потрескался, обнажив почерневшую плоть.

— Твой брат мог закончить так же? — холодно спросила Айла.

— Да, — ответил Ландмир.

— А мой народ не такой дикий, каким кажется...

Миновав пепелище, они выбрали в просторную долину, над которой нависали горные кручи.

Ард с сожалением перебрался из телеги в фургон. Ветер крепчал, сек кожу и ловко пробирался под одежду, выдувая остатки тепла. Дыхание обращалось клубами пара, а по утрам землю серебрил иней. Все чаще на пути попадались крепенькие пушистые ели и мелкие хвойные кустарники. В родниках и речушках искрилась вода. Торные дороги сменились на едва заметные колеи.

Издали видели студеную Маятар. Ее берега обросли льдом, оттуда веяло невообразимым холодом.

Айла откровенно страдала и даже перестала совершать излюбленные верховые прогулки. Закуталась в шкуры и шерстяные шарфы так, что только нос торчал, и постоянно

ругалась на своем птичьем языке. Отец посмеивался над ней, но и сам набросил на плечи тяжелый плащ с меховым подбоем. На сына нахлобучил шапку из бараньей шерсти, рукавицы и старую, но довольно теплую накидку. Шевелиться в такой одежде было неудобно, зато мальчишка перестал мерзнуть.

Спутники тоже утеплились, лишь Хередан не сменил своего облачения из вареной кожи и шерсти. Горец называл этот ветерок смешным, а холода — детскими. Пард, напялив поверх двух рубах грубый кожух, дремал в седле: за время дороги здоровяк научился этому трюку у наемников.

Если раньше горы казались Арду лишь размытыми очертаниями на горизонте, то теперь он мог рассмотреть окутанные туманами кряжи, а в ясные дни — снежные шапки на вершинах.

— Нужно найти подгорные поселения и расспросить про дорогу, — сказал как-то Ландмир во время ужина на ночной стоянке. Он жевал полоску сушеного мяса и задумчиво глядел в огонь.

— Дорога есть, — ответила Айла. Она сидела совсем рядом с костром и время от времени подставляла оранжевым языкам пламени замерзшие пальцы. — Наш бог по ней пришел в Чашу. Говорят, Яакхэ, его скакун, прогрыз тропу сквозь камень.

— Забавная легенда, — хмыкнул отец, пригладив отросшую за время дороги бородку.

— Верно. Забавная, — кочевница коротко взглянула на мальчишку, и тот почувствовал озноб. В голове сразу нарисовалась чудовищная картина, как конь пожирал девушку. Чудовище выглядело старым, громадным и мощным. Если этот конь существует взаправду, то на заре времен вполне мог проторить путь сквозь камни...

Одвар — один из наемников, настоящее имя которого состояло из восьми частей, — вызвался научить Ландмира стрелять из лука. Ард с интересом наблюдал, как отец, раз за разом, мажет мимо цели, ругается и отчаянно потрясает кулаками. Айла с усмешкой отстранила его и легко поразила мишень.

— Лук — не для тебя, — сказал Ландмиру наемник. — Вот твоя женщина — другое дело. У нее меткий глаз и сильные руки. К концу путешествия будет стрелять как Вальд, — он указал на своего напарника.

— Что ж, не получится из меня великого стрелка, — с напускным огорчением произнес отец, усаживаясь рядом с Ардом и обнимая его за плечи. — Оставим эту забаву Айле. Мне гораздо больше нравится быть торговцем... и отцом.

Мальчика это тоже устраивало.

Вскоре они нашли-таки крохотное поселение у незамерзающего озера, посреди которого, в ледовом капище, жил бог. По словам местных проход через горы действительно существует. Вернее — их два. К одному придется плестись через безжизненную снежную степь, где пересекаются холодные реки, задувают злые северные ветра и нет никакой жизни, а к другому — через узкий и длинный распадок. Там склоны надежно защищают от ветра, много хвойных кустарников, сосен, и даже встречается дичь. Но ушедшие туда путники редко возвращались.

Ландмир пораскинул мозгами и решил отправиться через распадок, посчитав, что без проводника легко заплутать в степях. В то время как по второй дороге проще добраться до прохода. Рыбаки предупредили, что путь могли перекрыть обвалы, однако отец решил рискнуть.

От былой романтики не осталось и следа.

Нагромождение обломков скал, горы поросшего травой щебня, все это создавало сотни удобных для засады мест. Наемники заметно нервничали, им постоянно приходилось выезжать вперед на разведку. Но Ландмир платил за службу щедро, так что никто не роптал.

Тишину неприветливого края нарушал вой ветра, да редкое карканье больших черных ворон, что сидели стаями на ветвях сосен и кедров.

Дорога вилась узкой лентой, каменные гребни нависали над ней с двух сторон, создавая сумрак. Небо застилали серые снежные тучи.

Путники чувствовали себя неудобно.

А когда дорогу преградила группа кряжистых, вооруженных дубинами и короткими копьями чужаков, уверились окончательно, что лучше бы направились в ледяную пустошь.

— Ная, ты первая. Убей его!

Следовало шагнуть вперед, поблагодарить наставников за оказанную честь и отправляться выполнять задание. Следовало. Но сознание словно оцепенело, а девочка-ящерка, скулящая внутри нее от ужаса, умоляла броситься наутек. Поддайся Ная этому желанию — и совершила бы роковую ошибку. Помнила, как зверь расправлялся с теми, кто бежал в страхе или застыл камнем. И если она сейчас же не возьмет себя в руки, то окажется первой выбывшей. Пожелтевшими костями на скамье в пещере.

Задеревеневшие ноги шагнули вперед.

— Мудрейшие, прошу доверить это испытание мне, — опередил ее Лидо.

П арень вальяжно выплыл из шеренги учеников, посмотрел на Наю насмешливо. Неужели страх настолько явно написан на ее лице? Следовало разозлиться на себя за слабость, обругать последними словами, даже врезать кулаком в челюсть для встряски! Следовало. Но предательское чувство облегчения, что разбираться с чудовищем вызвался другой, притушило злость. Кагар-Радшу перевел холодный взгляд с Лидо на Наю.

— Ты согласна отдать право начать испытание?

Скажи она — да, и это стало бы не меньшей ошибкой, чем бежать от чудовища. В клане колдунов не терпели трусов. Не было места сомневающимся и нерешительным. Малейшая заминка во время прорыва границы равнялась гибели. Не только совершившего оплошность привратника, но и его товарищей.

— Нет! Задание мое!

Лицо Призванного осталось бесстрастным, но из глаз исчезло холодное отчуждение.

— Приступай.

Лидо погрузился, скрипнул с досады зубами, неохотно вернулся к остальным.

Злорадство — недостойное чувство для Привратника, но Ная испытала удовлетворение. «Уели тебя, выскочка? Нечего за счет других перед наставниками выслуживаться».

— Мне нужны мои кинжалы.

Бровь Кагар-Радшу взмыла в язвительном удивлении вверх.

— Ты собралась сражаться с порождением смерти простым железом?

Совершать такую глупость она не намеревалась. Но от нее ждали дела, а не объяснений, и Ная с молчаливым упрямством стояла и ждала.

— Принесите кинжалы, — разрешил Призванный.

«Вороненок» бросился к настилу, прикрытому темной тканью, достал «сестренку», протянул девушке. Ная закрепила перевязь с оружием на бедрах, поклонилась колдунам и направилась к чудовищу.

Сейчас она могла рассмотреть его хорошенько. И увиденное не радовало. Зверь был огромен. Вблизи еще ужаснее и омерзительнее, чем показался в полубреду на реке. Седая косматая шерсть потрескивала искрами при движении. Куски разложившейся плоти свисали с почерневших оголенных ребер. В пустых глазницах плясало желтое пламя. Из разинутой пасти капала слюна. А из черепа торчали сломанные кости, покрытые мхом.

На нее надвигался горный медведь, поднятый из мертвых. Самый большой медведь, существовавший когда-либо в мире. И он был очень зол.

Следовало быстрее решать, как с ним справиться. Вскоре придется сменить

неторопливый шаг на бег и начать действовать. Пришло время доказать, что колдуны не напрасно обучали ее семь лет.

Девушка стянула с головы шарф, замотала до глаз лицо. Наклонилась, захватила горсть щебенки, роняя слова заклинания. Стоило ей взяться за испытание, страх отступил. Мысли четко выстраивались в голове, как ловчее выполнить задание. Учув чужой запах, медведь развернулся мордой к предполагаемому противнику, зарычал и устремился вперед огромными прыжками. Ная выдохнула и побежала. Но не от зверя, а навстречу.

Они быстро сближались. Девушка поднажала, стараясь перехватить чудовище, пока оно двигалось по узкому проходу между скалами. Если позволить ему выбраться на открытое место, задумка не удастся.

От зверя нестерпимо несло мертвечиной. К горлу подкатила тошнота, на глаза навернулись слезы. Терпеть! Терпеть! Как только она оказалась от твари на расстоянии броска, рука метнула камни. Из горла вырвался резкий крик. «Тэру! Чхаз! Айри!» И щебенке обратилась в огненную пыль. Медведь взвыл, взметнулся на задние лапы. Раздирая когтями морду, повалился на спину, закрутился, елозя пастью по земле. Не теряя времени, девушка выхватила «сестренку», полоснула себе по рукам выше запястий.

— Твоя кровь будет окуплена моей кровью, — пробормотала, начертав на земле окровавленным кинжалом сдерживающий магический знак. После чего воткнула в центр одну из Сестренек. Разрушить колдовство на крови практически невозможно. А умертвию с ним тем более не справиться.

Поднырнув под лапами обезумевшего зверя, перебежала на противоположную сторону прохода. Еще один знак. И вторая Сестренка в центр. Вход и выход запечатаны. Отступать твари некуда. Теперь самое сложное. Платок с плеча долой. Ткань на две половинки. Обмакнуть в кровь на руке. Рывок в два десятка шагов, прыжок на уступ скалы с левой стороны, половину платка в щель. Теперь тоже самое — справа.

Готово.

Тварь, почувствовав захлопнувшуюся клетку, заметалась, рванулась к Ная. Тщетно. Невидимые стены прочно удерживали на расстоянии от девушки. Вытянув вперед руку ладонью вниз, Ная выкрикнула хрипло:

— Айри! Чхаз! Тэру! — Пальцы сжались. Левая рука ударила по кулаку правой сначала сверху, затем снизу. — Пришедший из ниоткуда, уйди в никуда. Мать Смерть, заberi того, кто не принадлежит этому миру.

Пространство внутри незримой клетки подернулось, зарябило, смазалось и сложилось с громким хлопком. Чудовище бесследно исчезло.

Удалось!

Ная опустилась на ближайший камень, перевела дыхание. Такой измотанной она себя давно не чувствовала. Пот стекал по вискам, желудок скручивали спазмы. Но поддаваться усталости рано. Переборов рвотные позывы, девушка встала, на ослабших ногах забралась обратно на скалы, выдернула из щелей лоскуты платка, тут же спалила щелчком пальцев. Только глупец оставляет без пригляда вещи со следами своей крови. Затем вытащила из земли кинжалы. Обтерев об одежду, сунула в ножны. Ласково погладила. Сегодня «сестренки» славно потрудились.

Наставники встретили ее непроницаемым выражением на лицах. Легче по облакам прочесть будущее, чем определить, довольны колдуны или нет. Кагар-Радшу поднялся со скамейки.

— Ты провозишься дольше, чем следовало, но задание выполнено. Первое испытание засчитано. Так ведь, мудрейшие? — Он обернулся к колдунам. Те кивнули.

Ная поклонилась и направилась к сидевшим прямо на земле ученикам. Плюхнулась на задницу возле Саи.

— Тяжело пришлось? — посочувствовала девушка.

— Терпимо.

— Ну ты ловкачка, не ожидал, — похлопал Наю по плечу Тэзир.

— Сгинь! — обожгла она его взглядом.

— Кто следующий? — раздался очередной вопрос Призванного.

— Я! — выступил вперед Лидо.

Кто б сомневался. Парень рвется в бой. Не терпится показать свое мастерство.

— Тебе нужно оружие? — спросил Кагар-Радшу.

— Мое оружие здесь, — Лидо постучал пальцем по лбу.

— Что ж, удиви нас, — Призванный вернулся на скамью.

— Учитесь, детишки, — бросил снисходительно Лидо ученикам.

— Без выпендрежа никуда, — буркнул Тэзир. Не сдержавшись, крикнул вслед. — Яйца береги, а то оттяпают!

Лидо ответил ему тайком неприличным жестом. «Как дети. И это будущие Привратники!» Ная устало прикрыла глаза. Любоваться на подвиги красавчика не имелось желания. К его силе еще бы малость мозгов и скромности. Но раздавшееся в воздухе хлопанье крыльев напрочь прогнало сон. Незыблемая... дракон! Красная, с фиолетовым отливом чешуя, перепончатые широкие крылья, длинная шея, голова с витыми рогами на висках, гибкий длинный хвост, трехпалые лапы. А наставники уверяли, что драконы исчезли давно.

Ящер с пронзительным криком пронесся низко над землей, заставив Лидо упасть лицом в пыль. Рядом с головой воткнулась костяная игла размером с ладонь. А птичка с гонором. И крылышки с сюрпризом. Надо отдать должное, парень не спасовал и среагировал мгновенно. Едва над ним промелькнула тень, вскочил, сдернул опоясывающий талию медный обруч, заклинанием превратил его в поблескивающую металлическими волокнами веревку. Как только дракон опять пошел в атаку, захлестнул петлей вокруг шеи. Ящер взревел, мотнул головой, пытаясь стряхнуть ошейник, выпустил струю огня. Лидо еле успел увернуться и выставить силовой щит, однако веревки не выпустил. Дракон потащил ученика волоком по ущелью, выбирая наиболее каменистые места. Накрутив поводок на руку, парень сорвал с плеча платок и сотворил из него кнут с ледяными шипами. Выпалив заклинание покорности, стегнул пару раз дракона. Взмах красных крыльев замедлился. Воспользовавшись этим, Лидо вскочил ящеру на спину. Тот кувыркнулся, но красавчик удержался, приветил непокорного кнутом. Месть не заставила себя ждать. Дракон вошел крученной свечой в небо, скрывшись в облаках. Лидо можно было пожалеть. В легкой одежде только над снежными вершинами парить.

Задрав головы, ученики и наставники высматривали в небе красную точку.

— Окоченеет, бедняга. В зеркало не гляди — отморозит яйца, — выдал Тэзир глубокомысленно.

Дракон появился неожиданно. Сделав крутой вираж, плавно приземлился на землю. Порядком замерзший, Лидо соскочил со спины ящера, по-хозяйски поставил ногу на его склоненную в покорности шею.

— Мудрейшие, я выполнил задание. Я сделал даже больше — приручил дракона. И теперь он подвластен моей воле.

Его лицо светилось гордостью и самодовольством.

— Любит, шельмец, покрасоваться, — проворчал Тэзир.

— Брось завидовать. Он молодец, — одернул его Витог.

— И еще какой. Так мастерски управиться с драконом, — добавила Алишта восхищенно.

— Хвастун, конечно, но похвалу заслужил честно, — поддержал Арки.

С этим не поспоришь. Прокатиться верхом на драконе — не у каждого хватит отваги. Даже, невзирая на то, что клан Саи и Лидо практиковал укрощение иномирных тварей. Отсюда и пристрастие к поясам, лентам в волосах, ремням, шарфам, которые превращались в руках усмирителей в не менее грозное оружие.

Каждое из четырех селений отдавало предпочтение определенному виду колдовства, главенствующему над другими знаниями и умениями. Клан Наи — управлением огня, клан Карей, Витога, Арки и Тезира — развоплощением злобных духов, клан Алишты и Кайтур — умением вытягивать из всего и всех силу.

Однако принадлежность Лидо к клану Усмирителей несколько не умоляла его заслуг. Дракон повержен, покорен, едва не лижет ноги парню как ручной пес, издавая миролюбивое урчание. А в глазах... А вот глаза ящера Нае не понравились. Полуприкрытые, затянутые пеленой смирения... и жгущие ненавистью. Всполохи золотого пламени уже разрастались в них бушующим смерчем. Урчание незаметно перешло в рык, а гибкий хвост заскользил к шее.

— Лидо, берегись! — выкрикнул Арки. Значит, и он почувствовал неладное, заметил изменение в поведении дракона.

Парень начал оборачиваться. Но слишком медленно. Слишком поздно. Хвост ящера захлестнул шею, сдавил до хруста. Дракон, казавшийся сломленным и покоренным, преобразился. От бывшего смирения не осталось и следа. Голова взметнулась гордо вверх, распахнувшаяся пасть выдохнула струю огня. Одежда на Лидо занялась пламенем, превратив его в живой факел. Но к тому времени ученик был уже мертв. На ящера сверху упала светящаяся сеть. Призванный стягивал ее, пока дракон не уменьшился до размера горошины. Алая бусина, переплетенная серебристыми нитями, всплыла мыльным пузырем к облакам. Над ущельем повисла тишина. Такого поворота событий никто не ожидал.

Поистине непредсказуема прихоть Незыблемой...

— Это вам урок, — произнес Кагар-Радшу, обведя учеников гневным взглядом. — Вы должны уяснить накрепко. Наша работа не потеха, в ней нет места бахвальству, гордыне, самолюбованию. Тот, кто хочет вызывать восхищение у толпы — пусть идет в скоморохи. У нас другая миссия. Мы — единственные, кто стоит на страже между мирами живых и мертвых, не пуская сюда нежить. От вас требуется полная самоотдача, внимательность, прозорливость, предчувствие опасности и преданность делу. Забудьте, что было прежде. Теперь мы — Привратники. Чувства в нас мертвы, а мы незыблемы, как сама Мать Смерть. Мы питаемся ее силой. И благодаря этой силе мир живых за нашими спинами продолжает существовать. Это единственное, что имеет значение для нас. А теперь я спрашиваю. Кто следующий?

Ная толкнула Саю в бок.

— Иди. Сделай это сейчас. Или не сделаешь никогда.

Девушка посмотрела на нее жалобно, но подчинилась, встала на ноги.

— Я.

— Уверена, что справишься? — нахмурил брови Призванный.

— Да.

— Тогда убеди нас в этом.

Хлопок ладоней — и с неба на землю спикировал давешний красный дракон.

А Призванный шутник.... И хороший стратег. Нельзя оставлять за спиной непреодоленный страх. Все равно, что врага. Только бы Сая не струхнула.

Но Мышка — неприметная и пугливая, на деле оказалась сообразительной и решительной. Стянутый с головы шарф под ее руками вырос в длинное полотнище, развевающееся на ветру. Круговое движение ладони и, скрутившись кольцами, оно метнулось навстречу дракону, поймав его в силки и спеленав, точно младенца. Обездвиженный ящер рухнул на землю, забился в пугах. Наученная горьким опытом Лидо, Сая стянула их сильнее. А потом земля рядом с девушкой зашевелилась, наружу просочилась тень: мерзкая, колышущаяся, напоминающая огромного... очень голодного слизняка. Она подползла к дракону, и за пять ударов сердца поглотила его без остатка, после чего скрылась опять под землей. Безупречно выполненное задание вызвало одобрительные улыбки у наставников, а ученикам вернуло уверенность в успехе. Если уж Мышка смогла....

Один за другим они выходили на схватку со своими чудовищами и возвращались с победой. Особенно ошеломил всех Арки, справившийся с испытанием, едва приступил к нему. Как только скала начала превращаться в хищную тварь, похожую на снежного льва с хвостом скорпиона, он обрушил на нее созданный заклинанием из воздуха гигантский молот. В тот момент пригнулись не только ученики, но и наставники. А брызнувшее каменное крошево заставило всех выставить силовые щиты. Скалы как не было, лишь черное облако разъедающей глаза пыли накрывало ущелье. От книгочая такой прыти никто не ожидал. Колдуны его клана не скрывали гордости за ученика. Ложку яда в их радость добавил Кагар-Радшу, с равнодушием взиравший на гору щебенки на месте скалы.

— Не велика заслуга — свалить быка кувалдой. Гораздо сложнее сбить на лету муху, попав булавкой ей в глаз. Но задание выполнено. И засчитано, — он поднял руки, призывая к всеобщей тишине. — Первое испытание окончено. До вечера ученики свободны и могут отдыхать. На закате продолжим.

Будущие Привратники поплелись вслед за «воронятами» к селению, где их ждали теплые комнаты и горячая еда. Но полезет ли она сейчас кому-нибудь в рот? Слишком велико еще напряжение от прошедшего испытания, свежа память о гибели Лидо.

Наю брало раздражение от столь нелепой смерти. Вроде и знала парня шапочно — ни брат, ни друг и сомнение через край, а будь жив, так бы и заехала в морду кулаком, встряхнула, крикнула: «Идиот! Где твои глаза были?! Как не почувствовал ярость драконью?!» А впрочем, не жалко дурака. Сам нарвался. Незыблемая неуважения к себе не прощает. Кагар-Радшу прав, это им урок, чтобы были всегда настороже, иначе окажутся на месте Лидо.

Сая догнала Арки, идущего перед Наей, слегка двинула локтем.

— Не расстраивайся. Ты молодец. Лихо с заданием справился. А наставники всегда ворчат и требуют большего.

— Я не расстраиваюсь. И самое удивительное, согласен. Грубая была работа. Быстрая, эффективная и, тем не менее, неряшливая. Вот у тебя вышли кружева, а я так...

Он махнул рукой.

В трапезной гостиного дома им предложили горячую похлебку из баранины, но как Ная и предвидела, ученики только повозили ложками в мисках, едва притронувшись к еде. Один Тэзир умял свою порцию и попросил добавки. Вот нервы у человека крепкие.

Попивая из кружек дымящийся травяной отвар, они с изумлением и укором косились на жующего с аппетитом парня.

— Тебе не поплохеет? Столько сожрать? — не выдержала Карей

— Не-а, в самый раз. Я бы еще кусок сочного поджаренного мяса умял, но, увы, не предложили.

— Толстокожий ты, Тэзир. Как тебе еда в горле комом не встает? — Витог, подув, отхлебнул из кружки.

— А чего ей застревать? Приготовлено вкусно, я замерз, устал, проголодался. Надо набираться сил перед новым испытанием. И вам советую. На пустой живот не особо помашешь оружием или повоюешь с призраками, — Тэзир промокнул лепешкой остатки похлебки, отправил кусочек в рот, с наслаждением прожевал. — Вот теперь чувствую себя сытым и добродушным. Можно и вздремнуть, пока не позовут.

— А на гибель Лидо тебе совсем наплевать? — вспылила Алишта. — На его месте мог оказаться любой из нас.

— Не любой! — отрезал парень. — Я бы точно не оказался. Потому что, помимо сомнений, должны быть еще мозги и глаза на затылке. Без этого в нашем деле никак. И морить из-за него себя голодом — не собираюсь. Он не первый и не последний погибший. Мне жаль того, кто отдает жизнь с пользой, а не по тупости. Если кому-то нравится оплакивать всяких недотеп — тому не место в клане колдунов. Привыкайте к смерти, мальчики и девочки, — Тэзир поднялся с лавки, поставил пустую миску на ребро, крутанул волчком и покинул трапезную.

После его слов расхотелось пить даже придающий силы отвар. Посидели молчком, позыркали друг на дружку в гнетущей тишине, соглашаясь в душе с отвратительной правдой Тэзира, и разбрелись по своим комнатам. Отдохнуть перед новым испытанием, действительно, не помешало бы.

Едва Ная прилегла на лежанку, в дверь постучали. На пороге стоял балагур. Блудливая улыбка на губах, незамутненный, нахальный взгляд бесстыжих глаз.

— Чего тебе?

— Да вот подумал, вдруг тебе одиноко и холодно, хочется ощутить поддержку дружеского плеча. Я бы мог...

— Не можешь, — оборвала она, резко захлопнув перед ним дверь.

Тэзир поскребся немного, затих. Затем опять постучал. «Вот придурок надоедливый, поспать не дает. Ну, получишь ты сейчас!» Сжав кулак, вскочила с лежанки, рывком распахнула дверь.

— Я сказала — проваливай! — она еле успела остановить занесенную для удара руку, увидев в коридоре Кагар-Радшу. — Простите, учитель, я приняла вас за другого.

Призванный вошел в комнату, выговорил в привычной для него манере, сохраняя бесстрастное выражение на лице:

— Похоже, стоит напомнить, что вам выделили время на отдых и подготовку к испытанию, а не на игры с мальчиками.

— Я этим и занималась, просто один... — у нее чуть не сорвалось с языка придурок, —

ученик ошибся дверью.

Призванный сделал вид, что поверил. Закрыв дверь, указал на лежанку.

— Сядь, нам надо поговорить.

Ная послушно выполнила приказ.

— То, что я скажу, обязано навсегда остаться в стенах этой комнаты. Никто о нашем разговоре не должен ничего знать.

«А вот это уже интересно. Секреты? Среди колдунов?»

— Ты неплохо выполнила первое задание, но тебе необходимо победить и в остальных испытаниях. Ты должна обойти всех! — тон учителя звучал непререкаемо, и ей не следовало спорить. Не следовало.

— Но разве мы соревнуемся друг с другом, а не показываем, на что способен каждый из нас?

Губы Кагара сжались в жесткую линию.

— Не строй из себя наивную простоту. Я не обязан посвящать тебя во все тонкости отношений между кланами. Просто победи, стань лучшей. Это очень важно для твоих наставников. Используй на полную мощь умения и ум. Твой успех возвысит еще на одну ступень наш клан и даст право на использование дополнительной подпитки силы Незыблемой, — голос Призванного стал вкрадчивым, взгляд прожигающим насквозь. — Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

Еще бы она не понимала. И не помнила.

Когда Призванный ушел, Ная перекинула волосы через плечо, провела пальцами по выпуклому знаку сзади на шее — закручивающейся спиралью веточке плюща. Метка Матери Смерти.

...Знала бы она тогда, какой урок подготовил ей Кагар-Радшу, когда велел отправляться к новому наставнику и выполнять все его указания. Учитель носил прозвище Скорняк и был необычной, странной личностью в клане, вызывавшей поначалу у нее любопытство и опаску. Нелюдимый, неразговорчивый, предпочитавший жить в отдалении от других колдунов, он всегда одевался в черный балахон с капюшоном, надвинутым низко на лицо. Скорняк двигался, словно хищник на охоте — плавно и быстро. Мог внезапно появиться за спиной и также незаметно исчезнуть. Даже другие наставники сторонились его и побаивались. Беря с них пример, Ная тоже старалась всячески избегать встреч с диковатым колдуном. И вот теперь пришлось идти к Скорняку, перенимать его науку.

Когда она вошла, наставник сидел на низкой скамейке и точил кнеф. Вжик-вжик — ходило плавно точило по лезвию, доводя его до идеальной остроты. Хотя, куда, казалось бы, еще острее! Брось перышко — пополам разрежет. Ная побоялась бы его в руки взять, чтобы не остаться без пальцев. Но каков человек, такое у него и оружие, говорили у мархов. И кнеф, именуемый Мраком, полностью соответствовал характеру хозяина. Закругленный в виде серпа, с широким лезвием и костяной рукоятью, изображавшей нетопыря, клинок вызывал у девушки внутреннее содрогание. Было в его форме нечто хищное, кровавое, неразрывно связанное с пытками и болью. Так и виделось, как кнеф бесшумной тенью входит в плоть, испарывает живот, разрывая внутренности и ломая ребра, дробит шейные позвонки. А потом отделяет голову от туловища.

Есть оружие чести, оружие коварства, оружие трусов. А это было оружие Тьмы. Она клубилась в нем, затягивала лезвие черной вязью символов смерти и требовала все больше и больше жертв.

Ная тряхнула головой, освобождаясь от колдовской власти клинка, перевела взгляд на руки Скорняка. Сильные, ловкие, способные и оружие держать, и заклинания творить. А, при необходимости, и голову кому открутить.

— Чего на пороге застыла? — буркнул Скорняк, не отрываясь от дела.

— Меня Кагар-Радшу прислал к вам в ученики, — пролепетала она.

Колдун помолчал, осторожно протер тряпицей клинок, отложил в сторону. И только после этого взглянул на девушку. У нее нутро заледенело от его взгляда.

— Знаешь, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они остаются наедине?

Она слегка опешила. Для чего он спрашивает? Конечно, Ная знала, у мархов не скрывали такие вещи. Продолжение рода считалось благословением Соарт и соромного в этом ничего не видели. Но легкое беспокойство в душе появилось. Что за науку отправил ее перенимать у нового наставника Призванный? Медленно кивнула.

Скорняк обтер руки, тряпку швырнул в угол лачуги.

— Тогда это не станет для тебя неприятным откровением, — скинув капюшон, стянул на затылке в хвост рассыпавшиеся по плечам черные, с седыми прядями на висках, волосы. — Через три недели начнутся испытания для учеников. И ты должна их пройти. А для этого следует узнать нечто иное, чем зубрежка заклинаний и владения клинками. Чтобы утвердиться в цели, к которой движешься, надо обрести нерушимую веру. И в этом поможет истинное понимание Матери Смерти. Я проведу тебя в лоно Незыблемой, чтобы ты стала большим, чем ты есть в мире живых, и стала своей в мире мертвых.

Нае все меньше и меньше нравилось происходящее, но обратного пути не было. Чтобы Скорняк не потребовал, она пойдет до конца.

— Соитие между обычным мужчиной и женщиной является ознаменованием жизни. То, что ты сейчас познаешь — есть торжество Смерти. Раздевайся.

Ная подрагивающими руками стянула одежду. Подчиняясь кивку колдуна, легла на широкую скамью, покрытую шкурой медведя. Наверное, она ощущала бы неловкость и стеснительность, если бы Скорняк смотрел на нее, как мужчины смотрят на женщин, с вожделением и страстью. Но лицо наставника выражало только холодное безразличие. Он просто выполнял порученную работу. Такое пренебрежение даже немного обидело. Неужели она настолько непривлекательна, что не вызывает никаких чувств у мужчины, собирающегося возлечь с ней? О такой ли первой ночи Ная мечтала когда-то тайком? Скорняк и есть Скорняк.

Смотреть на обнаженного колдуна хотелось меньше всего, но когда он снял балахон, девушка не смогла оторвать взгляда. И поразило не тело, невзирая на четвертый десяток, по-прежнему крепкое, мускулистое, с подтянутым плоским животом, а покрывавшие его татуировки. Рисунки, заклинания, знаки. Они все были связаны со Смертью и нанесены закручивающейся к пупку спиралью. В другое время, при других обстоятельствах Ная бы непременно рассмотрела странную вязь подробнее, но сейчас момент был несколько неподходящий.

Скорняк подошел к девушке, раздвинул ей ноги и лег сверху. Вместо тяжести мужского тела ее словно придавила ледяная глыба. Холод был такой нестерпимый и неожиданный, что она рванулась из-под Скорняка. Колдун лишь сильнее вжал ее в лавку, переплетя меж собой их пальцы рук.

— Не бойся. Я буду твоим проводником. Просто смотри мне в глаза и слушай голос. С тобой ничего не случится, пока ты держишься за меня.

Но на Наю накатиł непонятный животный ужас. Не перед мужчиной, удерживающим в железных объятиях, а той черной бездной, к которой ее тянули.

— В глаза смотри, дура! Держись за них!

Окрик подействовал как пощечина. Она впиłась взглядом в его серые глаза, которые затыгивала голубая корочка наледи.

— Вот так, умница. Иди за мной, не вырывайся и все будет хорошо.

Он коснулся губами ее рта, и морозная дымка обожгла холодом горло и нутро. Голубая поволока в глазах сменилась на пронзительную яркую синеву. И Ная шагнула в нее, держась за руку Скорняка, слушая его голос, отрывисто бросающий незнакомые заклинания.

Толчок.

Боль! Невыносимая, истязаяющая, выгнувшая тело в дугу, перехватившая дыхание. Сердце рвется из груди, стонет, но чья-то когтистая лапа сжимает его все сильнее и сильнее. Виски и затылок взрываются от грохота пульсирующей крови. Синева меркнет, затыгивается хмарью. И ее тянут в этот сумрак, тащат силком через боль и отчаянье, точно заупрямившуюся козу через ручей. Несправедливо! Нечестно! Я не хочу!

Толчок.

Холод и темнота. Только за спиной отсвечивает разными цветами покинутый мир. Ная вырывается, бежит назад и натывается на прозрачную стену. По ту сторону жизнь, любовь, те, кто ей дорог, все, что дорого. Она лупит по стене кулаками, кричит, визжит, слезы горечи и злости стекают по щекам. Я здесь! Увидьте! Услышьте! Кто-нибудь, помогите, выпустите меня! Но все тщетно. Преграда нерушима и никто не спешит на помощь. Живые смеются, поют, занимаются любовью и не видят ее. Проклятия срываются с губ, ненависть застилает взор. Гнев вырывается из сердца полыхающим ядром, тараном врывается в стену. Бесполезно. Обратного пути нет. Никогда, никогда не вернуться уже назад, не увидеть восход солнца, щедрую россыпь звездного неба, не вдохнуть морского воздуха, не обнять родных. Ная сползает в колышущиеся щупальца темноты, сжимается в комок и воет. Воет на разные голоса: мужские, женские, детские, старческие. Это странно. Оторвав от коленей голову, девушка только теперь замечает парящие вокруг светящиеся силуэты. Их множество. И все стремились к стене, как бабочки на огонь. И бились об нее в бесполезных попытках прорваться наружу. Она такая же, как они, она одна из них. Чья-то рука мягко сжала ладонь, потянула по узкой серебристой тропке к разверзнувшемуся впереди мраку. Ная не сопротивлялась. Какая теперь разница.

Толчок.

Тьма стала непроглядной. Отблески мира живых давно исчезли, остались где-то далеко позади. Как исчезли боль и горечь. Не ощущалась больше обида, потерялся вкус к желаниям. Все прежние заботы и мечты казались теперь суетными, пустыми, чувства — смешными. К чему все это было? Ради чего? Скоморошье лицедейство. Утомительное, надоедливое. Она уже отыграла свою роль. Отпустите. Не зовите назад. Здесь хорошо. Покой.

Толчок.

Пустота. Без прошлого и будущего. Без воспоминаний и осознания кто ты есть. Она никто. Часть пустоты. А пустоте не положены имена, как и память. Здесь хорошо и без них. Какая разница, что было когда-то. Теперь тьма — ее колыбель, безмолвие — песнь Матери. И она парит невесомая, не обремененная мыслями и тревогами. Отвергающая жизнь. Там боль, разочарования. Тут безмятежность, забвение. Пусть так и остается. Она не хочет больше никуда идти, искать неведомо что. Ей хочется парить в пустоте с такими же

искорками, как и она — без имени и воспоминаний.

Толчок.

Когда у людей не хватает слов от потрясения, они плачут или немеют. Ная могла только в благоговении взирать на бескрайний океан силы, застывший в своей непокорности и величии, непоколебимый в смерти и кипящий жизнью. Ледяной монолит с пляшущим внутри пламенем. Вот почему Смерть называют Незыблемой и Матерью. Но как такое возможно? Откуда в смерти столько жизни, и как жизнь способна возродиться из того, что мертво? А впрочем, какая разница? Объятия Матери ласкают ее, наполняют силой, а голос вкрадчиво шепчет: «Ты дома, дитя, ты — это я, а я — это ты. Оставайся». И неважно, что капли силы, проходящей сквозь нее, хватило бы уничтожить Гаргию. И чем глубже Ная погружалась в воды Незыблемой, тем больше теряла себя. Душа! Что она в сравнении с ощущением быть самой смертью, тем океаном первородной мощи, что создавал миры, жизнь и богов? Это была маленькая плата за то, что Незыблемая давала взамен. Она вернулась домой. И никуда не уйдет отсюда.

Толчок. Толчок.

Нет! Не уйдет!

Толчок.

Отпустите! Она попыталась освободиться, но жесткая ладонь тянула, вырывала ее из объятий Матери. А свет серых глаз звал: «Пора. Вспомни, кто ты».

Толчок. Толчок. Толчок.

Зачем? Я не хочу!

Толчок.

Вспомни!

И она закричала. От боли, обиды и жалости. Треск разрываемых с Матерью пут стоял в ушах, Но последнее прикосновение длани Незыблемой к шее, было словно прощальный поцелуй. «Я жду тебя, дитя, возвращайся. Я есть ты. А ты есть я».

Наю потрянуло, бросило откуда-то сверху на скамью с медвежьей шкурой. Пощечина обожгла щеку.

— Жива?

Серые глаза Скорняка смотрели внимательно и озабоченно, будто выискивали перемены в ее облике.

— Я хотела остаться там, — проговорила она тихо.

— Знаю. Все хотят, — он встал с нее, накинул балахон. — И не все возвращаются. Сил не хватает. Но ты молодец, прошла путь от начала до конца.

Ная приподнялась со скамьи, села, свесив ноги. Поникшая, потерянная, прислушивающаяся к своим ощущениям. В ней что-то изменилось. Она чувствовала это, но понять что именно — не могла.

— Побывавшие в лоне Незыблемой никогда не остаются прежними, — произнес Скорняк, словно прочел тревожащие ее мысли.

— Зачем вы это сделали со мной?

— Теперь ты знаешь, что представляет собой Незыблемая. В тебе часть ее силы, а в мире мертвых посчитают за свою, что поможет сохранить лишний раз жизнь. Это ценный дар, — он помолчал, бросил в очаг щепотку синего порошка, от которого сразу вспыхнул огонь, добавил: — Но и проклятие. Ты помечена Смертью. Тебе никогда не испытать обычного женского счастья: не знать любви, не иметь детей. Ты не сможешь быть близка с

мужчиной, не неся ему смерть.

Брошенный на нее взгляд Скорняка можно было бы принять за жалость, будь она ему присуща.

— Помечена?

— Коснись шеи. Сзади, под волосами.

Пальцы робко пробежались по выпуклому, точно выжженному, знаку на коже.

— Ваши рисунки... это тоже печать Матери?

— Нет. Просто защитные заклинания, помогающие погружаться в лоно Смерти и сохранять светлым разум.

— Вы даете познать Незыблемую всем ученикам?

Распустив волосы, Скорняк заплел их в две косы.

— Только тем, у кого есть шанс погрузиться в ее воды и вернуться. Кагар-Радшу посчитал тебя особенной. Гордись этим.

— Этой... чести удостаиваются только девочки? — кожа пошла от холода мурашками, но тянуться за одеждой не было сил. Ная лишь сильнее съежилась, обхватила себя руками.

От Скорняка не ускользнуло ее движение. Он бросил в очаг еще щепотку порошка, заставив огонь заплескать бойчее. В лачуге сразу потеплело.

— Погрузиться в воды Незыблемой могут и мальчики, но пройти весь путь и зачерпнуть силы из ее лона, им не дано. Погибают или сходят с ума в большинстве случаев. Какой смысл их туда водить? Им предназначено быть Стражами на границе Смерти, в то время как отмеченные Матерью девочки способны посещать разные ее пределы.

— А как же вы?

— Я не такой как все. Я — Проводник. Мальчики с подобным даром рождаются крайне редко. Мы способны путешествовать в мире Незыблемой без особого риска для жизни. Правда, также лишены возможности зачерпнуть силы из ее лона, как и остальные. Хватит расспросов. Ты узнала достаточно. Одевайся! — порывшись в ящике, Скорняк бросил ей тряпку. — Оботрись.

Ная послушно вытерла кровь с бедер.

— Завтра я должна снова прийти к вам?

— Нет. Достаточно одного урока.

Наставник отвернулся, занялся смешиванием каких-то зелий.

Весь день она пребывала в смятении. Ощущение силы Незыблемой, память об океане первородной стихии смерти продолжали будоражить душу. А, может, это не давало покоя воспоминание, как держал ее за руку Скорняк? Как вел за собой через мир мертвых? Рвал жилы, тратил мгновения жизни, чтобы вытащить обратно? Придумав благовидный предлог, Ная ускользнула в горы. Забралась на скалу Мудреца и долго смотрела на искрящиеся в лучах солнца снега, пока перед глазами не поплыли разноцветные круги. Ей нужна была та первородная мощь, ощущение единства с Незыблемой. А также сила и тепло ладони Скорняка. Когда на горизонте погасли последние всполохи заката, она спустилась со скалы и вновь вошла в лачугу на отшибе селения.

Вытянувшись на скамье во весь немаленький рост, Скорняк лежал на спине, заложив руки за голову. Грудь мерно вздымалась, глаза закрыты. Из-за сумрака в помещении трудно было понять — спит он или нет.

Ная шагнула к нему, произнесла решительно:

— Я пришла повторить урок.

Сначала подумалось, что колдун все-таки спит и не услышал ее слов. Но потом его веки дрогнули, приоткрылись. В щелочках глаз мелькнуло удивление, которое тут же сменилось холодной отчужденностью.

— Разве я невнятно сказал, что второго урока не требуется?

— Я хочу вновь пройти тот путь. Чувствую, что смогу, выдержу...

Ная отшатнулась к двери, когда Скорняк резко подскочил с лавки и гаркнул:

— Мне плевать, что ты хочешь и что чувствуешь. Второго урока не будет. Убирайся!

Она в растерянности смотрела на него, не понимая причины столь бурной вспышки. Почему он злится? Ведь на миг даже показалось, что колдун рад ее приходу. Ная проглотила вставший в горле ком, пролепетала умоляюще:

— Пожалуйста, хотя бы еще раз.

Скорняк внезапно оказался рядом, навис над ней как скала.

— Ты совсем дура? Или прикидываешься, что не понимаешь последствий частых погружений? Если нет мозгов, то я в здравом уме, чтобы делать из тебя чудовище.

Ная всхлипнула:

— Но мне нужна эта сила. Без нее не удастся отомстить Сеятелю за брата и племя.

— Это единственная причина, по которой пришла сюда? Или есть еще и другая?

Она смутилась, отвела взгляд.

— Только эта.

Скорняк жестко схватил ее за подбородок, приподнял голову.

— Не лги! Тебя влечет ко всему, что имеет силу: колдунам, Незыблемой, мужчине, обладающему особым даром. Так ты заполняешь пустоту, появившуюся после убийства Сеятелем родных. Потому и увязалась за кланом Привратников и сюда вновь пришла. Только я не тот мужчина, в кого следует влюбляться, девочка. Я, как и ты, несущий смерть.

— Но я же помечена Незыблемой, — затараторила Ная, боясь, что колдун не даст договорить. — Вы не причините мне вреда.

Скорняк уставился на нее долгим задумчивым взглядом. Горькая усмешка искривила губы.

— Замедленная агония неизбежного. Это продлится немногим дольше, но в итоге мы все равно принесем смерть друг другу. Уходи.

— Прошу, не гоните. Я сильная. Со мной ничего не случится.

Скорняк, зарывав, схватил ее за шиворот и вытолкнул из лачуги.

— Проваливай! И больше не смей появляться здесь. Если тебе надоела жизнь, убивай себя с кем-нибудь другим. Я к этому причастен не буду, — развернулся уйти, но передумал, глянул с ледяным пренебрежением. — И вообще, что ты себе вообразила? Решила, если у тебя симпатичное личико, то я сразу очаруюсь твоей красотой и размякну? Девочка, через меня прошло столько милашек, что пальцев не хватит счесть. И ты всего лишь одна из них, очередная ученица, значащая не больше, чем остальные. А теперь, пошла вон!

Хлопнувшая с грохотом перед носом дверь была сравнима с ударом под ребра. Слезы навернулись на глаза. За что с ней так? На открытое сердце — пинком под зад. Как могло показаться, что в Скорняке есть доброта и отзывчивость? Бесчувственный мерзавец! Ненавижу!.. Ненавижу!..

Ная бросилась прочь от лачуги. Глаза не видели, куда несли ноги. Лишь бы подальше от Скорняка. От позора и унижения. Забившись в какую-то расщелину, она позволила себе разрыдаться в голос. Когда слезы иссякли, умылась, привела себя в порядок и поклялась, что

плакала последний раз в жизни. После чего отправилась в селение к дому Кагар-Радшу. Призванный был удивлен ее приходом не меньше, чем Скорняк.

— Я прошу вас забрать у меня еще одно воспоминание.

Что уж он прочел в ее глазах, но лишь со вздохом покачал головой.

— Эх, девчонки, девчонки... Все вы разные, но такие одинаковые.

Воспоминание забрать Призванный отказался. «Это теперь твоя жизнь, и тебе никуда от этого не деться». Именно с того времени в ней оставалось от девочки-ящерицы все меньше и меньше, а на смену приходило нечто другое: хладнокровное, безжалостное, в котором было больше от Незыблемой, чем от человека. И она сама страшилась зарождавшегося в ней существа.

Ей пришлось жить с памятью о той ночи, испытывать каждый раз стыд и злость, натываясь взглядом на лачугу Скорняка. С ним самим она столкнулась только через две недели в доме Кагар-Радшу. Принесла затребованные Призванным свитки и увидела его сидящим в кресле с кружкой горячего вина. Кровь бросилась в лицо, но он даже не взглянул на нее, вдыхая с наслаждением пахнувший травами парок. Сунув свитки Призанному, Ная выскочила стремглав из дома. В запале хотела сбежать уже вниз с пригорка, но что-то заставило остановиться, прислушаться к разговору за дверью.

— Она все еще зла на тебя, — произнес Кагар-Радшу.

— Лучше пусть злится и ненавидит, чем натворит глупостей, — ответил Скорняк.

— Честно говоря, я боялся, что глупостей натворишь ты. С ней это несложно, согласишься.

Характер у Наи, конечно, как у дикой кошки, но в ней самой есть необъяснимое притяжение. К тому же она хороша собой.

— Если бы я клевал на всех хорошеньких девочек, то давно бы бродил призраком в мире мертвых.

— Но она зацепила твою душу, не отрицай.

За дверью на мгновение повисла тишина. Потом раздался голос Скорняка:

— Я пока не забыл, кто я есть и что даю женщинам, даже таким, как она. К тому же, у Наи обычная девичья влюбленность. Это скоро пройдет, и тогда она поймет, что едва не совершила большую ошибку. Еще поблагодарит, что удержал вовремя.

— Рад, что осознаешь это сам, и мне не придется тебя убеждать.

Потом пошел разговор о Сеятеле, и Ная тихонько отпрянула от двери, заспешила прочь. Обида вспыхнула с новой силой. Обычная влюбленность? Да он знаток ее чувств! Только ничего о ней не знает на самом деле. Если она и совершает ошибки — никогда о них не сожалеет и никого не упрекает.

Со Скорняком они больше не встречались. Только однажды Ная заметила его поднимающимся по тропинке к лачуге с вязанкой хвороста на спине...

Стук в дверь вырвал ее из воспоминаний.

— Кто там?

— Вас зовут на испытание, — донесся голос «вороненка».

Ная встала с ложа, оправила одежду.

— Иду.

Посмотрим, что на этот раз приготовили им наставники.

Нацепив стеганку, Ильгар забросил на плечо перевязь и направился к реке. Ветер к ночи стих, и пламя костра горело ровно, отражаясь в поблескивающей воде. Оглушающе квакали на разные голоса лягушки, стрекотали в траве кузнечики. Рассевшись кружком, воины его десятка обжаривали в углях сладкие клубни и о чем-то тихо разговаривали. Многие озадаченно поглядывали в сторону леса.

— Что стряслось? — немного резче, чем хотел, спросил Ильгар. — Надеюсь, вы не из-за пустяка выдернули меня из постели, иначе завтрашний день начнете с марш-броска на четыре лиги.

— Мы нашли труп в лесу, — ответил Кальтер.

— Радостная весть... Какое отношение он имеет к нам? Предупредите посыльных — путь донесут офицерам.

— Это не простой труп, — покачал кудлатой головой Нур. Неухоженная борода и курчавые космы частенько служили поводом шуток и острот у сослуживцев, но воин наотрез отказывался стричься и относился к поддевкам с непробиваемым спокойствием. — Похоже на ритуальное убийство.

— Допустим, что так. — Ильгар повысил голос: — Повторяю — это касается нас? Нет. Расходитесь!

Барталин что-то неразборчиво пробурчал, приканчивая один из клубней.

— Чего?!

— Не ори, десятник, — закончив жевать, ветеран обтер пальцы и губы травой. — Тело не просто на тропинке валялось. Его спрятали. Если в лесу поселение язычников — следует это выяснить и предупредить офицеров. Наберем вистов, а ты получишь лишнюю отметку в грамоту с заслугами. Как тебе такое?

— Никак. Много мне пользы, если вас язычники передумают! — Но Дядька чаще всего оказывался прав. Ильгар махнул рукой. — Ладно. Уговорили, мерзавцы. Кальтер, Барталин, Нур — идем. Остальные — отправляйтесь спать.

Не годится тащить в глушь весь десяток. Чем меньше шума, тем лучше.

Если к вечеру у реки прохладно и свежо, то в хвойном лесу впору стучать зубами от холода. Казалось, сама земля источает стужу. Тонкие струйки пара вырывались из рта, траву серебрил легкий налет инея. Бор был старый. Могучие и разлапистые ели взмывали ввысь, разрывали землю толстыми корнями, заслоняли ветвями небо. Сильно пахло смолой, мягкий грунт устилали прошлогодние иголки. Звуки глохли, даже мерное рокотание Безымянной осталось где-то позади.

Ильгар сам вырос в лесу, но не мог понять, как Кальтер умудряется вести их к цели. Все вокруг выглядело одинаковым, словно заколдованным. Даже обомшелые валуны и полые бревна, насквозь источенные жуками. Но стрелок шел уверенно, словно ночью по родной деревне.

— Вот, — остановившись, сказал Кальтер.

Ильгар забрал у него фонарь. Присел возле кучи лапника. Под ветвями белело обнаженное мужское тело. Никаких опознавательных татуировок и шрамов, кои так любили наносить на кожу дикари.

— У него нет пальцев на руках и ногах, — принялся рассказывать Нур. — Отрезан нос и

выбиты зубы. Кровь до капли спустили, наверное, на месте казни. Разделали как свинью.

— Не дрейфь, борода, — хмыкнул Барталин.

Кальтер насторожился. Спешно задул фитиль в фонаре. Ухватил Ильгара за руку и кивнул на небольшой просвет между деревьями.

— Я слышал шорох. Кто-то идет.

— Рассредоточьтесь, — велел шепотом десятник. — И не шумите, мать вашу! Не хватает еще угодить в лапы к этим нелюдям. Без приказа даже пальцем не смейте шевелить.

Сам он прильнул к валуну, лег на прелые иголки и приготовился ждать. Время текло медленно, как мед. Только на вкус ожидание отдавало тухлятиной, никакой сладости. Холод сковал мышцы, зубы выбивали дробь. Наконец и Ильгар услышал тихий шорох. В непроглядной темноте двигался размытый светлый силуэт. Очертания скрадывал плащ с капюшоном.

Незнакомец направился к мертвецу. Ногами расшвырял ветви, опустился на колени. С тихим скрипом железо покинуло ножны. Треснула плоть. Послышались отвратительные чавкающие звуки, хруст костей. Загадочный человек встал, спрятал что-то под плащ и быстро засеменил в чащу. Ильгар глазом моргнуть не успел, как силуэт растворился в ночи. Словно и не было никого!

Ильгар немного выждал, давая незнакомцу убраться подальше. Затем встал, повел плечами, разгоняя по телу застывшую кровь.

— Вылезайте. Он ушел.

Солдаты тут же окружили командира.

— Этот болван, — Барталин кивнул на Кальтера, — уже стрелу на лук накладывал, когда я его мордой в землю ткнул.

— Че такого? — нахмурился стрелок. — Хотел прикончить ублюдка.

— А если бы он оказался богом? — холодно проговорил десятник. — Не ничтожеством, вроде вчерашнего речного, а настоящим чудовищем. Что ему твоя стрела? Зато мы лежали бы рядом под лапником и смотрели в небо. Мертвые и счастливые.

— Был бы настоящим богом — учуял нас, — огрызнулся Кальтер. — Мы наследили так, что даже мальчишка, выросший в лесу, найдет.

— Тоже верно, — согласился Ильгар. — Но и пороть горячку ни к чему. Сперва надо разведать кто таков, откуда взялся и куда ушел. Сделаешь по-тихому? — придерживав за рукав рванувшегося вдогонку за незнакомцем Кальтера, добавил: — Только осторожно. На рожон не лезь.

— Я мигом. Как тень.

Нур тем временем взял фонарь и отправился поглядеть, что случилось с телом. Зажег фитиль, склонился... громко и смачно выругался.

— Десятник! Гляди.

Мертвецу вспороли брюхо и поломали ребра. Ужасная рана зияла от шеи до паха. Брюшину забили черными тряпками, пропитанными чем-то вонючим.

— Дикари проклятые, — процедил с ненавистью Ильгар.

Кальтер вырос за спиной неожиданно, как призрак, заставив всех вздрогнуть.

— Никаких следов. Словно испарился. Я до края леса дошел, вокруг порыскал. Исчез...

— Все-таки божество? — нахмурившись, предположил Барталин.

— Не знаю, — ответил десятник. — Но лучше нам отсюда уйти.

В молчании они отправились в лагерь. Дядька с сумрачным видом теребил в зубах

незажжённую трубку. Нур не снимал ладони с рукояти ножа на поясе. Кальтер постоянно оглядывался и хватался за лук. Отстав на пару шагов, Ильгар прокручивал в голове слова из доклада, что утром ляжет на стол офицерам. Ничего предосудительного его подчиненные не сделали — просто нашли изуродованный труп на своем участке. А с остальным пусть разбираются следопыты...

Утром отряд снарядился в дорогу. Мешки погрузили в телегу, запрягли двух мулов, взяли одного заводного. Когда Ильгар заканчивал подсчет мешочков с крупами и сушеными бобами, к нему подошел Нерлин. Торговец выглядел довольным и выпавшимся.

— Не возражаешь, если составлю компанию вашему десятку?

Ильгар недоуменно посмотрел на него.

— Ты ведь только приехал. Неужели успел провернуть свои делишки?

— Мне много времени не нужно, — хмыкнул торговец. Он похлопал себя по карману. — Разрешение на торговлю рядом с лагерем есть. Так что мои передвижные лавки появятся через три недели. Немного клея, немного гвоздей, немного вина и лучшего табачка из южного Ландгара. Полсотни шлюх, два десятка тягловых лошадей...

— Широко размахнулся, — присвистнул десятник. — Если собираешься открыть здесь настоящий рынок, зачем навязываешься с нами?

— Башковитые помощники справятся со всем сами. Мне же нужно в Сайнарию. Город собираются обносить новой стеной, а у меня как раз есть наезженная тропка в горах и несколько усиленных телег для перевоза камня. Неразумно упускать такой жирный кус!

— Откуда знаешь, что заедем в город? — нахмурился Ильгар. Он и сам был огорошен этой вестью лишь сегодня утром.

— Я — успешный торговец, — Нерлин осклабился. — Знаю все.

Выехали они после полудня, когда небо заволокли тучи и поднялся ветер. Он нес пыль и сор из степей, так что всадникам пришлось закрывать лица платками. Нерлин развалился в телеге, на мешках с провиантом и сложенных полотняных палатках. Ребята были не против его путешествия с отрядом — торговец травил сальные байки, а на привалах тайно потчевал солдат вином или пивом. Пока Ильгар едва не отходил его за это вожжами, а провинившихся отправил в ночные дозоры на ближайшие три дня.

Степь тянулась на многие лиги. Лишь на западе синели горные кряжи, а весь остальной мир будто утонул в зеленеющем море летней травы. Эта картина не менялась ровно пять дней и однообразием порядком намозолила глаза. Наконец десяток выехал к пересохшему озеру. Оно послужило точкой, с которой начинались перемены.

Протопанная сквозь бурьян дорога заметно расширилась. Теперь жнецы ехали по землям, принадлежащим новому миру Сеятеля. И неважно, что места здесь глухие, а в необъятной степи живут кочевые племена. Новый порядок уже укрепился в этих краях и приносил плоды.

Казавшееся бесконечным море бурьяна и разнотравья потихоньку уступало место изрезанной реками холмистой местности. Воздух сделался свежее, дышать стало проще.

Ильгар отдыхал в седле. Наслаждался свободой, предвкушением скорых приключений и возможностью проявить себя. Волновало его лишь возвращение в родные леса. Опасался, что разбередит старые раны.

И еще.

Соарты.

Рано или поздно судьба должна столкнуть их вновь. Он жаждал и боялся встречи с

ними. Хотел мести и не знал, хватит ли сил отомстить. Но пока об этом рано думать. Впереди непокрытые лиги дороги, Сайнария, дикие земли...

На восьмую ночь они остановились в крохотной липовой роще посреди поля. Из земли пробивался родник, трава под сенью была мягкой и сочной, не чета жесткому, сухому мочалу, росшему вокруг.

Морлин и Тафель днем подстрелили трех зайцев. Толстяк Партлин умел и любил готовить, и на обед у жнецов вышло отличное жаркое вместо поднадоевшей похлебки и кулеша на сале. Ильгар разрешил парням подкрепить силы разбавленным вином.

Воины собрали хворосту, притащили источенное короедами бревно, и вскоре поляну посреди старых лип озарил весело потрескивающий огонь. Барталин пел о женских прелестях, остальные с удовольствием слушали. Голос у ветерана был замечательный — сильный, густой, и опыта в любовных делах хватало, чтобы описать все в сочных подробностях. Молодняк уши и развесил.

Ильгар отпил глоток вина. Утер ладонью губы и встал. Запахнув на груди плащ, отправился проводить дозорных.

Первыми сторожить выпало Снурвельду и Марвину. Пока один обходил кругом рощицу, второй затаился в траве. Ильгар никогда бы не заметил парня, если бы не условный знак — за семь шагов до схрона в земле торчала стрела с тряпкой на древке.

— Десятник, — голос у Марвина звучал сухо. — Вокруг полно норок. Береги ноги.

— Спасибо, но разгуливать здесь не собираюсь. Вас проверю — и спать.

— Как пожелаешь.

Ильгар нахмурился. Дозорный выглядел напряженным. Рядом высилась горка сломанных веточек. Знать привычки подопечных — долг десятника. Марвин всегда, когда нервничал, набирал коротенькие прутки и безжалостно разламывал их, пока не успокаивался. Скверная привычка, особенно, если ты в дозоре.

Ильгар подошел, сел рядом с Марвином.

— Тебя что-то тревожит?

Парень повернулся к нему. Скуластое лицо выглядело изможденным. Глубоко посаженные глаза смотрели внимательно и вдумчиво. Самый молодой жнец из десятка в тот миг напоминал старика.

— Я сомневаюсь, что иду правильной дорогой.

Ильгар опешил.

— Путь Сеятеля кажется тебе ошибочным? Почему?

— Не ошибочным. Просто я не уверен — для меня ли он? — Марвин взял последнюю палочку, повертел в пальцах, сломал и бросил в кучку.

— Это решать только тебе, — Ильгар поднялся, отряхнул штаны. — Я приму любой выбор. Но сам знаешь — для жнецов нет иных путей, кроме пути Сеятеля.

Когда он отошел, Марвин крикнул:

— Десятник! Будь осторожен. В нашем племени говорили: «Дорога может быть прямой и верной, но кто твои спутники?»

Ильгар пожал плечами и пошел прочь. Не сбавляя шага, пожелал Снурвельду спокойного дежурства и отправился к бивуаку.

Там было шумно и весело. Тафель нашел себе достойного, как он сам говорил, соперника, и вызывал его на бой. Нерлин отмахивался от назойливого стрелка, шутил и предлагал лучше посоревноваться в остроумии.

— Торгаш есть торгаш, — подначивал его Тафель. — Трусит и изворачивается!

— Негоже мне со всякими мордоротами в пыли валяться, — улыбнулся торговец. —

У меня колет один дороже тебя стоит... с потрохами и железяками!

Воины разразились хохотом. Стрелок покраснел, поднял с расстеленного на траве полотна учебный шест. Крикнул, надсаживаясь:

— А язык-то у тебя поганый! А руки-то кривые! Да сам ты — баба! Вырядился в бабьи обноски! Кинжал не стыдно к платяицу цеплять?

Нерлин встал, без разговоров скинул колет. Расшнуровал ворот на рубахе из тончайшего шелка.

— Румяны стереть не забудь, — ухмыльнулся лучник.

Ильгар вздохнул. В такие дела он не лез. Здесь собрались взрослые мальчики, которые умеют отвечать за свои слова. И если хотят намять друг другу бока — он мешать не станет. Да и особой жестокости парни не допустят.

Тем временем торговец вооружился учебной жердью и встал напротив противника.

Жнецы принялись дружно отхлопывать.

— Осторожнее, — буркнул драчунам Ильгар, перед тем как улечься на одеяло, заботливо расстеленное кем-то из подчиненных.

Три хлопка. Тафель сразу начал теснить Нерлина. Его напористость и злость загнала торговца в тупик между деревьями. Дважды шест лучника легонько задевал противника. Двадцать пять хлопков. Под победное улюлюканье Тафель приложил Нерлина по ребрам. Тот согнулся от боли, но ухитрился зажать жердь под мышкой. Схватил стрелка за предплечье и сделал рывок такой силы, что несчастного перекувыркнуло в воздухе, и Тафель с треском влетел в заросли бобовника.

Прозвучал запоздалый сорок седьмой хлопок, после чего над бивуаком повисло молчание.

Ильгар приподнялся с лежанки. Он не мог поверить глазам. Тафель был худым, высоким и жилистым, но так его швырнуть не смог бы даже Нур! А Нерлин сам не отличался ни силой, ни статью.

— Мать твою! — выдохнул Партлин. Неуклюже встал и поковылял к кустам, где постанывал лучник.

Следом бросились Кальтер и Гур.

Барталин не шелохнулся, лишь задумчиво поглядел на тяжело дышащего торговца.

— Если вдруг забуду — напомните, чтобы я никогда не называл Нерлина бабой.

К полудню следующего дня они наткнулись на крохотную деревушку. Десяток проезжал мимо нее еще в резервном полку. Жители добровольно свергли своего похотливого божка, невозбранно брюхатившего девок долгие годы. Поэтому и дома здесь уцелели, и жнецы никого не тронули. Даже помогли возвести частокол, построили сторожевую вышку и починили кузницу.

Знамя Плуга, которое развернул знаменосец Нот, заметили дозорные на вышке и призывно помахали в ответ.

Отказываться от передышки было глупо, и десяток с удовольствием принял приглашение.

Пока воины поили и чистили лошадей, а Барталин отправился за кузнецом, чтобы тот подправил заднее колесо на телеге, Ильгар решил поговорить с Нерлином. Пришлось немного подождать, когда торговец закончит болтать с корчмарем.

— Ты сломал руку Тафелю, — холодно бросил Ильгар. — Мы остались без лучника.

— Сам виноват, — спокойно ответил тот. — Нечего было лезть ко мне...

— Верно. Но ребята косо на тебя поглядывают. Да и меня самого, если честно, твой бросок... удивил. Ты учился бою? Я думал, торговцы предпочитают драться чужими руками.

— С ребятами я разберусь, — Нерлин улыбнулся. — В корчме для них уже жарят молочного поросенка и достают из ледника жбан с пивом. Что до лучника — у тебя еще двое есть. А бой... что ж, время все меняет. Не таскать же мне постоянно с собой телохранителя, как делал мой папаша! Пришлось кое-чему научиться.

Ильгар кивнул. Резонно. Сам он считал, что только слабоумный станет целиком полагаться на наймита. Ведь любой наемничий меч можно обратить против хозяина, если заплатить подходящую цену.

— С тебя причитается, Нерлин, — сказал Ильгар. — Никакой десятник не потерпит, чтобы его людей калечили. Безнаказанно. Я хочу хорошую скидку на твои товары.

Нерлин кивнул.

— Будет тебе скидка.

— И Тафелю.

Торговец недовольно чмокнул губами, мысленно прикинул предстоящие убытки. Махнул рукой.

— И Тафелю...

Они без происшествий миновали нейтральные земли, не повстречав на всем пути ни единого поселения. Руины, братские курганы, выжженная земля и воронье на пепелище. Справедливость приходила в Гаргию некрасиво, жестоко. Но такова цена за будущее, в котором не будет места жертвоприношениям, надругательствам над детьми и черным ритуалам. Не пройдет и пятидесяти лет, как освобожденные от ложных богов племена заселят эти края. Вновь заколосится рожь, разрастутся деревни и города, и ничего не будет напоминать о темных веках...

Погода резко изменилась. Все чаще небо затягивала хмарь, дули прохладные ветра, а по утрам дыхание вырывалось паром.

В один из вечеров телега угодила в яму, ось не выдержала и сломалась. Пришлось делать привал и дожидаться рассвета, чтобы заняться поломкой. А к ночи разразилась гроза. Частые капли забарабанили по земле. Воины спешно накрыли телегу просмоленной холстиной. Растянув шатер, набились внутрь.

Лишь рыжий молчун Нот забрался под телегу. Какая бы ни стояла отвратительная погода, дежурства никто не отменял.

Гроза разбушевалась не на шутку. Вспышки молнии озаряли мир, с треском распарывали небесное полотно. Гром катился над равниной, заставляя дрожать землю.

Полог шатра колыхнулся, и в открывшийся проем заглянул насквозь промокший Нот. Рыжие кудри облепили череп, с короткой бородки стекала вода. На сапогах дозорного висели пуды грязи.

— Десятник, я слышал ржание лошадей и какой-то шум, но, ни хрена не видно! — он почесал крупный вздернутый нос. — Там вроде бы люди кричали...

— Окажись я под таким ливнем — сам верещал бы, как свинья, — пробурчал из угла Нерлин.

— Тогда бы вместе верещали, — поддержал его Партлин, умудрившийся хрустеть сухарями и уплетать сало даже в тесноте.

— Заткнитесь, болтуны несчастные! — гаркнул на них Барталин. — И ты, жирный, перестань плямкать! Урчанием гром перекрываешь...

Ильгар выбрался наружу. Он и трех шагов не успел сделать, как промок до нитки. Вода стекала по нему ручьями, под ногами мерзко чавкало. Хорошо, что ребята успели закрыть телегу, иначе мешки с крупами и мукой можно было смело выбрасывать на обочину.

Дорогу затянула дождевая пелена. Крылось в ней нечто... пугающее. Потустороннее. Между частыми каплями, низвергавшимися с небес, клубился зеленоватый туман.

— Какой странный дождь. Никогда ничего подобного не видел.

Ильгар прошел вперед вдоль колеи, напоминавшей в тот миг русло Елги во время весеннего паводка. Грязная вода так же бурлила и несла всякий мусор, утянутый течением.

Постепенно поток приобрел багровый оттенок...

Послышалось ржание и стук копыт. Мимо пронеслась взнузданная лошадь без седока, забрызгав десятника грязью с ног до головы. Ильгар остановился, выругался. Знаком велел остальным парням вести себя тише. Буря унялась, ветер гнал черные тучи на запад, к Облачному Морю, и зарницы играли где-то вдали. Капли стали меньше и падали реже.

— Барталин, строй ребят.

— Оружие к бою, девки! — скомандовал Дядька, обнажив клинок. — Тафель, скотина ты бесполезная... сторожи бивуак, нечего тебе в драку лезть! Торгаш — ты с ним. Лучники — вперед! Эй, голодные язычники, дуйте на ту сторону дороги.

От холодного шелеста железа, покидающего ножны, Ильгар ощутил возбуждение. Блестели полумесяцы топоров в руках братьев Нура и Гура; стрелы выпархивали из колчанов и ложились на луки. Остальные вооружились рогатинами. В предвкушении драки у Ильгара затрепетало сердце, но разум оставался холоден и расчетлив. Когда в руках не только твоя жизнь, а еще десять, поневоле научишься сдерживать мальчишеские порывы. Командир не должен без крайней нужды лезть на рожон и тащить за собой подчиненных.

Воины построились и двинулись вперед. Туда, где раздавался шум; откуда прискакала лошадь, и дождевой поток принес кровь...

— Вижу повозку! — крикнул Кальтер. — Вокруг никого. Не западня ли?

— Не похоже, — покачал головой Барталин. — Трава низкая, не спрячешься. В такой повозке и четверым тесно, так что вряд ли оттуда кто-нибудь выскочит, а выскочит — прирежем.

Они полукругом обступили повозку. Никаких следов схватки. Если даже где и попятнала траву кровь, непогода смыла все без остатка. Но в грязи лежало порванное знамя Плуга на обломке древка. По нему словно топтались, вминая в жижу.

— Оставь, — велел Барталин, когда Кальтер попытался вытащить стяг. — Пусть умрет вместе со своим отрядом. Гур, разведайте с братом, что в повозке.

Нур вспорол тент топором, а его близнец вломился внутрь. Через мгновение он соскочил с облучка и покачал головой.

— Пусто. Кто-то даже лавку выломал. Только воды натекло по щиколотку.

Ильгар убрал меч. Опоздали. Чтобы здесь ни произошло — нападавшие действовали молниеносно. И самое странное — тела исчезли. Это было плохо. Никто не может убивать людей Сеятеля безнаказанно!

— Здесь труп, — прохрипел Снурвельд. Слова всегда давались ему с трудом — еще в раннем детстве неведомая болезнь растерзала его горло. Он древком рогатины попытался перевернуть тело. — В траве завяз...

Громыхнуло. В мгновение ока небо заволокло черными тучами, поднялся ветер, земля вновь задрожала от громовых раскатов. С первыми каплями вернулся и потусторонний туман. Он был неподвластен ветру, густо стелился по-над дорогой, заволакивая непроглядной пеленой место вокруг повозки. Такое просто невозможно! Природа Ваярии коварна, но здесь творилось нечто иное. Воины сбились в кулак, оцетинились железом, медленно попятились прочь.

— Снурвельд, назад! — крикнул Ильгар, сиюсь перебороть гулкие раскаты. Его не оставляли воспоминания о Сердце Саяр. Если в дело вступили настоящие божества — жди беды. Он снова закричал: — Уходите оттуда! Бросьте тело!

Ребят не пришлось долго упрашивать. Снурвельд и Марвин поспешили прочь от повозки.

И тогда Ильгар увидел...

Они словно рождались из тумана и дождя. Коренастые воины, облаченные в диковинные латы. Их было семеро. Один двинулся следом за отступающими парнями.

— Кальтер! — скомандовал Ильгар.

Лучник отпустил тетиву. Стрела воткнулась в бок преследователю. Тот покачнулся от удара, но не издал ни звука. Остановился, посмотрел сквозь прорези в странном кожаном шлеме. Потянулся достать из петли на поясе шипастую палицу. Еще две стрелы попали в живот, но враг по-прежнему остался на ногах. Словно потеряв интерес к кучке перепуганных людей, повернулся спиной к жнецам и побрел к соратникам.

Из-за пелены дождя появилось еще человек двадцать. Палицы и топоры в руках, треугольные щиты за спинами. Воины дождя забрали своего мертвеца и растворились в тумане. Последний из них остановился. Наставил изогнутый меч на отступающих жнецов и что-то крикнул. Потом исчез. Ильгар зашипел от боли. Кожу на груди вновь терзал незримый огонь.

Теперь ни о какой приятной прогулке речи не шло.

Ребята были взвинчены: не сыпали остротами, не притрагивались к вину и пиву. Не звучали больше залихватские песни, смолкли хвастливые байки. Многие посматривали на небо, точно опасались, что вот-вот на нем соберутся тучи и хлынет дождь. Трижды далекие раскаты грома заставляли бойцов вздрагивать. Снурвельд рассказал, что мертвец, найденным им, имел мало общего с человеком. Белые волосы, синие глаза без зрачков. Несмотря на глубокую рану на груди, из нее не вытекло ни капли крови. Такие подробности еще сильнее насторожили жнецов.

Нерлин выглядел бледным и испуганным, постоянно озирался, время от времени перебирал поклажу и тихо костерил неизвестных убийц, лишивших его покоя. И он был не одинок в своем страхе. Боясь угодить в засаду, никто из отряда ни на миг не смыкал глаз, а по нужде ходили в кусты по двое, а то и втроем.

На их счастье лето разыгралось в полную силу. Солнце припекало до позднего вечера и даже ночи на продуваемых всеми ветрами равнинах стали жаркими. Небо очистилось от туч, лазурный свод простирался над землей, вселяя в путников уверенность и наполняя сердца радостью. Природа возвращала должок за пасмурные дни, утренние холода и проливные дожди.

Грунтовая дорога сменилась самым настоящим замощенным булыжниками трактом.

— Мы приближаемся к Сайнарии, — весело проговорил Нерлин. — Моей новой родине и самому прекрасному городу во всей Гаргии! Красивые ухоженные женщины, вкусная еда,

лучшие вина со всего света, уличные оркестры менестрелей... чтоб им пусто было, горлопанам проклятым! Как же я соскучился по всему этому!

Воины хитро переглядывались и ухмылялись. Посещение города приравнялось к стоянке лагерем, а значит, дозволялось многое.

— Тоже мне счастье — город. Дрянное место! — пробурчал Барталин, не выпуская из зубов трубку. — Камень всюду. Летом — пыль и духота, весной и осенью — грязь, зимой — слякоть и еще больше грязи! Я скорее в дупле стану жить, где-нибудь в лесной чаще, чем поселюсь в городе.

— Что бы ты понимал, старик, — фыркнул Нерлин. — Ясное дело, до женщин тебе теперь интереса нет — затупился меч. Но вино! Ты хоть представляешь себе аромат белого сухого? Или одуряющий вкус игристых вин, изготавливаемых лучшими виноградарями западного Ландгара?

— Сопляк, — усмехнулся Дядька. — Я-то своим «мечом» могу стол приподнять, а что будет с твоим стручком в мои годы? И вин всяких перепробовал больше, чем ты за всю жизнь воды выпил.

Парни заготовили, в Нерлина полетели новые шутки. Торговец обругал всех и остановил кобылку. Привязал повод к телеге, перебрался через борт и улегся на мешки. Заложив руки за голову, уставился в чистое небо. Его не интересовало ничего, кроме скорого возвращения домой.

Ильгар ехал в угрюмой задумчивости. Солнечный свет не рассеял его тревог. Вряд ли эти воины дождя появились в первый и последний раз! Значит, стоит сразу по прибытии доложить обо всем военному преатору. Если к нападению причастны боги — следует быть во всеоружии. Не оказался бы сегодняшний случай преддверием других кровавых событий. Только как объяснить свои опасения, не заговаривая про клеймо на груди?

Город появился на горизонте неожиданно. Просто вынырнул из-за очередного холма, расползся по долине, ошетинился частоколом, наполнил воздух сладковатым запахом дыма. Сайнарию, с ее каменными домами и скудной зеленью, окружали возделанные поля. То тут, то там виднелись бревенчатые дома земледельцев. Рядом — загоны для скота, курятники, добротные амбары. Чуть в стороне вращали лопастями мельницы.

У частокола выстроились телеги и повозки. Всюду сновали рабочие с лопатами и большими плетеными корзинами за спинами.

— Скоро начнут рыть траншеи под постройку, — подал голос Нерлин. Торговец выглядел довольным. — Дни идут, камень дорожает...

Сайнарию, как корона, венчала цитадель круглой формы. Три башенки смотрели в небо медными шпилями, а на самом высоком из них полоскалось знамя Плуга.

До прихода Сеятеля замки и цитадели строили лишь воинственные кланы в горах. Но мудрец на то и мудрец, чтобы перенимать лучшее даже у врагов, и теперь редкий город обходился без собственной крепости. Постройка фортификаций отнимала много сил, безжалостно поглощала ресурсы, зато Армия Жнецов получала возможность продвигаться дальше к Облачному Морю, не опасаясь за тылы. Крупные города, вроде Сайнарии, помогали снабжать воинов столь необходимым провиантом и становились великолепным плацдармом для новых кампаний.

В памяти десятника — а ему, когда он проезжал через эти края первый раз, не исполнилось и тринадцати лет, — остался небольшой городишко. Теперь же все разительно изменилось. Город рос и крепчал, как росла и крепчала мощь Сеятеля...

Отряд встретил вестовой на длинноногом вороном жеребце.

— Военный преатор уже извещен о вашем появлении, — безо всяких приветствий отчеканил юноша в темно-зеленом дорожном костюме особого покроя и мягких сапогах с высоким голенищем. — Вот письмо с приветствием.

Ильгар принял из рук вестового свиток. Осведомленность городских правителей его не удивила — дозорные всегда работали на совесть.

— Я десятник, и мне необходимо увидеть преатора. Дело чрезвычайной важности.

— Я сообщу о вашей просьбе об аудиенции, — пообещал вестовой. — Пока отдыхайте.

— Куда отправляться моим воинам?

— Их расквартируют к полудню, затем отведут в бани и накормят, — юноша попридержал нетерпеливого скакуна, добавил горделиво: — Вы прибыли вовремя — через три дня начнется турнир. На постоянных дворах и в гостиницах почти не осталось места, еще немного — и даже бараки будут переполнены. Многие спешат к началу праздника!

Одежда казалась тесной и неудобной, рубашка пропиталась потом, а ветерок из узкого окошка над головой нес лишь пыль и жар. Ильгар чувствовал себя узником в крохотной приемной, где ему приходилось дожидаться вызова от военного преатора. Кроме него здесь томилось еще трое — пара сотников, прибывших в город рано утром, и толстый, истекающий потом рыжеволосый торговец в пышных одеждах. Ему приходилось хуже всего! Мужчина комкал платки, протирая багровое лицо, и постоянно канючил тонким девчачьим голоском. Воины вели себя тихо, молчали, изредка посматривали на Ильгара, но беседы не заводили.

Десятник нервничал. Разговор с преатором предстоял непростой. Предупредить одного из градоправителей о нависшей угрозе он был обязан. Правда, тогда придется рассказать про клеймо...

Ильгар ослабил слегка ворот рубахи, давая себе возможность вдохнуть поглубже. Ему не нравился этот город. Барталин прав! Шумно, многолюдно, жарко, пыльно. Кругом камень, сухие деревца на перекрестках, из проулков между домами тянуло дерьмом и гнилью. Пожалуй, пока что это было самым ярким впечатлением от города — запах приторных женских духов, перемешавшийся со смрадом канав. Конечно, Ильгар не посетил еще рыночной площади и квартала богачей, где по слухам, есть на что полюбоваться.

— Ну что ж так долго... — в тысячный раз промяукал толстяк, обмахиваясь замусоленным платочком.

Его лепет вернул Ильгара в реальность — душную и неудобную. Захотелось пить, но единственный кувшин с водой давно опустошили.

Вожделенная дверь распахнулась. Скрип петель прозвучал для Ильгара прекрасной флейтой.

— Десятник Ильгар? Преатор Аларий вызывает вас, — коротконогий человечек в алом костюме из тонкой шерсти отошел в сторону, освободив проход.

Кабинет преатора напоминал склад оружейника. Все свободное место занимали подставки с копьями, мечами, алебардами и луками без тетивы. На стенах висели щиты всех форм, панно с кинжалами и стрелами. Камень пола закрывали шкуры бурых медведей. Маленький столик секретаря располагался в стенной нише, совсем рядом с очагом. Сам преатор расположился на возвышении посередине комнаты. Лысый старик, облаченный в старую поношенную стеганку полевого офицера, мало походил на одного из двух градоправителей. Скорее — на капитана передового отряда. Шрамы на лице, левая рука

заканчивалась культей. Рабочее место тоже не поражаало воображение изысканностью. Грубо сколоченный стол и складной стульчик, какие обычно расставляют в офицерских палатках во время совещаний.

Аларий пристально рассматривал десятника. Будто оценивал. Затем сложил руки на груди, кивнул. Проговорил, сохраняя на лице бесстрастное выражение:

— Надо же. И в резерве теперь встречаются достойные внимания юноши. Это радует... С чем пожаловал, десятник?

Ильгар встал напротив стола и приложил три пальца ко лбу — в знак приветствия, принятого среди жнецов.

— Я принес дурные вести.

— А мне редко приносят радостные, — ухмыльнулся Аларий. Затем вновь нацепил маску бесстрастия. — Докладывай.

— Кто-то разграбил фургон на тракте. Мы не нашли ни тел, ни следов.

— Это... нехорошо, — пробормотал преатор. — Но такое случается. Часто. Не пойму, зачем рассказывать это мне? Оставил бы послание у городских стражей — и делу конец. Отряд следопытов найдет и расправится с разбойниками.

Ильгар помедлил, но все-таки проговорил:

— Не думаю, что это сделали разбойники.

— К чему ты клонишь? — нахмурился Аларий.

— Подозреваю, здесь замешаны боги.

Преатор усмехнулся.

— Сами боги покинули капища и вышли на тракт, чтобы ограбить фургон? Или они отправили для этого свою... армию? Ты пьян? Или одурманен?

Десятник сжал кулаки, готовый припечатать городского правителя решающим доводом, и... не смог.

Смутился. Устыдился.

Он долгие годы хранил свою тайну и не решился раскрыть теперь.

«Предатель...»

Понимая всю глупость поступка, оценивая последствия, Ильгар отчеканил:

— Никак нет!

Он рассказал обо всем, что произошло на тракте. Но про клеймо не проронил ни слова. Зато упирал на то, что люди появились из ниоткуда и бесследно исчезли.

— Поэтому я предположил, что здесь замешаны боги, — закончил десятник.

— Глупец, — махнул рукой Аларий. — С виду — бравый солдат. Одежда чистая, сам опрятный, сапоги блестят. А в башке — дерьмо. Я видел, как дикари прячутся в траве по щиколотку! Принять разбойников за богов... ох, в мое время за такие глупости пороли вожжами перед всем десятком!

— Ошибся. Впредь буду умнее. Разрешите идти?

— Топай отсюда, — преатор пренебрежительно кивнул на дверь. — Единственное, что оправдывает тебя — это проявленная бдительность. Но бдительность — оружие мудрых. Ты пока на мудреца не похож, юноша.

Аларий встал, подошел к секретарю и прямо из-под пера вырвал у него пергамент. Смял, бросил под ноги десятнику.

— Эти записи могут испортить тебе карьеру, но мой совет — сохрани их. На память о моей щедрости.

Ильгар поднял скомканный пергамент и твердым шагом покинул кабинет. С непроницаемым видом пересек приемную, спустился по лестнице, вышел из здания на крыльцо. Внешне он оставался спокоен, но внутри кипел вулкан. Пальцы до белизны в костяшках сжались в кулаки.

— Я не предатель. Не предатель!

Слова утонули в шуме улиц Сайнарии.

Нападать незнакомцы не спешили. Хотя копья угрожающе смотрели в сторону чужеземцев, а внешний вид воинов отнюдь не свидетельствовал о мягком нраве. На головах громоздились — именно громоздились, иного слово не подобрать — тяжелые меховые шапки. Прочее одеяние состояло из безрукавок из сыромятных шкур, шерстяных рубах, коротких, по колено, штанов и сапог из валяной шерсти. Самый крупный воин носил костяной шлем с кабаньими клыками и длинный плащ.

Ард вспомнил, что ему доводилось читать про народ, одевающийся так странно. Гладко выбритые подбородки и щеки чужаков лишь подтверждали догадку...

— Земля — не ваша! — произнес воин в шлеме. Его речь звучала поразительно чисто, не исковеркано, как следовало бы ожидать от дикарей. — Уходите.

— Нам не нужна земля, — спокойно ответил Хередан, не предпринимая никакой попытки обнажить меч. — Мы просто проедем к Чаше.

Незнакомцы переглянулись. Ширококостный предводитель переложил дубину из руки в руку.

— Вы приходите снова и снова. Грабите. Проливаете кровь! Повторяю: земля — не ваша! Она принадлежит нашему народу!

Послышалось шуршание камней, и десятки воинов окружили караванчик. О побеге стоило забыть — закидали бы копьями, да и повозку с телегой не развернешь в узкой горловине.

— Хорошо! — Ландмир поднял над головой руки, показывая, что не вооружен. — Мы уходим.

— Вы уйдете, — подтвердил воин. — Но половину поклажи отдадите нам. Раз уж забрели сюда — платите. Все равно потом пришлете проклятых убийц, чтобы отвоевать наши земли.

— Вы ошибаетесь, — ошарашено ответил отец. — Мы — простые путники. Ищем проход через хребет.

— Тогда почему не пошли севернее, к рекам? Зачем идете сюда? Мы вам не верим. Мы никому больше не верим! Все, кто приходят — убийцы и грабители.

— А сами-то? — усмехнулся Хередан.

— У нас — нужда...

— И у грабителей нужда. Чем вы лучше?

— Мы — Роднари! — зарычал главарь.

Ард вздрогнул. Дыхание из груди словно тараном вышибло. Роднари! Неужели... Мечник только что совершил ошибку.

— Чужаки! Вы оскорбили наш народ и нашу землю!

— Смерть чужакам! Смерть! Смерть чужакам! — многоголосый хриплый хор разразился и смолк.

Хередан обнажил клинок, наемники вскинули луки. Ландмир заслонил собой проход к повозке с ребенком и кочевницей. Но Айла, освободившись от тряпья, вмиг очутилась рядом с любимым, сжав в руках хлыст.

Воцарилась тишина. Ее сменили бы предсмертные хрипы и лязг оружия, если бы не звонкий детский голос:

— Первый народ — я приветствую вас!

Ард успел. Лишь за малым не пролилась кровь, и тогда уже никакие слова не имели бы силы. Роднари опустили оружие, недоуменно глядя на повозку, из которой выглядывал побледневший юнец.

Калека поспешил закрепить успех:

— Вечная память Тхалугу! По-прежнему ли ярко светят огни Файхалтара?

— Огни погасли, — сказал предводитель роднари. — Навсегда. Я Гултак, вождь этого народа. Приветствую вас, чужестранцы.

День еще не миновал свой середины, когда они въехали, окруженные самыми странными всадниками Ваярии, в город Первого народа. Правда, это жалкое поселение язык не поворачивался назвать городом. Руины, скособоченные дома с провалившейся черепицей, халабуды из кож и бревен, густо оплетенные лозой высокие каменные изваяния, выстроившиеся вдоль щербатых стен. Некоторые стояли совсем рядом, иные — так далеко, что разглядеть удавалось с трудом.

— Не понимаю, зачем столько каменюг? — удивился Пард, почесывая бороду. — И почему у всех — чаши в руках?

— Я читал старый миф о народе роднари, — ответил Ард, перебравшийся в телегу. Холод и куча тряпья, которое на него намотала Айла, доставляли неудобство, но интерес оказался сильнее. — Файхалтар был настолько громаден, что, выйдя из одних ворот на рассвете, к воротам на другой стороне города путник приходил после полудня! А в чашах этих монументов всегда горело пламя.

— Угу. Именно поэтому потомки вели-и-икого народа живут в развалинах? — усмехнулся Пард. — Промышляют грабежом и скачут на свиньях?

— Говори тише, — упрекнул его мальчик. — Ты оскорбляешь роднари! Это великий народ. Один из первых в Ваярии. А их герой, Тхалуг, изобрел общий язык и письменность! В книге говорилось, что первое время он сам ходил по племенам и раздавал таблички из бересты...

Но, надо признать, мужчины и женщины все-таки смотрелись нелепо, восседая на лохматых свиньях. «Скакуны» были угрожающего вида, непривычно высокие и сильные.

Город казался пустым и заброшенным, даже несмотря на жилые хибары и султанчики дыма, вьющиеся над кострами.

Кое-где виднелись шесты для факелов; сильно пахло навозом. Ветер свистел в щелях и мел поземку.

За весь путь роднари не проронили ни слова, только время от времени таращились на Арда. Мальчик всякий раз дружелюбно улыбался в ответ, а внутри все сжималось — кто знает, что скрывается за этими взглядами? Тяжело понять человека, когда он молчит.

Айле не нравилось происходящее, она всячески выказывала пренебрежение к всадникам на свиньях. Кочевница презрительно фыркала, отпускала острые словечки на своем наречии, пока Ландмир не пообещал оставить ее здесь.

— А что? Хорошее место! Живописное. Обучишься ездить на хрюшке, сошьешь шапку побольше! Дубину выстругаешь.

— А потом вернись в твою таверну, — холодно ответила Айла. — И ты узнаешь, насколько крепкую дубину я сделала.

Они выехали на большую площадь, кое-как вымощенную булыжником и боем, и расчищенную от развалин домов. Телегу трясло и раскачивало. У Арда кружилась голова, но

прилечь он отказывался.

На площади стоял большой медный котел, под которым лежали пласты кизяка и стебли сухого выюна вместо растопки. Вокруг котла сутились женщины. Подливали воду из кожаных ведер, бросали куски рубленого мяса, клубни и какие-то травы.

Все поселение, судя по всему, собралось на площади.

Невзирая на снег и пронизывающий ветер, многие сидели на расстеленных выдубленных кожах, пили горячий травяной чай и жевали солонину. Кто-то, укрывшись шкурами, шумно спаривался — иного слова не подобрать. Всюду носились, шумно крича и заливаясь хохотом, дети. Рядом со своими хозяевами топтались свиньи. Некоторые спали рядом с людьми, другие ели требуху или жухлую траву.

Картина была настолько дикой и в то же время жалкой, что Ард почувствовал неловкость за Первый народ. Разве так положено жить предкам Тхалуга? Грязь, вонь, шум и полное запустение. Если некогда этот город и считался великим, процветающим, то теперь он не просто зачах, а превратился в обглоданный скелет.

Вождь велел гостям устраиваться на отдых и ждать, когда барабан, установленный внутри старой башни, пробьет три раза, созывая всех на пир.

Айла напоила Арда терпкой настойкой и, подмигнув, выудила из мешка яблоко и сливу. Сладкие плоды слегка подсохли в дороге, но по-прежнему оставались вкусными. Калека был рад перевести дух. Устав от тряски и до конца не отойдя от волнения, он никак не мог унять дрожь в пальцах, даже снадобье не помогало. В таких случаях выручал только сон. Но уснуть не удалось. Едва голова коснулась подушки, кто-то громко постучал в борт повозки.

— Моя дочь, Безымянная, отведет тебя к наместнику богов, — проговорил вожак. Без шлема и плаща он выглядел вдвое меньше. Рядом с ним стояла коротко подстриженная девушка в сером шерстяном платье. Ее тонкую шею оттягивали костяные бусы. — Он хранит заветы и историю роднари. Ты должен поговорить с ним. Один.

— Почему это — один? — нахмурился Ландмир. — Я сына никуда не отпущу!

— Мальчик знает нас. Знает имя великого Тхалуга. Многие годы никто не называл нас «первым народом» и не спрашивал про огни, — сюда приходили убивать и грабить. Наместник хочет расспросить твоего отрока. Ваш приход — знак для всех роднари.

Ландмир намерился возмутиться, но кочевница легонько дотронулась до его руки и успокоила парой тихих фраз. Хотя лицо девушки по-прежнему выражало неприязнь.

— Хорошо, — кивнул отец. — Только Пард отправится следом за вами. Мне плевать, что вы там себе вообразили — одного сына никуда не пущу.

Два дюжих парня подхватили Арда с почтенной осторожностью, словно хрустальную скульптуру, понесли к старейшине. Теперь на мальчика глядели не десятки, а сотни людей. Он ежилась под взглядами, слышал негромкие перешептывания за спиной. От парней, что несли его, сильно воняло потом и навозом.

Впереди шла Безымянная. Тоже молча. Горбилась, втягивала голову в плечи, отчего казалась еще меньше. Девушка дрожала под порывами ветра, что неудивительно при ее убогом облачении.

Хижина наместника и хранителя заветов представляла собой огражденный колышками круг земли, расчищенный от камней и сорняков. Вместо стен и крыши — сыромятные кожи, натянутые на каркасы. Всюду громоздились исписанные шкуры, свертки с непонятным содержимым, глиняные горшочки, лотки с засохшими чернилами, углем, и прочий хлам. Если здесь и хранилось когда-то нечто важное, непогода уничтожила все давным-давно. От

книг остались тяжелые корешки из позеленевшей бронзы; берестовых табличек, на которых, по легендам, Тхалуг записывал буквы общего языка — не видно ни одной. Ард ощутил такую боль, словно потерял нечто родное и любимое... Как? Как можно превратить прекрасный Файхалтар в такое?!

Наместник был обнажен. Спина густо поросла волосами, кожа блестела от пота. Нисколько не стесняясь чужих взглядов, он трудился над совсем юной девушкой, распластавшейся на шкуре. Никаких звуков страсти не раздавалось. Будто делали скучную, повседневную работу, от которой никто не получал удовольствия.

Ознаменовав финал сношения грязной бранью, наместник натянул штаны и велел девушке убираться. Та послушно сгребла вещи в охапку и поспешила скрыться.

— Чертов возраст... — бурчал он, вытирая пот, и ни к кому конкретно не обращаясь. Затем схватил глиняный черепок и запустил им вдогонку любовнице. — Если не сумею зачать ребенка — придется выбирать ученика из местных выроdkов. Мать их эдак, они ведь круглые дураки! Ничего не способны запомнить! Семя паршивого борова... Мне нужен наследник! Мальчишка!

Тем временем подошел Гултак.

— Недолго тебе осталось, гнилой пень, — холодно бросил он. — Уже седьмая девушка за девять лун — даже с собственной дочерью не гнушаешься возлежать! Но ни одна не понесла. Твое семя засохло.

— Поглядим, поглядим, — наместник набросил меховую безрукавку. — Я еще тебя переживу, стервец. Как пережил десяток таких же умников. Слабаки... мрете, мошкара.

Он уставился на Арда тяжелым взглядом, полным какого-то странного интереса. Было в нем нечто неприятное. Надменность или пренебрежение. А может — все разом.

— Так значит, это и есть тот чужеземец, что знает приветствия?

Ард повторил все, что почерпнул из фолианта о странствия Тхалуга. То была одна из первых, самых любимых книг, ставших для него спасением от одиночества и дум о своей печальной участи. Мальчик хорошо помнил каждую страницу.

— Мал и слаб телом... — вздохнул наместник. — Вот кого нам принесла река судьбы после стольких лет молчания. Мы чем-то прогневили ее.

Арду хотелось попросить его оглядеться. Если кто и проклял некогда великое племя — то явно не бог или река судьбы.

— Хватит трепаться, — оборвал разглагольствования Гултак. — Это наш гость. Он утомлен после долгой дороги и, как ты, наместник бога, верно заметил, слаб телом. Мальчик должен наесться горячей похлебки и спать. Что ты хотел узнать?

Калека был удивлен. Обычно к жрецам и посланникам богов относятся с великим почтением. Здесь же между вождем племени и хранителем мудрости царила настоящая вражда. Они открыто ненавидели и презирали друг друга.

— Давно обещано Тхалугом: когда, спустя годы забвения, к нам придут чужаки и обратятся подобающе к роднари, огни вновь загорятся в чашах, — наместник указал на статую. Время стерло лик, и теперь невозможно понять, кто здесь изображен. — Но что-то я не вижу пламени. Зато вижу больного сопляка, которого следовало удавить еще в детстве.

— Придержи язык, ты! — гаркнул Пард, приближаясь. Он пришел без топора, но его кулаки — оружие сами по себе.

— Остынь, чужеземец, — попросил Гултак. — Наместник — наша забота. За его грубость ваш предводитель волен спросить с меня все, что пожелает. Даю слово.

Он приказал парням, чтобы Арда унесли к фургону и позаботились о горячей еде и питье.

Держась за шеи носильщиков, мальчик слышал обрывки разговора наместника и вождя:

— Гултук. Пришлешь ко мне свою дочь к следующему полнолунью.

— Она уже посещала тебя. И все без толку. Зато я видел синяки на ее запястьях...

— Не могу отказать себе в удовольствии попробовать вновь. У нее сухо там, где должно быть мокро, но мне она по вкусу.

— Твое время тает, — от слов Гултука веяло холодом. — Придет срок — спрошу за каждое оскорбление.

— Жду не дожусь.

Похлебка на вкус была непривычной. Жирная, клейкая, остро пахнущая чесночной травой, она быстро застывала в глиняных мисках. Зато мясо хорошо разварилось, таяло во рту. Умаяв полпорции, мальчик решил, что еда ему все-таки нравится. Вместо хлеба здесь ели горькие лепешки из растертой травы и толченых клубней. Ландмир принял их, благодарно поклонился группе женщин, после чего спрятал снесь в мешок.

— У нас есть сухари, — сказал отец. — Кто знает, что случится с нашими животами от этих лепешек? Я видел, как ими кормили свиней.

Айла, ворча, что негоже нарушать законы гостеприимства, полезла в мешок, достала лепешку для себя. Но, судя по слезящимся глазам и побледневшему лицу, угощение не пришлось ей по вкусу.

После ужина Арда отнесли в повозку. Завернувшись в одеяло, он некоторое время внимательно листал книгу Хаджи Мелдани — известного путешественника и землеописателя. В томе были собраны многочисленные мифы, обычаи и тайны северных народов. Нашлось описание роднари. Говорилось, что именно здесь, в этом суровом краю, зародилась общая речь. Пара слов о Тхалуге, пара слов о брачных обычаях и особенностях Файхалтара. А вот ни о каком наместнике бога речи не велось. Хранители огня упоминались, это верно, но отвечали они исключительно за пламя в чашах. Что символизировал огонь — Хаджи Мелдани не узнал.

Отложив книгу, мальчик какое-то время задумчиво смотрел в потолок. Историк писал, что роднари переживают непростые времена. Некто распустил слухи, что в городе полно драгоценных камней, накопленных во времена Тхалуга, когда ему в дар присылали караваны с сокровищами со всех концов Ваярии. Сюда устремились банды головорезов, отряды наемников и даже воинственные кланы снимались с насиженных мест, чтобы разорить древний город.

Файхалтар пережил десятки осад. Дважды его брали, разграбляли и жгли, но всякий раз роднари, расселившиеся на многие лиги вокруг города, находили силы выбить захватчиков.

Существовали ли сокровища на самом деле — Хаджи Мелдани умолчал. Видно, не хотел привлекать новых грабителей.

Мифические богатства роднари мало походили на правду. В повествовании другого автора Ард читал, что Тхалуг не просил ничего в обмен на знания! Хотя, мифы и сказки зачастую врут, приукрашивая действительность. Кто станет восхищаться стяжателем и скупцом?

Поражало другое, насколько первый народ в те жестокие времена отличался от потомков. Предки роднари славились гордостью, отвагой, стремлением к наукам. Стены

Файхалтара постоянно ремонтировали, огонь горел на башнях каждую ночь. Архитектура храмов и зданий вызывала восхищение. Минувло пять сотен лет — и все обратилось прахом.

Засыпая, Ард понял, что боится величия. Вернее, того, что последует за ним. Падения и забвения. Как бы высоко и ярко не горела звезда, она непременно упадет с небосвода. Если даже народ, придумавший общий язык и сумевший выстроить первый в Ваярии город превратился в одичалое племя, труд поколений стал пылью, а всем заправляет непонятный наместник неизвестного бога, то чего стоит пресловутое величие?

Лучше тогда разливать по кружкам выпивку в таверне...

Мальчик провалился в дрему, а ранним утром его разбудил шум. Ард в который раз пожалел, что они сунулись в эти края. Грязные ругательства Парда очень точно отражали его собственные мысли.

В центре всеобщего внимания оказался Хередан. Его обступили галдящие местные. Он же стоял, поигрывая мечом, и на все возмущенные возгласы отвечал холодным и гордым взглядом. За пределами круга переминался с ноги на ногу Ландмир. Чуть позади него наемники что-то воодушевленно обсуждали.

На земле лежал какой-то человек. Под ним расплывалась лужа крови.

— Пока вы в нашем доме — брейте бороды! — закричал старик, потрясая кулаком.

— Вот мой дом, — спокойно ответил мечник, вытащив из-за пазухи шлифованный камень на веревке. — Это кусочек пещеры, в которой я родился. Пока он со мной — я дома. И чужие обычаи меня не волнуют. Борода — признак славного рода. Я не опозорю предков.

Ард заметил, что и отец, и наемники гладко выбриты.

— Тогда — битва! — гаркнул какой-то юнец, довольно глупо размахивая копьем.

— Один поединок вы уже проиграли, — Хередан указал на труп. — Достаточно крови. Я ценю законы гостеприимства, но оскорблений не потерплю.

Ландмир выглядел ошарашенным, пытался урезонить стража, да вряд ли существовали подходящие слова.

— Чужаки, вы сейчас в Файхалтаре, — сурово сказал Гултук. — И наш закон — прежде всего. Борода — удел богов. Не святотатствуйте.

Мечник лишь покачал головой. Тогда Гултук дал отмашку, и вперед выступил паренек с копьем. Минувло мгновение — и Хередан уже вытирал окровавленный клинок тряпицей.

— Оставьте эту глупость, — сказа воин. — Вас и так мало. Не умирайте бессмысленно.

Ард тихо позвал отца. Тот, поджав губы, указал на повозку:

— Пард, унеси его немедленно! Ребенку не нужно видеть это безумие!

— Отец, послушай... — торопливо заговорил мальчик.

Он передал ему слова, сказанные вождем возле обиталища Олла: за все обиды, нанесенные гостям, ответит сам Гултук.

— В их племени ты можешь попросить все что угодно, кроме вещей, — проговорил калека, наблюдая, как третий роднари отправляется на землю. В этот раз горец не стал убивать, а лишь оглушил противника. — Вещи и еду здесь приносят в дар, как плату за смерть.

Расчет оказался верен. Гултук зло засопел. Объявил, что Хередан волен не брить бороду, но странники должны покинуть Файхалтар до полудня.

Народ пороптал и разошелся по хибарам.

Ландмир облегченно вздохнул, наградил стража злобным взглядом.

— Разве ты не должен подчиняться мне? Тебе мало денег, которые плачу? Я просил не

проливать крови!

— Не смеши меня, Ландмир. Я давно дружу с твоим братом. Уважаю его как мужчину и друга. А здесь только потому, что пообещал ему защищать тебя во время странствий. Мне не нужны твои деньги. С тем же успехом ты мог бы кидать монеты в придорожную пыль каждое утро. Все равно пропью их, как попаду в первый большой город.

— Отлично, — кивнул отец. — Тогда, в честь доброй воли и любви к моему брату, отнесешь к хижине Гултака мешок муки и копченый окорок. Дань за кровь.

Провожать их никто не вышел. Впрочем, чего еще стоило ожидать? Они не принесли ничего, кроме смерти. Попрали законы. Ард чувствовал себя вдвойне виноватым, потому что не оправдал возложенных на него надежд, не нашел способ зажечь огонь, который погас несколько столетий назад. Полные разочарования взгляды заставляли ежиться, корить себя. Что упустил в книге? Не додумался сказать или сделать? Дурак. Хотел раскрыть тайны Ваярии, а не сумел даже исполнить то, что предрекал древний герой...

Повозка со скрипом поползла по колее.

По правую сторону от нее растянулись островки земли, на которой выращивали клубни и траву. По другую — бурлила яма с жидкой грязью. Снег таял над ней, орошая и без того влажную землю. Вязкий пар стелился над землей, полз к делянкам. Траву собирали три женщины. Широкоплечий мужчина, вооруженный деревянной лопатой, выкапывал клубни.

— Повезло им, — хмыкнул Пард. — Без этих... огородов, загнулись бы давно.

Ландмир остановил повозку и, стиснув зубы, поставил на землю маленький бочонок с вином. Отец придерживал его на обратную дорогу, — на случай, если свершится чудо, — чтобы отметить выздоровление сына. Затем бухнул мешочек с бобами и сумку сладких сухарей.

Громко свистнул, привлекая внимания труженников, указал на дары.

— Может, это подсластит им тяжелые деньки, — сказал Ландмир, забираясь на козлы.

К вечеру они добрались до прохода. Выглядел он, надо признать, внушительно. Словно кто-то исполинским мечом рассек горную гряду. Из прорехи клочьями вырывался пар, но ветер живо рассеивал его. Саму долину до половины сковывал панцирь льда, а дальше, ближе к основанию гор, растянулось поле пожелтевшей вялой травы. Кое-где виднелись озера с мутной, тухлой водой и хилые деревья, поросшие лишайником.

— Колдовство, — буркнул Пард. — Не бывает такого. Чтобы лед и трава.

— Да и почва как на болотах, — сказал Хередан задумчиво. — Странное место. Но не похоже, чтобы эту расщелину прогрыз конь!

Его веселья никто не разделял.

— Мы почти на месте, — кивнула Айла. Она прикоснулась к груди. — Чую.

— Это хорошо, — вздохнул Ландмир. — Меня немного волнует туман... ну и ладно. Подождем до завтра. А пока — разобьем лагерь здесь. Я готов сапог поменять на горячую мучную лепешку.

Наемники сняли с телеги все необходимое для шатра. Достали скатанное полотно, колышки, бечеву. Вальд потянулся за шкурой, которую стелили на землю... и отскочил, выхватив охотничий нож.

— Там кто-то есть.

Одвар вмиг оказался рядом с топором в руках.

— А ну выходи, живо! — велел он. — Или башку снесем.

Шкуры зашевелились, и из них робко высунулась девушка. Короткие волосы, костлявые

плечи... тяжелые бусы.

— Боги, — воскликнул Ард. — Это Безымянная!

— Кто? — удивился Ландмир.

— Дочь Гултака!

— Дочь вождя прячется в нашей телеге? — Айла выдала нечто такое, отчего даже грубые наемники вышли из ступора, с некоторой завистью покосились на кочевницу, сумевшую соткать настоящий ковер из бранных слов. — Замечательно. Думаю, погоня будет здесь еще до заката.

Ущелье изменилось. Над ним тщательно потрудились, пока ученики отдыхали. Исчезли обломки скалы, взброс стояли сотканые из зеленого света арки, узкий проход, откуда появился медведь, заполняла молочная дымка. Плато покрывала желтая пыльца, имеющая неприятный горький запах. Место наставников полукругом огораживала цепочка из восьми больших лиловых кристаллов. Воздух... Несмотря на вечер, был сухим, теплым, с привкусом дыма разведенного рядом костра... Огромного костра, отчего глаза невольно выискивали в небе парящие перышки пепла. Но кроме Наи этого, кажется, не заметил ни один ученик. Будущие привратники зябко ежились в легких одеяниях и притоптывали босыми ногами в попытке согреться. К вечеру заметно похолодало, ветер изменил направление и дул с ледников.

— Разбирайте снаряжение и выходите на площадку, — велел Кагар-Радшу.

«Воронята» услужливо откинули полотно с настила. Поверх рысей шкуры было разложено оружие учеников. За день до испытаний оно изымалось у них, проверялось на наличие запретных чар и хранилось под строгим присмотром одного из наставников. Одна из многих бестолковых традиций, пришедших из древних времен. В присутствии стольких колдунов кто отважится на обман?

Без суеты, не мешая друг другу, испытуемые разобрали каждый свое оружие. Пристрастия учеников разнились. Закрепляя перевязь на бедрах, Ная не без любопытства наблюдала, как Карей затянула ремни на нарукавнике с метательными ножами, Тэзир с улыбкой подкинул в руке чекан, Кайтур деловито сунула за пояс веер, Витог с сосредоточенным видом взял секиру, Алишта перекинула на спину колчан с дротиками, Сая сжала в ладони плетку, а Арки — пращу.

Призванный внимательно оглядел выстроившихся учеников.

— Задание простое: добраться до противоположного конца ущелья, подняться по скале Мудрец, окунуть правую ладонь в содержимое находящейся там чаши, вернуться назад и дотронуться до одного из кристаллов, расположенных перед вами. Начинайте.

С последним словом кристаллы вспыхнули, отгородив наставников от учеников сетью из светящихся волокон. Это сразу насторожило. С чего бы мудрейшим воздвигать защиту? От кого заслон?

Ученики выхватили оружие, заозирались, приготовившись к бою. Вряд ли все так просто, как утверждал Призванный.

— Забыл упомянуть: тот, кто не успеет справиться с заданием до того, как отгорит закат — будет признан провалившим испытание, — добавил Кагар-Радшу, подхлестнув их к действию.

Следовало шевелиться.

Охватившее пики гор багровое пламя уже начинало темнеть, сползать медленно к земле. Первой рванулась вперед Карей. За ней остальные. Не успели они добежать до середины площадки, как проем одной из арок засиял, и в нем появился богатырского телосложения детина из серого марева с палахом в руке. Хоруг. Воин праха. В пору было застонать. С этим созданием тьмы сталкиваться хотелось меньше всего. Сотворенные из злобы, ненависти и жажды мщения неупокоенных душ, они являлись серьезными противниками, которых практически невозможно победить. Усталости и сострадания не

знали, обычное оружие не брало.

Подвох ждали, но от такого сюрприза ученики опешили, сбились с бега. Одна Карей не остановилась, на ходу бросила в воина заклинание оцепенения. Оно ударилось об хоруга и рассыпалось, как дорожная пыль, не причинив тому никакого вреда. Заклинание не действовало! Кто-то из учеников решил перепроверить — ударил колдовством еще раз. Бесполезно. От прежней силы у них остались жалкие крохи. Не пыльца ли тому причиной?

Хоруг тем временем заслонил Карей дорогу. Отблесками зарева полыхнуло лезвие палаша. Девушка вильнула вправо, но тут засияла другая арка, и в ней возник еще один воин праха. Взмахнул кистенем, устремился наперерез девушке. Двигался хоруг быстро и устрашающе. Вдвоем они взяли Карей в тиски. Брошенные ею ножи пролетели сквозь воинов, утонув где-то в пыли. Нашла, чем сразить сотворенных из праха, дурище. Витог метнулся на помощь. Секира взлетела в воздух, резко опустилась наискось, подрезая ноги одного из хоругов. Лезвие прошло сквозь прах, не причинив никакого вреда. Воин, как ни в чем не бывало, развернулся, ударил парня кистенем в грудь. Витог проворно отскочил, и било только слегка задело его. Но этого оказалось достаточно, чтобы мальчишку отшвырнуло на несколько шагов, приложило спиной об землю.

Тэзир обернулся к Нае с кривой усмешкой:

— А Призванный весельчак. Простое задание, ничего сложного?

Она не ответила. А чего тот ждал, приятной прогулки? Но, когда арки начали вспыхивать одна за другой, выпуская хоругов, не могла не согласиться с его очередным язвительным замечанием:

— Не пойму, мудрейшие смерти нашей желают, что ли?

— А если врассыпную? Может, прорвемся? — предложила Алишта.

— Так они нас тем более переловят, как цыплят, — заметил рассудительно Арки.

Воины Праха продолжали появляться на площадке. Их вполне хватило бы окружить и задавить каждого ученика. Нет, разъединяться было бы ошибкой. И Тэзир быстро это смекнул.

— Витог, бегом сюда! Все в круг. Девчонки, за спину! — крикнул он, отступая назад.

— Да пошел ты, — фыркнула Кайтур. — Вы как хотите, а я сама за себя.

— Я с тобой, — поддержала ее Алишта. — Бежим зигзагами?

Подружки бросились вперед. Далеко убежать им не дали. Как и предвещал Арки, их быстро настигли, разъединили, взяли в кольцо. Кайтур заплясала с веером, Алишта метала дротики. Ная повторять глупость девчонок не собиралась и последовала совету Тэзира — встала позади парней. Ядром, где каждый прикрывает друг другу спину, отбиться легче. Сая присоединилась к ним без раздумий.

Плотной кучкой они двинулись к проходу между скалами. Воины праха тут же разделились, и большая часть обрушилась на сплотившихся учеников. Тэзир завертел чеканом. Сая, как одержимая, работала ледяной плетью. Ная отгоняла нападавших огнем. Арки посылал пращей снаряд за снарядом. Но ряды хоругов не редели. Воины беспрерывно наседали, их было так много, что, казалось, отбиться нет никакого шанса. Их четверку давно бы смяли, не происходи странная вещь. Если прежде у Наи из-под пальцев вылетал только сноп искр, то стоило ученикам объединиться — удавалось скрутить шар. Действуя сообща, они подпитывали друг друга и усиливали свои способности. Вот какой урок подготовили им наставники!

— Надо остальных в кучу собирать. Иначе не прорвемся, — проследив за полетом

огненного сгустка Наи, тоже сообразил Арки.

Витоги уже неслись к ним со всех ног. Но его настигали трое хоругов. Кривой меч одного из них разрезал воздух над головой парня, в руках другого взлетело для броска копье. Шар завис над ладонью Наи. Тэзир перехватил ее взгляд, рывкнул другу:

— На землю, дурак!

Витоги оказались смышленными, мигом распластались на камнях, подняв облако пыли. Шар с треском врезался в воинов праха, охватил пламенем, дав парню возможность добраться до четверки учеников.

— Суки, чуть не разорвали. Если бы не вы.... — От одежды на Витогах остались одни лохмотья, из многочисленных ран сочилась кровь.

Хватит болтать! Защиту ставь! — рывкнул Тэзир.

— Так доступа к колдовству нет, — недоуменно вытаращился Витоги.

— Когда все вместе — есть, — пояснил Арки, запуская очередной снаряд. — Теперь подхватим Алишту. Она ближе других.

Парни выстроились полукругом: Витоги с Тэзиром двигались по краям с оружием, Арки — в центре, сдерживая заклинаниями натиск противника. Ная шла на шаг позади, расчищая парням путь огненными шарами, Сая прикрывала тыл, безостановочно хлеща плеткой. Ледяные осколки летели в нападавших воинов, точно стрелы, плавя дыры в телах из праха.

Маневр оказался удачным и вскоре они добрались до Алишты.

Блондинка, разметав дротики, отбивалась последним, как копьем. Ная запустила огненную молнию в подкрадывающегося к девушке сзади хоруга. Воин загорелся, рухнул лицом в пыль. Алишта кивнула в знак благодарности.

— Дуй к нам, — крикнул Витоги. — Одна не устоишь.

Девушка поняла это и сама. Избегая подсекающего удара топора, подпрыгнула и припустила к ним.

— Откуда у вас сила? Я не могла выжать из себя ни капли, — согнувшись от усталости и тяжело дыша, проговорила она.

— Маленькая хитрость наставников, — Витоги перекинул секиру из одной руки в другую. — Пока мы врозь — родник перекрыт, а как вместе — берите и пользуйтесь невозбранно.

— Надо помочь Кайтур. Она уже на пределе, — попросила Алишта.

Смуглянка и в самом деле еще крутилась между двумя воинами, но все медленнее становились движения, неточными выпады с веером. Надолго сил у девушки не хватит — это правда.

— Сделайте же что-нибудь, иначе они ее растерзают, — поддержала Алишту Сая.

— Она отказалась сражаться вместе. Теперь пусть выкручивается сама, — отрезал Тэзир.

Ная была с ним согласна. Решила драться одна — не жди помощи от других. Но Мышка явно наперекор всем собиралась отправиться спасать смуглянку. Вот добрая душа! И как она к колдунам попала — непонятно.

Но когда из арок появилась еще пятерка хоругов, и направилась к Кайтур — на раздумья не осталось времени. Расправятся с девчонкой, примутся за них. Повернувшись к Мышке, велела:

— Когда скажу — ударишь плетью по шару, — пламя вновь заплесало у нее в ладони. — Бей!

Сая хлестнула плетью. Соединение льда с огнем дало взрыв такой мощности, что все присели, а хоруги метнулись в разные стороны от обрушившегося на них огненного дождя. Смуглянке хватило ума откатиться прочь от опасного места и броситься под защиту друзей. Друзей?! Ну, это вряд ли. Просто группы учеников, вынужденных сражаться сейчас сообща. У каждого здесь был свой интерес — пройти задание до заката. И чужая судьба не больно кого интересовала.

— Еще! — крикнула Ная, подбрасывая очередной шар. Сая отправила его в наступающих воинов точным ударом.

Кайтур ввалилась в их круг полуживая, бухнулась на четвереньки, хрипя как загнанная лошадь. Одежда под мышками и на спине пропиталась потом, волосы свисали мокрыми сосульками. Тэзир подхватил девушку под руки, заставляя подняться на ноги.

— Некогда разлеживаться! Вы ведь с Алиштой силу умеете вытягивать из всего? Вот и поубавьте прыти нашим противникам.

— Без тебя разберусь, что делать. С какой стати я должна выполнять твои приказы?

— Потому что он дело говорит, — осадила подругу блондинка. — Если бы не ребята, от тебя одни кусочки остались бы.

— Я не просила меня спасать, сама бы справилась. А ты, гляжу, на их сторону уже переметнулась?

— Заметили уже, как ты справлялась, — съязвила в ответ Алишта.

— Вышвырните ее отсюда, и делу конец, — предложила Ная.

— Заткнитесь, курицы! — взорвался Тэзир. — Раскудахтались! Здесь нет чьей-либо стороны. Есть одна, где мы вместе. Так что решайте: действуем заодно или превратимся в такой же прах, как и хоруги.

— Ладно, заодно, — кивнула Кайтур. Встала рядом с Алиштой, потянула из воинов праха силу. Губы у подружек побелели, ресницы и волосы покрылись инеем: сказывалась отдача на чары. Мир мертвых делился только холодом и тьмой. Хоруги сразу подрастеряли ловкость и стремительность, двигались, как пьяные. Справляться с ними стало значительно легче.

Витог заработал секирой, предоставив Тэзиру с Арки замедлять блоками нападавших.

Вопль Карей перекрыл шум схватки. Они совсем забыли про гордячку в пылу боя. Хоруги меж тем сбили ее с ног и поволокли к арке. Девушка визжала и цеплялась за землю, как обычная селянка, угаскиваемая насильниками в кусты. Только то, что ждало Карей, было страшнее любого насилия.

— Незыблемая вас всех заberi! — выругался Тэзир.

Ная, дав знак Сае, швырнула очередной шар. Но надолго ли ее хватит, даже с поддержкой остальных? Силы не бесконечны. Жар в ладонях стал слабее, медленнее свивался огненный сгусток. Пожалуй, в запасе всего пара-тройка ударов.

— Я могу влить в ваше оружие силу, собранную у хоругов, — предложила Кайтур, заметив ее затруднения.

Неплохая идея. «Сестренки» тут же вылетели из ножен. Смуглянка провела по ним руками, и по кинжалам пробежало черное пламя. Наю тряхнуло от холодного дыхания смерти. Она слишком хорошо помнила его, чтобы не узнать. Бездна боли, обреченности, отчаянья, ненависти. Ее словно снова швырнули туда. Наверное, она изменилась в лице, потому что Тэзир встревожено спросил:

— Что с тобой? Ты побледнела.

— Жрать хочу, — брякнула она раздраженно.

— Скорее! Они сейчас утащат ее в арку, — подогнала их Сая.

Тэзир протянул Кайтур чекан. За ним подставил под руки смуглянки секиру Витог. Раздав весь запас сил, девушка раскрыла веер.

— Алишта, подпитай.

По вееру пошли волны темно-синего света, от которого резало глаза. Ная отвернулась, швырнула для острастки в хоругов последнюю пару шаров и взялась за кинжалы. Теперь надежда только на них. Ощетинившимся кулаком ученики поспешили на помощь Карей, сшиблись с воинами праха. Засверкали клинки. На этот раз тьма пожирала тьму, смерть забирала к себе мертвых. Когда сила в оружии иссякала, ладони Алишты и Кайтур ложились на плечи товарищей и вновь пополняли ее.

— Не успеваем, — бросил Тэзир, видя, как ноги Карей исчезают в арке.

Что тут сказать? Всем везти не может. О гордычке следовало забыть и двигаться к узкому проходу в ущелье. Сомнений, что там ждет еще один сюрприз — не возникало. «Бойся существ, туманом рожденных», — пугала ее в детстве старуха Вель. И молочная пелена, определенно, не просто так зависла между скалами.

— Давай напором, вдвоем, спина к спине, — крутнулся к ней Тэзир.

Его желание помочь было понятно: Карей из одного с ним клана, выросли вместе. Но Нае, какое до нее дело? А не смогла отказать, бросилась вперед, как глупая девчонка. «Сестренки» только в воздухе мелькали. Расчищая путь остальным, они с Тэзиром прорвались сквозь толпу противника. Кайтур с Алиштой трудились на славу, ослабляя воинов, но главную роль сыграло то, что арки поблекли, перестали подпитывать хоругов и подбрасывать подкрепление. Сотворенные из праха больше оборонялись, чем нападали.

Карей удалось ухватить за руки в последний момент. Таких широко распахнутых глаз, какие были у насмерть перепуганной гордычки, Ная никогда не видела. Пока Сая и Алишта помогали вытягивать девушку из арки, остальные выстроились кругом, защищая их спины. Когда же рыдающую Карей удалось вырвать из цепких рук, удерживающих ее по ту сторону мира живых, все с удивлением увидели, что площадка пуста. Воины праха исчезли, арки погасли и рассыпались пеплом. Тут бы облегченно вздохнуть, но ждущий впереди туман и догорающий закат не позволяли расслабиться. Тем же сплоченным кулаком они двинулись к проходу.

— У кого какие предположения, что нас там ждет? — Тэзир замедлил шаг на границе с пеленой, подозрительно взгляделся в белое облако.

— Пока не войдем — не узнаем, — Кайтур пихнула его в бок. — Двигай быстрее, времени в обрез.

И они вступили в туман. Пять шагов. Ничего. Десять. Все спокойно. Где же вы? Где? Уж не шутка ли это наставников — сыграть на их страхе? И нет тут никаких чудовищ, призраков, ходячих мертвецов и невест еще кого. Но это оказалось бы слишком хорошо, слишком просто и по-доброму. А в выбранном ими ремесле не было места доброте и глупому доверию.

Хищная тварь прыгнула сверху на двенадцатом шаге. Они ее даже толком разглядеть не успели, заметили лишь распахнутую пасть и ряд острых, как иголки, зубов. Витог раньше всех среагировал на размытое движение, ударил секирой, снеся прыгунье полчерепа.

«Если враг долго не появляется — не тешь себя надеждой, что он трусил. Он всего лишь выбирает удобный момент для нападения», — учил Кагар-Радшу.

Твари сыпались теперь со всех сторон, как осенью листва с деревьев. Еле успевали отмахиваться. Прыгучие, стремительные, порождения людских страхов и кошмарных снов, превращенные колдовством в реальных существ, внезапно выныривали из тумана, норовя вырвать кусок плоти, а то и вцепиться в горло.

Никогда Ная не проходила дорогу до Мудреца столь медленно, как они двигались сейчас. Хуже всего, что из-за пелены невозможно понять, далеко ли до горы.

— Девчонки, вы чего бездельничаете? Почему не тянете из них силу? — крикнул Тэзир, обтирая лоб рукавом.

— Не успеваем ухватить, они слишком шустрые, — отозвалась Алишта, вспарывая брюхо рыбоподобной твари неизвестно когда подобранным дротиком.

— Дрянь дело, сожрут нас здесь. В зеркало не гляди, сожрут, — простонал Тэзир.

Твари нападали беспрерывно, и мальчишки даже на мгновение не могли отложить оружие и настроиться на блокировку. А без помощи колдовства тут вряд ли получится прорваться. И прикрыть на время некому. Все заняты.

Тэзир обернулся назад, рывкнул на Карей, спрятавшуюся в середине:

— Долго за спинами отсиживаться будешь?! Оружие растеряла — ставь блоки, защищай нас!

Карей словно не слышала: испугано зыркала по сторонам и молилась неизвестным богам. Что-то случилось с надменной, уверенной в себе красавицей, после того, как чуть не утянули в мир мертвых. Надломилась, пережитый ужас притупил разум. Тэзир тряхнул ее за плечи.

— Да очнись же ты! Иначе мы все погибнем.

Ная отпихнула его в сторону. Уговорами тут ничего не добьешься. Закатила Карей крепкую пощечину. Аж ладонь онемела. На красивом личике гордячки остался алый след.

— Если сейчас же не начнешь помогать, бросим на съедение тварям. Поняла?

Карей съежилась, ужас исказил лицо. Схватившись за щеку, залепетала:

— Я помогу, помогу, только... не смотри на меня так больше. Твои глаза... они... в них... тоже, что и в глазах хоругов.

— Не начнешь ставить блоки, еще не так гляну! Шевелись, если хочешь жить.

Угроза подействовала. По крайней мере, встряхнула, выдернула из оцепенения Карей. Гордячка что-то зашептала, зашевелила руками, и учеников накрыла прозрачная завеса. И как же вовремя! Почти следом, взрывая площадку, вынырнул невероятных размеров змей. Крутнувшись спиралью в воздухе, ударился об их защиту, заискрился и опять ушел в недра земли. Тысячелетний камень вздрогнул, затрещал, и на всю ширину прохода разверзлась пропасть.

Прижимаясь спиной к скальной стене, ученики начали перебираться по узкому карнизу на противоположную сторону.

— Не разделяться, идем цепочкой, — остановил Арки Саю с Кайтур, решивших обойти провал с другого края.

Это правильно. Пока не закончилось испытание, следовало держаться вместе. Двигаясь по-над самой пропастью, они были сейчас уязвимее всего. Когда тропка не шире пары шагов — не особо повоюешь. Спасала учеников только защита Карей. Твари еще пытались наскакать, но налетая на прозрачную преграду, убегали прочь. Все-таки сильна гордячка. У мальчишек слабее выходили блоки. Правда, Нае приходилось подстегивать ее взглядом. Ну да ничего, закончатся испытания — придет в себя, вновь вернется

самообладание.

Из тумана они вывалились неожиданно. Вроде только что висел перед глазами, а через миг рассеялся, открыв взору скалу Мудрец.

Скала, как скала, ничего необычного, только верхушка плоская, как обломанная. Стены гладкие, не зацепиться ни пальцами, ни крюком. Лишь с одной стороны шла лестница до самого верха. Говорят, ее вырубili колдовскими заклинаниями. Скала служила местом для размышлений и медитаций. Частенько туда забиралась и Ная. Ей нравилось взирать на мир с вершины Мудреца, любоваться пиками исполинских гор, алеющими на закате снегами. Именно там, по ее мнению, чаще всего приходили в голову светлые мысли, а душа наполнялась силой. Не удивительно, что учителя выбрали эту скалу для испытаний.

Знать бы только, какую каверзу приготовили они здесь. Об этом, похоже, думали и остальные ученики, разглядывая лестницу.

— Гадай, не гадай, а время уходит. Надо рискнуть, — Кайтур с веером наизготовку направилась к скале. Подошла, осторожно попробовала ногой одну ступеньку, встала на нее, попрыгала: — Обычный камень. Никакого подвоха. Как хотите, а я иду, — она поднялась еще на две ступеньки, обернулась, указала рукой на дотлевающий закат. — Кто не успел, тот проиграл. Не забыли?

Алишта двинулась вслед за подругой, за ней потянулись Витог и Арки с Саем. Тэзир топтался на месте, поглядывая на задумавшуюся Наю.

— Скала точно безопасна? — не выдержал он.

— Я тысячу раз по ней поднималась...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Так что же ее мучило, какая важная деталь ускользнула, которую следовало помнить?

Отпихнув Наю, к лестнице пронеслась Карей. Гордячка грубо растолкала учеников и под изумленными взглядами устремилась к вершине, перепрыгивая сразу через две ступеньки.

— В нее злой дух вселился или ты ей пятки прижгла огнем? — хмыкнул Тэзир.

И тут пришло прозрение. Огонь! Как она могла про него забыть? Ведь еще перед началом испытания почувствовала. А он вот где притаился.

— Живо все вниз! — заорала Ная, срывая горло. — Иначе сгорите!

Повторять не пришлось. Пятерка учеников скатилась с лестницы, как горох со стола. Только Карей продолжала бежать вверх, не замечая языков пламени, всколыхнувшихся над ступеньками. Гордячка спохватилась, когда одежда уже занялась огнем. Закричала, заметалась то вверх, то вниз. Но, что туда, что обратно было далеко. А пламя набирало силу, поднимавшись девушке до колен. От боли она совсем обезумела, начала срывать с себя одежду.

— Назад, дура! — орали они хором.

Но Карей продолжала кричать и крутиться на месте.

— Помогите ей, кто-нибудь, — всхлипнула Сая.

— Как?! — прорычал Тэзир в бессильной злобе. Подскочил к Нае, стиснул плечо: — Твой клан Огневики. Убери пламя.

Она чуть не расхохоталась ему в лицо. Он думает — это так просто? Щелкнула пальцами и готово? Тэзир даже представления не имеет, сколько нужно сил и времени, чтобы потушить пылающую скалу. Не ученице, а настоящему мастеру. Но не объяснять же ему сейчас это.

— Ей уже не помочь, — девушка высвободилась из хватки, отвернулась, чтобы не

видеть печальный конец Карей.

— Сука ты бессердечная, — процедил Тэзир.

— Какая есть. Я ее не гнала туда. Как ты сказал про Лидо? Должна быть голова на плечах?

Их ссору прервал крик Карей. Обезумевшая от боли гордычка оступилась и покатила кубарем вниз. Когда она достигла земли, то была уже мертва.

— Зря у хоругов отбивали, все равно по глупости погибла, — нарушила Алишта гнетущее молчание.

Витог вскинул на девушку гневный взгляд.

— Не зря! И думать так не смей! Мы Привратники! Своих в беде не бросаем. Сражаемся до последнего вздоха.

Нае захотелось расхохотаться во второй раз, а потом взять пылкого юнца за шиворот и ткнуть мордой в труп Карей. Ты ей расскажи!

— Мы не Привратники и вряд ли уже ими станем, — произнес Арки, кивнув на скалу. — Через огонь нам не подняться.

— Сая, ты из клана водной стихии. Затуши огонь, — предложил Витог.

— Чем? Плетью? — девушка в расстроенных чувствах уселась на валун. — Снега по близости нет, реки далеко. Мне не по силам дотянуться до них и направить течение на Мудреца.

— А если собрать влагу из земли или вызвать дождь? Витог тучи пригонит, — опустила устало на корточки Кайтур.

— Долго. До заката не успею.

— А перенести снег с других горных вершин? — ухватила за последнюю соломинку Алишта.

— Я похожа на бога? — вытаращилась на товарищев Сая. — У меня таких способностей нет. Будь рядом река, еще можно было бы попытаться, а так... — Мышка развела виновато руками.

— Лучшего места, чтобы окунуть нас мордой в грязь, Призванный не нашел. И чего он учеников настолько не любит? — осклабился Тэзир. — Кто следующий на жертвенный огонь? Милости просим.

Проигрывать было обидно. Вдвойне, в конце пути. Но и вести себя, как шут, тоже не выход.

Ная скрипнула с досады зубами и, понимая всю бредовость своего решения, произнесла:

— Я.

На нее обратились взоры всех учеников.

— Не надо, сгоришь, — попросила жалобно Сая.

Тэзир пыхнул сердито глазами исподлобья:

— Не дури.

— Начнете подниматься не раньше, чем пройду семь ступеней. И держите рты закрытыми, если не желаете погибнуть.

Ная подошла к лестнице, тряхнула, расслабляясь, плечами, прикрыла глаза. Она ненормальная, раз решила взяться за такую работу. А разве есть выбор? Прочь мысли! Забыть обо всем! Существует только огонь. Мятежный. Непокорный. Безжалостный. Требующий мести. И несущий смерть. Он такой же, как я. А я, как он. Ощущение тела исчезло. Теперь вместо него извивался маленький лепесток пламени, мечущийся и

обжигающий, шепчущийся с ветром, рассказывающий о своей боли. И рядом колыхалось множество таких же лепестков. Ная протянула вперед руки, мысленно погладила их. Я понимаю вас, ведь мы одно целое. Тише. Тише. Уймите свой гнев, успокойте своих духов. Спать. Спать. Пусть сон принесет успокоение. Я рядом. Я постерегу ваш сон.

Жар под ладонями уменьшился, и девушка, не открывая глаз, взошла на лестницу. Ей не нужно зрение. Она наизусть помнит каждую ступеньку. Не счесть, сколько раз поднималась по ним. Но тогда она была человеком, а теперь взбиралась вверх языком пламени. Тише. Тише. Я уйму вашу боль, а вы мою. Ведь мы едины. Ная ласкала пламя, уговаривала его сдерживала. И поднималась все выше и выше.

Огонь принял ее за свою, ластился, как кошка, обвивался вокруг ног, щекоча ступни. И не обжигал. Не затрагивал одежды.

Не почувствовав за спиной никакого движения, Ная оглянулась. Бестолочи так и стояли внизу, раскрыв рты. Они считают, для нее это, будто свечку затушить? Ради чего она выжигает себя изнутри, тратит силы?

— Долго стоять будете?

Ее голос будто стряхнул с них чары, и ученики с опаской двинулись следом. Пламя уже не поедало ступени, по которым она прошла. Камень приятно горячил, как нагретый песок на солнце, не причиняя вреда.

Девушка продолжала идти с закрытыми глазами, не выпуская из-под контроля огонь. А ведь не верилось, что удастся. Никто не учил ее этому, считали рано, сил мало. И она на свой страх и риск просто доверилась интуиции. Получилось или нет, станет ясно, когда взойдет на вершину.

Я пламя. Во мне нет зла. Просто я такая, какая есть. Просто такая моя жизнь. И другой не хочу. Я дарю тепло и свет. И отнимаю жилье и жизнь, если ко мне относятся с пренебрежением.

Ступени кончились, и Ная очутилась на площадке. Вскоре поднялись и остальные.

— Поразила, — произнес Арки с восхищением. — Никогда не видел ничего подобного.

Ответить бы ему с усмешкой: «Я тоже. Или: ерунда, я такое вместо завтрака каждый день проделываю». Тэзир, наверное, смог бы отделаться шуткой, скрывая царившее в душе пепелище, выжженную до тла степь, где нет жизни. Но она не Тэзир и ей было не до шуток. Быть хотелось от пустоты, поселившейся внутри, от запаха смерти, что приходит с дымом пожараиц насытившегося чужим горем огня. В нем нет зла. В нем только обида к людской чванливости, зависти и злобе, безрассудной глупости. А Ная всего лишь ученица, не мастер, чтобы тянуть воз не по своим силам.

Она молча подтолкнула Арки к чаше с черным, как смола, содержимым, кивнула Сае на вопрос — цела ли? — приняла дружеский тычок в плечо от Витога, выдавила улыбку Алиште с Кайтур. Тэзир прошел мимо мрачнее тучи. Сердится еще из-за Карей? Его дело. Дождавшись, пока все очутятся на площадке, начала спускаться. Через десяток ступеней ее догнала Сая.

— У меня все линии на ладони исчезли, — возбуждение с изумлением переполняли Мышку. — Ни одной черточки не осталось. Что это за жижа в чаше?

— Не знаю.

— Но у тебя тоже правая ладонь стала гладкой?

— Да, — ответила Ная, умолчав, что одна линия все-таки сохранилась. Глубокая четкая борозда, от среднего пальца к запястью.

— Поторапливайтесь, опоздаем, — подогнал их Витог, сбегая по ступенькам.

Обратно они неслись галопом. Тэзир мчался с правого бока Наи, Витог — с левого, готовые при необходимости подхватить под руки. Неужели заметили, как нелегко ей давалась дорога? После укрощения огня, ноги заплетались. Каждый шаг давался, будто подъем на скалу. Наплевав на гордость, девушка не возражала против опеки парней. Хуже свалиться за пару шагов до наставников. Отблески заката уже догорали, когда ученики подбежали к кристаллам и приложили к ним ладони. Кожу слегка кольнуло, словно иголками, и свет тут же погас, сеть исчезла.

Призванный встал. Широкие длинные рукава прикрывали сцепленные над животом пальцы. Ниспадающие до плеч седые волосы, невзирая на дующий ветерок, лежали, не шелохнувшись, волосок к волоску. Лицо, будто высечено из камня. Но, когда Кагар-Радшу заговорил, в его голосе послышалась горечь.

— Вижу, мы потеряли еще одного ученика. Прискорбно. Но, невзирая на это, должен отметить, что с заданием вы справились. Не сразу, грубо, расходуя чрезмерно силу. Однако сообразили, что ваш успех в сплоченности. Умение взаимодействовать — необходимое качество в нашем деле. Никакое проворство и умение сражаться не заменят надежного товарища за плечом. Сейчас отдыхайте. Скоро вас ждет заключительное, самое сложное задание, которое и определит, кто станет Привратником Смерти.

Ученики переглянулись. Если уж Призванный назвал задание сложным, то впору молиться Незыблемой. В селение никто не пошел, отдых обещал быть коротким. Разбредясь, кто куда, они повалились на землю, приходя в себя после испытания. «Воронята» раздали по лепешке с куском сыра и вяленого мяса. Порции жалкие, едва-едва притушить голод, но есть никому не хотелось. Отдышаться бы сначала.

Приглядев укромное местечко в углублении горы, Ная уселась там, отгородившись ото всех стеной. Вытянула ноги, прислонилась спиной к холодному камню, прикрыла глаза. Тело колотило от слабости. Слегка кружилась голова. Ненормальная. Едва не иссушила себя до капли. И как хватило сил сдерживать огонь до верхней ступени? А еще предстоит последнее испытание. По словам Призванного — нелегкое. Но в таком состоянии ей ни за что его не пройти. Так. Медленно. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Она безмятежна и легка как перышко в океане Незыблемой. Память услужливо подсовывает воспоминание о перекатывающихся волнах силы. Ная вновь плещется в них. Серебристые струи омывают от макушки до пальцев ног, бегут по венам, прогоняя усталость и наполняя бодростью. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Послышались тихие шаги. Кто-то опустился рядом на землю, ткнул легонько в бок. Как не вовремя. Сейчас бы одной побыть. И кого темные принесли на ее голову?

— Спишь? — раздался голос Тэзира.

Ну, кто ж еще, как не он. Неужели донимать больше некого?

— Чего тебе? — обратила она на него неприветливый взгляд.

Но такого смутить — надо еще поискать грубое словцо.

— Извиниться пришел...за Карей. Не следовало винить тебя... — глухим голосом произнес он, приведя Наю в замешательство. Что это на балагура нашло? Каяться начал. Вот уж от кого не ожидала.

— Я не успела бы ей помочь. Было слишком поздно.

— Сейчас понимаю. Тогда зол был... — желваки дернулись на скулах Тэзира. — Ненавижу чувствовать себя беспомощным.

— А кто любит? Но порой не все в наших силах, — она подняла взгляд к небу. Над головой сверкала щедрая россыпь звезд, равнодушных к людским победам и поражениям. Когда-то ей хотелось быть одной из них.

— Смотрю, тебя еще трясет после скалы, — ладонь Тэзира легла ей на колено, поползла вверх. — Если честно, меня тоже немного знобит после испытания, — он наклонился к ней, горячее дыхание обожгло висок. — Не хочешь уединиться и снять напряжение? Говорят, помогает.

Нет, ну что за человек?! Мгновение назад едва ли душу не раскрывал: винился, со скорбью говорил о Карей. И вот опять его несет по бездорожью. Шалопутный, да и только.

Ная красноречиво потянула из ножен одну из «сестренек».

— Понял. Отваливаю, — выставил парень примирительно перед собой ладони. — Не если передумаешь, я рядом, — Тезир хохотнул, отскочил в сторону, заметив, как она схватила в шутливой угрозе камень. — Знаешь, а мне понравилось сражаться с тобой бок о бок. Может, и дальше поработаем в паре?

— Забудь, — отрезала девушка.

— Ну, не стоит утверждать столь категорично, — осклабился он. — А вдруг тебе понравится. И не только работать... — ловко увернулся от брошенного камня, чмокнул, изобразив поцелуй. Шут, да и только.

— Тэзир, — окликнула его Ная. Он обернулся с надеждой. — Ты замечательно командовал сегодня. Мы бы погибли, не собери ты нас в кучу.

— Спасибо хоть на этом, — произнес балагур разочаровано. Он ждал от нее совсем других слов. Но все мы ждем иного: от жизни, друзей, возлюбленных.

Едва Ная прикрыла глаза после его ухода, как опять послышались чьи-то шаги. Издеваются они что ли. И чего всех тянет поговорить с ней именно сейчас?

— Спишь? — прозвучал тот же вопрос.

— Пытаюсь, — буркнула она недовольно, не раскрывая век.

— Ой, извини, — пискнула Мышка, порываясь уйти.

— Сиди уж, — ухватила ее за руку Ная. — Давай, говори, зачем пришла.

— Сама не знаю, просто волнуюсь. Тревожно на сердце, — девушка нервно переплела пальцы.

Тоже мне, нашли наперсника, души им облегчать и напряжение снимать. Прогнать бы, сказать, что самой муторно, а они еще лезут со своими разговорами. А как прогнать, когда человеку скоро через границу смерти проходить? И, может, от сказанного тобой слова зависит, вернется он оттуда или нет.

Ная накрыла ладонью сплетенные пальцы Саи.

— Волнуйся, тревожься, только голову не теряй как Карей.

— Жалко ее, правда? Такая страшная смерть.

— Смерть в любом виде страшна. А Карей мне не жалко. Она потерпела небольшое поражение и тут же сломалась, забыла все, чему учили, с кем готовили сражаться. Чего она ждала? Что путь будет усыпан цветами, а существа хаоса от одного движения пальцев покорно склонятся перед ней? Это в сказках все красиво. А на деле, чтобы выжить, придется забыть о жалости и боли, стать сродни тем злобным, коварным тварям, которые пытаются прорваться в наш мир. В сущности, мы мало отличаемся от них, только вынуждены умирать каждый раз заново, перешагивая грань. И, чтобы вернуться назад, должны сохранять ум холодным и трезвым и ни в коем случае не паниковать. Незыблемая оплошности не прощает.

— Ты так красиво умеешь говорить, — восхитилась Сая.

Ная поморщилась.

— Это не я, это Кагар-Радшу сказал. Любит он витиевато изрекать простую мысль, — она кивнула на «воронят», машущих им руками. — Вставай. Зовут уже.

Вместо обещанных комнат в трактире их расквартировали в гарнизонных бараках, выстроенных на склоне холма.

Вернувшись из бани, Ильгар наскоро перекусил сухарями, сыром и солониной. Проверил, как устроились его парни, и вышел проветриться. В казарме из-за жары стояла невыносимая духота. У подножия же холма было прохладно, темно и не пыльно. Гарнизонные солдаты сколотили там деревянный павильон, посадили выюн, создав нехитрый уют. В увитой зеленью беседке отдыхал Барталин. Ветеран призывно махнул рукой и приподнял над круглой столешницей штоф.

— Составишь компанию старику?

Какое-то время они в молчании пили вино, наслаждаясь тишиной подкрадывающейся ночи. Так приятно после грохота раскаленного города окунуться в благодатную тень...

Ильгар глянул поверх кружки на Барталину.

— Большой опыт, голова на плечах, доказал верность Армии! По-моему, трижды предлагали возглавить десяток, но ты всякий раз отказывался. Почему?

— Больше, — усмехнулся Дядька. — Раз восемь. Если ничего не путаю. Первый раз — когда был немногим старше тебя.

В зарослях выюна застрекотали цикады. Небо над зеленым куполом беседки мерцало звездами, луна походила на ломоть желтого сыра.

— Командовать другими — не для меня. Вот помочь, подсказать — куда ни шло. Да и при деле я. Молодежь тоже кто-то должен наставлять.

— Брешешь, пень старый! — хмыкнул Ильгар. — Ответственности боишься?

— Не боюсь, а избегаю. Это разные вещи... Не люблю офицеров, не люблю командиров.

— Почему тогда из армии не уйдешь? Уехал бы на юг, завел семью, выращивал пшеницу или пас овец.

Барталин задумался. Несмотря на прохладу, его лицо лоснилось от пота, в бороде застряли крошки.

— Уходить не хочу, но и вверх по лестнице подниматься не собираюсь. Чем выше взлетаешь, тем меньше становится друзей. Зато желающих стащить тебя за ноги с верхней ступени хватает. Не по нутру мне это.

— Так стал бы десятником.

— Зачем? — Барталин снова наполнил стаканы. — Стоит начать карабкаться и уже не остановишься. Кто скажет, какой у власти вкус? Вдруг, мне понравится... Дать тебе дружеский совет?

— Конечно. Ты меня знаешь — никогда не откажусь.

— Будь внимателен. Армия — это не большая и дружная семья. Здесь всякие дела творятся.

— Я запомню... А правду говорят, что ты видел Сеятеля?

— Видел. Тридцать лет назад.

— И какой он?

— Обычный человек. Невысокий, темноволосый, хромой. Но выглядит гигантом. По крайней мере, именно таким он мне и запомнился: властным, могучим, полным скрытой

силы. Хотя, ты ведь знаешь, дети видят все по-другому. И понимают совершенно не так, как взрослые. Сейчас, может быть, он показался бы мне заморышем.

— Что ты почувствовал? Трепет? Уважение?

Ветеран осушил кружку.

— Ненависть. Брюхо хотел ему вспороть. Ведь увидел его на пепелище моего родного города. Как раз, когда я мертвого брата волочил к капищу. Повезло, что руки заняты были.

Прикончили шгоф в тишине, не проронив ни слова. Встали, отправились по своим комнатухам отдыхать. Дорога выдалась трудной...

В городе им предстояло пробыть три дня, дожидаясь, пока из Ландгара явится Дарующий с небольшим отрядом жрецов. Только потом двинут на запад, к Елге. Ильгар безделье не любил, посиделки в бараке и игры в кости быстро надоели, поэтому следующим утром он отправился на рыночную площадь.

Солдаты здесь редкостью не были, жнецов на улицах Сайнарии хватало, и поношенная стеганка десятника ни у кого интереса не вызывала. Ильгар шел по городу, не переставая дивиться, насколько разные и непохожие люди встречались в этом муравейнике. Богачи, нищие, чужеземцы, наемники, горожане и земледельцы. И никому ни до кого нет дела. Даже смуглые коротышки с побережья Кораллового моря, носящие в кудлатых черных волосах костяные украшения, не пробуждали любопытства у зевак. Затеряться в такой толпе — раз плюнуть.

Дома — отдельный разговор. В старой части города еще сохранились самые первые постройки: низкие, крытые досками, с маленькими окошками, что больше напоминали бойницы, они стали прибежищем для бедняков и отребья. Дома горожан побогаче располагались ближе к цитадели. Черепичные крыши разных цветов утопали в зелени. Ильгар туда не пошел. Хотелось взглянуть на рынок. Центр бурной городской жизни. Место соблазнов и сплетен.

В глазах зарябило от разноцветных одежд и вывесок. Лавки, магазины, шатры, лотки и тележки. Сладкие речи торгашей, расхваливающих свой товар, сливались в гул. Где-то точили ножи, в стороне ржали кони, от пекарни тянуло сладкой сдобой и жаром. С непривычки у Ильгара закружилась голова. Нестерпимо захотелось сбежать от этого гама и суматохи. В поисках тишины, он юркнул в узкий просвет между книжной лавкой и оружейной. Воняло помоями здесь крепко, зато толстые каменные стены отсекали от шума рыночной площади. И пробираться между домами оказалось проще, чем толкаться в мешанине человеческих тел.

Ильгар выбрался из закоулков грязный, пыльный, весь в паутине. Отряхивая куртку, он едва не влетел в стайку нарядно одетых девушек.

— Осторожней, солдафон! — брезгливо воскликнула одна из горожанок, выставив перед собой зонтик из перьев.

— Простите, я вас не заметил, — пробормотал десятник, чувствуя себя немного неловко под пристальным вниманием стольких любопытных глаз.

— Какой невежа! Даже не знает, как обратиться к даме! — продолжала с высокомерием выговаривать ему пышногрудая шатенка. — Хотя, чего ждать от язычников, милостью Сеятеля вытащенных из своих грязных лачуг и приобщенных к великому учению нашего правителя?

Желваки заходили на скулах Ильгара. Осадить бы эту фифу крепким словцом, чтобы нос не задирала! Слышал он от сослуживцев про таких спесивых горожаночек, взиравших

свысока на солдат, и, тем не менее, раздвигающих перед ними ноги за золотой или самоцветные бусы... Из-за спины брюнетки выступила вперед девушка. Ильгар взглянул на нее и проглотил приготовленное оскорбление. Святая сила, какие же у нее непостижимо красивые глаза! Они казались горными озерцами, чья синева соперничала с синевой летнего неба. Солнечные искорки озорно плясали в них, насмерть привораживая к себе взгляд.

— Зеора, ну что ты напала на парня? Задумался, нечаянно столкнулся с нами. Он ведь извинился! — проговорила она, улыбнувшись десятнику.

За еще одну такую улыбку Ильгар готов был вновь выслушать от ее подружки кучу гадостей. Следовало что-то сказать, задержать, не дать уйти этому очаровательному созданию, но быстрый на язык среди сослуживцев, сейчас он не мог найти нужных слов.

— Идемте, девушки, у нас еще куча дел, — потянула Зеора подружек к ближайшей лавке.

Ильгар с досадой смотрел, как они удаляются. «Если позволю уйти — больше никогда уже не увижу...»

— Милые дамы! — его крик утонул в шуме города.

Десятник быстро последовал за девушками. Перегнал, повернулся к ним лицом и зашагал спиной вперед. Его не сильно беспокоило, что толкает кого-то, мешает пройти смуглому лоточнику — здесь все друг другу мешались, а уж толчки локтями считались и вовсе привычным делом.

— Позвольте угостить вас нардайскими сладостями в знак извинения.

Девушки остановились. Зеора смотрела на наглеца с пренебрежением, две рыжеволосые сестры-близняшки захихикали. Высокая курносая брюнетка мрачно покачала головой. И только его защитница благожелательно улыбнулась. Ему показалось или девушка, в самом деле, обрадовалась приглашению?

— Тоже мне угощение, — фыркнула шатенка. — Будто мы нардайских сладостей не ели. Уйди с дороги!

— Не хотите сладостей, могу предложить пирожками с ландгарскими цукатами.

— Мы сыты, — отрезала Зеора. — А пирожками прельщай дочку какого-нибудь пахаря.

Ильгар сжал зубы и наградил ее ледяным взглядом...

— А я не откажусь, — прозвучавший родничком голосок, растекся по сердцу нектаром. Не зря эта девушка виделась ему сотканной из солнца! От нее так и струился свет. Удивленные взгляды подруг нисколько ее не смущали — озорно пожала плечами: — Люблю пирожки с цукатами. И сладости нардайские тоже. Эти каши по утрам только аппетит распаляют!

— Рика, ты забыла, нам к модистке нужно, — дернув ее за рукав, прошипела Зеора.

— Нам — это тебе? У меня наряд давно готов. Пока вы будете выбирать ткань, я с удовольствием полакомлюсь пирожками. Встретимся здесь в полдень.

— Ты собираешься пойти с... ним?! — Зеора шептала так, что и в конце улицы было слышно. — Ты его впервые видишь! Неизвестный солдафон. Знаешь, чем они занимаются в своих походах, как поступают с захваченными в плен женщинами? А вдруг он насильник, убийца или скотоложец? Дикарь есть дикарь!

Это было уже слишком.

— В нашем племени никогда не было насильников, — зло проговорил Ильгар. — А чужеземцам, сотворившим такое с женщиной, отрубали причиндалы.

Девушки покраснели, потупили глаза. Зеора застыла с полуоткрытым ртом.

— Я верю ему и иду в пекарню, — заявила твердо Рика, взяв Ильгара под руку.

— Отцу это не понравится, — предрекла мрачная черноволосая девушка. Внимательно посмотрела на парня: — Как тебя зовут?

— Ильгар. Десятник резервного полка восточной армии Сеятеля под командованием Теора Неустрашимого. Клянусь именем и честью, что не причиню вашей подруге никакого вреда и верну в полной сохранности.

Черноволосая кивнула; Зеора, разобиженная, демонстративно отвернулась. Рика с вызовом глянула на подруг.

— Теперь вы знаете его имя и звание. Увидимся в полдень!

Это был самый чудесный день в жизни Ильгара. Он держал за руку прекраснейшую во всем мире девушку, гулял с ней, ел пирожки с цукатами и сладости, пил разбавленное фруктовое вино, любовался фонтанами в квартале богачей и кормил сдобой прирученных павлинов. Слушал рассказы Рики о детстве в Вайрантуре.

Они опомнились, когда солнце начало клониться к горизонту.

— Зеора, наверное, уже панику подняла, отца взбаламутила, — заволновалась девушка. — Надеюсь, моя сестра не даст наделать глупостей.

— Это моя вина, — сказал Ильгар. — Я провожу тебя и извинюсь перед твоим отцом.

— Лучше не надо. Не думаю, что он обрадуется, увидев нас вместе.

Но Ильгар, вынув из ее кудрявых волос застрявший листочек, взял девушку под руку.

— Ничего. Переживу. Веди к дому.

Возле новенького двухэтажного особняка, окруженного розовыми кустами, их поджидала темноволосая девушка, спросившая имя Ильгара днем. Она сидела на парапете крохотного фонтана и задумчиво наблюдала, как переливается закатным багрянцем водяная пыльца, оседающая на мрамор.

— Дай-ка угадаю: твой отец — башмачник? — пошутил десятник, разглядывая роскошное строение. Он сегодня много узнал про Рiku, но она ни словом не обмолвилась — кто ее отец.

— Не совсем, — усмехнулась она в ответ. — Но тоже человек нужный.

Темноволосая заметила парочку и соскочила с парапета. На ней было ситцевое платье, чуть-чуть недостающее до лодыжек.

— Где вас носит? — от слов веяло холодом. — Тебе повезло, что отец задерживается!

— Не шуми так, Нарти, — скривилась Рика. — Все хорошо. Я дома. Если не расскажешь папе — а ты ведь не расскажешь? — никто ни о чем не узнает.

— Цени, что у тебя добрая сестра, — проговорила Нарти, брызнув в Рiku водой из фонтана. — Но с тебя причитается.

Не успела она объявить цену, как к дому подошел очень высокий и крепкий мужчина. Он опирался на резную трость, в другой руке держал мешок с чем-то тяжелым, следом за ним шествовала пара грозного вида бойцов. Судя по особым стеганкам с яркой вышивкой на груди — из гарнизонной стражи.

— Просто стой и молчи, — прошептала Рика. — Это мой отец — Ракавир.

В глазах человека плясали искры силы — Ильгар их ни с чем не мог спутать! Он вспомнил взор Геннера... «Черт побери. Отец Рики — Дарующий? Точно. И это не трость у него в руках, а самый настоящий жезл!»

— И кто это тут у нас? — проговорил мужчина.

Парни за его спиной казались спокойными, но в расслабленных позах читалась

готовность скрутить незнакомца, если тот поведет себя неподобающе.

— Привет, папа! — защебетала Рика. — Мы с Нарти вышли подышать свежим воздухом возле фонтана, а тут мимо проходил солдат и спросил у нас дорогу к гарнизону...

— Ну да, — улыбнулся Дарующий. — Предположим, что я поверил. Хотя ты в запыленном платье для прогулок, Нарти — в домашней одежде, а ваш незнакомый солдат только что держал тебя за руку. Ну, побуду немного дураком. Для разнообразия.

Ильгар молча приложил три пальца ко лбу и слегка поклонился. Три пальца — обязательный знак приветствия старших, а поклон — личная дань уважения. Дарующие: большая величина, нежели простые офицеры. А уж человек, воспитавший такое чудо, как Рика...

— Солдат?

— Десятник.

— Молодой, — сказал Ракавир и одобрительно кивнул. — Похвально... Зайдешь к нам на чай?

Девушки непонимающе уставились на отца. Тот улыбнулся в ответ:

— Да, я зазываю в дом незнакомому вам солдата. Я ведь обещал сегодня побыть дураком?

«Неудивительно, что Рика замечательная и веселая! С таким-то отцом!»

— Прошу прощения, но вынужден отклонить ваше предложение, — Ильгар покачал головой. — Я должен вернуться в казармы.

— Жаль. Но долг есть долг. Хорошо, что ты осознаешь это. Как тебя зовут, десятник?

— Ильгар.

— Что ж, Ильгар, приятно было познакомиться.

— А может, пригласим его на турнир? — внезапно вмешалась в разговор Нарти.

Все недоуменно посмотрели в ее сторону. Но Ракавир, судя по всему, находился в приподнятом настроении: рассмеялся, махнул рукой:

— Думаю, никому не повредит, если вы встретитесь на турнире, — мужчина ухмыльнулся. — Под моим присмотром, разумеется.

— Конечно, не повредит, — тихо проговорила Рика. — До скорой встречи, Ильгар.

— Девочки тебе уже рассказали, как дойти до гарнизона? — хитро улыбаясь, спросил Дарующий. Он обнял за плечи Нарти и взял под руку вторую дочь. — А мы пойдем и все-таки выпьем чаю. Сегодня замечательный день!

Десятник покинул квартал богачей счастливейшим человеком во всей Гаргии.

Любовь? Пожалуй, еще рано говорить, что он влюблен. Увлечен? Да, скорее всего. Для него это было в новинку. Так уж жизнь сложилась, что ненависть он познал давным-давно, а любовь... она казалась чем-то далеким, необъяснимым и немыслимым. Посещение красных шатров не в счет — это лишь зов плоти. Здесь же чувство шло изнутри. И оно освежало, придавало сил, окрыляло. Словно бы и не провел целый день на солнцепеке!

За день до турнира город трещал по швам. По улицам текли людские потоки, грохот телег и повозок не замолкал даже ночью, а небо заволокло чадом от костров, печей и жаровен. Хибары нищих украсили разноцветными платками и лентами, трактиры же и постоянные дворы устроили настоящее соревнование — у кого пестрее и наряднее будет заведение. Почти на каждом углу менестрели пели однообразные и примитивные песни о героях, а уличные лабухи наяривали незатейливые мотивчики. Все состязались за внимание зрителей и лишний медяк, иногда даже усердствовали сверх меры: кто-то кому-то заехал в

глаз смычком, девушка-бард сломала лютню о голову пьяного и наглого жонглера.

Ристалище сколотили за частоколом, возле озера, разделившего имя с городом. Растянули яркие шатры, накрыли праздничные столы, расчистили места для зрителей. Предчувствие скорого торжества витало в воздухе незримым духом. Все ждали добрых вестей из авангарда Армии, чтобы турнир заиграл новыми красками...

Но пока форсировать Безымянную у жнецов не получалось. Дикари с противоположного берега собрали огромное войско и оказали яростное сопротивление, разбив в пух и прах передовой отряд Найметуса Ловкого. Дарующего Вайлатуса распяли на стволе большой сосны и бросили умирать. Храбрецов, решивших ночью спасти его, подкараулили и утыкали стрелами. Головы убитых насадили на жерди.

Поговаривали, что это выступил против Армии союз языческих кланов. Но поверить в такое было трудно — дикари всегда оставались разрозненными, а их боги терпеть друг друга не могли.

Несмотря на дурные вести с передовой, турнир состоялся. Никого не смутило, что Безымянная так и остается непокоренной, а народу на ее берегах полегло много. Праздник обещан народу, а Сеятель слово держал. Сам он в Сайнарию не прибыл, зато прислал настоящую делегацию из Дарующих и жрецов. Руководили турниром военный преатор и... Ракавир Ордус. Как оказалось, он входил в Совет и являлся одним из ближайших сподвижников Сеятеля.

Сайнария возвысилась.

Горожане ликовали — если раньше их город лишь на словах считался вторым по важности в освобожденном мире, то нынче они получили настоящие доказательства своего превосходства над соседями. Конечно, имелся еще Вайрантур, город каналов, вотчина Сеятеля, но он далеко и народу в нем живет мало...

Ильгара мелкие радости тщеславных горожан не интересовали. Он жил ожиданием встречи с семейством Ордус. За день до турнира наведлся в лавку, купил дублет сливового цвета. Вначале хотел выбрать нарядный, ярко зеленый, украшенный вышивкой, но к нему требовались чулки и довольно глупые туфли с загнутыми носами, и десятник решил обойтись более простой и полезной вещью.

Затем побывал у брадобрея и заглянул к мастеру-оружейнику, где проторчал до самого вечера: его интересовало обмундирование турнирных бойцов. На дубовых стойках красовались начищенные доспехи. Не каждый офицер мог позволить себе такую роскошь! Лишь Дарующие на поле боя облачались в массивные латы, чтобы защититься от шальной стрелы. Сами они редко сражались наряду с пехотинцами, но своими силами помогли одержать не одну победу.

В Сайнарии этим доспехам нашли иное применение.

Жаждающие ратных подвигов, но не получившие разрешения от родителей отправиться на войну, знатные юноши выдумали эдакую игру. Нацепив на себя гору железа, взобравшись на коней и вооружившись затупленными копьями, они раз за разом сшибались на потеху зевакам. Со временем игра приобрела определенные правила, всадники перестали прятать лица за разноцветными масками и начали цеплять с гордостью вымпелы своих семей на древки копий. Не прошло и трех лет, как турнирами заболели почти все горожане. Бойцов узнавали на улицах, дети хвастались друг перед другом, кто больше назовет имен победителей...

Десятник готов был поспорить, что эти же детишки не знают, как зовут четырех

капитанов западной Армии. А уж они-то заслуживают гораздо большего почета, нежели знатные хлыщи.

Утром следующего дня город приятно удивил Ильгара — на улицах сделалось пусто и тихо; идти было непривычно. Лишь его десяток да несколько стариков, которым лень тащиться за город.

Впрочем, причина таких перемен выяснилась, едва жнецы выбрались за ворота.

Вчерашняя торговая площадь выглядела выцветшей и блеклой на фоне буйства красок, которыми пестрило ристалище. Флажки, выпелы, родовые знамена, разноцветные одежды горожан.

На деревянных трибунах уже ждали начала турнира старшие офицеры, влиятельные торговцы и прочая знать. Вокруг трибун толпились горожане победнее и приезжие зеваки, — для них расставили длинные скамейки, но большинство предпочитало оставаться на ногах. Всюду сновали разносчики воды и вина, лоточники со сладостями, торговцы пирожками с мясом и грибами сбивались с ног, а какой-то молодой юноша зычно обещал — совсем недорого! — нарисовать портрет победителя... да и вообще, любой портрет, лишь бы заплатили.

Люди вокруг казались счастливыми и безмятежными. Разговаривали о погоде, нарядах и прошлогоднем урожае, лакомились сладостями и слушали менестрелей. Повсюду шныряли нарядные детишки.

Пропуск на трибуны имелся только у Ильгара, и парней из десятка пришлось оставить на попечительство Барталину.

— Отдыхай, десятник. Я — опытный пастух, пригляжу за твоим стадом, — пообещал ветеран.

— Если разминемся — веди всех ко второй ветряной мельнице, — Ильгар кивнул на вращающую лопастями громадину. — Мне там проще будет вас отыскать.

— Как скажешь.

Стража встретила его холодными взглядами и скрещенными алебардами.

— Проход только для офицеров и знати.

Молодой жнец молча показал серебряное кольцо, присланное вчерашним утром Рикой. Стражники пожали плечами, удивленно переглянулись, но Ильгара пропустили. Правда, не успел он и трех шагов сделать, как на пути вырос один из двух герольдов. Пышно одетый, величавый, с намасленными и зачесанными назад волосами и коротким церемониальным копьём в руке. «В алом табарде — церемониймейстер, — напомнил себе десятник, — голубую накидку носит герольд-глашатай...»

— Вы куда направляетесь? — голос был приятный, но строгий. — Как прошли мимо стражи?

Ильгар вновь продемонстрировал кольцо.

— Приглашение от семейства Ордус? Ясно. Меня предупреждали.

Церемониймейстер позвал юркого мальчишку, облаченного в малиновый с кружевами костюм, и велел провести «почетного гостя». Юнец поманил за собой десятника.

Жнец оказался окружен сплошь людьми из высшего сословия: оба преатора, Ракавир, несколько жриц и жрецов. Если Аларий просто поглядывал на десятника и отпускал ядовитые замечания по поводу вырождения настоящих солдат, то народный преатор Карвус, когда Ильгар уселся на свое место между Рикой и Нарты, спросил с надменной гримасой у Ракавира:

— Кто таков?

— Приятель моих красавиц, — ответил тот. — Славный малый. Десятник в резервном полку.

— Стоит ли такого приваживать? Невысокого полета птица...

Ильгар украдкой обернулся. Карвус был худощавым, смуглым. Смотрел на шумных горожан с пренебрежением и брезгливостью.

— Так ведь молод еще. Горяч, наверное. Поостынет в резерве, а там, глядишь, и нас потеснит! — Ракавир громко рассмеялся. — Девушкам полезно проводить время с настоящими мужчинами, а не с этими напмаженными хлыщами из местной знати.

Отчетливо прозвучало язвительное хмыканье Зеоры. Несмотря на весь гонор и замашки, девушка не была особо родовитой, и занимала скромное место на нижних ярусах.

Ильгар почувствовал легкое прикосновение к руке. Повернулся.

— Дублет тебе к лицу. А с мечом на поясе выглядишь еще мужественнее. Видна статья! — От хвalebных слов и ласкового взгляда Рики жнец сразу забыл про волнение и скованность.

— От тебя тоже глаз не оторвать. Ты похожа... на цветок в этом кремовом платье.

— А я на что похожа? — сдерживая смех, спросила Нарти, с вызовом проведя ладонью по бархатному иссиня-черному платью, усеянному искорками бисера.

— На ночное небо, — ответил Ильгар.

— О, так ты еще и поэт!

Теперь уже обе девушки хохотали, а десятник чувствовал себя косноязычным ослом. Пожалуй, при Кряжистом Изломе было легче... Он потянулся к кувшину с водой, но вдруг пальцы задрожали, их свело судорогой. Кожу на груди припекло. Почувствовался знакомый озноб. Ильгар поерзал в кресле. Хотелось расстегнуть дублет, залезть под рубашку и разодрать ногтями проклятый шрам...

— Позволь? В горле пересохло, — он ухватил расписной кубок Нарти и принялся жадно пить вино. Темноволосая девушка удивленно вскинула вверх левую бровь.

— Что-то не так? — спросила Рика. — Ты сам не свой.

— Все хорошо. Немного непривычно чувствую себя в новой одежде и... таком окружении.

Девушка, успокаивая, положила ладонь ему на сжатый кулак. Ильгар расслабился, почувствовав приступ нежности — еще одно забытое, почти незнакомое чувство. Но шрам зудел так, что невозможно было терпеть. Десятник заозирался. Неужели здесь боги? Но мир тонул в праздничной безмятежности, а люди радовались и ликовали: восторженно свистели, выкрикивали имена участников турнира, приветственно махали платками. Вот пожаловал на ристалище герольд в синем облачении, приложил рог к губам — и гул разлился по холмам, пронесся над озерной гладью, затерялся где-то в крышах домов Сайнарии, рассеялся над равнинами. Послышался тяжелый стук копыт — это появились Сарлуги, как они называли себя. На могучих скакунах, закованные в сталь. Яркие плащи украшает вышивка. Кони покрыты пестрыми попонами. Всадники молодые, самодовольные, гордые.

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! — провозгласил герольд, подняв над головой вложенный в ножны меч, с украшенной разноцветными лентами рукоятью. — Жители и гости Сайнарии, верные подданные Сеятеля! Мы рады объявить наш турнир открытым!

Он обнажил клинок и трижды отсалютовал им: простым зевакам, почетным гостям и турнирным бойцам.

В ответ два десятка копий взметнулись к небу — вымпелы затрепетали на ветру. Грянуло дружное: «Сарлуг!»

— Так звали мальчишку, придумавшего эту забаву, — шепнула на ухо Ильгару Нарту. — Он погиб перед первым крупным турниром. В честь этого каждый сарлуг наносит на тыльную сторону ладони татуировку...

Что-то холодное и липкое мазнуло десятника по лицу. Он приложил палец к щеке — на коже остался красноватый развод. Кровь? Еще несколько капель безнадежно испортили дублет. В груди вспыхнул пожар. В голове помутилось, мир поплыл перед глазами. Ильгар покачнулся, едва не рухнул вперед, свалив поднос с водой и разлив вино на сидящих внизу торговцев. Послышались недовольные возгласы и обещания «оттрепать за уши растяпу».

— Что там такое? — в раздражении крикнул преатор Карвус. — Уже напился, солдафон? А я предупреждал — нечего всякую шушеру приваживать.

Казалось, никто вокруг не замечает крохотных алых капель, падающих с неба. Все внимание народа было приковано к арене. Десятник встревожено обернулся к Ракавиру:

— Скорее забирайте дочерей и уходите, — затем вскочил на сиденье и закричал так, что даже сарлуги обратили на него внимание: — Все бегите в город! Бейте тревогу! Боги напали на нас!

— Тьфу, опять он за свое! — хмыкнул Аларий. — Нет, в резервном полку ему и место. Паникер...

Слова заглушил хлынувший стеной красный ливень. Молчание повисло над ристалищем лишь на мгновение, а потом его рассек пронзительный женский крик. Кровь ли хлестала с небес или же некто придал воде зловещий цвет, но мир быстро окрасился алым.

Дарующий все понял. Он уже был на ногах, раздавал указания. Затем ухватил за руку какого-то толстячка и что-то яростно зашептал на ухо...

Внизу выстраивалась стража, сарлуги пытались успокоить перепуганных скакунов, вестовой уже умчался в город — поднимать гарнизон.

Рика и Нарту перебрались на верхний ярус, под защиту жрецов и Дарующих.

— Ильгар! — закричала Рика. — Иди к нам!

— Мне нужно к десятку... А вы уходите в город!

— Будь осторожен!

— Постараюсь.

Ильгар ободряюще улыбнулся, сорвал с себя дублет, отшвырнул в сторону и вломился в толпу. Плетеные дорожки под ногами быстро пропитались кровью, многие люди оскальзывались и падали. Жнец продирался к арене, не стесняясь толкаться и бить локтями. Когда он соскочил на устланный соломой песок ристалища, дождь прекратился, но жжение в груди не думало униматься.

Пощечиной ударил по лицу порыв ветра, его ледяное дыхание выстудило остатки тепла. Из рта вырвались клубы пара. Кровь под ногами засохла.

Десятник обернулся — горожане улепетывали к городским воротам, но беглецов оказалось слишком много, образовалась жуткая давка. Люди толкали друг друга, топтали упавших. Вопли, женский визг, проклятия, плач детей неслись из толпы. Оставалось лишь надеяться, что у Ракавиры хватит ума не тащить дочерей в эту кашу.

Послышался громовой раскат.

Земля вздрогнула, будто пошла рябью, а вслед за этим к небу взметнулась кровавая пыль. Закружила, завертела. Дышать стало трудно, солнце скрылось в алом водовороте, мир

почернел. Звуки почти смолкли, до Ильгара доносилось лишь глухое бормотание и непонятный гул. Он словно угодил в сердце выюги. Как слепец, выставив руку перед собой, побрел туда, где — как думалось — находилась мельница...

Молодой жнец обо что-то споткнулся.

— Что за...

Под ногами лежал обезглавленный мертвец. Простенькая одежда залита кровью, на боку — глубокая рана. Ильгар отпрянул, потянул из ножен меч. Сделал три шага...

Замер.

Кругом валялись изуродованные тела. Лоточники, водоносы, стражи, жрецы, женщины, мужчины, дети... враги никого не пожалели!

Никаких красок не осталось в мире. Только красный, только черный.

Алая выюга... Алая земля...

Растоптанные пирожки, детские игрушки, башмаки и детали одежды. Поломанные лавки, черепки разбитых кувшинов. Всюду лежали мертвецы.

Ильгар побрел дальше. Пот стекал по спине и лицу, смешивался с пылью. Жнец вытер рукавом лоб и глаза — на мягкой и дорогой ткани остался мутный развод.

— Эй! — остановившись, закричал десятник. — Где вы? Где вы все? Идите сюда, мать вашу!

Боковым зрением заметил, как что-то большое во мгле устремилось к нему. Припал на колено, пропустив над головой лезвие топора настолько огромного, что в это трудно было поверить, и откатился в сторону. Красная пыль царапала глотку, раздражала глаза. Сквозь повисшую пелену трудно было разобрать, что творится вокруг. Ильгар смахнул выступившие от пыли слезы, прищурился. Холодок закрался в сердце. Высокие силуэты то появлялись, то исчезали в буре. Они были повсюду. Десятник приподнялся, едва не схлопотал обухом по темечку и снова рухнул на землю, уткнувшись лицом в живот мертвой старухе. Огляделся. Резко вскочил, пригнулся, избегая удара, и сам полоснул в ответ. Брызнула кровь. Глухо рыча, из пыльной завесы выбрался великан. Израненный, но по-прежнему опасный, как разъяренный медведь. Он ткнул кулаком, отгоняя Ильгара. Тот увернулся, порвал дистанцию, уколол здоровяка в бедро. Железный полумесяц прошел совсем рядом, оцарапав плечо. Великан зарычал, рванул топор на себя, норовя зацепить верткого человека за шею. Но жнец успел рухнуть на землю, перекатиться и встать... Следующий взмах едва не снес его с ног. Повторный удар Ильгар отвел мечом. Не упуская момент, скользнул клинком вдоль топорща, рассек гиганту пальцы. Тот взвыл, отступил на шаг, потрясая рукой. Воспользовавшись этим, десятник зашел за спину великану и вогнал меч между ключицей и шеей.

Когда противник повалился на землю, обессилено опустился рядом. Меч погнулся, сам он получил несколько ушибов и неглубоких порезов, зато был жив и теперь знал, кто напал на Сайнарию.

Иарматы. Народ великанов.

Они обитали в Зеленых каньонах, что притулились где-то на кромке пустыни Гайтчи, и славились воинственным нравом. А их божества повелевали ветрами, могли насылать песчаные бури — самумы.

Дальше пришлось двигаться вдвое осторожнее. Выжидать, задерживать дыхание и подолгу прикидываться мертвецом. Земля вокруг напоминала бойню. Убитыми в основном оказались земледельцы и горожане, — беззащитные, напуганные, неспособные оказать

сопротивление! — в то время как гвардейцев и жнецов было немного. Но это и понятно, люди шли на праздник, и охраняла их лишь горстка гарнизонных воинов. Никто даже в кошмарном сне не мог представить, чем все это обернется.

Мимо Ильгара пронеслось нечто массивное и бряцающее железом. Сарлуг! Совсем еще мальчишка. Тяжелые доспехи потемнели от пыли, пышный плюмаж растрепался, но всадник крепко сжимал турнирное копьё. Его конь словно натолкнулся на невидимую стену, упрямылся, не хотел скакать вперед. Парень безуспешно понукал его, давал шенкелей и, казалось, даже умолял послушаться.

— Эй! — закричал Ильгар. — Сарлуг! Воин, чтоб тебя...

Всадник обернулся. Выставил перед собой копьё, чуть-чуть наклонился вперед. Мальчишка принял его за неведомое чудище. Еще бы, так вывозился в грязи и кровавой пыли!

— Я человек! — прохрипел Ильгар, положив меч на землю — поступок не самый разумный, зато сразу давший понять юнцу, что перед ним не враг. — Жнец!

— Хвала Сеятелю, — вздохнул сарлуг. Слезы прочертили на чумазом лице бороздки. — Я думал, уже никого не осталось в живых...

Из выюги вдруг вынырнуло нечто огромное, волосатое, облаченное в меховые штаны и жилет. Вскинув над головой топор, иармат двинулся к всаднику. Паренек замер, вжался в седло, даже не подумав как-нибудь встретить неприятеля. Ильгар рванул наперерез.

Успел.

Прыгнул ногами вперед, угодив здоровяку в левое колено. Послышался хруст, на десятника будто столетний дуб навалился. В нос ударил мощный звериный дух, кисло смердело потом. Жнец схватил великана за космы, ударил кулаком в лицо. Тот застонал, но с потрясающей легкостью оторвал от себя человека и приложил о землю.

Иармат брызгал слюной, приволакивал ногу, но сил у него хватило бы на троих Ильгаров...

Нечто, похожее на железную гору, сбilo великана с ног, дав шанс десятнику прийти в себя от удара.

— Забирайся в седло! — дрожащим голосом прокричал сарлуг. — Он сейчас очухается... Помочь?

— Дай мне... копьё, — прорычал Ильгар, поднимаясь. Негоже было оставлять за спиной оглушенного, но по-прежнему опасного врага.

Парень послушно протянул оружие. Десятник со второй попытки обломал корончатый наконечник, запрыгнул великану на грудь и вонзил копьё в глаз. Налег всем весом, вгоняя обломок еще глубже.

Гигант умер быстро.

Ильгар, покачиваясь и держась рукой за ноющие ребра, протянул копьё сарлугу и отправился за своим мечом.

— Как насчет твоего предложения?

— Какого? — всадник облизнул губы. Он все время нервно озирался и прислушивался.

— Отдать мне в жены свою сестру...

— Что?!

— Помоги забраться в седло, дубина! Надо выбираться из этого хаоса.

— Ага, сейчас, — протянул руку Сарлуг. — Меня зовут Мертель.

Они долго метались во мраке алой бури, дважды едва не угодили в лапы к великанам.

Выбрались к городу благодаря яркому зеленому свечению, вдруг прорезавшемуся сквозь бурю. Оно как маяк притягивало плутающих людей, даря спасение. Перепуганные и грязные, горожане шли к Сайнарии. Их было так много, что Ильгар не уставал удивляться — неужели столько народу выжило? О том, что произошло возле городских стен, приходилось только догадываться. Десятки иарматов валялись на земле, утыканные стрелами, исколотые копьями. Вокруг них — мертвые жнецы и стражи. Бой кипел нешуточный, а от частокола остались лишь обломки и щепы. Ворвались ли дети бури в город или же все полегли под стенами — никто не знал.

Зеленое свечение шло от ладони Дарующего. Забравшись на крышу караулки, он поднял над головой руку, указывая светом путь потерявшимся. У постройки собралось несколько сотен горожан, их охраняли утомленные и изрядно потрепанные стражи. Кто-то прикатил бочки с водой, несколько плащей разорвали на лоскуты, чтобы перевязывать раны. Многие смачивали платки, закрывали лица.

— Вторжение остановлено! — наверное, в тысячный раз прокричал лысый стражник, обращаясь к горожанам. Он обессилено привалился спиной к стене, уронив копье и щит. — Отряд жнецов теснит неприятеля у озера. Как только жрецы доберутся до бога — буря утихнет...

Ни Барталина, ни кого-либо из десятка Ильгар здесь не нашел. Как бы не устал, а своих ребят отыскать был обязан. Он утерся мокрой тряпицей, напился, замотал лицо, как делают степняки, и пошел прочь от спасительного света.

Добрался до мельницы быстро — шел по безлюдному тракту.

Как оказалось, Барталин времени даром не терял. Ветеран собрал внутри крепкого строения три десятка местных жителей, велел завалить вход старыми жерновами. Понаделав пращей из ремней и толстого полотна, бойцы вооружили земледельцев и вооружились сами. Ни топоров, ни копий с собой у жнецов не было, так что встречали они Ильгара с вилами и косами в руках.

— Так я и думал, что вы не воины, а пахари! — прокричал Ильгар, когда Нур и Партлин откатали от двери жернова. — Детей не понаделали, пока я к вам пробирался?

— Понаделали, — пробурчал Барталин. Несмотря на недовольство в голосе, он был рад видеть своего десятника. — Надо же потомство достойное оставить — на вас надежды никакой...

Ветеран рассказал, как они, защищая людей, прикончили двух иарматов. Ильгар вкратце описал свои злоключения.

И вдруг буря утихла.

В один сердечный стук.

Шрам перестал жечь грудь.

Красная пыль осыпалась на землю, резко потеплело. Порывы ветра унялись, солнце залило мир ярким светом.

Не став дожидаться приглашения, земледельцы высыпали наружу. Они смеялись и ликовали, обнимались, плакали от счастья. Раз нет бури — нет и бога, а значит, Сеятель одержал еще одну победу... О цене никто не думал. Время горевать пока не наступило, но радость победителей скоротечна: стоит лишь матери найти на поле боя тело сына или молодой невесте — бездыханного возлюбленного.

Десятник повел бойцов и земледельцев к городским воротам, где собрались стражи, жнецы и прочие, принимавшие участие в сражении. Несмотря на многочисленность, здесь

было странно тихо. Все наблюдали за тем, как кого-то осторожно кладут на расстеленный плащ на земле, заботливо накрывают другим. Ильгар не сразу узнал человека. Без доспехов и не в седле Мертель казался маленьким и щуплым. Правая рука в крови и жутко изуродована, бедро стянуто ремнями. Лицо белее мела. Но всадник дышал.

Ильгар подошел к сарлугу. Положил ладонь на холодный и грязный лоб. Спросил:

— Что произошло? Ты ведь хотел остаться в городе?

— Хотел... — тихо проговорил мальчишка. — Увидел, как ты уходишь, и подумал, что тебе потребуется помощь... Но заблудился. Это к лучшему. Я чуть не убил бога...

Он замер. Уставился в чистое голубое небо остекленевшими глазами, последний вздох с клетотом вырвался из груди.

— Мерзавка! — оттолкнув с дороги Парда, степнячка подлетела к Безымянной и отвесила ей звонкую пощечину. — Погубить нас захотела? Кто надоумил тебя забраться в повозку?

— Никто, — пролепетала девушка. Сгорбилась, стараясь стать менее заметной, голову вжала в худенькие острые плечи. Губы подрагивали, казалось — расплачется сейчас. — Сама.

— Врешь! Какой тебе интерес в наших вещах прятаться? Что там потеряла? Ловушку решили нам подстроить!

Горячий нрав Айлы был известен всем, но такой рассвирепевшей Ард видел ее впервые. Роднарийка затрясла головой.

— Я не из коварства, от безысходности увязалась с вами.

— От безысходности?! — прорычала степнячка.

Ландмир поспешил вклиниться между девушками.

— Остынь. Чего набросилась на бедняжку? Может, у нее не было другого выхода, как сбежать тайком из дома. Вспомни себя.

— Не сравнивай нас! — взвилась Айла. — Я от смерти бежала. А дочери вождя чего не жилось в племени?

— Да уж лучше смерть, чем опять на ложе наместника богов! Сил больше нет терпеть издевательства и побои, — в отчаянье воскликнула Безымянная. — Он хуже животного, на собственную дочь не гнушается забираться. Всех девок попользовал. Какую пожелает — ту и подавайте. И никто слова против сказать не смеет. Всех в кулаке держит. Отец восстал однажды, так наместник пригрозил гневом богом. А вскорости подстроил гибель сначала старшего брата, потом среднего. Теперь на мне изгаляется, мстя отцу. Даже нарекать меня запретил!

Айла смутилась, выругалась на своем языке. Зыркнув исподлобья на девушку, буркнула:

— Вот и лезла бы в петлю у себя в племени, зачем нас примешала к своим несчастьям?!

— С вами появился шанс сбежать. Надеюсь, успеете до прохода в Чашу добраться. Наши туда не заходят. Запретная земля. Но обоз двигался медленно. А поторопить не решалась. Боялась, домой вернете.

— А теперь нас обвинят в похищении!

— Айла, оставь ее в покое, девочке и так не сладко, — вступился за беглянку Ландмир. — Гултаку все объясним. В крайнем случае, откупимся.

— Не успеешь ты ничего никому объяснить! Тут другие законы, — ярилась степнячка. Она ткнула девушку кулаком в бок. — Давай, Расскажи, что ждет всех, когда нас догонят.

Безымянная отвела глаза в сторону:

— Смерть. Вы посягнули на дочь вождя. Это оскорбление.

— Но ты сама забралась в повозку, никто тебя силой не тащил! — выпалил в возмущении Вальд.

— Не имеет значения. Я здесь — этого достаточно, чтобы вас осудили.

— Пусть сначала догонят на своих свинках, — хмыкнул второй наемник. — С лошадьми им не сравниться.

— Ты даже не представляешь, насколько они быстро умеют бегать, особенно

попробовав травы несот, — проговорила с некоторой гордостью Безымянная. Тут же сжалась, как побитая собака, робко подняла глаза на Арда. — Прости, маленький мудрец, я не хотела, чтобы все так получилось.

— Понимаю, — кивнул мальчик. Мерзкую рожу наместника и то, как он обращался с девушкой, быстро не забудешь. — Есть способ, как решить дело миром?

— Бегство из племени считается предательством, похищение — преступлением. Если только... кто-то из мужчин не женится на мне и не примет нашу веру. — Роднарийка в смущении затеребила на руке браслет.

Ландмир воспрянул духом.

— Это меняет дело! — Он зашипел, получив локтем под ребра. — Успокойся, Айла. Я не о себе говорю. Мне две жены не нужно. Херидан, ты ведь холост — женись! Девка справная, жалеть не о чем.

— Благодарствую, но семья не для меня. Я люблю свой меч, деньги и шлюх. И менять предпочтения не собираюсь. Вальд, бери молодку, — предложил мечник в свою очередь.

— Меня невеста ждет. Вернусь — поженимся. А чего Пард молчит?

— Мне маманя не позволит. Сказала, сама жену выберет. Одвар без родни, никто ему не указ, вот пусть и берет.

— Я в теле люблю, пышненьких, а эта худющая, одни кости, что мне с ней делать? Ударишь легонько спяну — и дух долой. Увольте от такого счастья.

Ард краснел и отводил от Безымянной глаза, стыдясь происходящего торга. Как они не понимают, что унижают и оскорбляют беглянку? Поникшая девушка стояла в ожидании участи, нервно комкая рукав платья. Волосы закрывали лицо, но мальчику показалось, что в глазах блестели слезы.

— Мужики, не выкобенивайтесь, решайте, кто всех из беды выручит, — взмолился Ландмир.

Молчание и угрюмые лица были ему ответом.

— Отец, прекрати, она не овца, чтобы с ней так обращаться, — не сдержался Ард.

— Слушай, Херидан, — оборвав мальчишку, предложил Вальд. — А если нам бросить девку, часть скарба и рвануть галопом к горам? Может, успеем убежать, раз они за пролом не заходят.

— Не успеете, — заявила Безымянная. — Догонят. Тогда будет еще хуже. У нас презируют тех, кто показывает опасности спину.

— Значит, ждем погоню здесь, — припечатал Херидан. Сухо и четко начал отдавать команды, распределяя людей. — Повозку с телегой развернуть. Одвар и Вальд, на крышу. Начнут гости буянить — приветите стрелами. Айла, тебе тоже придется взять лук. — Степнячка понимающе кивнула, заспешила за оружием. — Ландмир, вооружись топором. Ребенка занеси в повозку, прикрой одеялами от шальных стрел.

— Я не ребенок! — взвился Ард. — Прятаться не стану.

— Но и не боец, — отрезал Херидан. — Обуза, на которую надо отвлекаться и защищать, поэтому не мешай спасать твою и наши жизни.

Лицо Арда пошло красными пятнами от стыда и обиды.

— Я не собираюсь сидеть и безропотно ждать, когда мне перережут горло! Дай хотя бы нож!

— Ты умеешь им владеть? — Услышав сопение в ответ, мечник скривил губы. — То-то и оно. Сам себя еще поранишь, поэтому сиди тихонько в кресле и позволь мужчинам

заниматься делом.

— Херидан! Не забывайся! — прорычал Ландмир. — Выбирай слова. Ты служишь нам а не мы тебе.

Мечник встал напротив отца Арда, бестрепетно столкнулся с ним взглядом.

— Уж прости, но у меня нет времени сюсюкать с твоим сыном. Сейчас важно от смерти всех спасти. А тебе не помешало бы уяснить, что опекая его чрезмерно — только делаешь хуже. Когда-нибудь он останется один, без чьей-либо помощи, и ему придется самому заботиться о себе. И чем раньше твой сын начнет реально смотреть на вещи и принимать мир таким, каков тот есть, тем лучше. Меньше горестей и обид испытает. Жизнь мерзкая и жестокая штука, никого не жалеет, — Мечник обвел взглядом застывших в напряжении людей. — Чего встали? Готовьтесь к бою.

Брошенный в спину камень заставил Херидана сбиться с шага, оглянуться. Ард сидел с гордо поднятой головой, в правой ладони лежал булыжник.

— Я знаю, кто я есть, но это не отнимает у меня права сражаться за свою жизнь.

В прищуренных глазах мечника трудно было что-то прочесть. Мальчик напыжился, словно перед схваткой, но наемник вдруг подошел и протянул кинжал.

— После вернешь, — и быстро зашагал проверять, все ли на местах.

Погони долго ждать не пришлось. Вскоре на горизонте поднялось облако пыли, которое быстро приближалось к лагерю.

К повозкам подлетело на свиньях двадцать вооруженных человек во главе с наместником и Гултаком. Воины быстро спешили, выстроились полукругом с оружием наготове. Вперед вышли вождь с наместником. Лицо Гултака было мрачным. Наместник пыхтел и в ярости потрясал посохом с костяными бубенцами.

— Шелудивые псы! Так-то отвечаете на гостеприимство великого народа роднари — воруя наших девушек?!

— Вы заблуждаетесь, уважаемый, — произнес Ландмир, излучая добродушие, но топора из рук однако не выпустил. — Никто девушку не похищал.

— Ложь! — заверещал наместник. — Подлая ложь! Вы клевете на дочь почтенного Гултака из страха. Зачем ей бежать из дома?

— Вам виднее, — необдуманно хмыкнул Херидан.

Это было ошибкой. Наместник в мгновение ока стал похож на грифа, узревшего добычу. Хищный взгляд пробежался по чужакам, словно выбирая с кого первого начать трапезу.

— Вы оскорбили великое племя роднари, — прошипел он угрожающе. — Вы оскорбили наместника богов и вождя, посягнув на его дочь! Только ваша смерть смывает позор.

Воины роднари подняли копья.

— А ну охолоньте! — рявкнул Херидан, выхватив меч. Это послужило знаком: на крышах повозок поднялись лучники с нацеленными стрелами. — Дернитесь — прольется много крови. Не лучше ли поговорить по-хорошему?

— Верно, — вступил вновь в разговор Ландмир, — позвольте прояснить недоразумение. Мы никого не собирались оскорблять и очень благодарны за гостеприимство, а девушка по доброй воле пошла с нами. Она может это подтвердить.

Гултак поднял руку, останавливая воинов, затем грозно спросил у дочери:

— Это правда?

— Да, — робко проговорила Безымянная. Выудила неизвестно откуда кремневый нож и чиркнула по ладони. — Подтверждаю кровью, что эти люди не забирали меня насильно, и

принимаю вину и наказание на себя.

— Примешь, если виновата. Но прежде желаю знать причину твоего поступка. Может, ты хотела довести гостей до разлома, чтобы они не заплутали в неведомых землях? Отвечай.

— Нет, отец, они не просили меня быть проводником, — не поднимая глаз, пролепетала Безымянная.

Вождь сжал кулаки и посмотрел на наместника. Тот прошипел зло:

— Эта дрянь опозорила нас! А я предупреждал, что тебе надо лучше воспитывать дочь. Слишком много свободы давал, потакал во всем. Если ушла по своей воле — сам знаешь, что следует сделать. — Ухмыльнувшись, провел большим пальцем левой руки по горлу.

На лице вождя не дрогнул ни один мускул.

— погоди. Сначала надо разобраться. Вдруг, ей глянулся кто-нибудь из чужаков? Пленил сердце? Вот дуреха и увязалась следом...

— Это не уменьшает вины, — наместник источал желчь. — Дочь роднари не имеет права смешивать кровь с чужаком.

— Имеет. Если он, по укладу наших предков, вступит с ней в союз. — Гултук глянул на спутников Ландмира. — Я приму с радостью в семью ее избранника. Но если среди вас не найдется такого — сам отрублю неверной дочери голову.

Наместник торжествующе захохотал, когда никто из чужеземцев не подал голоса.

— И кто был прав? Твою блудливую дочь не желают взять в жены даже эти шелудивые шакалы. Она ушла не с возлюбленным, а сбежала из племени по своей прихоти. Предательство! Делай, что должен, иначе не быть тебе вождем!

Желваки заиграли на скулах Гултук. Взгляд стал жестким.

Безымянная, порывисто вздохнув, подошла к отцу, встала на колени, смиренно опустила голову.

— Прости, что навлекла на тебя позор. Исполни закон племени.

Гултук схватил дочь за волосы, запрокинул ее голову, обнажив горло. Посмотрел прямо в глаза беглянке. Сквозь холодный взгляд вождя не проскользнуло ни жалости, ни горечи. Невозмутим, словно не дочь казнил, а срубал сухой сук с дерева.

Этот человек никогда не отступит, понял Ард. Слишком сильно ненавидит наместника, чтобы хоть на мгновение проявить перед ним слабость.

Меч со свистом выскользнул из ножен, взлетел вверх.

— Стойте! — заорал Ард. — Я! Я возьму ее в жены!

Занесенная рука Гултук застыла в воздухе. Он не сразу сообразил, о чем говорит мальчишка. Затем вздох облегчения вырвался из горла вождя, уголки губ дрогнули.

Произошедшее обескуражило всех. Никто не в силах был произнести ни слова. Даже скорая на язык Айла казалась ошарашенной.

Вождь зачихал меч. Аккуратно поднял дочь на ноги.

Наместник выглядел злым и расстроенным одновременно.

— Хорошего зятя ты обрел, Гултук. Мальчишка-калека. Знать, не заслужил другой милости богов.

Вождь повернулся к нему спиной, подошел к Арду.

— Ты показал себя мужчиной. Настоящим роднари! Теперь я спокоен за дочь. Знаю, не обидишь. На обратном пути в Файхалтаре вас будет ждать богатый праздничный стол. А пока примите от меня скромный дар. — Он махнул рукой. Воины подвели большую черную свинью. Новенькое седло, нарядная уздечка.

— Подснежник, — ахнула радостно Безымянная.

— Она умная и надежная. Верьте ее чутью.

После этих слов Гултак, насупленный наместник и воины уехали, а путешественники стали собираться в дорогу.

— Херидан, — окликнул мечника Ард. — Вот твой кинжал.

Наемник приблизился, поглядел на протянутый клинок.

— Оставь себе. Ты достоин хорошей стали. Я был не прав, считая тебя ребенком. Больше никогда не назову тебя мальчиком, — проходя мимо расплывшегося от удовольствия Ландмира, хлопнул его по плечу. — Славного воспитал сына.

Они готовы были тронуться в дорогу, как произошла непредвиденная задержка. Девушка не подпускала Парда к телеге, в которой сидел Ард.

— Я сама буду охранять мужа.

Здоровяк не сдержался и поднял ее на смех. Его гоготание поддержали и другие наемники.

— Ты себя от старого наместника защитить не могла. Оставь мужское дело мужчинам, — Вальд махнул рукой.

Щеки девушки вспыхнули от обиды.

— То другой случай, там не больно возразишь... А драться на ножах я умею не хуже любого из вас. Доказать?

— Перца вам в рот, — незаметно вынырнул из-за повозки Херидан. — Что опять за задержка?

— У нас тут воительница объявилась, — хохотнул лучник.

— Вальд, — отдернул его Ард, — будь добр — перестань смеяться над моей будущей женой.

Наемник сразу замолчал, что даже несколько удивило мальчика.

— Я умею драться на ножах и сама буду защищать мужа, — повторила Безымянная, уперев руки в бока.

Херидан задумчиво глянул на нее, потом на небо.

— Ладно. Много времени это не займет. Вальд! Давай, отвечай за свои слова.

Тот улыбнулся, скинул меховую телогрейку. В ладони, как по волшебству, появился нож.

— Проведем бой по обычаю моих сородичей, — Херидан снял перчатки. — Двадцать хлопков. С последним — бой остановится. Не искалечьте друг друга.

Ард обеспокоенно заерзал. Зря Безымянная ввязалась в поединок с воином. Не поранили бы.

Вальд заметил его тревогу, подмигнул, перебросив оружие из руки в руку:

— Не волнуйся, молодой хозяин, обещаю, что твою красотку даже не поцарапаю.

Девушка спокойно встала напротив. Сжалась, словно приготовилась к броску. В ладони крепко сидел кремневый нож с широким лезвием и длинной рукоятью.

Бровь Херидана взмыла вверх в удивлении и одобрении. Стояла девушка как заправский воин. И первую атаку начала четким, резким, заученным ударом. Лучник легко парировал, но было заметно, что девушка удивила и его.

Они закружились, нападая друг на друга. То плавно, то стремительно. Хлопки задавали ритм бою. Сталь и камень дважды сталкивались в воздухе, вышибая искры.

Но Вальд был выше, сильнее и опытнее противницы.

Безымянная сделала неудачный, читаемый выпад. Мужчина перехватил ее руку, сбил толчком с ритма. Разоружил. Приставил лезвие к горлу.

— Ну... воительница... как тебе в схватке с настоящим бойцом? — Он тяжело дышал, пот градом катился по лицу.

Херидан перестал хлопать. Надел перчатки. Поправил ножны на поясе. Сообщил холодно:

— Твое хозяйство, настоящий боец, под угрозой.

Лучник побледнел.

Безымянная приставил к паху противника стелет из кости. Ард готов был поклясться, что мгновение назад у девчонки его не было!

— Ард, — бросил Херидан, — я передумал.

— В смысле?

— Хочу взять эту тощую в жены. Отдашь?

— Еще чего!

Они въехали в пролом между скалами. Было тепло и влажно, воздух казался вязким, ветер почти не чувствовался, все замерло, удивляя неподвижностью и спокойствием.

Поскольку повозку с телегой решили оставить — дальше передвигались пешком. Только Ард покачивался на Подснежнике — свинке, подаренной вождем. Животное ступало мягко, бережно неся всадника. Мальчик понял, за что роднари так ценят их.

Минув пролом, путники оказались в удивительном месте. По-над землей стелился пар. Он полз по крутым скалистым стенам к небу, оседая, застывал сверкающей коркой на базальте. Из-за этого пики гор напоминали дымчатый хрусталь. В Чаше, вместо подходящего для такой красоты вина, разлилось большое озеро. Его очертания с трудом угадывались сквозь пелену, виднелась лишь ледовая окантовка берега. Ни травы, ни деревьев вокруг. Осока да камыш.

— Не удивительно, что это место обросло байками, — усмехнулся Ландмир, утерев ладонью пот со лба.

— В племени его сторонятся, — тихо сказала Безымянная.

— Неразумно, — покачал головой Херидан. — Здесь есть глина и камыш — можно подлатать лачуги или обновить стены города.

— Еще тут много тайн, — покосившись на девчонку, произнесла Айла. — Чую кожей. И смертным не следует совать в них нос.

— А мы не станем ничего никуда совать, — Ландмир подошел и потрепал Арда по волосам. — Просто попробуем сделать то, ради чего забрались в такую даль.

Грохнуло. Затряслась земля. Где-то за озером, из бурлящей почвы с ревом вырвался грязевой столб. Взметнувшись, обрушился на землю с чавкающим звуком. Легкий ветерок донес до путников запах тухлых яиц.

— Лица лучше замотать мокрыми тряпицами, — посоветовал Херидан. — В горах подобные источники зачастую приносят из-под земли воздух мира мертвых. Он смертельно опасен. Я видел отару овец, забредших в долину грязевых фонтанов и передохших там меньше чем за лучину...

К совету прислушались.

Путешественники остановились неподалеку от берега. Огляделись, но пар стал гуще и скрывал очертания местности, — люди превратились в слепцов.

— Пард, — негромко сказал Ландмир, — останешься с сыном. Глаз с него не спускай!

Остальные разделились на тройки и разбрелись кто куда, разыскивая что-нибудь необычное и надеясь, что чутье степнячки поможет найти источник силы. Безымянная увязалась за Айлой.

Охранник уселся на вросший в землю валун. Снял толстый кожух и шапку, дубинку положил поперек коленей.

— Не похоже, что здесь опасно, — пропыхтел он. — Душно только.

— Верно, — кивнул Ард. — Помоги плащ снять, а то сварюсь...

Здоровяк задремал. Мальчишка, оставшись без собеседника, стал припоминать отрывки из любимейших историй. Ни в одной из них, включая странствия Слепого Мельда, герой не дожидался исхода приключений, сидя на заднице. Да и жен своих, как правило, они встречали поближе к финалу, вдоволь насытившись опасностями, набив карманы золотом и выйдя из десятка-другого передраг.

— Что ж, надо признать, на легендарного героя я, определенно, не смахиваю, — грустно улыбнулся Ард.

Покосившись на бесшумно шевелящего во сне губами Парда, намотал поводья на кулак.

«Отец будет в ярости! — Но все-таки пустил свинью вдоль ледовой кромки. — Я должен сделать хоть что-то сам!»

Подснежник ступала осторожно, водила рылом из стороны в сторону, шумно втягивала воздух.

Где-то вдали бурлила грязь, выстреливая в небо горячими фонтанами и паром. От воды тянуло стужей, но лед был только возле берега да еще кисточки редких камышей покрывал иней.

Ард быстро продрог и пожалел, что снял плащ. Но поворачивать назад не собирался. Да и не мог — Подснежник перестала слушать понукания, и вполне целенаправленно трусила куда-то вдоль берега. Юноше ничего не оставалось, как послушно трястись в мягком седле, поглядывая по сторонам, в поисках... непонятно чего.

Внезапно свинья замерла. На берегу возвышались два столба, оставшиеся от некогда высокой арки. Булыжники, из которых они были сложены, покрывала изморозь.

Свинья побежала к столбам. Натянутый повод и попытка развернуть животное ни к чему не привели. Подснежник не слушалась. Влетела в воду, подняла тучу брызг. Всадник еле удержался в седле — спасли крепежные ремни и веревки. Изумление пересилило страх, когда он увидел, как хрюшка шествует по озеру. Лишь потом, присмотревшись, понял, что та скачет по затонувшему мосту.

Вода достигала колен, переливалась за голенища сапог. Арда раскачивало из стороны в стороны. Вдруг Подснежник споткнулась и рухнула на мост, чуть в лепешку не размазав правую ногу седока. Чувствуй он хоть немного свои нижние конечности — взвыл бы от боли...

Животное замолотило копытами, силясь встать, но юноша в промокшей одежде прижимал ее к осклизлым булыжникам. На губах от воды чувствовалась соль, в коленке хрустнули кости. Он ощутил-таки тупую боль. Правой рукой уцепился за крепежные ремни и судорожно принялся расстегивать. Разобравшись с ними, взялся за веревку, оплетающую ноги. Здесь справиться оказалось сложнее — мокрая пенька не поддавалась. Ард сам не помнил, как выпутался.

Сбросив ношу, испуганная свинья, заверещав, куда-то умчалась, оставив всадника бултыхаться в воде.

Напитавшаяся влагой одежда прижимала Арда к камням. Пальцы быстро занемели, стали непослушными. В ужасе, юноша уцепился за булыжники, которыми был вымощен мост, приподнял голову. Работая локтями — пополз. Сколько времени все это длилось — он не знал. Подробности стерлись из памяти, став лишь ветхими воспоминаниями, навсегда похороненными где-то в голове.

Срывая ногти и трясаясь от холода, он двигался вперед. Мост казался нескончаемым.

Ард остановился, когда заметил какую-то тень на воде. Перед ним возвышалась, обросшая панцирем изо льда и соли, башня. Вернее — обломок, торчавший посередине озера. Флигели, некогда примостившиеся по бокам строения, скрывались под водой, больше напоминая нагромождение белых валунов. Из трещин и проломов в кладке башни сочился пар.

Было тихо.

Мальчик облизнул пересохшие губы. Во рту уже пекло от соли, язык распух. Почувствовав неясное возбуждение, Ард двинулся к остоу, хотя холод уже проник в каждую косточку.

Протиснуться в ближайший пролом калека не сумел, но заметил, что камни вокруг дыры покрыты сеткой трещин — влага сделал свое дело. Тогда Ард попытался расширить проход и аккуратно выломал несколько кусков размером с кулак. Осторожно скользнул в образовавшуюся прореху.

Внутри башня была завалена битыми кирпичами, остатками обвалившихся перекрытий и всякого рода утварью, непонятно как сохранившейся в подобных условиях. Обивка слезла с поломанных стульев, лак пошел трещинами на столешницах, но древесина оставалась крепкой, как и сотни лет назад. Даже сундук в углу, несмотря на то, что все железные детали проржавели, выглядел надежным.

Когда-то нижняя часть башни представляла собой, судя по всему, обширный и меблированный зал. Здесь нашлось место и камину, и винтовой лестнице, и даже чему-то вроде фонтана у одной из стен — там сохранился мраморный парапет. Пол, выложенный цветной плиткой, ныне скрывался под маслянистой, застоялой водой, от которой противно пахло. Изнутри стены покрывал желтый мох.

— Чья это башня? — Арду невольно вспомнились слова степнячки. Стоит ли совать нос в древние тайны? Кто знает, что скрывают руины... но мальчик все для себя решил быстро. Где тайны — там и приключения. Впервые за долгое время его вялотекущая, блеклая жизнь становится по-настоящему интересной. И кем он будет, если струсит, отринет возможность окунуться в настоящую легенду?

Всего-то и нужно — добраться до сундука и открыть крышку. А где еще хранить самое важное, бесценное и таинственное? Если приглядеться, станет ясно, что когда-то в стене находилась ниша, но время вскрыло тайник.

К нему Ард и направился первым делом.

Двигаться стало легче. Открылось второе дыхание, как говорили воины в книгах. Мешали только обломки мебели и кирпичей, валявшиеся на пути. Но близость цели придавала сил. Наконец пальцы коснулись крышки сундука, пробежались по окованным углам. Вот оно, его исцеление, ради которого проделан такой длинный путь.

Замок давно превратился в ржавую загогулину, чьи дужки переломились, стоило лишь приложить немного усилий. Крышка приподнялась неохотно, со скрипом. Арда охватило разочарование. Внутри было пусто. Лишь на дне лежал небольшой сверток. Не теряя

надежды, мальчик выудил его, трепетно развернул. Это оказалась простая, покрытая плесенью тряпка. Ард зло откинул ее в сторону и огляделся. Больше ничего интересного в башне не наблюдалось. Не будет же крыться его выздоровление в выцветшем гобелене? А рыться в битых камнях не хватит сил...

Всхлипнув, мальчик привалился плечом к стене. Неужели все напрасно? И он зря забрался в проклятую развалюху? Нет, нет, и еще раз нет! Это не простое место. Оно не может быть обычной сторожевой башней!

Под проломленным столом, поверх которого громоздился каменный блок, валялась всякая мелочевка. Позеленевшие монеты, разбухшие от влаги шкатулки, глиняные черепки, пара погнутых подсвечников и... песочные часы. Они-то и привлекли внимание.

Мальчик аккуратно подцепил серебряную цепочку, на которой висели часы.

Мутноватое зеленое стекло. Красный, весь в узорных насечках каркас из меди. Внутри — мерцающие гранулы. словно песчинки золота или обращенного в пыль света.

Сглотнув, Ард надел часы на шею. Ничего не произошло.

Вместе с разочарованием вернулся холод. Навалился с яростью, заставив калеку дрожать. Промокшая одежда снова показалась неподъемно тяжелой, руки пронзала боль — ободранные пальцы кровоточили, запястья распухли.

Сжав зубы, Ард повалился на бок. Прямо в тухлую воду. Сильно захотелось спать. «Закрыть глаза, и отдаться на волю сна...» Калека сразу прогнал эти мысли. Приподнялся на локтях, пополз к пролому в стене. Только теперь стал осознавать, что, скорее всего, не доберется до берега. Сил почти не осталось.

— Буду кричать. Здесь тихо, Айла должна услышать. Она чуткая как кошка...

Протиснулся в лаз.

Судорога пронзила тело. Ард, взыв, вскинулся, угодил локтем в один из блоков в проломе. Сочно затрещал камень, и часть кладки обрушилась на парня, придавив его к земле. Юноша закашлялся. Проклятая пыль набила в рот, нос, волосы, резала глаза, противно скрипела на зубах. Калека окунул голову в воду, избавляясь от ее запаха и вкуса. Боль в икрах, бедрах и пояснице ворвалась в сознание. Тело словно раздирали на куски раскаленными щипцами. Юноша заорал. До слез, до сорванного горла. Эхо заметалось над озером.

— Ард! — взволнованный голос не дал ухнуть в бездну беспамятства. — Ард, держись!

По скрытой под водой дороге, вздымая тучи брызг, к нему мчалась Безымянная.

— Следующий.

Тэзир подмигнул стоявшей за ним Нае и нырнул в темноту лаза. Рука Призванного легла на плечо девушке, приказывая ждать. В пещере уже скрылись Алишта, Кайтур и Витог. Скоро ее черед. Сердце стучало в такт уходившим мгновениям. Проклятое ожидание. От него делалось только тревожнее. Спуск в мир мертвых без присмотра наставников... Это не привычный обход границы с двумя опытными привратниками. Ученикам предстояло перешагнуть грань, отыскать дирк, предназначенный Незыблемой каждому из них, получив вместе с ним и новое имя, и вернуться обратно, пока не погаснет свеча. Ее свет и кровавая вязь заклинаний, нанесенная на покрытую пеплом кожу, станут им единственной защитой от беспокойных душ.

Над каждым учеником трудились два наставника. Один втирал пепел, пока он не ложился ровным слоем, второй наносил знаки. Кагар-Радшу вышагивал мимо будущих Привратников, заложив руки за спину, объяснял суть испытания и требовал снова и снова повторять, как нужно вести себя за гранью.

Язык устал твердить одно и то же, а три основных правила врезались в память Наи лучше собственного имени. Слова вылетали уже бездумно, сливаясь с хором голосов других учеников.

— Первое: следить за свечой и не дать ей погаснуть. Иначе тени растерзают плоть нерасторопного гостя, а его дух превратится в бессмертного мытаря, что веками будет слоняться по миру Незыблемой. Второе: не идти на голоса мертвых, не слушать их, не отвечать. Третье: следовать только своей цели, не поддаваясь чувствам. Именно они главные враги привратника за гранью.

Наставники закончили с нанесением рисунков к полуночи. Семерка учеников выглядела пугающе. В другой ситуации похихикали бы над своим жутким видом, но сейчас на веселье не тянуло никого. Тысяча триста восемьдесят семь — таково число погибших Привратников, не вернувшихся с той стороны границы. Об этом следовало помнить.

— Следующий, — ладонь Кагар-Радшу легонько подтолкнула Наю.

Девушка направилась к лазу.

Гроздь соляных кристаллов тускло освещали покрытые серебристой изморозью свод и стены пещеры. Шероховатый пол уходил под небольшим наклоном вниз, исчезая в темноте. Ледяные иглы воздуха беспрепятственно впивались в тело, заставляли съеживаться и задерживать дыхание. Едва достигавшая колен и не имевшая рукавов кожаная туника служила слабой защитой от холода. Сейчас бы плащ на меховом подбое, но наставники намерено исключили его из одеяния учеников. Чем сложнее условия испытания, тем достойнее победа.

Незыблемая побери эти правила!

Вязкая, глушившая шаги тишина в подземелье действовала угнетающе. Было в ней что-то затаившееся, следившее за тобой невидимым взором. Такое же ощущение одолевало и на озере Спящих, когда безмолвие вроде бы мертвого, заброшенного места на самом деле оказалось слишком живо.

За восемь лет пребывания в Предрассветных снегах, девушка облазила все близлежащие горы, но об этой загадочной пещере узнала лишь сегодня, когда колдуны сняли морок,

открыв взорам уходящий вглубь скалы черный зев туннеля. Вход в пещеру распечатывали раз в десять лет, только во время испытаний. Войти в заповедный чертог можно было лишь единожды. При повторной попытке человек замертво падал на пороге, истлевая прямо на глазах.

Ная спускалась все глубже. Туннель становился тесным, ощерившийся сталактитами потолок — слишком низким. На стенах заблестели капельки воды. Руку оттягивала черная свеча в тяжелом костяном подсвечнике. Но время зажечь ее еще не наступило.

Пол внезапно перешел в лестницу.

Двадцать ступеней, растворяющиеся во мраке.

Двадцать шагов к тайне и званию Привратника Смерти.

Рука заскользила по стене для уверенности и опоры. Ноги ступали осторожно, не спеша. Ступени — щербатые, узкие, места хватало только спускаться на носочках. Запросто оступиться и слететь вниз, в неизвестность. «Первая, вторая, третья...» — мысленно шел в голове отсчет. На последней, двадцатой, нога шагнула в ледяную воду. От неожиданности Ная дернулась, едва не выронила бесценный подсвечник. Пещера оказалась подтоплена. Но пугали не холод и вода, а то, что могло скрываться в темноте.

Теперь мягко, крадучись, вперед, аккуратно делая каждый шаг, чтобы создавать поменьше шума и не нарушить покой неведомых обитателей. Еле слышный всплеск и прикосновение к коже заставили учащенно забиться сердце, замереть, вглядываясь в потревоженную легкой зыбью поверхность. Никакого движения. Померещилось? Возможно. Слишком велико напряжение. Спокойнее. Вдох-выдох. Четверо учеников уже прошли здесь, пройдет и она.

В дальнем углу зияла черная, словно выплавленная в камне, дыра. Воздух со свистом втягивался внутрь, создавая ощущение бездны за краем. По сути, так и было.

Там начиналась граница смерти. Место, где мир живых соприкасался с безмолвным королевством Незыблемой.

Фитилек свечи начал тлеть. Сам по себе. И вскоре вспыхнул зеленым огоньком.

Ная крепче сжала подсвечник, переступила порог навстречу черноте. Смех, слезы, боль, истома... Чувства обрушились разом, раздирая на части, бросая то в жар, то в холодный пот. Будто кулаком поддых врезали. Девушка привалилась к стене, приходя в себя от внезапно налетевшего состояния дурноты. «Когда слаб против чужой силы, поступи мудрее — не препятствуй, подстройся под нее,пусти в себя, став с ней однородным потоком». Все-таки не зря Кагар-Радшу считают мудрецом. Дыхание сразу выровнялось, исчезло ощущение остановившегося сердца. Перед глазами перестали плясать красные пятна.

Теперь можно идти дальше.

Пол здесь был сухой, покрытый каменным крошевом, будто мгновение назад Ная брела по щиколотку в воде совсем в другой пещере. Пористую горную породу стен заменил темный базальт, испещренный рисунками. Нанесенные светящейся краской изображения шли от пола до свода. Необычные создания представляли то на фоне высоких башен, то среди звезд, где они держали в одной руке солнце, в другой луну, то тянули силу из скручивающегося воронкой смерча. Подняв повыше свечу, Ная с интересом рассматривала сотворенные неизвестным художником картины. Что же хотел рассказать ими древний живописец, и кто были эти создания, напоминавшие гигантов и имевшие по шесть пальцев?

Глыба из горного хрусталя находилась именно там, где и говорил Призванный: посередине зала, на идеально круглом гранитном постаменте с тремя ступенями.

Прозрачная как слеза поверхность заиграла множеством отражений огонька свечи, стоило Нае приблизиться. Правая ладонь легла в выточенное в камне углубление. Кожу запекло, и сноп света ударил в потолок, расползся по пещере лиловым туманом, сверкающим, подобно тысячам звезд. А затем... из глыбы шагнул мужчина в свободных одеждах. Один из тех, кого изображали рисунки на стене. Он прошел сквозь юную колдунью точно через пустое место. Девушка согнулась от ударившей волны силы. Хватая ртом воздух, осела на пол. Мимо прошествовала женщина. Следом из хрустальных врат появились еще пятеро. Высоких, статных, властных... и бесплотных. Вязь ломаных линий, сплетавшихся в знак, четкой татуировкой выделялась на предплечье каждого из них. Витиеватые закорючки смутно напоминали тайный язык Привратников. Те же закругления, крючочки, палочки. От расшифровки росписи сделалось сухо во рту. Не может быть! Но имена на татуировках говорили сами за себя, представляя незнакомцев.

Первый мужчина: Ваер — Огонь. Уж не узнать этот знак было бы стыдно!

Женщина рядом с ним: Воультера — Вода.

За ней: Эрза — Земля.

Дальше: Айвер — Воздух.

Висд — Мудрость.

Левег — Дающий жизнь.

Даада — Смерть.

Ная не верила глазам. Ваятели?! Однажды Призванный рассказал необычную историю, что Ваярию и божеств создали более древние и могущественные существа. Их было семеро. И имя им Цаэль — ваятели. На дальнейшие расспросы Кагар-Радшу отвечал, что остальное она узнает в свое время.

Цаэль сошлись в круг, взяли за руки. Прикрыв глаза, глубоко и медленно задышали. Так делала Ная, когда старалась успокоиться или восстановить дыхание. Но парок, вырывающийся изо рта Ваятелей, зависал в центре круга, приобретая форму облачка, пушистого, невесомого. Могучая телом Эрза шагнула вперед. Ее руки быстро задвигались, взбивая облако, придавая ему форму. Закружившиеся между пальцами песчинки, соединяясь, образовали большой, изрезанный впадинами, руслами и бугрящийся горами шар. Следом за делом взялась переменчивая Воультера: создала реки, озера, моря, посеребрила снегом вершины кряжей, накрыла шапкой туманов зазеленевшие леса и болота. Улыбающийся Айвер обернул шар покрывалом из ветра и туч. Всклокоченный и грозный Ваер заронил в недра земли капли жидкого огня, что прорывался из-под земли вулканами. Из одного рукава он извлек золотой самородок, из другого — кусок медной руды. Ладони озарились сиянием и над шаром вспыхнули солнце и луна. Левег подбросил в воздух разноцветную пыльцу, Висд — серебристую. Она закружилась в легком вихре, смешиваясь и плавно опускаясь, точно снежинки, на поверхность шара. И Ваярия ожила, заговорила, запела на разные голоса. Мир заполнился людьми, животными, рыбами, птицами! Это было чарующее зрелище, приковавшее взгляд даже самих Ваятелей.

Никто не заметил, как Даада шагнула назад, а из рукава выскользнул дирк. С губ Наи сорвался возглас предостережения, но Цаэль не могли услышать его сквозь вереницу прошедших тысячелетий.

Дирк ударил в спину Левега. Мужчина, в удивлении обернулся. Растерянность и неверие отразилось во взгляде. Ваятель начал заваливаться назад, судорожно вцепившись в одеяние Даады. Руки светловолосой красавицы заботливо подхватили его, холеные длинные

пальцы погладили по щеке. Нежная улыбка сменилась циничной, притворное сожаление — холодной надменностью. Пользуясь замешательством остальных Цаэль, женщина припала жадным поцелуем к губам умирающего, выпивая силу, свободной рукой метнула на шар горсть черных пылинок. Семена смерти и порока мгновенно перемешались с искорками жизни и знаний, став их неотъемлемой частью.

Мертвое тело Левега отлетело в сторону с глухим стуком. Даада с ухмылкой уставилась на собратьев, наслаждаясь их растерянностью, выбирая новую жертву. Петля из мерцающих волокон выпорхнула из рук Видса. Вновь блеснул черным лезвием дирк. С легкостью рассек веревку, вторым ударом полоснул Висда через лицо и грудь. Рваная борозда раны сразу потемнела, запузырилась гноем. Чернота от нее стремительно расползлась, охватила половину лица, шею и правую руку. Ваятель покачнулся, в поисках опоры ухватился порченной ладонью за шар. Островки земли под пальцами мгновенно скукожились, приобрели вид язв, морская вода превратилась в клубящийся туман.

Даада запрокинула Видсу голову, склонилась для поцелуя... Губы жертвы и убийцы почти соприкоснулись, когда на женщину обрушился ледяной ком, охваченный пламенем. Ее отшвырнуло на десяток шагов, едва не размазало об стену. Каменная плита загудела, в разные стороны побежали трещины, в месте удара образовалась брешь с оплавившимися краями. Распростершаяся на полу Даада казалась мертвой. Изломанная поза, подвернутая под живот рука, окровавленные волосы...

Но вдруг она зашевелилась, поднялась. Подкинула на ладони брошенный в нее ледяной шар, с издевкой поклонилась, словно благодарила за дар, и скользнула в пролом.

Затянувшее проход серое марево не позволило пробиться пустившимся в погоню Ваятелям. Призрачная стена, разделившая мир живых и мертвых, не поддавалась ни огню, ни льду. Теперь ни Ваятели не могли пройти на другую сторону, ни Даада вернуться. Отныне у каждого была своя часть мира, над которой не имели власти остальные.

Висд был плох, еле держался на ногах, но тратил последние силы, чтобы исправить нанесенный молодому миру вред. Однако тьма успела просочиться в умы людей, и все, чего он добился, это разбавил ее светом, сделав серой. Подаренные им человечеству для великих свершений знания теперь могли служить как во благо, так и во зло.

Айвер, Эрза, Вайер и Воультера тоже взялись за дело. Обмакнув ладони в крови Левега, оросили шар. Алые капли разлетелись по Ваярии, породив богов. Плоть от плоти Ваятеля, кровь от крови его, они должны были защищать мир и народы от созданий тьмы, стать для людей мудрыми учителями, оберегающими от порочных поступков и желаний, нести знания. Но черные пылинки затронули и души многих бессмертных, и те забыли о своем предназначении: начали требовать жертв и преклонения, вкусили людской крови и плоти, навсегда замавав свой светлый лик. В некоторых тьма проникла настолько глубоко, что их стали звать Черными богами.

Цаэль оказались бессильны изменить случившееся. Подхватив мертвого Левега и бесчувственного Висда, они скрылись в глыбе горного хрусталя, предоставив людям самим разбираться со своими проблемами...

Туман исчез. Видения растворились во мраке потустороннего мира. А Ная вновь стояла перед оплавленной дырой в стене. Но за ней уже не находился зал Знаний, теперь тут простирался мир мертвых.

Тьма. Непроглядная. Стылая. И живая. Быстрые фигуры так и мелькали то сбоку, то за спиной. Любопытные и злобные, пытающиеся определить — не сгодится ли прибывший

новичок в пищу? Только огонек свечи отгонял их на безопасное расстояние. Пятачок зеленого света был для нежити неприступной преградой. Но ощущать вокруг себя присутствие исходящих ненавистью теней... это не прибавляло спокойствия. Нае постоянно казалось, что к ней тянутся костлявые руки, хватают за волосы. Стоило обернуться, и ничего, кроме тьмы, глаза не находили.

Так ей дирк не отыскать, если будет дергаться на каждое померещившееся движение за спиной!

Надо забыть о существах в темноте и решить, в какую сторону отправляться на поиски. Внутреннее чутье молчало. Ничто не отдавалось в сердце, не заставляло трепетать в уверенности верного пути. Это плохо. Ритуальный нож должен быть родственным ей по духу, подавать голос, а она слышать его зов. Идти наобум — напрасная трата времени. Блуждать по миру мертвых можно бесконечно. Девушка присела, начертала подобранным камнем пентаграмму, в центр поставила свечу. Настроившись мысленно на дирк, вгляделась в пламя. Ровно горевший огонек трепыхнулся, будто от сквозняка, указывая вправо. Направление есть! Затерев пентаграмму, чтобы через нее не просочилась какая-нибудь тварь тьмы, Ная поднялась с корточек и еле сдержалась от вскрика. Перед ней стояла Карей. Лысая, с вытекшим глазом, обгоревшая кожа свисала лоскутами, лицо покрывали ссадины, сломанная левая рука висела плетью, на виске — кровавая вмятина.

— Это ты виновата! — прошипела безгубым ртом гордячка. — Я погибла из-за тебя. Ты должна была предупредить, но промолчала из зависти, потому что я была лучшая. И теперь я мертва. Ты тоже останешься здесь. Я не дам тебе вернуться назад!

Она метнулась к Нае, норовя вцепиться в глаза. Но натолкнувшись на сотканную из света стену, дико заверещала, отскочила в сторону. Забежала с другой стороны, попыталась наброситься со спины. Но свеча вновь не дала ей дотянуться до девушки. Мертвячка наскакивала еще несколько раз, нападая то сбоку, то сзади. Искажённое гримасой ненависти лицо, ощеренный по-звериному рот, безумный взгляд, резкие, скачками движения — в ней ничего не осталось от прежней Карей. И от этого делалось больше мерзко и горько, чем жутко. Как быстро она забыла, кем была, потеряла свой человеческий облик. Или, наоборот, показала истинную натуру?

Смерть снимает маски...

Они могли кружить бесконечно, но времени на это у Наи не было.

— Айхару такам! — заклинание сбило с ног бывшую ученицу, придавило невидимой дланью. Завывая от досады, гордячка отползла во тьму, раздирая землю ногтями. Несколько теней набросились на мертвячку, завязалась свара. Теперь это был мир Карей, со своими правилами и законами, в которые вмешиваться Ная не имела права.

Девушка зашагала прочь. Свеча неумолимо оплывала черными слезами воска, а сердце по-прежнему безмолвствовало. Если направление верное — оно должно отозваться на зов. Но биение в груди ровное, спокойное. Сбилась с пути? Вряд ли. Скорее ошиблась стороной, пока кружили с Карей? И вдруг по правой ладони, будто рыбка проскользнула, пощекотав хвостом. Сердце сразу забухало колоколом. Близко. Теперь уже близко. Ная бросилась бегом, чувствуя, как все ее существо рвется навстречу ждущему где-то дирку.

— Ты забереешь меня отсюда к маме? — девушка споткнулась от раздавшегося впереди детского голоса. Подняла свечу, вгляделась в темноту за пятном света. Там робко переминалась маленькая девочка лет пяти. Курносый носик обсыпан веснушками, пухленькие губы выпачканы ягодным соком, взгляд голубых глаз светел и доверчив,

небрежно заплетенные косички торчат одна выше другой. Левой рукой малышка крепко держала тряпичную куклу, правой комкала подол цветастой рубашонки, еле достигавшей сбитых коленок. Премилое, потешное дитя... из груди которого торчал грязный, грубо обточенный кол. — Тут страшно. А мама волнуется, куда я пропала. Она даст тебе пирожок, если приведешь меня домой. Ты ведь приведешь?

Ная покачала головой, по щеке сбежала слеза. Малышка походила на ее подружку, погибшую во время нападения жнецов на деревню. Такая же была славная, пригожая, на улыбку и доброту щедрая. А пришлые воины ее на копья подняли....

Говорят, сталь жалости не знает. Врут. Оружие лишь безмолвный слуга в руках хозяина. И только он решает, как им распорядиться. Жалости не ведают люди, чьи сердца подобны гнилому яблоку.

— Почему ты плачешь? — наморщила лобик малышка. — Не огорчайся, если ты не можешь отвести меня, я попрошу кого-нибудь другого. Только передай маме, что я скоро приду и люблю ее.

Ная не должна была ни слушать ее, ни отвечать. Второе правило Привратников. Но, наверное, она не все человеческие чувства оставила за гранью, потому что тихо произнесла:

— Передам.

— Я Лата, из деревни Хору. А маму зовут Ровара.

— Я запомню.

Малышка грустно улыбнулась и поплелась в темноту. Лата не пыталась заговорить девушку, чтобы она потеряла счет времени, заманить за собой или увязаться следом, как делали большинство мертвых. Новенькая. Недавно здесь. Ная проводила девочку печальным взглядом и заспешила дальше. Впереди показались какие-то развалины. Заходить в них неразумно и опасно, но зов дирка вел туда. Размышлять было не о чем.

Исполинская арка каменных врат со стершимся барельефом напоминала последнего дозорного на руинах сторожевой крепости. Накрененный остов главной башни да разрушенные почти до основания стены — вот и все, что осталось от некогда величественного замка. Серые, изрезанные трещинами глыбы покрывала копоть. Сама башня походила на оплывший огарок свечи. Но даже под гнетом забвения чувствовалась былая мощь и грандиозность постройки. Обломки мраморных лестниц и мостов, поваленные статуи, превращенные в гору щебенки фонтаны — наверное, все это раньше поражало красотой. Время или меч стали причиной гибели, теперь уж никто не скажет. Смерть забирает то, что ей назначено. Будь то человек или неприступная цитадель.

Смерть и жила отныне здесь, превратив замок в огромный склеп. Черепа. Целые горы черепов и скелетов. Повсюду. Шага не сделать, чтобы под ногой не захрустели кости. Что унесло жизни стольких людей разом? Война? Стихия? Или нечто более страшное, необъяснимое? Хотя, какое ей дело до чужой трагедии, произошедшей, возможно, несколько веков назад, и до чужих мертвых. Их боль и ярость ушли вместе с ними и не взволнуют больше ничьи сердца. Мертвое — мертвым, живое — живым. Когда-нибудь кто-то также пройдет равнодушно мимо ее костей, не задумавшись, какими надеждами жила она, к чему стремилась, и какие печали выпадали на долю. Такова жизнь. Такова смерть. И мир не плох и не хорош, он такой, какой есть. Каждому хватает своих забот, чтобы забивать голову тем, что было давным-давно и чего уже не изменить. Случившееся здесь сражение или мор — это беда и доля тех людей, по чьим останкам она теперь шла.

У нее своя судьба.

Тихий зов ритуального ножа не давал сбиться с дороги, и Ная мчалась на голос, с тревогой поглядывая на свечу. Осталось чуть меньше половины. Если она не успеет...

Не думать о плохом! Страх — это смерть. Мысль о поражении — острее ножа.

Юная колдунья вбежала в разрушенную башню. Посреди просторной залы, заваленной каменным мусором от обрушившихся перекрытий, на насыпи из костей и черепов возвышалась чаша в виде ладони.

Вот он! Нашла!

За пределом светового барьера бесновались тени, шипели и старались схватить незваную гостью. Ная не обращала на них внимания. Бросилась к насыпи, начала карабкаться вверх. Ноги соскальзывали, локти и колени ранились об обломки костей. Кровь стекала из порезов и ссадин, смазывая нанесенные на тело рисунки. Жертвенный нож начинал брать свою плату.

Наконец ей удалось добраться до вершины. Перегнувшись через край чаши, девушка схватила дирк и едва не выронила его из-за пронзившей ладонь боли. Будто раскаленным гвоздем проткнули. Внутри все оборвалось от страха. Не удержи она дирк — во второй раз ритуальное оружие в руки не дастся. Пальцы крепче стиснули находку. Умрет, а не выпустит. Торопливо скатилась с насыпи и только тогда с осторожностью разжала кулак. На ладони отпечаталось четкое клеймо с рукояти дирка — саламандра.

«Имя, имя, имя...» — прошелестел ветер, словно в ответ на ее невысказанный вопрос.

— Отныне имя мое Саламандра! — провозгласила она громко. Эхо разнеслось по залу, заставив притихнуть обитателей мира мертвых. — Я принимаю его вместе с дирком и клянусь чтить договор с Матерью Смертью.

Молодая колдунья преклонила колено в знак почтения Незыблемой.

Боль сразу ушла. Растворилась в потоке холодной силы, что хлынула в девушку через дирк.

Выбралась из башни Ная через пролом в стене. Куда теперь? Где дорога домой? Вокруг сплошной мрак. У врат появилась светлая фигура с крутящейся воронкой вместо лица, вытянула вперед руку, указывая направление. Это могло оказаться ловушкой. Но разве есть выбор? Время на исходе, огарок всего в два пальца высотой. Стоило рискнуть.

Кто-то шел следом, дышал в затылок. Обращать внимание на шорохи, крадущиеся шаги и шепот было некогда. Сейчас волновало, как бы не погасла раньше срока свеча. Вторая фигура появилась посреди скелетов высохших деревьев, призрачный перст указывал, где свернуть. Третья возникла на холме, прочертив направление светящейся линией.

В подсвечнике язычок огня доживал последние мгновения жизни. Как своей, так и ее...

Земля под ногами вздрогнула. Из трещин, коих было тысячи, наверх прорвался стон, разнесшийся многократным эхом. Так мог вопить заживо похороненный, процарапывающийся из могилы на волю. В нем было столько ненависти, отчаянья и звериной злобы, что хотелось заткнуть пальцами уши и закричать самой.

Подобный звук мог родиться только здесь — в стране смерти.

Ная припустила еще резвее.

Четвертая фигура лишь кивнула на мрачную балку, в которой клубилась серо-зеленая мгла. Ная склонила голову в знак благодарности и спустилась в низину. Дымка приняла ее, обернула непроглядным маревом, поглотила...

Девушка сделала пару шагов и вывалилась из расщелины, оставив за спиной черный зев границы миров.

Она была среди живых. С дирком и потухшей свечой.

— А вот и Ная!

— Наконец-то. Ты выбралась!

— Я говорил, она справится.

— Какое имя тебе дала Незыблемая?

Затормошили, засыпали вопросами окружившие девушку со всех сторон ученики. Вертели туда-сюда, искренне радовались возвращению, чего-то допытывались, расспрашивали, кто-то разглядывал ладонь со знаком саламандры, кто-то хвастал своим дирком. Ная воспринимала все как в тумане, еще не придя в себя от перехода грани.

— Итого: пятеро. Закрывайте проход, — раздался голос Кагар-Радшу.

— Подождите, а как же Витог с Алиштой? — воскликнул Тэзир. — Они еще не вернулись.

— Уже не вернутся.

— Они не могли погибнуть! — Тэзир встал перед Призванным. Взъерошенный, нахохлившийся по-бойцовски, будто воробей против ворона. — Позвольте мне отправиться за ними.

— Это не обсуждается. Их уже не спасти.

— Почему вы так уверены в их смерти

— Свечи давно погасли. Без них им не выбраться.

— Алишта с Витогом пробьются, придут. Я знаю. Они выносливые, упорные. Дайте им еще немного времени, — горячился балагур.

— Здесь, возможно, эти качества и помогли бы выжить. Но не в том мире. Разговор окончен, — Кагар-Радшу, не слушая, развернулся и направился к стоявшим неподалеку наставникам.

Парень забежал вперед, встал на пути. На подобную дерзость не каждый решится.

— А как же взаимовыручка Привратников? Не бросать своих? Вы нас учили сражаться сообща, стоять друг за друга и Витог верил в это. Возможно, он сейчас ждет помощи и именно в эти бесценные мгновения уходит его жизнь и надежда на спасение.

— Сражаться сообща — одно дело, вытаскивать из-за грани затронутых смертью — другое. Привратники своих не бросают — это правда... когда есть шанс, что твой собрат жив и чист. Но чаще приходится перешагивать через жалость и дружбу и уходить, оставляя не уберегшегося. Сейчас такой случай. Они не сумели пройти испытание. А это всего лишь испытание, мальчик! — хлестнул словами, как пощечиной, Кагар-Радшу. Лицо Тэзира пошло красными пятнами от унижения. По праву он уже считался Привратником, а столь пренебрежительное обращение опускало его чуть ли не до уровня зеленого юнца, только начавшего обучение. Ругательство прозвучало бы менее обидно, чем этот откровенный словесный плевок. — Значит, они не пригодны к этому ремеслу. Не выбрались сегодня, подведут и завтра, в более сложной ситуации. Сами погибнут и утянут за собой других.

Тэзиру бы отступить, смириться, но он упрямо продолжал спорить. Ная и не подозревала, что в нем столько смелости и... безрассудства — перечить Призванному.

— Бывают разные случаи. Порой живых считают погибшими, а они возвращаются, откуда, казалось бы, невозможно выбраться. Разве вам не случалось ошибаться?

— Нет! Потому я до сих пор жив.

Желваки заходили на скулах парня.

— Витог из моего клана. И я пойду за ним... хотя бы убедиться, что он действительно

мертв. По крайней мере, буду знать, что сделал все для его спасения.

— А я не брошу Алишту, — встала рядом с ним Кайтур.

Бровь Призванного взлетела вверх. Плохой знак. Ох и разразится сейчас гроза. Случается такая среди ясного неба, но не менее пугающая. Уж Нае о том хорошо известно.

— Кто еще готов пойти наперекор слову наставника и отправиться в мир мертвых за неудачниками? — ледяным тоном поинтересовался он.

Вперед вышел Арки, следом Сая. Подумав, Ная присоединилась к ним. Призванный конечно, прав, но и в словах Тэзира есть зерно истины. Да и ребят жалко.

— Так, — процедил Призванный. — Кажется, мы поторопились с присвоением вам звания Привратника? Вы еще не созрели умом, чтобы понять, каким должен быть настоящий служитель Незыблемой. Детские игры в благородство здесь неприемлемы.

Привлеченные их спором, подошли остальные наставники, выстроились за спиной Кагар-Радшу. Они пока безмолвствовали, предпочитая не вмешиваться в разговор. Однако их лица выражали противоречивые чувства. Кто-то негодовал на поведение Тэзира, кто-то одобрял его решительность и попытку спасти друзей.

«А в среде колдунов не все так гладко и тихо как могло казаться. Назревал раскол».

— Мы не оспариваем ваше слово, — произнес Арки. — Но по своду законов Привратников, а Мать Смерть, вручив нам дирки, дала право таковыми себя считать, большинством голосов можем требовать исключение из правил. Лист восьмой, закон двадцать три.

Вот хитрец. Так припечатать Призванного доводом. Что не удалось напористому Тэзиру, сумел добиться книжный червь. Не зря ему выпал дирк со знаком скорпиона. Кагар-Радшу обернулся вопросительно на наставников. Те согласно кивнули.

— Хорошо, — произнес он недовольно. — Мы пойдем на уступку в этот раз и отправим помощь вашим друзьям, если они еще живы...

Ученики, ликуя, обнялись.

— Я найду их и приведу. Обещаю, — Тэзир сунул за пояс дирк, взял протянутый «вороненком» чекан.

— Пойдешь не ты. Она, — палец Призванного указал на Наю.

Все взгляды обратились на опешившую девушку.

— Но почему? — взвился Тэзир. Ная тоже хотела бы это знать. Спасти ребят было бы неплохо, но второй раз подряд отправляться в мир мертвых... Это балагур вызывался в спасатели. Она только поддержала его просьбу.

— Я должен идти. Я мужчина.

— В мире мертвых не имеет значение пол и физическая сила, мальчик, — снова осадил его Призванный. — Там требуются другие качества. Если кто из вас и сможет вернуться оттуда снова, то только Ная.

— А мы тоже непротив узнать, почему ваш выбор пал на нее, — язвительно поинтересовалась Коркея.

Кагар-Радшу повернулся к ней, что-то сказал негромко. Донеслось только последнее слово — помечена. Верховная пробежалась оценивающим взглядом по девушке. Резкость в голосе сменилась одобрением.

— Что ж, ваш выбор оправдан. Пусть идет девочка.

Но балагур не унимался.

— Что в ней такого особенного? Почему вы решили, что она справится лучше?

— Пойдет она, или никто. Нам не нужны новые смерти.

Тэзир ожог Наю гневным взглядом.

— Хорошо. Но я пойду с ней.

— Нет. Она отправится одна. У нее будет достаточно там хлопот, чтобы еще тащить и тебя на закорках.

— Меня не надо тащить! — вспыхнул балагур. — Я уже доказал, чего стою, вернувшись первым.

— Тэзир, не дерзи! — одернул парня Верховный клана воздуха. — Призванному виднее. Ты ничего еще не знаешь о том мире.

— А она знает? — балагура распырало от возмущения.

— Больше тебя, поверь мне, — произнес Кагар-Радшу. Затем, заканчивая разговор, повернулся к «вороньятам». — Несите новую свечу.

Тэзир в злости пнул ближайший камень, выругался тихо сквозь зубы. А вокруг Наи поднялась суеда. Ее окружили, наперебой что-то говорили. «Вороньята» совали свечу, Сая предлагала плетку, наставники подправляли стершиеся рисунки на руках и ногах. Кайтур уговаривала разыскать Алишту. Нае хотелось закричать от творившегося вокруг безумия. Все происходило слишком быстро и помимо ее воли.

И ведь не откажешься! Все решено. В ее успех настолько сильно верили, что брал страх: а вдруг не справится?

Все прыснули в стороны, когда к Нае подошел Кагар-Радшу. Призванный стиснул девушке плечо, слегка встряхнул, приводя в чувство. Требовательный взгляд уперся в лицо.

— Соберись! Не волнуйся! Ты справишься. Верь в себя и помни, что видела при погружении. Ты там почти своя, в тебе смерть. Но не переоценивай себя. Запомни, если найдешь учеников и увидишь, что их тела оплела черная паутина, пусть даже только затронула кончики пальцев, волос — не подходи к ним, не прикасайся. Они уже мертвы. Дотронешься — станешь такой же. И следи за свечой. Поймешь, что время на исходе, возвращайся, не геройствуй.

Призванный развернул Наю, повел к пропасти. Все последовали за ними.

— Не бойся и верь нам. Мы откроем короткий путь в мир мертвых. Долго держать не сможем, прорыв вытягивает много сил, поэтому постарайся обернуться побыстрее. Как скажу — ступай вперед.

Ная оглянулась, пробежала взглядом по застывшим в сторонке друзьям. Друзьям? Да, наверное. Испытание сблизило их. А, может, дар Незыблемой и новое звание. Впрочем, какая разница? Сейчас девушка чувствовала, что они больше не чужие. Удастся ли только увидеть эти потешно встревоженные за нее четыре рожицы вновь? Внимание вдруг привлекла темная фигура на уступе скалы. Лучи восходящего солнца делали ее четкой на фоне светлеющего неба. Сердце девушки взволновано затрепетало. Скорняк! Он был здесь, наблюдал за испытанием.

— Пора, — отвлек ее Призванный.

По указке наставника Ная подошла к самому краю пропасти, мельком глянула еще раз назад, но Скорняка на скале уже не было.

Верховные выстроились за девушкой полукругом. Одна рука с растопыренными пальцами вытянута вперед, другая опущена на плечо соседа слева. Глаза широко распахнуты, зрачки увеличены, заледеневший взгляд устремлен в пространство. Когда они устанут, их сменят другие наставники.

Над пропастью поплыл сизый туман.

— Помни, что я тебе сказал и будь осторожна, девочка, — Призванный присоединился к Верховным, поддерживавшим проход.

— Иди.

И Ная шагнула вперед, прямо в пропасть.

Уютно потрескивал костерок, выстреливая в небо снопами искр. Чуть в стороне Партлин грустно пел о безвозвратно ушедших годах, потерянной любви и погибшей родине. Ильгар не любил эту песню. Она отражала его жизнь, как начищенная сталь нового меча отражала яркий свет Летней Звезды. Но подобно сотням звезд, мерцавших рядом, это песня хранила в себе мерцание сотен судеб. Похожих жизнью.

Десятник с тихим шорохом вогнал меч из черийской стали в новенькие ножны, положил на колени. Ножны — подарок военного преатора. Меч — Ракавира. Во время бури Ильгар спас несколько человек из высшего сословия, за это получил две записи в личную грамоту, денежное поощрение, меч и ножны. Воины гарнизона защитили город, и наградой им послужил скорбный ужин, по десятку серебряных монет на брата и устная благодарность.

До этого он никогда не задумывался, какой разной бывает справедливость. И что такое справедливость вообще? Чем ее мерить? Сделал ли Ильгар больше, нежели рядовой копейщик из гарнизона? Вряд ли. И, тем не менее, молодой жнец стал на шаг ближе к званию сотника, на ступеньку выше к Сеятелю.

Припомнились слова Барталина, оброненные день назад у стен Сайнарии, когда уносили тело погибшего сарлуга, а люди выкрикивали его имя.

— Здесь полегло много народу, а вон те парни, — Дядька указал на отряд жнецов, проходящий в ворота, — разбили великанов в пух и прах. Ни их, ни погибших товарищей никто не называет героями. Только соратники сохраняют в памяти имена мертвецов. Зато мальчишку, поднявшего руку на бога, горожане будут помнить годами. Если не столетиями! Люди никогда не перестанут меня удивлять...

Теперь слова ветерана заиграли новыми красками. И это тяготило. Ильгар знал, что не заслуживает не только меча, но даже перевязи от ножен. Кто не припечатал военного преатора решающим доводом? Он. Кто настолько тщательно хранит позорную тайну шрама, что ради нее поставил под удар сотни жизней? Он. Конечно, всему виною не только его страхи, но еще и узколобость Алария, не пожелавшего внять словам. Как итог: семьдесят шесть жнецов, один Дарующий, восемь жрецов и почти три сотни горожан и земледельцев погибло. Треть населения Сайнарии! Кроме того — подчистую сметенный частокол, поваленная сторожевая вышка, два десятка разгромленных домов пахарей.

Крах!

И на фоне общей разрухи — постное выражение лица народного преатора, когда тот зачитывал списки потерь. Корвус стоял на ступенях цитадели, вокруг которых толпились люди, бесстрастно и сухо рубил воздух словами, а внизу разыгрывались настоящие трагедии. Закончив читать, Корвус развернулся и ушел в тень под каменным козырьком твердыни. А люди еще долго не расходились — ждали припасов, одеял, питьевой воды и решения, куда переселят лишившихся крова. К чести властей — все проблемы решили еще до заката. И ночь, опустившаяся на утихший город, застала на улицах лишь жнецов и стражей.

Военный преатор ввел комендантский час.

Несмотря на благодарности и награды, Ильгару с десятком передышки не дали. В ту же ночь их отправили на один из холмов за городской чертой. Семеро стражей, два жреца, ильгаров десяток — вот и весь «гарнизон». Всех вооружили луками, раздали колчаны, мешочки с особой стружкой, делающей огонь сигнальных костров синим. Пришлось изрядно

поработать лопатами и топорами, прежде чем холм превратился в сторожевой пост. Окопались рвом, насыпь утыкали кольями в половину обычной длины. Распределили дозоры до самого рассвета, собрали хвороста. Когда небо затопила чернота, разожгли три костра.

Их пост был как на ладони — словно мишень, подвешенная в полусотне шагов перед хорошим лучником. Случись нападение, перебьют всех до одного, пока подоспеет помощь. Но приказы не обсуждаются.

Ильгар отказался от ужина, ограничившись травяным чаем и куском хлеба, густо намазанным медом.

Он ушел ото всех, сменив Снурвельда возле одного из костров. И теперь сидел на старом одеяле, привалившись спиной к насыпи, глядел на меч. Оружие — мечта. Но для него — упрек.

Невзирая на усталость, спать не хотелось. Время тянулось медленно. От скуки десятник трижды проверял дозорных, топтался возле насыпи и разговаривал со жнецами и стражами, участвовавшими в защите города.

Ночь стояла глухая, темная, безветренная: раздолье для мрачных мыслей, тревог и грусти. Как раз такая, чтобы оплакивать мертвых.

А рассвет выдался именно таким, чтобы напомнить — жизнь продолжается. Небо на востоке заалело, потом засверкало золотом, когда яркое летнее солнце выглянуло из-за горизонта. Свет разлился косыми лучами по земле, заиграл на озерной глади. Налетел игривый ветерок, — теплый, приятный, — принес с далеких полей запах цветов и разнотравья. Ильгар взобрался на насыпь и закрыл глаза, греясь в лучах небесного светила. То были волшебные мгновения, коих так мало в жизни...

Но чары спали, едва со стороны города донесся глубокий и печальный звон набата.

Сквозь разрушенные ворота из Сайнарии потянулось шествие облаченных в черное людей. В согласии с обычаем этих краев — каждый горожанин нес несколько поленьев или вязанку хвороста. Под несмолкающий звон следом за ними катили телеги. На них покоились жертвы великанов, уложенные на солому и накрытые белоснежным полотном. Поверх него лежали цветы и спелые колосья пшеницы. В середине процессии трусили, обступив пышные носилки, сарлуги. Все — в одеждах цветов рода Мертелля, на копьях трепетали вымпелы. Тело юного всадника утопало в кружевах, дорогом черном шелке и алом бархате. Замыкали колонну жрецы. Белые рясы и балахоны заменили бурые рубища, подпоясанные бечевой. Мужчины шли босиком, женщины — в тряпичных обмотках и повязав головы платками. В жрецах не осталось ни следа от обычной величественности, горькая покорность сквозила в каждом движении. Четверо — по двое с начала и конца колонны — несли на шестах кадила.

— Пышно, — пробормотал Барталин, встав по правую руку десятника. Он только что вернулся из дозора, следом за ним плелся Партлин. — Опять скорбный пир? Хлеб, вино и соль?

— Только без нас. Завтра на рассвете выходим.

— Отсыпной не дадут? — жалобно промямлил толстяк.

— Ты первый день в Армии? — спросил Ильгар.

— Нет, но...

— Тогда сам ответишь на вопрос... Уходим! — крикнул десятник, махнув своим подчиненным рукой. — Вон, у частокола уже смена топчется...

Воины десятка вернулись в казарму.

Ильгар умылся из бадьи, переоделся. Немного подумав, оставил новый меч на попечительство оружейнику и, прицепив на пояс ножны с кинжалом, отправился в город. Сон сулил лишь головную боль, кошмары и — что самое скверное — потраченное время. Пока еще находились в городе, хотелось уладить несколько дел... личных. Начать решил с простого: отыскать Нерлина. Он не видел торговца на турнире, в последовавшем за ним хаосе — тоже. Ильгар волновался за друга, хотя и понимал, что ничем не мог бы ему помочь. От мысли, что человек, с которым провел бок о бок юные годы, мог очутиться на одной из покрытых белым полотном повозок, сгоревших в погребальном огне сегодня утром, делалось муторно на душе...

Найти новое родовое гнездо торговца не составило труда: особняк выделялся крикливой пышностью даже на фоне резиденций обоих преаторов и прочей знати. Лепнина, мрамор, лакированное дерево, разноцветная черепица — всего в изобилии. Двухэтажный дом, окруженный еще не загустевшей зеленой изгородью, охраняла пара молодцеватых парней с дубинами. Один прохаживался по аккуратной щебневой дорожке, второй кормил огромного пса. Зверь ощерился, заметив Ильгара, рванул цепь, залился лаем. Оба здоровяка, как по команде, обернулись к распахнутым настежь воротам.

— Где Нерлин? — спросил десятник, без разрешения ступив на дорожку.

Его поведение явно смутило охранников. К тому же на нем была стеганка с гербом Армии, а это лучшая защита от возможных неприятностей.

— Дома он, — ответил тот, что кормил собаку. Затем вытер грязные руки о штаны и взял дубину. — А ты кто?

— Его друг, — сказал Ильгар. — Нужно перекинуться с ним словом-другим.

— Друг? Ну... ладно, — казалось, что слова жнеца удивили его еще больше. — Хм... друг...

Положив дубину на плечо, охранник отправился к дому.

Пес рвался, заливался лаем и злобно рычал. Ильгар никогда не видел собак такой породы — коренастое и короткошерстное животное целиком состояло из мышц. Он порадовался, что звенья толстые и прочные, а конец цепи крепился прямо в стену.

Нерлин появился неожиданно. В помятой пижаме и мягких бархатных туфлях. В руках — глиняная бутылка в ивовой оплетке. Торговец был пьян, зол и, похоже, одурманен — глаза маслянисто блестели.

— Ильгар, — буркнул он неприветливо. — Чего тебе?

— Вижу, ты цел, значит, уже ничего, — усмехнулся десятник. — Если интересно: мы уезжаем завтра утром.

— Не интересно, — покачиваясь, ответил Нерлин.

— Ничего больше не скажешь?

— Счастливого пути.

Он развернулся и побрел в дом.

Ильгар смотрел в спину человеку, которого почему-то считал другом. Так и было... Прежде. Случайное знакомство, начавшееся с пары насмешливых слов и драки, протянулось на долгие годы. Сколько невзгод разделили вместе, сколько раз стояли в потасовках друг за дружку. Как говорят в народе — съели пуд соли. А не заметил, как изменился Нерлин. Это проявилось в дороге. Мелкие детали — неприметные штрихи поведения. То непонятная злоба, то прорывающееся внезапно высокомерие, то пристрастие к серым дурманящим порошкам, то непонятные тайны и дикий страх перед воинами дождя. Не был Нерлин

трусоват, а тут будто висел уже распятый между деревьями и боги тянули раскаленными крючьями из него кишки. Много странного в поведении друга заметил Ильгар. И то, как въехав в Санарию, торгош едва ли не врата целовал от облегчения, а потом, сославшись на неотложные дела, попросил товар завезти на склад и сдать подручным. Только какой-то сверток прихватил, прижал бережно к груди, как самую великую ценность. А когда Ильгар спросил, что там, вдруг с подозрением зыркнул черными глазами и грубо отрезал: «Не твое дело». Потом по удивленному лицу друга понял, что повел неправильно, все переиначил в шутку, расплылся в улыбке, погрозил пальцем: «Много будешь знать — скоро состаришься. Документы. Обычные документы на товар». Только от Ильгара не ускользнуло, что спрятанный в мешковине предмет имел округлые формы, словно ваза. Ну да то Нерлина тайны, не его. Не хочет говорить — допытываться не станет. Развернулся и зашагал прочь. Теперь — к дому семейства Ордус.

Но окна двухэтажного особняка закрывали глухие ставни, двери оказались запертыми, а у замолкшего фонтана дремал седобородый ветеран с копьем в руках. Десятник прошел мимо него так тихо, что тот даже не проснулся.

Дом был пустым. «Уехали...»

Ильгар вернулся в бараки.

Нападение иарматов перевернуло планы совета Дарующих с ног на голову. Если раньше десяток должен был слиться с сотней капитана Ургала и выдвигаться к Плачущим Топям, чтобы ударить там по поселениям язычников, то теперь все сводилось к разведывательной экспедиции.

Ильгар вышел с закрытого заседания в легком недоумении. Судьба его десятка оказалась решена военным преатором и тремя Дарующими. Еще присутствовал на совете старший следопыт, облаченный в запыленную грубошерстную одежду, молчаливый и безучастный ко всему происходящему.

Аларий высказывался, чтобы поход к топиям отложили. Напирал на то, что городу в любой момент может понадобиться каждый воин, а отсылать из Сайнарии лишние копыя недальновидно и глупо. Но Дарующие — среди которых оказался Ракавир — в один голос твердили, что ничего страшного не произойдет, если гарнизон потеряет десяток из резерва и троих следопытов. Время, говорили они, дороже всего. Боги начинают понимать, что поодиночке Сеятель сметет их к концу этого десятилетия, потому объединяют силы, собирают свои отряды и становятся по-настоящему грозными противниками. А в топиях и прилегающих к ним горах гнездятся многие культы, поклоняющиеся черным божествам. «О них ничего неизвестно даже Мудрейшему, — утверждал один из Дарующих. — Прячутся в чащобах, самых гиблых местах на болотах и горных пещерах. Их слуги приносят кровавые жертвы...»

Преатор не нашел доводов, чтобы разубедить их. В конце концов, согласился, заверил печатью распоряжение об отправке и вручил его Ильгару со словами: «Будь стойким». Следопыт только и дожидался разрешения убраться подальше от прокаленной солнцем груды камней, гордо именуемой местными цитаделью, и выскользнул из крохотного зала раньше, чем кто-либо успел встать.

Ильгар стоял на ступенях, сжимая в руках перчатку из тонкой кожи. От нее пахло розовым маслом, а между большим и указательным пальцем была вышита буква «Р». Эту вещь отдал ему Ракавир. Сунул в карман, скупно сказал:

— Вот. Дочь просила передать на память.

— Рика получит ее обратно, когда вернусь.

— Если вернешься.

Перчатка напоминала о чудесном и безмятежном дне. О Рике. О новой палитре чувств. Но, как и у меча, подаренного тем же Ракавиrom, у перчатки имелось иное значение. Другой оттенок. Вещь как бы говорила — забудь, отринь, оставь пустые грезы! Жизнь не стоит на месте, а красивые девушки из влиятельных семей редко выходят замуж по любви...

Десятник покачал головой. Меч и перчатка. Две вещи, но, сколько в них противоречивого смысла!

После обеда Ильгар взял шест и отправился во двор для тренировок. Там было пусто — гарнизонные солдаты отдыхали после утренних занятий, и весь двор находился в его распоряжении. Как всегда, тренировка с оружием, отзывавшаяся сладкой усталостью в мышцах, избавила от тревог и мрачных мыслей. С каждым ударом, поворотом, подскоком или кувыркoм! Взмах следовал за взмахом, чурбан гудел от ударов, из его «брони» летела солома. С десятника семь потов сошло. Он успокоился, лишь измочалив шест и превратив новенькое чучело в рухлядь. Инструктор Габб выбранит за порчу имущества, но это не важно...

Остужаясь, Ильгар из ведра окатил себя студеной колодезной водой. Растер разгоряченное тело полотном и ненадолго прилег в скудной тени зарослей шиповника. Мысли вернулись к Рике. Вспомнилась ее улыбка, беспокоящийся взгляд, когда он уходил. Если девушка не дожидется его — это станет жестоким наказанием. А если мечта молодого жнеца исполнится — дорогой наградой, и никакие мечи не сравнятся с ней, не затмят.

Вечером десятник отправился в общину следопытов, прихватив с собой близнецов.

— Город и на тебя повлиял, Нур? — сказал Ильгар, глядя на преобразившегося солдата. — Без бороды и косм выглядишь почти как человек.

— Угу, — многозначительно ответил здоровяк. — Идем?

Оба брата были на редкость плохими собеседниками — лишнего слова клещами не вытянешь. Парни из десятка давно бросили безрезультатные попытки разговорить близнецов. Но Ильгар молчаливость недостатком не считал. К выпивке не притрагивались, в ссоры не лезли, любили тренироваться и читать. На его вкус — идеальные солдаты...

Решить дела с интендантом и следопытами следовало до захода солнца, пока троекратно не пробьет набат. Приходилось торопиться. Благо, город после нападения иарматов потерял свой главный недостаток — вечную толкотню, шум. Люди предпочитали оставаться дома, под защитой крепких каменных стен. Еще много недель пройдет прежде, чем горожане обретут былую уверенность и чувство безопасности...

Ильгар подошел с близнецами к приземистому каменному строению с покатой крышей и дубовой дверью, усиленной листовым железом. Поднялись по ступеням, Нур трижды постучал медной колотушкой.

На пороге возник мрачный коренастый мужчина в полотняной рубахе и штанах из мешковины. Глаза ярко-зеленые, как трава на лугу. Запястья обмотаны лозой, на шее висел длинный нож с костяной рукоятью и обточенным камнем в оголовье.

— По какому делу пожаловали? — мужчина запустил пальцы в спутанную бороду.

— Я Ильгар. Десятник. Ищу Колла-Перекаати-поле.

— Считай, нашел. Чего надобно?

— Мы завтра выступаем из города, — сказал Ильгар. — Нужен перечень всего необходимого в лесах и на болотах.

— Гм... — нахмурился Колла. — У тебя выговор странный... сам-то из лесных, небось? Разве не знаешь, с чем на болота и в чащобы ходят?

— Не знаю. Потому и пришел.

Следопыт писать не умел и просто продиктовал все, что могло облегчить путь и защитить от непогоды, насекомых и прочих мелких неприятностей, в совокупности погубивших множество жизней. Десятник внимательно выслушал, записал на пергаменте. Поблагодарив, распрощался с Коллой и повел парней в цитадель.

Внутри склада трое солдат резались в карты, еще один — явно недовольный своим положением — внимательно наблюдал за гостями, положив ладонь на рукоять булавы. Сам интендант выглядел утомленным. Редкие седые волосы зачесаны назад, густая щетина на щеках и подбородке, синяки под глазами.

Помещение выглядело не лучше. На полу сор, крошки, повсюду грязные тарелки, кое-где — пустые глиняные бутылки из-под ягодных напитков и вина.

— Не обращайтесь внимания на бедлам, — сухо проговорил интендант. — И на меня — тоже. Оба моих помощника уехал на запад, в столицу, чтобы привести в город подводы с запасами. Я один кручусь... Меня зовут Файвель.

Он провел их по узкому коридору в крохотную и незаметную с улицы пристройку. Там спустились на один уровень под землю. Все здесь говорило о том, что катакомбы возвели язычники, и случилось это давным-давно.

Дальше Файвель прошел по широкому пандусу в арочный коридор. Дорогу дважды преграждали кованые решетки, возле которых дежурили солдаты.

— Я думал, все оружие в арсенале хранится, — заметил Ильгар, пока интендант отпирает один из трех замков.

— Хранилось раньше, — буркнул Файвель в ответ. — Разобрали все. Горожане как сговорились. Каждый хочет копьё или лук. А некоторые даже кирасы выпрашивали... Преатор Аларий своим указом разрешил мужчинам вооружаться. Под подпись. Потом, когда город в безопасности будет, все вернут. Один хрен пользоваться никто умеет! Так что пришлось подземное хранилище временно открыть. Солдаты после ночной смены выдыхнутся, заставлю кое-что в арсенал перетащить. Нечего здесь шастать кому попало...

Стены в коридоре были выложены тесаными глыбами, под ногами, на утопанной земле лежала прелая солома. Там царил влага, даже камень кое-где позеленел и покрылся плесенью. Но в самом хранилище оказалось поразительно сухо, даже жарковато. Повсюду оружие, завернутое в просмоленное полотно, спрятанное под выделанными шкурами и мехом или плотными рядами выставленное в старых бочках и на стеллажах. Густо пахло маслом и жиром. На деревянных подпорках чадили светильники, заливая все вокруг ярким светом.

— Что там у вас? — спросил интендант, не без удовольствия оглядывая свои подземные владения.

— Вот перечень всего необходимого, — протянул пергамент Ильгар.

Файвель пробежался глазами по буквам. Хмыкнул.

— Зачем вам столько топоров?

— Почем мне знать. Написано — значит, нужно. Перечень составлен со слов следопытов.

— О, тогда вопрос снят, они свое дело знают... Ну-с, что у нас дальше? Стрелы, колчаны, четырнадцать мотков тетивы. К ним — жир, масло и воск, — интендант с хрустом

почесал щетину на подбородке. — Чехлов нет, обойдетесь просмоленным полотном... Кожаные плащи? Этого добра полно! Пыль только из них вытрясите.

Назад они отправились, сгибаясь под тяжестью тюков. Но Ильгар остался доволен — снарядились хорошо! В лесу тяжело придется, а в болотах — и того хуже...

Следующим утром отряд вышел из города. Тихо, незаметно, когда Сайнария не пробудилась ото сна. Небо еще хранило блеклые ночные тона, и на нем слабо-слабо мерцала Летняя Звезда. Вокруг нее было пусто.

Знак. Это знак.

Ильгар остановился возле караулки, пропуская своих бойцов вперед. За солдатами двигались жрецы. Трое мужчин и женщина. Они по-прежнему носили рубища и шли босиком: наденут белоснежные одежды лишь после того, как нальется полная луна, а затем истает до крохотного месяца. Дальше следовала самая странная пара в их отряде — Альстед и Ромар. Дарующий и его чернокожий защитник, вооруженный мечом на длинной деревянной рукояти. Замыкали шествие хмурые, молчаливые и дикие с виду следопыты.

Десятник дождался, пока отряд отойдет подальше. Снял с пояса меч. Вынул из кармана пахнущую розовым маслом перчатку. Затем повернулся и посмотрел на караульного. То был совсем молодой воин. На щеке бугрился рубец, до конца так и не залеченный жрецами. Взгляд немного мутный, в нем таилась неведомая тоска.

— Ты участвовал в битве позавчера? — спросил у караульного Ильгар.

Тот недоуменно покосился на десятника.

— Да, конечно, — прошепелявил он. У парня оказались выбиты зубы. — Мы провели в город десятка два горожан, а потом защищали вторую сторожевую вышку. Меня ранили... больше ничего не помню.

Ильгар посмотрел на одинокую звезду. Она отдалялась, теряла яркость. Наконец, словно подмигнув ему напоследок, погасла.

— Вот, — десятник протянул ошеломленному парню меч. — Ты его заслужил.

— Но...

— Держи! И помни: если воин дарит тебе меч — то считает, что ты превосходишь его своей честью.

Десятник быстро зашагал прочь.

— Я запомню! И не посрамлю твоего клинка! — крикнул ему вслед парень, все еще не веря своему счастью.

Ильгар услышал, но даже не оглянулся. На ходу сложил перчатку и сунул в карман.

Он знал, что следующей ночью Летняя Звезда загорится вновь, и поклялся себе, что когда-нибудь обязательно посмотрит на ее отражение в черийской стали. Но тогда будет по-настоящему достоин своего меча.

Жутко ругался отец, резала воздух злыми бранными словами Айла, слабо оправдывался Пард. Не находишь Ард в полубредовом состоянии, не миновать бы и ему трепки. А степнячка могла и затрещину дать — за ней не заржавеет. Дел он натворил — спору нет. Подвел охранника, сам чуть не погиб.

Отчетливо помнилось, как тащила его из-под завала Безымянная, а потом, едва не погребя их, с грохотом рухнула в озеро одна из стен башни. Взвилась пыль с брызгами, поднявшаяся волна сбила с ног, бегущих по мосту на выручку людей. Один из наемников слетел в воду, и если бы не Пард, успевший ухватить Одвара за руку, тот камнем бы пошел на дно под тяжестью оружия и одежды.

Среди этого хаоса, крика и суеты черным пятном выделялся на обломке одной из уцелевших стен громадный филин. Один его глаз сверкал голубым огнем, вместо второго — пустая глазница. Птица была мощной, тяжелой. Широко взмахнув крыльями, она сорвалась с кладки и исчезла в тумане.

За спинами путников вновь раздался треск. В пылевом облаке башня окончательно развалилась. Люди едва успели выбраться на берег, где их все-таки догнала и окатила вторая волна... Ругань стала громче, насыщеннее, приобрела горско-наемничий шарм.

Но слова утонули в ватном облаке. Силы окончательно покинули юношу, земля кувыркнулась под ногами, поменявшись местами с небом, и он провалился в беспамятство.

Снился ему огонь, сухая и чистая рубаха, запах лекарственных трав, аромат похлебки и тихие разговоры, от которых становилось спокойнее и хотелось улыбаться даже во сне.

Арда разбудило мелодичное журчание. Словно где-то неподалеку бежала, звеня стылым хрусталем, горная речка или ручеек. Звук подходил для прекрасной долины или балки, выстланной мягчайшей травой и украшенной разноцветными головками цветов. Небо над таким местом должно быть голубым и совсем без туч, а солнце — кругом чистого золота, играющим лучами в кронах изящных, но мощных деревьев.

Юноша увидел только серый, безликий, липкий туман. Он кружил, застилая небо, оседал капельками на лицо.

Холод и влага. Никого вокруг. Лишь тишина, изредка нарушаемая ворчанием горячих источников где-то неподалеку.

Ард попытался встать, но не смог даже пошевелиться под грудой шкур и одеял. За борьбой с ними не сразу сообразил, что болят не только руки и спина, но и ноги. Икры, бедра и ступни налились бурлящей кровью. Кожу пекло и кололо, по ней бегали мурашки, словно с холода забрался в бадью с горячей водой. И пальцы. Они шевелились. Еле-еле. С трудом. Но двигались. Он чувствовал их.

Исцелился! Хотелось ликовать. Но поверить в чудо было страшно. Вернее, разочароваться в не оправдавшейся надежде. Откинув шкуры, юноша потянулся к висящим на шее песочным часам. Выпростал чудную вещицу из-за ворота рубахи, зажмурился — песок сверкал так ярко, что стало больно глазам. Он казался не просто золотым, а чистейшим, застывшим в гранулах солнечным светом. Часы были теплыми.

Юноша осторожно перевернул находку, песок остался неподвижен, словно нечто удерживало его, не давая просыпаться. Ард потряс артефакт, похлопал по нему ладонью, но ни одна песчинка не упала вниз. Вздохнув, надел цепочку и уже собрался вновь закутаться в

одеяло, как вдруг в тумане послышался глухой птичий крик и над головой захлопали крылья.

Мелькнула тень.

Отвесно падая, точно совсем нет ветра, на грудь юноше опустилось светлое, с темными разводами перо.

Часы нагрелись, задрожали. Обжигая пальцы, Ард рванул их с шеи. Держа за цепочку, осторожно поднес к лицу. В стеклянном сосуде разыгралась настоящая золотая буря. Манящая, таинственная, страшная и прекрасная. Но вот все улеглось. Песок собрался аккуратной горкой в верхней части конуса. Беззвучно сорвалась первая гранула и упала на дно нижней колбы.

Второе пробуждение оказалось гораздо приятнее. Слышался скрип колес, над головой покачивался потолок фургона. Тепло, уютно. От боли почти не осталось следа. Пальцы стали послушными и теплыми. Кровь приятными потоками прилиwała к ногам, рукам и чреслам, пульсировала в висках.

— Биение жизни, — прошептал юноша.

— Кто это у нас зашевелился? — над ним склонилась, коснувшись лица приятно пахнувшими белоснежными волосами, степнячка. Жесткая ладонь легла на лоб, смахнув испарину. — Не смей вставать, глупый и непослушный юнец. Иначе не посмотрю на твою жену — отстегая вожжами по заднице!

— А нечего на меня смотреть, — поддакнула Безымянная. — Я вожжи тебе сама подам, да еще в соленой воде вымочу. Будет знать, как рыскать там, где не следует!

«Да уж, — мрачно подумал Ард, — что-то не припомню, чтобы Брослада Ражего или Алемана Боруца женщины стегали за непослушание вожжами! Надо с геройствованием повременить!»

Изобразив покорность, отвернулся к стене и, под дружный смех надсмотрщиц, захрапел. Возмущенный бубнеж наседок мог привлечь Ландмира, а отец точно по голове не погладит за проделки, учиненные в Хрустальной Чаше.

Диковинное место осталось позади. Туман застлал его еще гуще, источники ярились, часто выплевывая в небеса фонтаны воды. Редкую траву на более-менее сухих участках земли уже покрывала влага.

— К ночи будет воды по колено, — пробурчал Херидан. Недовольный голос горца проникал в повозку сквозь приоткрытое окошко.

— Жаль, — поддакнул Вальд. — Кабы время позволило — порыскали по окрестностям денек-другой. Глядишь, и еще одну башенку отыскали. Кто знает, что за сокровища могут в них храниться?

— Я бы тоже вернулся, — согласился Одвар.

— Ну и дурак, — крикнула в окно Айла. — Радуйся, что тебя не забрало озеро! Нечего смертным делать в таких местах. Башня не от старости и влаги рухнула.

— С чего ты решила?

— Чую. От тебя потом смердит, хоть окно затворяй, а от башни — силой.

Дорогу прилично размочило, повозка еле ползла по жирной глине. Пару раз колеса застряли в грязи. Пришлось путникам спешиваться и дружно вытягивать увязший возок. Арду велели оставаться внутри. Чтение старых засаленных кож, покрытых старинными письменами, поглотило его. Эти листы ему передала Безымянная — как утешение после выволочки, учиненной Ландмиром, Айлой, Хериданом и разобидевшимся Пардом.

— Что это? — спросил тогда Ард, бережно проводя пальцем по вощенной коже.

— Не знаю, — пожала плечами девушка. — Захватила впопыхах из тайника наместника, но все случая подходящего не выпадало отдать тебе.

— Старые, — оценил юноша. Он повидал много книг, но лишь раз ему попался ветхий фолиант, листы которого были из кож и сшиты дратвой.

Эти записи выглядели очень древними. Плесень и влага все-таки проникли под слой воска и уже испортили многие строки.

Ард по-прежнему не мог стоять, поэтому с удовольствием отдавался чтению. Тхалуг был мудр... и пролил свет на многие тайны и легенды. Даже жаль, что некоторые загадки имели простое объяснение. В песнях сказителей они выглядели куда занимательнее.

Файхалтар их встречал кострами, запахом жареного мяса, терпким ароматом полынной настойки и весельем. А еще. Настороженностью. Ожиданием перемен.

Видя Арда, сидящего на Подснежнике, роднари приветствовали его радостными криками.

Юноша отвечал кивками, обменивался заготовленными словами уважения. От усталости он готов был рухнуть с седла, но держался, словно гвоздями приколотенный. Не позволял себе выказать слабость в глазах первого народа. Завоевать уважение трудно, как говорила Безымянная, а поддерживать его — еще сложнее. И Ард крепился, давя желание завалиться на мягкую лавку в фургоне, зарыться в шкуры и слушать пение Айлы. Судьба не делает бесхитростных подарков — так писали в своих трудах мудрецы былых эпох. Если уж сунула в руки голодающему лопату — изволь копать, а не неси продавать на рынок.

Пальцы шевелились. А это уже кое-что. Правда, в руку ничего, тяжелее ложки, не взять. Ноги — и того хуже. Истощенные годами безделья мышцы одеревенели, усохли и не держали худощавого парня. Херидан, знавший о возможностях тела довольно много, утверждал, что подвижность и сила никогда не вернутся к нему. Но юноша и его отец не теряли надежды. Вопреки всему одно чудо случилось. Почему бы не свершиться второму? Теперь, по крайней мере, Ард не собирается изо дня в день сидеть в углу зала таверны, прикованный недугом к креслу. Из книг можно почерпнуть многое, они помогут насытиться знаниями, но, когда видишь чужие края своими глазами, говоришь с людьми из других земель, познаешь лично обычаи иных народов — только тогда по-настоящему понимаешь мир. Понимаешь Ваярию. Ард хотел понять. Научиться. Увидеть и запомнить. А потом и описать так, как никто другой раньше. Это стоило того, чтобы бороться и быть сильным. И он не сдастся.

Юноша на мгновение задержался у стоп высоченной статуи, чтобы увидеть, как на сложенные ладони безликой каменной женщины уселся большой филин. В клюве он сжимал отросток сухой лозы. Сверкнув единственным глазом, птица бросила лозу и улетела.

"Я все понял верно... Сколько же лжи уместилось за этими стенами?"

Ард подогнал Подснежник к главному «столу»: расстеленной на промерзшей земле шкуре. Жена Гултака подала угощение гостю. По традиции жениха встречали мясом и настойкой. Опять же по традиции — подавалась снедь на расшитом серым узором полотенце.

Юноша пригубил из костяного кубка едкую полынную настойку, отведал плохо прожаренной свинины и сладких вареных клубней. Затем, стараясь скрыть дрожь в пальцах, передал полотенце и кубок жене. Безымянная ловко расправилась с угощением, после чего горячо расцеловала мать.

Гултак выбросил объедки свиньям, кинул на землю кубок и раздавил. Вслед за хрустом

воздух наполнили радостные возгласы и свист народа роднари.

Вот так, прямо с дороги, не смыв пыль с лиц и не очистив от грязи сапоги, путешественники попали на празднование свадьбы.

Гулянье было буйным, разнузданным и хаотичным. Никаких обрядов. Лишь еда, питье, дурман и пляски. Ард больше не прикасался к настойке, но все равно ощущал себя не то захмелевшим, не то просто — потерянным. Пищали костяные флейты, раздавались звуки страсти и крики дерущихся, здравицы, рев встревоженных свиней и бой барабанов. Воздух пропитался запахами пота и дыма. В костры летело все, что давало жар. В самый разгар веселья, когда наемники и даже Пард оказались вовлечены местными девушками и юношами в довольно фривольные игрища, а Айла и Ландмир отправились спать, к «столу» вождя подошел твердой походкой наместник.

— Чужеземцы и роднари! — Он стоял, уперев руки в бока. Облаченный в выдавший виды плащ, с венцом из переплетенной лозы на голове, босой и хмурый. — Боги послали знак — мальчишка и вправду не прост. Он уезжал полумертвым чурбаном, а вернулся чахлым задохликом. Никак его сама судьба поцеловала в задницу...

— Замолчи, змей! — рыкнула Безымянная. — Иначе кликну Айлу — получишь стрелу в брюхо!

— Угроз я не боюсь, девка. А вот твоему щенку предстоит доказать, что боги не зря указывают на него перстами. Время настало. Слишком долго мы жили во мраке. Я хочу видеть свет. Роднари хотят видеть свет, верно? Сами боги требуют, чтобы огни Файхалтара разогнали тьму над нашими землями! Первый народ жаждет увидеть огонь, — он указал на Арда, — зажги его, чужеземец, и тогда я брошу венок к твоим ногам.

Ард почувствовал себя неудобно. Украдкой огляделся. Одурманенные зельем люди смотрели на него выжидающе и недоверчиво.

— Будет вам священный огонь, — кивнул Ард. — Я докажу, что принес перемены в Файхалтар.

Он наклонился к уху Безымянной и что-то прошептал. Девушка кивнула, встала и исчезла среди россыпи полуразрушенных лачуг.

— Я скоро буду готов. Только помогите взобраться на Подснежник.

Пока он, окруженный вмиг присмирившей толпой, пробирался к статуе, вернулась Безымянная. В руках она держала кожаный колчан и бамбуковую трубку. Следом за девушкой появились Ландмир с Айлой. Никаких вопросов они не задавали, шуметь и спорить тоже не стали — не иначе, дочь вождя уже про все им рассказала.

— Ты уверен? — Безымянная протянула Арду обе вещи. — Если ничего не выйдет, народ разочаруется в тебе. Мы уедем отсюда чужаками и никогда больше не вернемся. А то и чего похуже случится... Наместник презирает тебя, да и меня ненавидит.

— Гляди, — юноша протянул жене перо, — это — знак. Не сомневайся в успехе.

— Не буду. Верю в тебя.

Наместник всем видом излучал презрение и уверенность в бессмысленности затеи.

Статую окружало волнующееся море роднари. Они стояли у стоп каменного исполина и возбужденно галдели.

Ард не волновался.

— Помоги, пожалуйста, — попросил Парда.

Здоровяк легко подхватил юношу и поднял по ступеням. Придерживая за шиворот и пояс, наклонил над каменными дланями. Ард почувствовал, как налетевший ветер треплет

его отросшие за дни странствий волосы, забирается под одежду и жалит кожу.

Он вытряхнул из колчана сухие клочки травы и мох. Сорвал глиняную затычку и перевернул трубочку. На растопку высыпались крохотные алые угольки. Потянуло дымком. Налетевший порыв ветра только раззадорил огненное семечко. Миг — и оно дало всходы. Пламя с аппетитом принялось хрустеть сушняком.

— Пард.

Здоровяк оттащил юношу в сторону. Вместе они смотрели, как на ладонях расцветает огненная роза.

— Безымянная!

Девушка взлетела по ступеням, подала мужу мешочек с кизяком. Вскоре и это топливо затрещало, задымилось, плюнуло снопом беспокойных искр.

— Лжец! — завопил вниз Наместник. — Обманщик! Не боги направляют твою руку!

— Конечно, не боги привели меня... Делать им нечего, как тащить за ручку в такую даль мальчишку-калеку! Роднари! Ваши предки сами управляли своей судьбой, а не ждали милости свыше. Потому племя роднари и считалось великим. Даже если огонь когда-то зажгли сами боги, то поддерживать его выпало вам. Какая разница, чьей рукой он разожжен? Огню плевать. Главное — не жить во мраке... — ответил Ард. — Так было завещано вашими предками. Я прочитал это в письменах Тхалуга.

Наместник угрожающе шагнул к ступеням, но его на полпути встретил Херидан. На клинке играли отсветы священного огня. Горец наставил острие в грудь лжецу.

— Еще шаг — выпотрошу.

Кто-то из первого народа побежал за копьями, кто-то, все еще не веря словам чужеземца, подхватывал камни, намереваясь забить ими людей, принесших перемены.

— Опустите оружие! — Ард в примирительном жесте вытянул руки в сторону возбужденной толпы. — Не нужно крови. Просто послушайте. Вы сотни лет ждете невесть кого. Ждете, что кто-нибудь появится и даст вам свет. Зажжет огонь. Я сделал и то, и другое! Где же все это время бродят ваши боги? Почему они бросили вас? За какие провинности? А чей ты наместник? Уж не лжец ли ты сам? В письменах Тхалуга нет ни слова о богах и их воле! Роднари — свободный народ и всегда был таким. Самый первый из народов! Зачем вам поводыри, если в вашей крови есть сила? Сила создавать языки, открывать новые земли, строить дворцы и города?!

— Не святотатствуй, — наместник свирепел. — Ты ответишь за ложь. Прямо сейчас — и по обычаю первого народа.

Ард знал, о чем тот говорил.

— Хорошо. Мне нечего бояться.

Место испытания находилось довольно далеко от города. У русла пересохшей реки, на равнине, усыпанной осколками скал и валунами самых разных размеров и форм, созданных ветром, дождем и метелями.

Четыре изогнутые колонны, не соприкасаясь вершинами, обступали зависшую между ними глыбу базальта. Серую, старую, испещренную трещинами. Тень под ней была густой, а почва — вся в ямах и вздыбленных пластах земли. Камень сам по себе держался в воздухе. Это пугало.

— Сейчас проверим, на чьей стороне правда. Становись в круг, — сухо велел наместник, когда большая часть первого народа собралась у колонн.

Ландмир вырос на пути. Глаза оставались холодными и спокойными, но лоб лоснился

от пота, несмотря на холодный ветер.

— Про это ты мне не рассказывал, сын.

— Извини. Боялся, что не согласишься, если расскажу.

— И не согласился бы! Но раз уж начал — доводи до конца.

— Поверь, папа, я знаю, что де...

— Нисколько не сомневаюсь, — он положил ладони на плечи мальчишке. — Ты же мой сын.

Вера отца стала лучшей поддержкой. Ард с помощью жены встал под камнем. Старуха роднари подала два костыля, чтобы опереться. Стоять долго не придется. Пару мгновений выдержит. Глыба умудрялась давить даже с такой высоты. Находясь под громадиной, неведомой силой удерживаемой в воздухе, поневоле начинаешь ощущать неизбежность смерти.

Люди смолкли в ожидании воли Тени Правды. Некоторые с жалостью покачивали головами, посматривая на юного зятя Гутлака.

— Я останусь с тобой, — проговорил Безымьянная, заглянув мужу в глаза.

— Зачем? Чтобы обоих в лепешку раздавило, если что-то пойдет не так?

— Отцу ты говорил, что такого не случится. Иначе он бы тебя не отпустил сюда!

— Отцу я врал. Иначе он бы меня не отпустил сюда. Уходи. Не искушай старого мерзавца.

Загорелись первые факелы. Роднари выстроились полукругом, чтобы засвидетельствовать правосудие.

«Я готов! Готов!» — твердил про себя юноша.

Он зажмурился. Задержал воздух. Ногти впились в ладони.

— Итак, чужеземец, повтори обвинения! — прогрехотал наместник.

Арду пришлось напрячь память, чтобы ничего не перепутать, не сбиться, не запнуться.

— Обвиняю тебя, Шен Улатара, в предательстве первого народа, — было приятно видеть, как изменился в лице наместник, услышав свое настоящее имя. — Ты — некогда бывший зодчим племени роднари, выстроивший сам Файхалтар. Ты — защищавший поначалу первый народ от каменных гигантов. Ты — презревши потом заветы и уклады отцов Ваярии. Ты — дурачивший и использовавший людей. Мои слова — меч.

— Да простит тебя смерть, смыв кровью ложь твоих слов! — вскрикнул наместник, хлопнув в ладоши.

Полувздых-полувскрик одновременно вырвался из множества глоток в ожидании падения глыбы и грохота. Некоторые зажмурились, боясь увидеть жуткие следы возмездия.

Но ничего не произошло. Камень не упал, продолжая висеть в воздухе между колоннами. Наместник был бледен, зол и растерян.

Послышался уже знакомый птичий крик.

Ард вскинул голову к небу. Филин.

— Моя правда доказана, — обратился юноша к наместнику. — Может, проверим теперь твою?

— Тах-ше эл и! — сплюнул зло тот.

— Как знаешь.

Ард шагнул из арки. Ноги не держали, боль в мышцах затмила сознание, затрещали связки. Но он шагнул.

Еще раз. И еще.

На большее сил не хватило. Ноги подогнулись, и он свалился, ободрав ладони и лицо.

Сзади загрохотало. Глыба с треском обрушилась на землю — в сотый или тысячный раз за историю Файхалтара? — и рассыпалась под своей тяжестью. Под тяжестью лжи.

Юноша приподнялся на локте и посмотрел в лицо Шен Улатара.

— Тхалуг знал многое. Надо было тебе сжечь его записи, а не прятать так глупо.

Наместник схватил камень и рванулся к мальчишке, но упал, сбитый с ног Гултаком.

— Не смей поднимать на него руку! — прорычал вождь. — Ты жил среди нас сотни лет и все это время лгал! Пользовался уважением! Но падал, падал все ниже. И мы шли вслед за тобой, как стадо тупых свиней. Время платить...

— Погоди! — воскликнул Ард, но опоздал.

Копье вошло наместнику в грудь. Он дернулся, закричал, ногти заскребили промерзшую землю. В свете факелов лицо выглядело жутким, пена пузырилась на губах.

Гултак провернул древко. Выдернул оружие из поверженного врага и отбросил в сторону. Из раны хлынула густая зеленая кровь. Наместник скорчился и замер.

Ард вздрогнул. По коже побежали мурашки. Многие роднари попадали на землю. Их рвало и трясло. Айла завалилась на руки Ландмиру, словно у нее из-под ног вышибли опору.

— Что такое? — недоуменно пробормотал, кривясь от спазмов в горле, Пард.

— Сила... из него вырвалась какая-то сила... — с трудом разлепив губы, ответил юноша.

Первой мыслью было, что бездна увлечет тело вниз, и за кратким мгновением полета последует жесткий удар о камни. Участь всех глупцов, возомнивших, что умеют летать. Или неудачников, постигших истину обратного. Но нога ощутила опору, невидимую, однако вполне надежную, чтобы сделать следующий шаг. И Ная доверилась мастерству наставников — двинулась навстречу зависшему над пропастью туману. Он не походил на обычный, рождающийся ранним утром в горах и карабкающийся по отвесным скалам к солнцу. Этот не рассеивался от ветра, задувающего ощутимо на такой высоте, а наоборот, сгущался над тропой, будто бестелесный хищник, поджидающий жертву. За ним чувствовалась пустота — холодная, враждебная, бескрайняя, в сравнении с которой бездна под ногами выглядела неглубоким овражком. Идти туда не хотелось. Но это простые люди могут чего-то желать и не хотеть, поддаваться слабостям и страхам. У нее на это права нет. Она — Привратник, а это ко многому обязывало.

За спиной не раздавалось ни звука. Могло показаться, что девушка здесь совсем одна. Если бы тишина не звенела напряжением от множества встревоженных взглядов, сопровождавших каждый шаг Наи, боязнь нарушить словом или движением ткущийся в воздухе колдовской мост.

Туман приближался.

Вот до него осталось пять шагов, три, два... Стылый воздух ударил в лицо, резанул по глазам. Робкий свет начинающегося утра резко сменился тьмой, словно солнце вмиг исчезло с небосвода. Девушка обернулась. Ни пропасти, ни гор. Вокруг только чернота. Она в мире мертвых. Свеча уже потрескивала огоньком, оградив пятном зеленого света от нежеланных спутников. Уродливые существа при виде пламени прыснули в разные стороны. Но некоторые, наоборот, тянулись к нему, и, не в силах приблизиться, с тоскливым воем отползали назад, закрывая ладонями слепые глаза. Хотелось верить, что среди этой братии нет ни Карей... ни Витога с Алиштой.

Только теперь Ная сообразила, что сжимает какие-то предметы в левом кулаке. Свеча высветила на ладони заколку для волос Алишты и плетеный браслет Витога. И когда Кагар-Радшу успел их сунуть ей в руку? Это облегчало дело. Девушка прикрыла глаза, понюхала вещи, вслушиваясь в голоса тишины: куда потянет нить, чей владелец отзовется. Струны, пронизывающие пространство, завибрировали. И заколка издала характерный тихий звон. Блондинка находилась где-то рядом.

Держа возле уха подающий голос предмет, Ная бросилась на поиски. «Алишта, где ты? Отзовись!» — мысленно взывала она. В мире мертвых шуметь нельзя, звук усиливался многократно и разносился далеко. Крик подобен грому и способен всколыхнуть такую нежить, что и свеча не поможет.

Позади уже катились волной озлобленные тени. Их ненавидящие взгляды холодили затылок, опутывали ноги, сбивая с бега. Окружат — не отбиться. Достаточно просто держать в кольце, выжидая пока не погаснет огонь. А потом...

За гранью Привратники, как правило, обходились защитной свечой, придерживаясь свода законов о невмешательстве в чужой мир. К колдовству прибегали в крайних случаях, когда уже не оставалось другого выхода. Отдача одним махом могла иссушить Привратника, сделав его уязвимым. Палка о двух концах, один из которых давал защиту, а другой

подвергал жизнь угрозе. На сотворенное заклинание из низших уровней выползали такие жуткие существа, что простая нежить казалась безобидными зверюшками. Но времени слишком мало, чтобы избавляться от погони мирным путем.

Ная развернулась лицом к приближавшейся толпе, вскинув вверх руку со свечой, начертила в воздухе знак Белого пламени. Брошенная в магическую фигуру искорка свечи вспенила воздуха перед преследователями множеством пузырьков жидкого огня, вставшего стеной у них на пути. Ей всегда удавалось это заклинание на тренировках, и сейчас получилось чисто и действительно. А главное — тихо. По пятам никто больше не гнался, а эхо боя умерло, едва успев родиться.

Отдача не заставила ждать. Девушку тряхнуло в ответ, точно в грудь ударил невидимый кулак, нутро подскочило к горлу. Струйки пота сбегали с висков на щеки и шею. Потянуло присесть, переждать головокружение и слабость. Некогда. Надо спешить... пока взамен прежним тварям не набегали новые. А колотящееся в груди сердце уймется, и расплывающиеся перед глазами образы прояснятся.

Заколка призывно звенела, но нотки в ее голосе стали глуше, грязнее. Это сигнал поторопиться.

Зов привел Наю к окаменевшему от времени дереву, чьи ветви шатром свисали до земли, делая похожим на своеобразную клетку. Подтянув ноги к груди, Алишта забилась в дупло-грот. И, похоже, спала. Голова свешена на грудь. Рассыпавшиеся волосы прикрывают лицо.

Восхищение блондинкой, сумевшей уснуть в таком неподобающем месте, сменилось настороженностью. Было подозрительным, что она продолжала спать, будто разомлевшая на солнце пастушка, не уловила приближающихся шагов, не почувствовала постороннее присутствие. Подобная беспечность не свойственна даже ученикам. Ощущать с закрытыми глазами чужое приближение учат еще в первый год. Зрение зачастую бесполезно во тьме, зато слух и чутье никогда не подведут. Девушка пробралась сквозь каменную ограду ветвей, подошла к ученице. Под ногой что-то хрустнуло. На земле лежал подсвечник. Огарок в три пальца высотой валялся рядышком, словно отброшенный в сердцах. Ная подняла его, внимательно осмотрела. Край свечи срезан наискось, как клинком смахнули. Но дирка в руках спящей не было. Не отыскала, значит. Почему огарок отбросила, не зажгла фитиль? Или сил не хватило даже на это?

Привратница присела на корточки, заглянула сквозь завесу волос в лицо спящей красотки.

— Эй, очнись. Пора возвращаться домой.

Веки ученицы раскрылись, точно распахнувшиеся от порыва ветра ставни брошенного дома.

— Помоги... мне, — вырвался сквозь закрытые губы стон. Трясущаяся рука протянулась к девушке.

Ная отпрянула, не удержавшись, плюхнулась на зад, отталкиваясь пятками, стремительно отползла. Глаза Алишты заливала чернота: не отражающая ни единого отблеска пламени свечи, без малейшего намека на жизнь и блеклой тени воспоминания о прошлом. А по ухоженным, слегка заостренным ногтям каймой вилась тонкая ажурная паутинка. Не упади свет на пальцы...

В случившееся не верилось. Гибель Лидо воспринималась как результат самоуверенности, Карей — глупости. Но чтобы Алишта! Невозможно!

Пламя свечи разбудило тьму, ускорив преобразование. Паутина начала стремительно оплетать тело блондинки. Черные волокна скрыли точеные плечи, грудь, шею, пышные волосы, ставшие в мгновение седыми.

Поздно. Она пришла слишком поздно.

Нае хотелось заорать в голос. Они не были подругами, но видеть, как умница и красавица Алишта превращается в кокон... зубы заскрежетали от бессилия и гнева.

«Мы Привратники. Нам неведомы чувства живых. Мы бесстрастны и непоколебимы, как сама Мать Смерть...», — вертелись в голове слова клятвы.

Да, она Привратник. И гибель товарища не должна толкать на опрометчивые поступки. Так и будет. Потом. Но сейчас...

Струя пламени ударила по затвердевшему кокону. Раздался треск. Передняя стенка отвалилась, и наружу вырвалась стая летучих мышей. Воздух наполнился хлопанием кожистых крыльев и мерзким писком. Сбившись вместе, нетопыри устремились неистовствующей тучей к девушке. Очередная струя огня обратила их в хлопья пепла. Пора было уходить, но осколки кокона не отпускали. Ная склонилась, положила рядом с ними заколку Алишты.

Покойся с миром.

Браслет Витога молчал. Не помогало ни трение в ладонях, ни нагревание над свечой, ни прикладывание к виску. Парень не отзывался. Это означало, что он мертв и можно отправляться назад, или...что здесь его просто нет.

Колдунья зашагала прочь от дерева, захватив огарок свечи Алишты. От выданной «воронятами» осталась половина — с небольшим запасом только на обратный путь. Но поворачивать она не собиралась. Главное найти парня. И где искать — мысль имелась. Печать Незыблемой на шее жгла и покалывала, ведя безошибочно к нужному месту. Уверенности, что Витог жив, не было никакой. Но пока не увидит своими глазами...

Думать о плохом не хотелось. И все же, если такое случится, то не потому, что Ная проявила трусость, предпочтя спасти себя. Перед блондинкой у нее вины нет. Каждый из учеников знал, какие опасности ждут за гранью, и что в случае ошибки помощь не придет. Почему же тогда тянет оправдаться, успеть хоть в этот раз вовремя, чтобы заслужить ее прощение?

Вдали послышался сухой треск. Воздух разорвал уже знакомый вой, и на землю рухнуло нечто тяжелое, угловатое, смердящее плесенью.

Дракон!

Иссиня-черная чешуя как нельзя лучше подходила этому миру. Золотые зрачки сверкали во мгле, кожистые крылья встрепнулись над землей, подняв настоящую бурю из пыли и праха. Тени в ужасе забились по щелям и оврагам.

Нет твари страшнее и опаснее, чем дракон. Он спокойно перемещался между пределами, ведя охоту на любую дичь, которую только мог подарить ему этот мертвый край... Край, отданный драконьему роду Незыблемой за какие-то заслуги для надзора.

Морда ящера повернулась в сторону Наи. Ноздри затрепетали, в зрачках полыхнуло. Девушка незаметно сплела пальцы в заклинании защиты, приготовилась к бою. Но дракон не напал. Отметина Даады не позволила. Смерив колдунью, будто вошь, презрительным взглядом, выпустил струю дыма, взмахнул крыльями и с надменным видом скрылся во тьме, оставив чувство, что он просто пренебрег связываться с ней. Сильному не зазорно миловать слабейшего. А кто не согласен, пусть попробует усомниться в том.

Пусть, если найдется такой глупец. Но это точно будет не Ная.

Вот и спуск на второй предел. Неприметный для глаза и недоступный для большинства Привратников. Обычное место, ничем не отличающееся от прочих. Пройди здесь тысячу раз вдоль, поперек и по кругу и ничего не изменится. Останется та же местность. Для нее же переход сродни прибою. Нахлынул волной — откатился, и она на другом пределе. Направление прежнее, а на деле идет уже в противоположную сторону и не по прямой, а вглубь. Мир мертвых подобен вертикальной спирали, где с каждым спуском все холоднее, все больше теряешь свою человеческую сущность, растворяясь в небытие пространства и времени. Не понятно, как Витога сюда занесло.

Браслет потеплел в ладони, когда колдунья почти отчаялась услышать зов. Пальцы ощутили робкую пульсацию, и сразу с плеч словно гора упала. Не подай голос браслет, пришлось бы повернуть назад. На третий предел соваться бесполезно, там Витог однозначно не выжил бы. Тут-то страшилась найти безумца. Да и двух маленьких огарков едва хватит, чтобы вернуться.

Местность была изрезана руслами высохших рек. Отражение человеческих жизней и судеб. От мелких и нешироких до крупных и когда-то полноводных, чья глубина достигала длины трех, а то и пяти исполинских кедров. Некоторые русла пересекались между собой, извивались, меняя направление. Другие проходили по прямой, прокладывая дорогу, невзирая ни на камни, ни на пески, ни на горы. Третьи разветвлялись на притоки и давали жизнь множеству озер. По одному из таких рукавов, неглубокому, но с крепкими ровными берегами, и поманил Наю браслет Витога.

Время от времени на насыпи возникали быстрые тени, вниз не спускались, провожали издали горящим взором незваную гостью.

Они были не столь несдержанны и жадны, как их собратья на первом пределе. Научились пресмирять голод, выжидать, не кидаться глупо на добычу не по своим силам. Но спокойствие и леность здешних существ делали их более опасными врагами, терпеливо карауливших, когда добыча допустит ошибку. Оружием им служили не когти и зубы, а подавляющее волю внушение, которым они пытались дотянуться до девушки и сломить. С одной свечой против них Нае пришлось бы туго. Этих светом не отпугнешь. Уровень возможностей иной. Но против печати Незыблемой им не восстать. Чем ближе к лону Матери Смерти, тем ярче излучение отметины, предупреждающей: «Не тронь»! И твари не трогали. Ждали.

Русло внезапно уткнулось в склон холма. Точно кто-то взял и воздвиг насыпь на пути реки, оборвав ее бег.

Преграда напоминала могильный холм. Ровные и сглаженные стороны, на плоской вершине два изваяния. Паутинкой марева пришло подспудное знание — наверху Витог. И причина крылась не в браслете. Неосознанное понимание символичности места, что только здесь и нигде больше быть парню, давило изнутри. Девушка начала карабкаться на холм. Со свечой в руке подниматься было не просто. Вязкая почва скользила под ногами, невидимые колючки цепляли одежду, впивались в кожу. Треть пути пришлось проделать чуть ли не на четвереньках. Злая, перепачканная в грязи, со слипшимися в глиняные сосульки волосами, Ная перевалилась через край, поднялась, мало отличаясь жутким видом от шнырявших вокруг тварей тьмы. Огляделась. Площадка оказалась шире, чем виделась снизу. Статуи изображали неизвестных богов. Или древних героев. Столь гордые осанки, величавые лики могли принадлежать лишь им. Один был суров и протягивал хлеб. Другой улыбался и прятал

за спиной нож. Но изваяний стояло на холме три. В темноте Ная не заметила снизу черной статуи, что скрывалась за первыми двумя: слепой девушки, возложившей руки на плечи богов-близнецов. Дева Судьба — пришла догадка. Кто были мужчины — определить не удалось.

Витоги сидел между скульптурами, напоминая еще одно изваяние. Правая рука сжимала дирк, левая — подсвечник с намотанными сверху кусками одежды. Видно, когда воск истаял, пытался продержаться простым огнем. Но обычное пламя тут бесполезно.

Заслышав шорох шагов, парень вскинул голову, повел из стороны в сторону рукой с ножом.

— Прочь! Я еще жив! Вам до меня не добраться, подлые твари!

— Витоги, это я, Ная, — девушка остановилась в пяти шагах от него.

— Ная? Откуда ты здесь?

— Прислали на помощь, — она приблизилась, подняла выше свечу, озаряя парня. Витоги даже не зажмурился от света.

Это не понравилось. Было в его поведении что-то тревожащее, хотя в отличие от Алишты он выглядел живым.

— На помощь? — Витоги помолчал, затем расхохотался. — Хорошая попытка, тварь. Но знай: прежде, чем ты доберешься до моего горла, я пушу кровь тебе.

Ная поднесла свечу к его глазам. Понимание обожгло язык горечью полыни.

— Ты меня не видишь.

— Стой, где стоишь! — он отмахнулся ножом, не давая ей разглядеть цвет глаз. — Законы Привратников суровы: неудачники клану не нужны, — обреченность в голосе сменилась угрозой, парень пырнул несколько раз воздух. — Проваливай. Тебе меня не обмануть, в облике кого бы ты ни пришла, тварь.

Не беря в расчет враждебность, Витоги говорил не как безумец или затронутый тьмой. Это обнадеживало.

— Вытяни вперед руки и покажи ногти, — велела Ная.

— Зачем? — растерялся он.

— Делай, что велю, дубина упрямая! Иначе уйду, и во второй раз тебя точно никто не придет спасать.

Сомнение отразилось на лице парня.

— Ты действительно Ная? Не дух, принимающий чужие личины?

— Тебя подсвечником по затылку шандарахнуть, чтобы поверил?

— Но по правилам, не прошедший испытание...

— Знаю, — оборвала его Ная. — Тэзира благодари. Он уговорил Призванного послать к вам помощь.

— К вам? Я не один?

— Ты и Алишта.

— Ее нашли? — он качнулся вперед, заставив девушку инстинктивно отшатнуться, а потом взглянуть на него с сочувствием. Тревога в голосе выдала Витога. Блондинка нравилась ему.

— Прости, я пришла поздно. Она мертва.

Рука с дирком резким ударом вонзилась в почву. Губы сжались в жесткую линию.

— Лучше бы ты опоздала ко мне.

— Я не выбирала. Что случилось, то случилось. Если ты затронут тьмой — уйду. А

теперь вытяни руки и сиди смирно, мне надо тебя осмотреть. Любое движение восприму как угрозу, — нянькаться Ная не собиралась. Грубо, жестоко — ничего, переживет. Не до утешений сейчас. И так времени в обрез — свеча на исходе. Потом будет оплакивать Алишту... если удастся выбраться.

— Понимаю, — резкий тон девушки вернул ему рассудительность. Он послушно выполнил требование, сел так, чтобы не вызывать подозрения: ноги вытянул вперед, руки положил на колени. В такой позе быстро не вскочишь, удар не нанесешь. И колдовать затруднительно.

— Давно свеча потухла? — держась на безопасном расстоянии, девушка тщательно оглядела с двух сторон руки парня, затем волосы, одежду.

— Давно.

— Почему твари не тронули?

— Не знаю. Их это место отпугивает.

— Как ты попал на второй предел? — она продолжала задавать вопросы, пытаясь выяснить, что с ним не так. Глаза черные, но в них не отражалась пустота и смерть, хотя огонек жизни и светил, будто со дна пропасти.

Витог удивленно приподнял голову, забыв о предупреждении.

— На втором? Невозможно... Или это случилось, когда потянулся за дирком в расщелину и, не удержавшись, свалился вниз? Помню, сильно ударился головой и потерял сознание. Пока валялся — сгорела большая часть свечи. Потом долго искал выход и забрел на этот холм.

Это объясняло многое.

— Медленно встал, разделся, — паутина могла скрываться и под одеждой.

— Как ты нашла меня? — он безропотно подчинился приказу.

— Браслет привел.

— Почему они отправили тебя, а не одного из наставников? Возможно, тогда Алишта...

— Узнаешь о том у Кагар-Радшу. Это его решение. — Уж чего-чего, а обсуждать странные поступки Призванного сейчас нет смысла. После она его тоже спросит, почему выбор пал на нее, неопытную ученицу. Теперь же надо быстрее уходить отсюда. Витог чист, следов паутины нет. А необычный цвет глаз... пусть с этим разбираются наставники. Пока парень одевался, Ная задавала каверзные вопросы об учебе, клане, заклинаниях. Он отвечал верно, нигде не запнулся, не задумался даже на миг. Потом вдруг улыбнулся, сказал:

— Если сомневаешься, оставь здесь. Пойму. Так правильнее.

— Не спорю. А, может, прав Тэзир, что за жизнь своих братьев надо бороться до конца. Идем, нас ждут дома.

Витог хромал. Падение в расщелину обошлось ему сломанной щиколоткой и разбитым в кровь коленом. Сотворенное заклинание, запирающее кровь и унимающее боль, быстро теряло в мире мертвых целебное действие. А накладывать новые — тратить драгоценное время и силы. Парень крепился, старался поспевать за Наей, но слабел с каждым шагом. Щиколотка распухла, опираться на раненную ногу делалось все труднее. Понемногу Витог начал отставать. Лицо бедняги приобрело мертвенный цвет, искусанные губы посинели и кровоточили. В таком состоянии он далеко не уйдет.

— Обопрись на меня, будет легче, — предложила Ная.

— Я сам, — Сделав три быстрых шага, Витог перекосялся от боли.

— Не будь бараном. Сам ты свалишься, — не слушая возражений, девушка закинула его

руку себе на плечи, обняла, поддерживая, за талию.

Это на некоторое время позволило двигаться быстрее, потом ноги Витога начали запинаться друг об дружку, он совсем обмяк, и Нае приходилось волочить его буквально на закорках. Вначале шли без остановок — умирающий огонек свечи заставлял спешить — но ее выносливость тоже имела предел. И вскоре Привратницу пошатывало из стороны в сторону. Следовало перевести дух, отдохнуть хоть пару мгновений, иначе они непременно рухнут. И тут накатил прибой, в лицо ударило волной прохладного воздуха, и девушку потянуло вперед за откатывающимися струями пространства. Пламя свечи стрельнуло снопом искр, дрогнуло в последний раз и погасло. Колдунья быстро закрепила на место сгоревшей свечи запасной огарок, подожгла щелчком пальцев.

— Ступай одна. Погибнешь из-за меня, — прозвучал слабый голос Витога.

— Заткнись и шевели ногами, — огрызнулась Ная. — На той стороне наставники отдают свои силы, удерживая для нас проход. Тэзир едва не поплатился изгнанием из клана за бунт против решения Призванного. Хочешь, чтобы это все было напрасно?! Ты хоть понимаешь, кем станешь тут? Не бестелесным духом, не надейся. Я расскажу тебе, что случилось с Алиштой. Ее оплела паутина, превратив в кокон, а затем он рассыпался, и из него вылетела стая нетопырей-кровососов. Желаешь себе такой участи — нападать на собратьев?

Витог промолчал, но рука, соскользнувшая с плеча девушки, легла обратно. Ему даже удалось пройти с десятков шагов, опираясь на пятку поврежденной ноги. На большее сил не хватило. Порыв угас, вытесняемый болью, и он опять безвольно повис на ней.

— Держись. Мы выберемся. Осталось немного, — твердила Ная, видя, как он погружается в беспамятство.

Принять, что проиграл — всегда нелегко. Обидно до слез и жгучей злости. Еще обиднее, когда до спасения остается совсем немного, а не прыгнешь, не обманешь время и тающий на глазах огарок, отсчитывающий мгновения жизни застывающими на подсвечнике черными слезами.

У них не было шансов. Даже, если бы Ная оставила Витога и помчалась бегом, ей все равно не удалось успеть. Плещущееся озерцо расплавленного воска в углублении подсвечника продлило бы жизнь лишь на несколько вдохов. Призванному следовало послать Тэзира. Балагур нашел бы способ выбраться живым самому и вытащить друга. Он бы не сдался. Ей бы его силу, тогда, возможно, и она сумела бы дотянуть Витога вовремя. А теперь осталось оборвать дирком сначала его жизнь, потом свою. Все лучше, чем быть сожранным нежитью, собирающейся вокруг них. Почуяли поживу, стягиваются на пир.

«А вот утритесь!»

Решено. С последней искрой — Витог, затем она... как кончатся силы отбиваться.

Время шло на счет шагов: один, два, три, четыре...

Язычок пламени умер тихо и сразу, будто его придавила тяжелая ладонь. Тьма тут же обрушилась на них холодными объятиями смерти.

Пора.

Ная стиснула в ладони дирк. Древние слова заклинания, дарующего Незыблемой жертву, уже вертелись на языке. Короткий удар в сердце — и договор с Матерью Смертью свершится. Она получит силу жертвы, а душа принесенного в дар укрепит нерушимость границ, став еще одним камешком в стене, разделяющей миры. Привратники служили обеим сторонам, защищая, каждую из них друг от друга. Что значат одна-две жертвы в сравнении с

благополучием всего мира?

Огненный шар взорвал темноту, осветив лежащего на земле парня, стоявшую над ним девушку и подбирающихся к ним тварей. Новый сгусток пламени прорвал прореху в толпе нежити. Ная взвалила Витога на спину, сделала пяток шагов. Незыблемая получит свою жертву, но прежде... Еще один шар огня, теперь вправо. И вновь несколько шажков. Очередной плевком пламени уже назад, и опять десяток шагов, а, может, ударов сердца, последних мгновений жизни. Ведь до прохода им не дойти. «Пора! — кричал разум. — Это легко. Быстрый удар и тьма станет покоем».

«Легко, — соглашалась девушка с собой. — Труднее выстоять».

Она скажет: «Все!», когда почувствует, что следующий шаг последний. А пока...

Ная метала огонь и двигалась вперед. Пусть мелкими шагами и с остановкой. Неважно. Главное, не дожидаться безропотно смерти. Витог помогал, пока хватало сил — набрасывал сеть оцепенения на существ тьмы. Но с каждым разом она становилась слабее, удерживала меньше по времени. Объединенные усилия помогли продержаться им чуть дольше, но отдача от колдовства бездушным ростовщиком забирала свою плату. Краткая вспышка сорвавшейся с рук девушки огненной молнии стала заключительной. Вот теперь все. Вырванные полсотни шагов не принесли им спасения, но позволили ощутить гордость. По сути, вчерашние ученики, они сражались как истинные Привратники. И погибнут так же.

Рукоять дирка холодила ладонь. Незыблемая ждет. Ная опустила Витога на землю. Они были бы хорошими Привратниками, сложились иначе обстоятельства...

Левая рука выдернула из-за пояса плетъ Саи, правая крепче стиснула нож.

Первая бросившаяся тень отскочила с визгом в сторону, вторая упала под ноги девушке. Третья свалилась на вторую. Четвертая перелетела через голову и, хрипя, умчалась прочь. Пятая, потянувшаяся к горлу, заверещала, обжегшись об печать, покатила кубарем. Тупые, вечно голодные твари! Им бы только жрать. Жажда крови пересиливает даже предостережение печати. На втором пределе Наю без свечи задавили бы сразу, так изломали и слепили бы на свой лад, что лучше самому горло перерезать. Здешние твари — шавки против волкодавов нижних пределов. Как снегопад против лавины.

Резкий разворот на движение тени слева, короткий взмах дирком снизу вверх. Готово! Рукоять плавно поворачивается в ладони, удар наискось. Еще одна! Шевеление тени за спиной и руку с ножом сжимает чья-то мертвая хватка. Плетъ Саи взлетает в воздух, сыпет ледяными искрами, и ее тоже перехватывает жесткий захват.

Девушка зарычала, вырываясь.

— Ная, стой! Это я, — донесся такой знакомый голос. Но поверить трудно, даже, когда он приблизил лицо и во тьме загорелись зеленым светом его глаза.

Скорняк! Он пришел за ней!

Непроизвольно всхлипнув, Ная уткнулась лицом ему в грудь.

— Все хорошо, девочка. Теперь все будет хорошо. Я выведу вас, — погладил мужчина ее по голове. Выудил из кармана балахона небольшой огарок свечи, протянул ей. — Зажги. — Пока девушка пристраивала огарок на подсвечник, склонился над Витогом. — Жив?

Она кивнула. Спohватившись, что в темноте ему не разглядеть, произнесла, размазывая предательски скатывающиеся по щекам слезы:

— Жив. Ранен только. Нога повреждена.

Огонек вспыхнул радостно, и, казалось, что нет ничего в мире лучше этого зрелища. Нежить сразу прыснула в разные стороны, отползла ворча. Что ж, они были близки к победе.

Но нынче Незыблемая не на их стороне.

Витог — довольно крепко сбитый парень, совсем не худышка, но Скорняк с легкостью взвалил его на плечо, взял за руку Наю и повел за собой. Он шел быстро и размашисто, не говоря ни слова. Девушка едва поспевала за ним. Мысли пчелами роились в голове: «Откуда он взялся и почему пришел за ней, неужели его послал Призванный?» Но спрашивать ни о чем не хотелось. Потом. Все потом. Главное, он здесь, рядом, держит ее ладонь в своей руке. И ей спокойно с ним. Теперь они точно выкарабкаются.

Скорняк остановился внезапно, указал на ворота с поднятой решеткой посреди поля.

— Дальше пойдешь без меня. Не нужно никому знать, что я был здесь. Поняла?

— Да.

— Умная девочка, — он с нежностью провел пальцами по ее щеке. Затем резко убрал ладонь, снял с плеча Витога. — Ступай. Теперь вы дойдете.

Она подхватила парня, пристроила его руку у себя на плече.

— А как же ты? Без свечи?

Губы Скорняка выдавили подобие улыбки.

— Ты так и не поняла? Я сам свеча, — и зашагал прочь, ни разу не оглянувшись.

Ная крепче обняла Витога, поплелась к воротам. Усталость накатила снежным комом. Пока тянула парня и сражалась — не замечала насколько вымоталась, а когда до дома осталось совсем немного, последние силы покинули.

Установленные неизвестно зачем посреди выжженного поля каменные ворота без створок, с поднятой вверх решеткой, имели пугающий вид. Хищные жала заостренных прутьев хранили следы крови. Орнамент ворот состоял из черепов и изображений различных видов смерти. В центре мрачных сцен контрастом выделялась фигура прекрасной улыбающейся женщины с распростертыми руками, словно приветствующей гостей. Но именно от нее веяло жутью и холодным безразличием, скрывающимся за улыбкой глаз.

Проход под аркой вызвал невольное содрогание. Навязчивая мысль, что едва она окажется под решеткой, та с лязгом рухнет сверху, не оставляла, пока девушка не очутилась по другую сторону. В то же мгновение солнце ударило в глаза. Ветерок мазнул приветственно по лицу. Он пах снегом горных вершин и росшими в долине травами. Им хотелось дышать и дышать, наслаждаясь прохладой и ароматом цветов.

Дома. Выбрались.

Бездна под ногами остудила преждевременную радость. Мост еще держался в воздухе, но уже начал терять твердость, прогибаясь под ногой. Силы наставников таяли. Ее заметили, вынырнувшую из тумана, замахали руками, сбившись толпой у края бездны. Впереди всех стоял Кагар-Радшу. Прямой, суровый, с заведенными за спину руками, напоминавший изваяния богов, среди которых укрывался Витог. Ветер развеивал одеяние и волосы Призванного, рвал бороду, но взгляд колдуна был прикован к Нае. Понять, доволен наставник, рад или встревожен — не удавалось. От усталости все расплывалось перед глазами, ноги переставлялись с трудом. «Чего они ждут? Почему не помогут?» Но никто не поспешил навстречу, не подхватил находящегося в беспамятстве Витога.

Ная заставляла себя двигаться уже по привычке. Казалось, она никогда не дойдет до края и это станет ее вечным проклятием — брести по невидимому мосту через пропасть с непосильной ношей на плечах. Последние шаги дались тяжелее всего. Но стоило сойти с моста, ее тут же подхватило множество рук, переняли Витога. Обоих отнесли к теплым от солнца камням, усадили на плетеные циновки. Перед глазами замелькало множество лиц:

наставников, Тэзира, Саи, Арки, Кайтур.

— А Алишта? Алишта жива? Где она? — пробившись к ней, с надеждой и страхом спросила брюнетка.

Ная покачала головой. Лицо Кайтур сразу помрачнело, глаза затянуло ледком. Опустив руки, девушка деревянной куклой скрылась в толпе. Внезапно все раздались в стороны. Над Наей склонился Призванный. Бесцеремонно поднял ей голову за подбородок, раскрыл широко веки.

— Чиста, — одобрительно похлопал по щеке. — Молодец, девочка. Не подвела.

Перешел к Витогу. Разжал ему ладонь, осмотрел дирк с изображением рыси. Затем поднял парню веки... В молчании многозначительно переглянулся со стоявшими рядом Верховными.

— С ним что-то не так? — их смятение не укрылось от Тэзира.

Они точно не расслышали, снова глянули в глаза Витогу.

— Кажется, у нас появился Сакриф, — проговорил медленно Призванный.

— Кто такой Сакриф? И чем это грозит Витогу? — балагур втиснулся меж колдунами и парнем, будто пытался оградить его от неведомого врага или участи.

— Тэзир, отойди, дай Кагар-Радшу помочь твоему другу, — Верховный клана воздуха отстранил его плавным движением руки.

Призванный нахмурил брови, зрачок в синих глазах затопил собой всю радужку. Раскрытая ладонь прижалась к животу Витога, круговыми движениями поднялась к груди. Пальцы резко сомкнулись в кулак и, словно выдирая что-то из тела, дернулись назад, раскрылись, сложились щепотью, с силой впечатались в грудь. Парень охнул, согнулся, упал на землю, зайдясь в кашле. Тэзир дернулся приподнять друга, но Верховный остановил балагура жестом. Витог выгнулся, захрипел, изо рта вылетела струйка дыма, тело сотрясла судорога. А потом его начало рвать пеплом. Кагар-Радшу отступил, потеснив всех назад. Серые хлопья исторгались из нутра парня вперемешку с черной кровью. И гадости той выходило так много, что оставлялось удивляться, как и вмещалась столько. «Не вытащи я Витога из мира мертвых, из него бы вышел отличный воин Праха», — подумалось отстраненно Нае.

Как только иссяк поток пепла, к парню вернулось сознание. Но не прежний цвет глаз. Это девушка тоже заметила.

— Теперь с ним будет все в порядке, — Призванный встряхнул ладонями, сунул в рукава. Вместе с Верховными отошел в сторонку. Они о чем-то горячо заспорили.

Парня же подхватили под руки два наставника-целителя и повели к селению. Поднялась и Ная. Ей тоже не помешает отдохнуть. Она сделала все, что могла, и достаточно увидела сегодня. Теперь бы упасть на лежанку и погрузиться в сон без сновидений. Чтобы не видеть ни Алишты, превращающийся в кокон, ни глаз Витога, в которых поселился черный вихрь с серебристыми искрами. Спать. Спать.

— А ну, стой! — догнал ее Тэзир. Грубо дернул за руку, прижал к скале. Взгляд хмурый, будто это она виновата в том, что случилось с его другом. — А ты оказывается, полна загадок. Что в тебе такого особенного, что послали тебя? Кем ты помечена? О чем говорил Призванный?

У нее не было ни сил, ни желания с ним разговаривать.

— Спроси у Кагар-Радшу, если интересно, — она попыталась оттолкнуть его руку и пройти.

Но балагур прижал ее к стене еще крепче, выдохнул гневно в лицо:

— Ты расскажешь! Я хочу знать...

— Да пошел ты... — ее взяла злость. Кто он такой, чтобы допрашивать, обвинять, после того, что ей выпало увидеть сегодня. Ная толкнула его в грудь, вырвалась из захвата, сделала пару шагов и провалилась в темноту.

Дорога петляла между холмами, огибала яры и речушки, коих в этой местности имелось великое множество. Буйство сочной зелени радовало глаз, особенно после унылых городских улиц и каменных громад Сайнарии. Припекало солнце, небо ослепляло голубизной, а редкие перистые облачка лишь прибавляли ему шарма. Ильгар чувствовал себя свободным и счастливым. Правда, легкий оттенок грусти преследовал его целый день, но это даже хорошо.

Скакунов решили оставить в Сайнарии — следопыты сказали, что так будет лучше. Десятник осмотрел свое воинство. Он считал его именно своим, несмотря на присутствие Дарующего и жрецов...

Следопыты за городом преобразились. Стали веселее, разговорчивее и уже не плелись, как сонные мухи. Эйтары — невероятно интересный народ. Поговаривали, что клан следопытов одним из первых по собственной воле встал под знамя Плуга. И даже их бог — чудовище с человеческим телом и волчьей головой — присягнул Сеятелю, за что был помилован и сослан куда-то на восток. Женщины эйтарки славились знахарством и долголетием, мужчины чувствовали и понимали природу, как никто другой в Гаргии. Ильгару новые спутники казались удивительными. В грубошерстной одежде, венки из выюна на головах, предплечья обмотаны лозой. Из оружия — только кинжалы с костяными рукоятями. Длинные волосы, окладистые бороды. Лица морщинистые, но глаза молодые и у всех — ярко-зеленые. Эйтары не затевали споров, никогда не повышали голосов и могли подолгу размышлять, разглядывая какой-нибудь обомшелый валун или пучок придорожной травы.

Воины десятка на их фоне смотрелись устрашающе — с рогатинами, луками, топорами и кинжалами, в кирасах и стеганках. Правда, двигались бойцы не так легко. Местность пока позволяла гнать вперед телегу груженную палатками, снаряжением и снедью. Когда выберутся на бездорожье — придется все взваливать на плечи.

Жрецы шли с невозмутимым видом, готовые безропотно отмахивать лигу за лигой. Рядом с ними шагал Дарующий. Лысый, как яйцо, очень высокий и болезненно худой. На узком лице выделялись бородка клинышком, длинный острый нос и крупные глаза. Альстед еще не облачился в доспехи, предпочитая вышагивать в поношенном и перепачканном оружейным маслом дублете, льняных штанах и высоких сапогах. Поодаль шел погруженный в себя Ромар. Его свободные светлые одежды скрывали фигуру, а на шароварах серебрилась затейливая вышивка. Меч на длинной деревянной рукояти он носил в заплочных ножнах. Волосы, заплетенные в сотни тонких косичек, были стянутые в пучок на макушке и подвязаны пестрой лентой.

Слишком много непохожих друг на друга людей в отряде. Тяжело пускаться в дальний путь с человеком, о котором ничего не знаешь, зато расставаться проще, и поскольку смерть в болотах может подкарауливать за каждым деревом, в каждом бочаге и на каждой кочке, это даже хорошо...

Едва сгустились сумерки, Альстед приказал выбирать место для ночевки. Один следопыт нашел подходящую балку, поросшую мягкой травой и невысоким кустарником. Быстро расставили дозорных, развели костер, состряпали похлебку и расселись вокруг огня. Обменивались шутками, обсуждали всякие мелочи и перипетии предстоящего пути. Лишь

чернокожий защитник Дарующего сидел спиной к костру. В оловянной миске исходила паром похлебка, но Ромар посвящал все внимание полировке широкого клинка.

— Странный тип, — буркнул Тафель. — Глазищами сверкает, да бормочет на непонятном языке... не нравится он мне.

— Давай, вызови и его на бой, — ухмыльнулся Барталин. — Давно по морде не получал? Торгаш ничему тебя не научил?

— А что? Вот не болела бы рука...

— Силы некуда девать? — спросил Ильгар. — Так я тебя на всю ночь в дозор отправлю! Пройдешься, разомнешь косточки.

— Нет уж. Благодарю покорнейше. Сегодня размялся так, что до сих пор спина болит.

— Тогда не болтай языком, как корова боталом! — рыкнул на него Дядька. — Это защитник Дарующего. За красивые глаза или затейливую прическу им не становятся.

Ромар сам попросился в дозор, хотя Ильгар не собирался привлекать его к повинностям такого рода. В компанию ему отрядил Нура, решив, что двум молчунам проще поладить. Да и будет кому приглядеть за чернокожим. Все-таки чужой человек, мало ли что вздумает выкинуть...

Чем ближе подходили к руслу Елги, тем живописнее становились края. Равнины сменяли дубравы и лесистые холмы. Дважды встречались сверкающие на солнце озера, окаймленные ольховником и поросшие камышом. Разнообразие пейзажей могло поразить даже бывалого путешественника.

Вместе с природой преображались следопыты. Ильгар никогда бы не подумал, что слухи о них окажутся правдой: чем в более дикие земли углублялись эйтары, тем сильнее становились. Десятник готов был поклясться, что вся четверка раздалась в плечах, морщины на сосредоточенных лицах разгладились, а в бородах и космах поубавилось седых волосков. Но самое удивительное, что странные венки на их головах и не собирались увядать.

Дичи было много, погода радовала, и отряд за три дня покрыл больше лиг, чем планировалось. Земли раскинулись плодородные, пару раз встречались дикие яблони, чьи ветви ломались под весом сочных, румяных плодов. Воздух гудел от насекомых, остро пахло цветами и медом.

Со слов Эльма-Крапивки, старшего из следопытов, скоро они должны выйти к большой языческой деревне Овраг. Тамошний люд давно и по-доброму принял Сеятеля, но от своих традиций не отказывался. Местные боги препятствия Армии не чинили, а землепашцы присылали обозы с мукой, пшеницей и ячменем в лагеря и горные заставы. Словно в подтверждение слов эйтара, земли, где властвовала девственная природа, уступили место возделанным полям. Кое-где виднелись навесы из полотна и досок, сараи и крошечные халупы. Но людей — ни души. Ночью, когда отряд свернул с дороги в поле, кто-то из жрецов заметил, что не стрекочут цикады. Непривычная тишина настораживала, Ильгар решил усилить дозоры и приказал не разжигать костер. Ночь переждали относительно спокойно, лишь Кальтер отчего-то уверовал, что слышал шорох и бормотание в полях. Даже вызвался в дозор, хотя его смена была прошлой ночью.

Следующим утром произошло знаковое событие — жрецы наконец-то переоделись в привычные белые одежды, обулись, после чего связали бурые рубища в один узел и положили в старый мешок. Траурное облачение предстояло предать огню.

Отряд вернулся на тракт и совсем немного продвинулся на запад, когда зоркий Морлин заметил раскинувшуюся вдоль глубокого и невероятно длинного оврага деревушку.

— Зажиточное место, — хмыкнул Тафель. — Каменных домов больше, чем срубов и избушек. Гляньте-ка! У них крыши черепичные! Хорошо устроились.

— Потому что трудятся в поте лица, — сказал Унгрен, темноволосый и плечистый жрец, — а не только принимают дары от земли и природы. Здешние демоны покорно служат Сеятелю. Их сила питает почву. Видишь, вон там яблоневый сад? Он плодоносит дважды в год...

— Слишком тихо. Собаки не лают. Подозрительно, — перебил его Ромар, заставив всех насторожиться, внимательнее взглядеться в россыпь домов.

Чернокожий расчехлил странное оружие. Дарующий приотстал, занимая место за спинами жнецов и своего стража. Поселение выглядело вымершим. Ни души на улице, двери домов нараспашку. Ветер донес тошнотворный запах гнилого мяса.

— Луки к бою! — скомандовал Ильгар. — Гур, Тафель! Остаются возле телеги. Остальные — вооружайтесь.

Воины быстро надели кирасы, разобрали луки и рогатин, построились. Ильгар положил ладонь на обух боевого топора. Не меч черийской стали, но оружие надежное.

— Десятник! — сказал Дарующий. — Мы с Ромаром идем с вами. Это союзные земли, а значит, несем ответственность за земледельцев...

Ильгар кивнул. Спорить с Альстедом верх глупости. Хочет идти, пусть идет.

— Держитесь позади моих бойцов.

— Всенепременно.

Они двинулись к деревне. Мимо недостроенной мельницы, каменных амбаров, вдоль невысокой изгороди, которую оплетал горошек, к обезлюдившим домам. Остановились, немного не дойдя до площади, так, чтобы не стать мишенью для притаившихся на крышах или между домами стрелков. Никто не нападал. Не раздавалось ни одного постороннего звука.

Повсюду роями носились жирные зеленые мухи.

— Нур, Морлин, Снурвельд, Нот! — негромко произнес десятник.

По взмаху руки Дядьки воины отправились к загону, откуда перла мощная волна гнилостного смрада. Послышались ругань, плевки, кашель. Бойцы вернулись.

— Скотина зарезана, — пробурчал Нот. — Засохшей крови по щиколотку и рот разевать опасно — можно до отвала наестся мухами.

— Люди?

— Нет.

— Идем дальше.

На главную улочку, которая упиралась в капище, отправился Марвин. Это стало чуть ли не традицией отряда — молодой язычник всегда шел первым, выражая тем самым презрение к смерти по обычаю своего племени. Вот и сейчас он оказался беззащитным, открыт всем стрелам. Но, улыбаясь, поигрывал палицей и коротким топориком. Бравировал, насмехался. Таков был весь его народ, за исключением, наверное, Снурвельда.

Тихо. Ни скрипа сгибаемого лука, ни смертоносного звона тетивы.

— Эй! — гаркнул Марвин. Запрокинул голову и закричал еще громче: — Пахари! Где вы все?

Ответом послужила пронзительная тишина. Даже эхо увязло в ней, растворилось, словно испугавшись.

— Глухо. И мертво, — подытожил Барталин. — А этот парнишка в один прекрасный

день получит стрелу в брюхо. Не место в армии таким, как он...

— Плохо дело, — покачал головой Вулькер, остроносый и худощавый жнец, с выстриженной тонзурой. Его нисколько не волновала судьба язычника. — Эти земли лет десять как считались безопасными.

— Сайнария тоже не аванпост, — хмыкнул Дарующий. — Но ее чуть на щепки не разнесли. Демоны учатся на ошибках своих собратьев, так долго считавших, что Сеятель просто досадная помеха. Они зашевелились, и теперь нужно держаться начеку всегда и везде.

Воины разбились на пары и отправились прочесывать дома. Жрецы раскладывали на порогах опустевших жилищ ветви полыни, читали молитвы свету. Каждением занималась Тагль, единственная женщина во всем отряде. Ильгар убрался подальше от сладко-горького дыма и уселся на колодезный сруб. Но спасения не нашел — потянуло тухлятиной от загона.

Выругавшись, направился к телеге, возле которой дежурили Гур и Тафель. Лучник мрачно и старательно воцил тетиву, невзирая на то, что пользоваться своим оружием по-прежнему не мог. Гур хмуро и сосредоточено разглядывал поле.

— Что там такое? — спросил Ильгар.

— Ребенок шурудит в колосьях.

— Почему не поднял тревогу, дуралей?

Гур пожал мощными плечами.

— Не похоже, чтобы он был опасен.

Ильгар снял с пояса топор, бросил на телегу. Отложил кинжал, чтобы не испугать ребенка. Но там, в полях, могли прятаться и взрослые, поэтому из-за голенища вытащил тычковой нож, подаренный ему когда-то давно жнецом-ветераном. Обмотанная сыромятной кожей рукоять сидела в ладони как влитая. Обоюдоострое лезвие было коротковатым, но для ближнего боя вполне годилось.

Десятник вломился в шумящее море злаков. Земля, которая по идее должна быть сухой и лишенной соков, оказалась на деле жирной, как масло. И хоть бы один сорняк затесался!

— Малыш! — позвал Ильгар, крепче сжимая нож. — Выходи! Не трусь, мы не враги!

Послышался хруст сминаемых колосьев. Никто не откликнулся. Тогда Ильгар затаился. Стоило ребенку появиться рядом в золотом море, десятник ловким движением метнулся к нему. Свободной рукой схватил за шиворот, мягко подсек ноги. Посмотрел на добычу... На земле лежал растрепанный мальчишка. Огненно-рыжие волосы походили на птичье гнездо, из которого торчали обломки колосков, устюки и сухая трава. Некогда белая косоворотка с вышивкой хранила на себе отпечатки всех цветов радуги. Штаны из мешковины протерлись на коленях, зато сапожки выглядели новыми, только очень грязными.

— Здравствуйте! — улыбнулся пацаненок. — А вы кто?

Ильгар опешил. Освободил мальчика, отступил. Он-то ожидал увидеть испуганного, заплаканного найденыша, что переждал неведомую угрозу в полях и теперь прятался ото всех, а ему предстал веселый и смешливый паренек.

— Я десятник из Армии, — жнец опустил на корточки, чтобы посмотреть мальчишке в глаза. — Знаешь, что такое армия?

— Ну да, — кивнул парень. — Вы — воины Сеятеля. Очищаете мир... не знаю, для чего и от кого, но старейшина Кулур всегда так говорил! Я — Дан... Ой, я сейчас! Кое-что потерял.

Он юркнул в пшеницу. Через мгновение вернулся, неся большую, сияющую на солнце

вазу из горного хрусталя. Она была прекрасна. Каждой своей гранью, каждой высеченной деталью. Кольца у горлышка, плавные изгибы неведомых животных, на которых эти самые кольца держались. Изумительная работа...

— Вот! — Дан поднял вазу над головой.

Чуть позже, когда воины закончили осматривать деревню, Нот и Гур вырыли неподалеку от изгороди небольшую яму, развели в ней костер. Партлин состряпал любимую всеми похлебку из клубней, вяленого мяса и сушеного лука. Кто-то притащил лавки, стол. Сидели с подветренной стороны, так чтобы вонь от разлагающихся животных обходила их стороной. Ели в молчании, все больше наблюдая, как работает ложкой рыжий найденыш. Когда он прикончил вторую порцию, чем вызвал одобрителный возглас повара, Тагль поинтересовалась:

— Малыш, почему ты один? Куда подевались все взрослые?

— Ушли, — спокойно ответил Дан, облизнув ложку. Он указал на восток: — Куда-то туда.

Женщина вопросительно посмотрела на Дарующего. Альстед хмуро выбивал пальцами дробь на столешнице, совсем не притронувшись к еде.

— И даже стражи ушли? От кого они сбежали? Чего испугались? — пытливо вперился он в пацаненка.

— Не знаю, — пожал плечами мальчик. — Так уже было. Только раньше уходили по одному...

— Как так? — воскликнул Барталин.

— Ну, мой дядька, Бру, как-то вышел ночью из дому и пропал. Я видел, как он по дороге идет, звал его... но он не обернулся. И так — почти в каждом доме!

— А что ваши боги? — Дарующий помрачнел еще сильнее. — Не вмешались?

— Они ушли раньше всех, — Дан вдруг погрузился.

Ильгар сжал вилку. Опять! Опять боги бросают свой народ!

— Что с тобой, десятник? — тихо спросил Марвин.

— Ешь. Все хорошо.

Дан рассказал жуткую историю об исходе жителей деревни Овраг. Вначале люди уходили по одному, но три дня назад, ночью, как по команде, выбрались из постелей, побросали дома и ушли на восток остальные. Мальчик говорил, что бежал за матерью до самого рассвета, цеплялся за подол и умолял остановиться, но та словно не слышала его. Тогда он вернулся назад, забрал из опустевшего капища вазу и отправился «собирать солнечный свет».

— Ночь околдовала маму, — уверенно заявил найденыш, утерев нос рукавом. — Когда я соберу достаточно солнечного света в вазу, я расколдую ее и всех соседей. Честно-честно!

Ильгар отвел взгляд. Он сомневался, что мать и остальные жители Оврага еще живы. Вряд ли их увели добрые силы... Тогда десятник задал мучавший его вопрос:

— Дан, если ушли все до единого... почему ты здесь?

— Не знаю. Меня не позвали.

Альстед решил, что ночь они проведут в деревне. Ильгар и Унгрен, как старший жрец в отряде, позволили себе оспорить решение Дарующего. Они напирали на то, что в Овраге по-прежнему опасно. Никто не знает, что действительно произошло с земледельцами, кто и как увел их. Но Альстед был непреклонен.

— Даже если все так, как говорите вы, мы просто обязаны разобраться, — стоял тот на

своём. — Скоро стемнеет, а ночевать в поле еще опаснее. Здесь есть, где укрыться.

Жрецу и десятнику пришлось уступить. Дарующий не походил на человека, с которым следует долго препираться, да и доводы его казались вескими.

Заперлись в просторном каменном амбаре, что больше походил на крепкую башенку в цитадели. Хитрый и верткий Тафель, невзирая на сломанную руку, умудрился выбраться через небольшое окно на улицу и заклинить дверь с другой стороны. Ребята посмеялись над ним, но лучник заметил, что если они вдруг захотят выйти из амбара против своей воли, придется лезть через окно, а поскольку все остальные бойцы — неуклюжие поленья, кто-нибудь обязательно свалится и придет в себя. Дубовую дверь можно было выбить разве что тараном, стены казались прочными, поэтому Ильгар решил дозорных не выставлять. Все одно — Ромар спит чутко, как сторожевой пес, а в эту ночь чернокожий явно не собирался ложиться. Да и сам десятник хотел немного поразмыслить над тем, что делать с ребенком... но уснул, едва уселся на мешок пшеницы и закутался в плащ.

Спали все.

Даже Ромар захрапел.

И лишь Дан, нахмутив брови, глядел на крохотное слуховое оконце под потолком, из которого лился призрачный лунный свет. А потом мальчик услышал знакомый, почти неразличимый свист.

Бочки были пыльными, тяжелыми, крепкими, стояли одна к одной, стянутые толстыми веревками.

— Долго вез. Много дорог изъездил. Но это — первоклассный товар, — торговец взмахнул рукой, и двое помощников скатили по доскам на землю первую бочку. Мужчина достал из деревянного ящика кран и молоток с обвязанным тряпицей бойком. — Прошу, молодой хозяин. Пара чаш у меня найдется — оценишь качество.

Вино и вправду оказалось лучше некуда. Темное, в меру сладкое, в меру хмельное, с насыщенным запахом. Но Арду был милее запах пыли — запах странствий.

— Возьмем четыре, — юноша протянул торговцу завернутые в сукно монеты. — Если готов к обмену, могу предложить ящик пшеничного вина. Оно не то чтобы плохое на вкус, просто в наших краях такое крепкое редко пьют. Десять бутылок из толстой глины, в ивовой оплетке — все, как положено. Ты ведь дальше собираешься отправиться? На севере качества этого вина оценят по достоинству. Мало что согревает нутро и будоражит кровь лучше.

— Юн, но отнюдь не глуп, — усмехнулся торговец. — Парни, выкатывайте еще одну бочку! А ящик — в мою повозку. Чего хорошему напитку киснуть в подвалах вашей замечательной таверны? На северном побережье полно тюленьего жира и китового уса, на которые можно обменять пойло.

Чуть позже, когда они сидели за столом в общем зале, ели моченый виноград и распивали травяной чай, Ард спросил:

— Что слышно в мире? Последние купцы, заезжавшие к нам, привозили только незначительные сплетни о войне горных кланов, — это не было сплетнями, поскольку клан Херидана призвал воина четыре седмицы назад. Тот не хотел уезжать с насиженного места, но и отказаться не мог — боялся опозорить род.

— Все тихо. Мир — болото, вряд ли уже изменится когда-нибудь. Знаю, что где-то на востоке разлилась Елга. Затопила участок леса и размыла тракт. Слышал еще, что в предгорьях Рассветных снегов вообще творится нечто невообразимое — тучи скрыли скалы, дождь хлещет постоянно, иногда валит снег, а по ночам на тропях снуют чудовища. Правда или нет — судить не возьмусь, но добровольно к тамошним племенам не сунусь даже ради барышей. Побережье Кораллового моря приглянулось пиратам: построили две заставы, развернули охоту за рыбацкими и торговыми суденышками. Туда тоже лучше не соваться. А о большем не знаю. Мне интересны лишь края, где есть шанс заколотить монету.

— Всегда думал, что странствующие купцы — не простые торгаши, а еще и искатели приключений. Неужели не любопытно узнать, как живут в других уголках Гаргии?

— Абсолютно наплевать. Поверь, парень, имей я возможность зарабатывать, не вставая с любимого кресла — хрен бы меня кто с места сдвинул! Каждый раз, когда дела заносят в края дикарей или к племенам не шибко дружелюбных божков, поджилки трясутся. Из десяти моих лучших товарищей, с которым изрядно поплавал по реке судьбы, в живых осталось трое. И большинство сгинуло не на большаках. Их сжигали, потрошили, топили в реках, замуровывали в скалах и скармливали волкам. Почему? Потому что богам так угодно. Чужая смерть — живым наука. Я теперь знаю, куда ехать не следует.

Ард слушал внимательно, отвечая короткими кивками.

Мир, может, и болото, но происходило в нем гораздо больше интересного, чем

выходило со слов купца. Его волновали лишь края, где удавалось заработать, и события, тому мешающие. Юноше претил такой узкий и убогий взгляд на мир. Добровольная слепота. Увечье. Вместо знаний видеть одни монеты...

Жизнь в Гаргии не замирала никогда. Если где и трясина — то здесь, в таверне.

Поздно вечером, когда жена отправилась на кухню за холодным вином, разгоряченный Ард лежал на кровати, глядел в окно и вновь вспомнил, как они покинули роднари. Ехали веселые, он чувствовал себя самым счастливыми человеком во всей Ваярии. Перед ним лежал новый мир! Открывалось столько возможностей! За спиной светился огнями Файхалтар, задорно плясали снежинки в порывах ветра. Жизнь, казалось, только начиналась...

А потом была таверна. Куча забот. Рутин.

Отец, уставший трудиться в одиночку, отдал на откуп сыну обеспечение таверны всем необходимым. Немногих старинных украшений из приданного хватило, чтобы подлатать фасад, сделать пристройку для солений и мяса, а также обставить три комнаты для постояльцев и обнести конюшни стеной. В подвалах теперь хранилось вдоволь еды и питья, народу захаживало больше прежнего. О таверне шла добрая слава. Это не удивляло, ведь Ландмир прославился не только тем, что обломал зубы кочевникам, но и отправился в путешествие на край света и вернулся, излечив сына!

Свой топор — так и не обагренный кровью — отец велел повесить над дверью, как символ того, что больше хозяин никуда не собирается уезжать из дому.

Ард мечтал, покидая Файхалтар, что, научившись ходить, будет путешествовать и узнавать мир. Но вместо этого, опираясь на костыли, шаркал по общему залу и стоял за прилавком. Излечение принесло не так много счастья. Пожалуй, главное чудо, которое он привез из дальних земель — его жена Рэйхе. Этим именем девушку нарекла Айла. На наречии кочевников оно означало «Неожиданный дар».

Рэйхе стала не просто женой, но и другом. Помогала во всем, поддерживала, ухаживала. Ард отвечал взаимностью и заботой. Дочь Гутлака стала для него всем, но мир — больше чем все. Его нельзя заменить никем...

Любовь, постепенно раскрывшаяся перед юношей в полном своем великолепии, остужала кипевшее в душе негодование. Но даже это прекрасное чувство отнимало время. Стало не до книг. Не до расспросов путников. Заботы, заботы, и снова заботы.

Глупо требовать у судьбы больше, чем она дала ему сейчас, и все-таки Ард требовал...

В общем зале призывно заиграла скрипка. Ее звук просочился сквозь доски; приглушенный, разлился по комнате. Красивая, нежная, теплая, как весенний ветерок мелодия ласкала слух. Зачарованный юноша оделся и спустился вниз. Нынче в таверне было многолюдно, занятыми оказались все столы. Оттого, висевшая в зале вместо привычного гула голосов тишина — удивила. Забыли на время про разговоры и греющееся в кружках пиво посетители, не сновали между столиками подавальщицы. Пела только скрипка. Все домочадцы собрались здесь. Даже толстая Пэг стояла в дверях кухни с любимым половником. Возле стойки притулилась с запотевшим кувшином в руках Рэйхе.

Скрипачка — низкорослая женщина, худенькая и легкая, как пушинка, — взобралась на табурет. Инструмент в ее руках изливался то медом, то кровью, в дрожании струн угадывались громовые раскаты, шум прибоя, загадочный шелест ночного леса, треск молний, звон стали. Жизнь и смерть. Мрак и свет. Все — в деревяшке с натянутыми жилами.

Закончив играть, женщина коротко кивнула залу. Ей ответили рукоплесканием —

странно, но в этот час здесь не нашлось ни одного мертвеца упившегося углежога или кучера.

Сама скрипачка была немолода, лицо выглядело излишне суровым, но в глазах играли такие задорные темно-зеленые искры веселья, что Ард сразу проникся симпатией к госте.

Вэля поднесла ей костяной кубок, украшенный изгибами серебра — подарок от Ландмира. Тот сидел за столом рука об руку с Айлой. Музыка степнячку, судя по всему, не вдохновила, и она больше внимания уделяла жареному перепелиному крылышку.

— Пью за тех, кто сгинул в пути! — воскликнула скрипачка, подняв кубок над головой. — За тех, кто ушел из дома, чтобы сбивать ноги, мерзнуть на ветру и мокнуть под дождем. Покуда идут по дорогам люди — бурлит в жилах Гаргии кровь!

Ответом ей послужил восторженный гомон мужчин и женщин, покидавших свои дома разве что для работы или посиделок в таверне. Скажи такое любой из их соседей — мигом стяжает славу дурака, ведь он — не человек, одаренный талантами богов.

— Чудеса, — сказала Рэйха чуть погодя, когда многие из сидевших в зале мужчин подошли к страннице и вручили ей монеты. — К утру и не вспомнят, что она вообще была здесь! А если и вспомнят, станут обсуждать, что у нее под платьем. Почему же сейчас все такие счастливые? Почему заворуженно слушают?

— Потому же, почему я люблю читать, — ответил Ард. — В такие минуты ты не тот, кто ты есть. Ты — иной. И окружает тебя не твой обыденный мир. Видишь все по-другому...

Утро, как всегда, Ард начал с того, что, обнаженный по пояс, нарезал круги вдоль таверны. Посох уже натер ладонь, ноги болели, икры казались напшигованными раскаленными иглами, но юноша продолжал ходить. Сегодня ожидалась грандиозная уборка в преддверии праздника наступающей зимы, поэтому забот у юноши практически не было. Все, что следовало подготовить, он сделал еще вчера. Оставалось лишь мечтать о том, как после ходьбы и бани усядется в кресло с книгой в руках.

Рэйхе трудилась наравне с остальными девушками, не брезгуя никакой работой и не кичась статусом жены хозяйского сына.

Айла ускакала в поля, чтобы развеяться и размять косточки, а Ландмир повез братцу и его семье подарки.

Остановившись ненадолго возле поленницы, чтобы отпить из фляги ромашкового чая, юноша увидел сидящую спиной к бревнам женщину. Скрипачка. Рядом с ней на траве лежало расстеленное полотенце, на нем: вареные яйца, полукруг овечьего сыра, колбаса и пара лепешек, начиненных обжаренным луком. Женщина, несмотря на ранний час, прикладывалась к бутылке.

— О, сынок хозяина! — она встряхнула глиняным сосудом. — Не хочешь плоточек? Вино из солнца.

— Чего-чего? — удивился Ард.

— Из персиков, — засмеялась скрипачка, — до чего же вы, простые люди, все воспринимаете дословно! Никогда не обращал внимания, насколько этот фрукт похож на солнце? Нет? В тебе нет романтики, мой милый! А она должна быть присуща юноше твоего возраста! Она даже мне присуща — почти старухе. Бродяге. Страшилищу.

— Ты не похожа на старуху и тем более на страшилище, — ответил Ард. — Меня подведенные углем глаза и морщины не смущают. Я вижу твои руки — у старух они отнюдь не такие. Глаза тоже вижу. В них красота.

— Зоркий, — оценила собеседница, — возраст женщины выдают лишь осанка и руки.

Но осанку можно спрятать, а руки... да кто ж на них смотрит, кроме тебя? Скажи-ка, ты встречал когда-нибудь уродливых женщин, юноша?

— Внешне — нет.

— Станный ответ. Не по возрасту странный.

Она замолкла, сосредоточенно очищая яйца от скорлупы.

— Ты бы пересела на бревно, — предложил Ард. — Не боишься простудиться? Конец осени все-таки.

— Нет, меня греет мое солнце, — она вновь встряхнула бутылкой, — но спасибо за заботу. Мне приятно.

Ард уселся на полено рядом. Положил поперек коленей палку. Некоторое время наблюдал, как полосатый кот выслеживает в высокой пожелтевшей траве кузнечиков.

— Расскажи, что творится в мире?

— Тебе правду или красиво? — ответила скрипачка.

— Правду.

— Ни один человек не сможет ответить, что творится в мире, потому что ни один человек не знает, что такое мир, и где он заканчивается. Для кого-то он — деревня, для кого-то — река, для кого-то — четыре стены и крыша над головой. А у некоторых мир — это человек, с которым просто приятно прогуляться по залитому лунным светом саду... Что мир для тебя, юноша?

Ард задумался.

— Не знаю, — честно ответил он. — Я слишком мало видел, чтобы понять.

— Я слышала, повидал ты немало, — женщина принялась за лепешки и колбасу.

— Да. Но не понял ничего. А хотелось бы понять. Надеюсь, такой случай еще представится... Скажи, как ты ушла из дому? Зачем?

— Эх куда хватил, юноша! — воскликнула скрипачка. — Опять спрошу: тебе красиво или правду?

— Красиво.

— Меня понесла река судьбы. Я сама захотела, чтобы она несла меня — и вот я в пути. Днями! Годами! С разными спутниками! В разных краях! И лишь неизменная скрипка со мной. Моя верная подруга! Вместе мы идем в вечность, которую строим нашей музыкой.

— А теперь — правду.

Женщина залилась хохотом. Смеялась долго, спугнув кота и немного удивив Арда слезами в глазах.

— Я поддалась искушению и украла перстень у бога. Захотела — и украла. За это он убил всю мою семью. Сжег родную деревню. Меня оставил в живых, но отдал на поругание своим воинам. Когда я сожгла ядом ребенка в утробе, меня продали в рабство. Пять лет была шлюхой в притоне на побережье Кораллового моря. Но не все так плохо — там меня научили играть на скрипке, читать и писать. Научили видеть и разделять красивое и правдивое, — иначе сошла бы с ума. А потом я сбежала. Прибивалась то к отряду грабителей, то к наемникам, то околачивалась в трактирах, пока не научилась подбирать музыку такую, чтобы цепляла людей за живое. С тех пор я всегда иду. Изю дня в день, из года в год. Куда иду? Не знаю. Видимо, к смерти в неизвестности где-нибудь на обочине тракта. Поэтому скажу тебе вот что: никто не уходит из дома по собственному желанию. Сколько угодно говори себе, что жаждешь странствий, на самом деле — что-то другое тянет и будет тянуть тебя в сторону. Будь то судьба, необходимость или же чужая воля.

Ард молчал дольше, чем нужно, не мог прервать поток соленой грусти. Иногда лучше молчать, потому что теплые слова принесут скорее боль, чем утешение. Уже потом спросил, подавая платок:

— Как тебя зовут?

— Сайнария.

За мелкими хлопотами и заботами дни до праздника Хейме — первой зимней ночи — пролетели незаметно.

Танцы, музыка, выпивка, сладости и разнообразные закуски — всего имелось вдоволь. Ард попеременно плясал с женой и Айлой, потом еще и Вэля вытащила его в круг танцующих. Юноша утомился, будто после пробежки, рухнул на ближайшую скамейку. Влажная от пота рубаха липла к телу. Холодный эль освежая, лился в горло, как вода.

— Эль и женщины, — радостно заржал оказавшийся поблизости мужчина с длинными седыми усами и гладко выбритым подбородком. Он сорвал с пояса кошель и встряхнул им. — А еще — серебро! Много серебра! Демоны меня заберите, разве не это — жизнь?!

Указательный и безымянный пальцы у него отсутствовали — обрубки длиной в фалангу были замотаны полосками кожи. Надетый на голое тело жилет открывал взгляду внушительную мускулатуру и множество мелких шрамов.

— Воин? — спросил Ард, подливая соседу в кружку эль и пододвигая поднос с натертыми чесноком сухарями.

— В прошлом, — махнул рукой мужчина. — Отвоевал свое. Хочу осесть где-нибудь в ваших краях.

— Как зовут?

— Сельвор Трезубец.

— Трезубец?

— Точно. Многие дурни отведали моего любимого оружия! Три дырки в брюхе делают людей гораздо лучше, чем они были при жизни, поверь мне! — он засмеялся, изо рта полетели крошки.

— Какому богу ты служил?

— Всем. И всех предавал. Вот единственные боги, которым служит верно наемник до самой смерти, — он снял с шеи ожерелье: монеты, насаженные на сыромятный шнурок, — серебро, золото и медь. Лишь это мои хозяева.

При каждом слове он пальцем стучал по монеткам самого разного достоинства и качества чеканки.

— По твоему ожерелью можно изучать Гаргию!

— Не только ее, малец, — Сельвор щелкун по серебряной монетке с изображением черепахи. — Это с островов Куднабра. Три года воевал. Мы потопили два десятка вражеских судов и сожгли семь поселений, прежде чем Морской Царь Акто-Бэн уселся на престол! Я потом неделю во дворце пил, ел и трахался, как животное: наложники и наложницы в Куднабре чудеса творят. Счастливое время!

— Интересно. Слушай, а что сейчас происходит в мире?

— Идет война, — воин посерьезнел.

— Где? В каких землях?

— Да везде. Куда ни плюнь. Бог идет на бога, сосед режет соседа, людидохнут, как муравьи в затопленном муравейнике. Чуть что — и потянуло дымом. Я видел траншеи, заваленные гниющими телами. Видел горящие корабли и людей, полыхающих, как факелы.

Видал, как вороны клюют повешенных на деревьях детей. Война съедает все и всех... Хочешь знать мое мнение? Только шлюхи, убийцы и рабы нужны всегда и везде.

— Страшно звучит. Но почему ты так думаешь?

— Потому что богам не нужен никто больше. Ученые? Смех. Торговцы? Глупости. Богам не нужны деньги. Им нужен покорный скот. Я не знаю, почему все мы до сих пор не носим ошейники. Рад только, что преставлюсь до того дня, когда их нацепят на нас.

Арду расхотелось и есть, и пить, и веселиться.

— Но отнюдь не всегда войны затевают боги. Мы тоже хороши.

— Бесспорно, парень, — Сельвор поймал кружкой поток душистого темного эля, — только кому, как не бессмертным, следует палкой отгонять друг от друга распоясавшихся людишек?

— Боги мудры, но что-то не припомню, чтобы они своей волей прекращали сражения и разгоняли народ по домам. Чаше начинают... Спрашиваешь, кому прекращать кровопролития? Людям, которые умнее братьев, например. Если жить только чужой волей — рано или поздно взаправду окажешься на цепи.

— Вот что я тебе скажу, умник, — воин снова помрачнел, зыркнул на собеседника исподлобья, — те, кто несет перемены, умирают быстро. Видал я таких. Много. Очень много. И всех их смерть забрала рано. Боги — это Ваярия. А Ваярия — это мир. Люди — для мира, а не мир для людей. Вот так я думаю.

Серые стены, низкий каменный потолок, изрезанный вдоль и поперек тонкими змейками трещин: такими знакомыми и привычными, как старые друзья, про которых все знаешь до мелочей. По сути, так и есть. За восемь лет пребывания в клане Ная сроднилась с ними и изучила досконально. Сколько раз перед сном, повторяя пройденные на уроке заклинания, она вглядывалась в причудливо извивающиеся линии на потолке. Иногда дорисовывала их в воображении, рождая образы то заколдованного леса, то гор, то птиц и животных. Все зависело от настроения и полета мыслей. Сейчас они не вызывали никаких эмоций и напоминали русла высохших рек: мертвые, оборванные судьбы, чье время давно ушло.

Девушка вздохнула, потерла ладонями глаза.

— Очнулась?

Голос заставил вздрогнуть, повернуть голову.

На скамье в углу сидел Кагар-Радшу. Призванный никогда не горбился, даже сильно устав — не сутулил плечи. И сейчас будто на троне восседал — статен и величав, только слегка затуманенный взор выдавал, что наставник недавно колдовал.

Ная приподнялась, свесила ноги с лежанки.

— Я потеряла сознание? — в теле еще чувствовалась слабость, но голова уже не кружилась.

— Это неудивительно, судя по тому, какой иссушенной ты возвратилась. Слишком сложное задание для новичка, — Призванный ронял слова размеренно, созвучно ритму перебираемых пальцами нефритовых четок, словно отделял на нитке не самоцветные горошины, а мысли. — Вижу, тебе уже лучше, и моя помощь больше не требуется.

Он встал, засунув четки в потайной кармашек рукава, направился к двери.

— Учитель, — окликнула его девушка. — Мне будет дозволено спросить?

— Ты теперь Привратница. Имеешь право голоса.

— Почему вы послали за грань меня, а не опытных Привратников?

Задумчивый взгляд Кагар-Радшу вперился в Наю.

— Я предпочел бы не отвечать. Но в свете последних событий, думаю, ты имеешь право знать, — лицо старца стало жестким. — Будь моя воля, я бы не пустил туда никого. И даже пылкая речь мальчика не переубедила бы меня. Они не прошли. Ошиблись. В каждом испытании есть те, кто сломался, поспешил, переоценил свои возможности. Потому во время пира не приносятся человеческие жертвы. Мать Смерть уже взяла плату. И отнимать у Великой добычу — значит, нарушить соглашение, что чревато для нашего союза. Мы зависим друг от друга. Незыблемая утерять свою мощь без сильных духом жертв, мы без ее помощи не сможем удержать границы между мирами.

— Почему же вы согласились? — Ная понимала все меньше.

— Это было прихотью Даады, как и ее выбор. Она указала на тебя.

Потребовалась пара мгновений, чтобы переварить услышанное. Собственная смерть всегда видится делом далеким и не скорым, и вдруг узнаешь, что ты предназначен в жертву. Срок пришел, и Незыблемой плевать на твои мечты и устремления.

— Если она хотела забрать меня, почему отпустила? — к счастью, голос не подвел, не сорвался на дрожь. Было бы стыдно показаться испуганной. К тому же пугала не смерть, а ее

несвоевременность.

Кагар-Радшу сложил на груди руки, спрятав в широких рукавах кисти.

— Хороший вопрос. Подумай о нем на досуге. Кстати, как ты сумела выбраться, если свеча сгорела задолго до прохода?

Не знай девушка, что за ровным голосом Призванного скрывается порой укус скорпиона, посчитала бы вопрос обычным беспокойством за ученицу. Но Кагар-Радшу совсем не прост, и продумывает каждое слово, отправляя его с определенным умыслом точно в цель. Она будто наяву почувствовала на шее щекочущее движение лапок скорпиона, скольжение хвоста с жалом по коже и болезненный укус в метку Незыблемой. Поборов желание сглотнуть, Ная ответила учителю прямым взглядом.

— Взяла огарок у Алишты.

— Что с ней стало?

— Паутина.

— Жаль. Способная была девочка. Значит, ты сумела выйти благодаря ее свече?

— Так и было.

— Тебе повезло.

Их разговор напоминал тренировочный бой: удар — защита, удар — защита. Главное, в голосе больше твердости и в глазах честности.

Призванный положил ладонь на ручку двери, собираясь выйти.

— На будущее. Для сведения. Существует правило: на испытаниях на свечи учеников ставить особый знак, чтобы определить в случае необходимости, кому она принадлежала. На свече, с которой ты пришла из мира мертвых, знака не было.

Ная промолчала, Призванный тоже не произнес ни слова. Мгновение они, не мигая, смотрели друг на друга, потом наставник толкнул дверь и вышел.

Привратница откинулась на лежанку, уставилась в потолок. Он знает. Еще не нашелся человек, способный скрыть что-либо от Кагар-Радшу. Как она могла надеяться, что это удастся ей? Надо предупредить Скорняка. Но дверь тихонько скрипнула, и в комнату пробралась на цыпочках Сая.

— Призванный сказал, ты очнулась, — она робко примостилась на край постели, с тревогой оглядела подругу. — Как себя чувствуешь?

— Жива, как видишь, — Ная игриво опрокинула девушку на спину. — Ты не у ложа умирающей, располагайся удобнее.

Сая, захихикав, забралась на лежанку с ногами, облокотилась на подушку.

— Ох и напугала ты нас. Упала, как подкошенная, в лице ни кровинки, сердце еле-еле бьется, а от тела холодом веет — пальцы стынют, не дотронуться. На земле, где ты лежала, даже иней появился.

Ная в удивлении села. Учитель словом не обмолвился ни о чем таком.

— Шутишь?

Девушка приподнялась, заправила за ухо выбившуюся из косы прядь волос.

— Какие тут шутки. Ты выглядела мертвее мертвеца. Ни в чувство привести, ни согреть. Даже магический огонь оказался бессилён. Пламя будто об зеркало билось. Кагар-Радшу только и сумел впустить в твоё тело тепло. Всех в сторону отогнал, один колдовал над тобой. Какая в нём сила. От его заклинаний волосы потрескивали на голове.

— Призванный — этим всё сказано. Высшее мастерство.

— Мне такой вершины никогда не достигнуть. — Сая смущенно кивнула на дверь. —

Там Тэзир мается. Не против, если зайдет?

— Против! Настохорошел. Вот он у меня где, — Ная провела ладонью по шее.

Мышка в волнении затеребила косу.

— Тэзир очень переживает из-за случившегося. Весь день у двери просидел.

— Сейчас расплачусь от умиления, — колдунья резко поднялась, прошла к столу, хлебнула бездумно из кружки. Поморщилась, ощутив во рту горечь травяного отвара. Полынь. Это лишь добавило раздражения. — Он последний, кого я хотела бы видеть сейчас.

— Зря ты так. Хороший парень.

— Ничего не путаешь? Точно об этом пустомеле говоришь? Да он как заноза в одном месте. Надоедлив, колюч и невыносим.

— Ты вроде умная и отважная, а такая глупая и слепая. Неужели не замечала, как смотрит на тебя, старается быть рядом, защитить? Он, между прочим, тебя бесчувственную до селения на руках нес, никому не отдал. И сюда рвался помочь, силу свою предлагал для исцеления. Позвать? Поговорите?

— Не о чем. Мы с ним на разных языках толкуем. Общего разговора не получится.

— Дай ему хотя бы шанс...

— Пусть проваливает.

Мышка расстроено вздохнула, поднялась с лежанки.

— Пойду. Тебе нужно отдохнуть перед посвящением. Для нас готовят настоящий пир. Будет много сладостей. Наедемся в кои веки, — улыбнувшись, исчезла за дверью так же тихо, как и появилась.

Добрая душа Сая. Только она могла принять волка за ягненка. Сожалеет он, как же. Так и поверила. Да балагур ее придушить готов был. Какой злобой пылали его глаза! Обидели, видите ли, дорогу ему перешли. Вот пусть и топает своей тропкой от нее подальше.

Пробраться незаметно к дому Скорняка в сгущающихся сумерках не составило труда. Почти все колдуны занимались приготовлением к празднику, устанавливая столы на открытой площадке за селением. Прячась в тени горы, Ная поднялась по тропинке, остановилась перед дверью. Сердце забило пойманной птицей. Как он встретит ее? Отринув сомнения, выдохнула и постучала. Тишина. Постучала громче. В ответ ни звука. Лишь дверь заскрипела, отворившись от прикосновения. Привратница легонько толкнула ее и вошла внутрь. В помещении было темно и пусто. Собранные в щепоть пальцы сотворили искру, подпалив стоявшую на столе свечу. Потушенный очаг еще хранил тепло. Значит, хозяин ушел недавно. Ничего, она подождет. Девушка присела на покрытую медвежьей шкурой скамью, провела пальцами по меху. От воспоминания о произошедшем здесь сделалось неуютно и зябко. Потянуло сбегать, как в ту ночь, когда Скорняк выставил ее за дверь.

В жилище пробился приглушенный расстоянием бой барабанов. Созывали на пир. Нужно идти. Невежливо опаздывать на свое посвящение. Пальцы пробежались по ожерелью на шее: поглаживая, прощаясь, прося прощение. Это самое ценное, что у нее есть — единственная памятка о брате, но разве жизнь стоит дешевле? Ная сняла его, положила на скамью. Больше ей нечем одарить за спасение. Порывисто поднялась, направилась к двери. Но едва рука протянулась открыть ее, та внезапно отворилась, и вошел Скорняк. От неожиданности оба застыли на месте. Затерялись сразу слова в потоке чувств, бросилось в глаза, что ускользнуло за гранью. Обострились скулы, осунулся, в лице усталость. Или это пробивающаяся щетина на подбородке придает такой вид? Ладонь мысленно потянулась к

его щеке: так и приласкала бы, разгладила морщины на челе, развеяла сумрак из взгляда.

— Что ты тут делаешь? — голос колдуна бросил ее в ледяную прорубь.

— Пришла поблагодарить за спасение.

Скорняк прошел мимо, зацепив ее плечом, сбросил на пол вязанку хвороста.

— Ты бы справились и сама.

Несколько веток полетело в очаг. Вспыхнувший следом огонь с жадностью принялся за трапезу. Сучья затрещали, потемнели. Одна жизнь в обмен на другую. Извечное нерушимое правило. В комнате заметно потеплело.

Ная переступила с ноги на ногу.

— Не думаю. Моя свеча погасла и...

Скорняк вдруг в два стремительных шага преодолел между ними расстояние, резко развернул ее к себе и прижал к сердцу ладонь.

— Вот твоя свеча! И пока она горит, никто и ничто не победит тебя. Запомни это! Остальное только воск и слова, дающие уверенность, что ты в безопасности, — опомнившись, отдернул руку, быстро отошел к столу.

Повисло напряженное молчание. Ная чувствовала досаду. Почему он такой? То заботливый, то колючий, как еж. По-другому представлялась их встреча после появления его в мире мертвых. А теперь стоит, словно чужой — не подойти, не коснуться, и ждет с нетерпением, когда она уйдет. И зачем пришла?.. Ах да, предупредить.

— Кагар-Радшу догадался, что ты помог мне за гранью. Из-за свечи. На ней не стоял знак ученика.

— Пусть тебя это не волнует. Я все улажу, — Скорняк с видом крайней занятости принялся перебирать на столе листки с записями. — Тебе, наверное, пора на праздник. Уже бьют барабаны.

Он откровенно ее выпроваживал.

— А ты разве не идешь?

— Возможно, позже. У меня есть еще дела.

— Что ж, тогда я пойду, — Ная огорченно толкнула дверь — не со спиной же его разговаривать. Шагнув за порог, оглянулась: — Я только хотела сказать, что никогда не забуду, как ты вел меня, держа за руку... И вчера. И раньше.

— Я тоже, девочка, — проговорил он тихо, когда стихли ее шаги на тропе. Заметив на скамье ожерелье, склонился, захватил в ладонь, поднес к губам: — Я тоже.

Костры горели по краям площадки через каждые десять шагов. Было светло, как днем. Накрытые столы радовали глаз блюдами жареного мяса, сыра, рыбы, различной выпечки и даже овощей — это стало настоящим сюрпризом. Сезон гроз минул совсем недавно, и брошенные в скудную почву крохотных огородиков семена даже еще не дали всходов. Откуда же такое богатство?

На празднество собрались почти все колдуны. Ная пришла едва ли не последней. Барабаны продолжали бить, но уже в другом ритме, более динамично. Вперед вышел Кагар-Радшу, и дробь чуть стихла.

— Сегодня наши ряды пополнились новыми Привратниками. Они молоды, полны сил, бесстрашны. Но этого мало. Им не хватает опыта. И помочь обрести его — наша задача. Но они тоже должны уяснить: теперь каждый день станет как сегодняшнее испытание. Не прошедшего ждет смерть. Помните это. А теперь — ритуальный танец.

Шестерка новоиспеченных колдунов вышла на середину площадки. Барабаны забили с

новой силой. Каждый удар, как шаг по мосту над пропастью. Каждая пауза, будто последний вздох. Бывшие ученики закружилась в танце. Чувства обострены, тела в напряжении. Четкие, синхронные движения, дыхание в унисон. Как их жизнь, как их работа. Теперь только вместе, сообща. В каждом повороте, жесте — свое значение. Уважение Незыблемой. Память погибшим. Предупреждение живым. Танец начали ученики, закончат Привратники. Ритм убыстрался. И танец начал походить уже на бой.

Левая нога впечатывается в землю. Правая взлетает в воздух. Взмах дирком. Другая рука в защите. Поворот. Дирк перелетает в левую ладонь. Правая нога выбивает пыль из земли. Левая повергает невидимого врага. Дирк в цель. Поворот. Только бой барабанов. Только слаженные взмахи руками и ногами.

Один за другим к ним стали присоединяться остальные колдуны и вот уже все кланы кружились в едином ритме.

Вдох. Поворот. Удар. Выдох.

Вдох. Поворот. Удар. Выдох.

Сила, принятая у Смерти, отданная во имя жизни.

Они стена! Они Стражи! Они Привратники!

Танец оборвался с последним барабанным ударом.

— Тара-хур! А-кам ваяр! — хором произнесли они благодарность Незыблемой.

Призванный указал на столы с угощением.

— Друзья, отметим праздничное событие и поздравим молодых Привратников.

Все чинно расселись. Шестерка бывших учеников очутилась за одним столом — сами собрались вместе, потянулись друг к другу. Тэзир, нагло подвинув Витога, бухнулся на лавку рядом с Наей, дурашливо улыбнулся ей.

— Рад, что тебе лучше, — рука, словно невзначай, легла на талию девушке.

— Еще раз дотронешься — убью, — процедила Ная.

— Вижу, ты окончательно пришла в себя, — ухмыльнулся Тэзир.

— Хочешь в этом убедиться? — она крутанула волчком на кончике острия нож.

Словно не заметив намека, балагур положил голову ей на плечо.

— Ну, если ты настаиваешь — я не против. Хотя, просто собирался сказать, что сожалею из-за случившегося.

Ная дернула плечом, стряхивая его голову.

— Сделай одолжение: растворись, чтобы от тебя даже запаха не осталось.

— Ну ты сурова! Куда ж я запах дену?

— Это и впрямь непросто. От тебя ведь только дерьмом несет.

— А вот это уже грубо! Но я готов простить тебе неудавшуюся остроту ради примирения. Хочешь, даже поухаживаю. Чего желаешь? — Тэзир схватил ее миску и под хихиканье Саи принялся накладывать каждого блюда.

— Не...надо, я са-ма, — попыталась было отказаться Ная. Но, поняв, что это бесполезно, закипая в душе, наблюдала, как балагур не скупясь, громоздит в миску целую башню из еды.

— Всего положил? — спросила колдунья, когда парень поставил перед ней миску с грозившим перевалиться через край месивом.

— Ага, — с ехидной усмешкой кивнул Тэзир. — Для тебя, огненная моя, ничего не жалко.

Стервец. Шутки шутить вздумал? Соблазн окунуть его мордой в эту кашу был очень

велик. Но Призванный не потерпит такого отношения к еде. Да и чего с дураком связываться.

— Вот и жри сам, — Ная поднялась, присмотрев свободный пяточок на лавке напротив.

— Не уходи. Я буду паинькой. Обещаю, — Тэзир схватил ее за руку, потянул обратно.

Грубость уже готова была слететь с языка, как слова застряли в горле. К облюбованному ею месту приблизилась пара. Чисто выбритый Скорняк и разнаряженная в меха Коркея. И так нежно он поддерживал ее за локоток, а Верховная так томно улыбалась ему, что не возникало сомнений, какие их связывают отношения. Ная задохнулась, как от удара под ребра. Но от него не так больно, как было сейчас. Лжец! Лжец! Плел, что не может быть с женщинами, а сам... Колдунья плюхнулась обратно на скамью, стараясь скрыть вспыхнувшие щеки, вперила слепой взгляд в миску.

— Вот и правильно, — обрадовался балагур. — Чего нам сориться. Может, вина?

Девушка молча протянула ему кубок. Залпом осушила, совсем не ощутив вкуса. Парень присвистнул, налил снова. Она незаметно покосилась на сидевшую наискось пару. Лучше бы не смотрела! Скорняк заботливо наполнял Верховной кубок, а Коркея, заигрывая, поглаживала его по руке. Курва!

Стиснутое в кулаке вареное яйцо выдавилось мерзкой массой меж пальцев. Сая с недоумением уставилась на подругу.

— Что с тобой?

— Задумалась.

Уйти бы, не видеть их улыбающихся лиц, смотрящих, как могут смотреть только любящие друг друга люди, понимая все без слов. А не положено покидать стол вперед наставников без разрешения. И видеть их рядом — мочи нет. И не понять, чего больше хочется. Завыть от тоски и обиды или зарычать от злости.

Ная схватила кубок, повернулась к Тэзиру с напускным озорством.

— Действительно, чего мы вечно соримся? Выпьем мировую?

— Вроде только что за это пили? — резкая смена ее настроения озадачила парня.

— Тогда за наше посвящение!

— За это не грех выпить, — они чокнулись, опустошили кубки. — Ты закусывай. Вино-то обманчивое. На вкус сладкое, пьется приятно, а с ног сбивает, — Тэзир заботливо протянул ей моченое яблоко.

— А знаешь, ты отличный парень. И почему я на тебя злилась? Ерничает, конечно, много. Но это пустяки, — девушка громко рассмеялась неизвестно чему.

— Так, может, прогуляемся после праздника, если ты больше не жаждешь прикончить меня?

— Может, и прогуляемся.

Ная пила много и веселилась, как никогда. Вела себя, по сути, как дура. Горло перехватывало от слез, а она смеялась безудержно каждой шутке Тэзира, не особо слыша их. Сая с удивлением поглядывала на подругу и хмурилась, благо, не лезла с расспросами.

Привратница несколько раз бросала мельком взгляд на пару напротив. Скорняк не обращал на нее никакого внимания, о чем-то тихо разговаривал с Коркеей и поднимал здравицы за глав кланов. «Зачем? Зачем ты отправился в мир мертвых на выручку, если тебе наплевать на меня?!» — хотелось крикнуть ему в лицо.

Она ощутила на плече ладонь Тэзира. Жаркую, страстную. И такой же шёпот на ухо.

— Ты точно огонь. Холодно без тебя, а вблизи обжигаешь. Но так хочется гореть в

твоем пламени.

— А не струсил? — она выпустила из пальцев маленькую искру.

— Испытай. У меня ведь свои секреты, как пламя приручить, не гася.

— И это как же?

— После праздника покажу, если не откажешься.

— Такое любой мужик показать может.

— Я не любой. — На ее хмыканье разгорячился. — Не веришь? Доказать? А слабо разделить единую чашу духа? Я готов. Хоть сейчас. А ты готова?

— Напугал, — фыркнула Ная. — Давай.

— Соображаете, что творите? — попробовал урезонить их Арки.

— В самом деле, не сходите с ума, — поддержала его Сая.

Но они были слишком пьяны, и еще сильнее распалены. Один — азартом. Другая — обидой. И не слышали слов друзей, не видели начинавших поглядывать на них с осуждением остальных Привратников. Тэзир наполнил до краев кубок вином, достал дирк. На рукояти красовался готовый к прыжку барс. Вернее зверя и не подберешь для характера балагура. Барс и есть барс.

— Довольно, это зашло слишком далеко, — перехватила его руку Кайтур.

— Не мешай! Не видишь, она испытывает меня, думает, я струшу. Ошибаешься, огненная моя! Сама пойдешь на попятную.

— Проверим? — Ная протянула ему нож для мяса.

— Смотри, назад пути не будет, не плачь потом, — Тэзир взял нож, обтер об рукав рубахи и с бесстрастным видом чиркнул по ладони, проложив длинную глубокую полосу. Порез сразу напился кровью, багровые струйки побежали по коже. Балагур быстро сменил нож на дирк. Вот теперь самое сложное. Стараясь не упустить ни одной капли и не порезать кожу — оружие Незыблемой должно только лизнуть душу, коснувшись открытой раны, скрепляя договор силой, но не поранить плоти — парень осторожно собрал кровь на лезвие дирка. Она перекачивалась по нему от острия к рукояти и обратно, но не переливалась через край, удерживаемая колдовской властью клинка. Тэзир опустил его в вино, быстро размешал, протянул кубок Нае. — Твоя очередь.

— Ты хоть будь умнее, — постаралась достучаться до подруги Сая.

Безуспешно. Хмельной кураж затмил разум, сделав невосприимчивым к чужим словам. На попытку Арки выбить кубок из руки, сердито рыкнула:

— Не лезь!

Книгочей дернул подбородком, махнул рукой и отвернулся.

— Незыблемая с вами! Два придурка! Нравится своими жизнями играть — играйте. Потом не пожалейте.

Ная пропустила его слова мимо ушей. По примеру Тэзира обычным ножом полоснула по ладони, дирком собрала выступившие капли и размешала в вине с кровью балагура.

— Идешь дальше или на этом запал кончился? — спросила с вызовом.

— Иду! — выпалил Тэзир.

— Витог, останови их! — воскликнула Кайтур.

Но сидевший с повязкой на глазах парень остался безучастен к выходке друзей. Его мысли блуждали в своем мире. Миска перед ним стояла чистой, а кубок пустым.

Балагур придвинулся, произнес заклинание слияния, выпил половину вина, с усмешкой протянул Нае. В глазах играли лукавые искорки. Ах, он сомневается. Думает, ей слабо.

Девушка повторила слова и залпом осушила кубок. Внезапно она очутилась в крепких объятиях Тэзира. Парень притянул ее к своей груди так, что не вздохнуть. Одной. Только вместе. Его вдох — ее вдох. Ее выдох — его выдох.

— А теперь скрепим ритуал? — Прошептал он, и впился в губы поцелуем.

И тут Ная увидела глаза Скорняка. Застланные хмарью, как в снежный буран и столь же холодные, отчужденные. Незыблемая, что она натворила! Хмель сразу выветрился из головы, явив картину совершенного безумства. Чаша слияния. Ритуал, на который решается не каждый и лишь в крайних случаях. Он даже подвергался запрету, потому что души, исполнивших его, прочно соединялись, и каждый чувствовал все происходящее с напарником: истекал кровью, кричал от боли. Если гиб один, через некоторое время угасал от пустоты в душе и другой. Слившиеся были опасными бойцами, способными передавать в бою друг другу силу, и в тоже время уязвимыми, пострадай один из них.

Девушка в отчаянье оттолкнула балагура и только сейчас заметила повисшую за столом тишину.

— Кажется, кому-то вино ударило в голову! — рубя словами воздух, произнес Призванный. — Вы не Привратники, если ведете себя как дети, а опасный ритуал для вас — забава. — Он грохнул кулаком об стол. — В круг! Пусть поединок выбьет из вас дурь. До первой крови!

— До первой крови! — гаркнули хором остальные колдуны, по обычаю вонзив в столешницу ножи.

Это был позор! Легче прыгнуть в пропасть, чем терпеть такой стыд. Ее отстегали словами, точно несмышлёное дитя и ткнули носом в угол. Семь лет учебы перечеркнула одна глупость.

Ная на деревянных ногах поднялась со скамьи, вытащила «сестренку», вышла на площадку перед столами. Напротив встал Тэзир. Девушка была готова убить гаденьша. Все из-за него! Теперь Скорняк презирает ее. Даже не смотрит в их сторону. Потягивает вино, будто нет ничего важнее этого.

— Ну что, станцуем перед наставниками? — крутанул в руке чекан Тэзир. Ему было все ни почем: не пугал ни гнев Призванного, ни безумный поступок, свершенный ими, ни потерянное уважение. Для него все потеха. Нае захотелось стереть самодовольную ухмылку с его лица. — Прежде, чем ударить, огненная моя, не забывай — мы теперь едины.

— Не забуду, — процедила она.

Они двинулись по кругу...

Барабанный бой разогревал кровь. Помогал поймать ритм, собраться, отстраниться от бурливших чувств, мешающих мыслить трезво. Быстрый взгляд выхватил из толпы рассматривающего свои руки Скорняка и прижимавшуюся к его плечу Коркею.

«Брось! Оставь! Забудь про них... Думай о бое. Пусть останется только злость. Холодная, ждущая своего мгновения, чтобы ужалить, наказать...»

— Не трясись, — покачивая чеканом, промолвил Тэзир. — Больно не будет. Ну, если и будет, то совсем чуть-чуть.

Он воспринял ее дрожь за страх? Болван!

Девушка в три широких шага обогнула зубоскала, сделала ложный выпад в плечо. Отступила. Сменила ритм шагов, увеличив скорость. Так сложнее атаковать, целиться, но и достать ее непросто. Она быстрее, ловчее...

Тэзир несильно пнул ее в голень, стараясь сбить с шага. Ная легко увернулась.

«Бум-бум-бум...»

Воздух вибрировал барабанным гулом.

«Бум-бум-бум...»

Вторило ему биение крови.

Шум в ушах. Злость. Промокшая от пота одежда. Весь мир — круг площадки. В этом месте нет никого, кроме врага. Все, что разделяет их — несколько шагов.

Ная двигалась стремительно. Кружила. Запутывала. Делала выпады. Отскакивала. Не стоило признать — Тэзир тоже был хорош. Чеканом владел мастерски. Все ее удары предугадывал, словно знал о них заранее. Захотел бы, давно достал ее, но мерзавец играл, как кот с мышкой. И это бесило.

Рывок навстречу противнику, «сестренки» замелькали в руках, заставив парня отступить. Еще напор — и он будет прижат к скале. Ладонь с одним из кинжалов уже летела вперед. Лезвие почти коснулось довольной до нельзя рожицы Тэзира, как вдруг он ускользнул. Как — непонятно. Качнулся вправо, а сам нырнул под левую руку.

Ная промахнулась. Промахнулась сильно и глупо, сбилась с шага, потеряла равновесие. Недопустимая ошибка! Лезвие чиркнуло по скале, выбив сноп искр. Теперь она оказалась загнана в ловушку. Отступать некуда. А у балагура отличная возможность поквитаться. Но вместо разящего удара ей достался обидный шлепок ладонью по попе.

— Мне нравится этот бой! — прошептал Тэзир, прижав к себе противницу. — Полезно. Приятно. Весело.

Девушка отмахнулась, угодив оголовьем кинжала парню в предплечье. Попала хорошо, жестко. Пользуясь замешательством противника, всадила каблук ему в голеностоп. И сама вскрикнула, согнувшись пополам от боли, пронзившей ногу и вмиг онемевшую руку. Вот и цена их глупости. Боль одного стала боль второго. И как теперь набить балагуру морду?

— Что? Понравилось? — язвительно поинтересовался Тэзир, потирая плечо. — Впредь думай, когда бьешь.

Наверное, со стороны это выглядело занимательно, как два, воспринимающих себя будто одно целое, дурака пытаются пустить кровь друг другу. Потому как за столами стихли все разговоры, а наставники следили за поединком с немалым интересом. Да кто в том виноват, кроме нее с балагуром?

Ная вывернулась. Ушла в право с ударом, который кое-как ухитрился отразить топориком Тэзир. Будь он менее проворным и сильным — остался бы без пальцев. А так, отвел одну из «сестренок» в сторону, от удара второй увернулся.

— Взбесилась? — Лицо парня покрылось капельками пота.

Ная снова набросилась на него. И плевать, что, пусть противник серьезно в ход чекан, кинжалами она не сумеет защититься! Но Тэзир пока предпочитал играть на публику. Больше не давал ей порвать дистанцию, все наскоки встречал жестко, и всякий раз умудрялся выставить Наю дурочкой.

От мыслей, что весь этот балаган видит Скорняк, девушка потеряла над собой контроль. Швырнула одну из «сестренок» в противника. Смерть пролетела в трех пальцах от него, застряла в кадке с мочеными яблоками.

Тэзир на мгновение оцепенел, понял, что игра давно превратилась в нечто более опасное. А для его противницы и не была игрой с самого начала. Парень перестал ухмыляться и болтать. И сделал то, что мог сделать гораздо раньше.

Загнав Наю в угол, несильно зацепил острой стороной чекана по бедру. Всего лишь

царапина, но достаточно глубокая, чтобы кровь пропитала легкую ткань. В тот же миг кровь выступила и на бедре балагура.

— Бой окончен! Кровь пролита! — провозгласил Кагар-Радшу, встав с места. Оставшись глухой к словам Призванного, Ная кинулась на Тэзира, сбила с ног. Оседлала, замахнулась кинжалом... Порыв ветра сбросил ее с противника. Тут же навалилась невидимая тяжесть, буквально вжав в землю.

— Ная, хватит! — гроыхнул Кагар-Радшу. — Я сказал — бой окончен!

Девушка с замиранием сердца повернула голову, боясь увидеть осуждающий взгляд Скорняка. Но увидела то, что ранило сильнее позорного поражения.

Пустующее место на скамье и исчезнувшие со стола два глиняных кубка и большой кувшин.

Она закрыла глаза, загоня боль вглубь себя. Медленно поднялась, согласно правилам, поклонилась Тэзиру, затем главам кланов и всем остальным, кто следил за боем. После чего покинула празднество, спеша скрыться в темноте.

Светившееся окошко воспринималось как пощечина. Наверное, следовало утереться и уйти, кусая в обиду губы, но сегодня, видно, день такой — совершать глупости. Ная бесшумно прокралась по тропе к дому, прижалась спиной к стене. Ночь стояла душная, и дверь была приотворена, бросая на землю полосу света. Подойти ближе — выдать себя. Впрочем, ей и здесь все прекрасно слышно. Скорняк с Коркеей от души смеялись, что-то обсуждая. Уж не ее ли поединок с Тэзиром? Но даже не это вызвало горечь, а смех Скорняка. Прежде ей ни разу не приходилось видеть его смеющимся, а тут и побрился ради Коркеи, и веселится — словно совсем другой человек. Теперь понятно, почему он ее выпроваживал, кого ждал. Девушка прислушалась, о чем они говорят.

— Пять лет прошло с последней встречи, а ты все такая же неунывающая хохотушка.

«И разговаривает с Верховной, не как со мной — сухо, а нежно!» — продолжала беречь себя Ная ревностью.

— Мог бы и приехать, провести старую подругу. — «Ну да, подругу, как же!» — У нас тоже достаточно красивых, способных девочек, требующих твоего внимания, как ваша... как там ее... Ная. Одаренная, кстати, малышка.

Привратница напряглась. Ногти вонзились в ладони. «Сладкоголосая сука. Медом изливается, а сама ужалить норовит...»

Скрипнула скамья, раздались шаги по комнате. Затем послышался звук льющейся жидкости.

— Еще вина?

— Нет, хватит с меня. Да и ты достаточно сегодня выпил, больше обычного. Тебя расстроил мальчик, что разделил с твоей подопечной чашу единения душ?

— Она не моя ученица — Кагара. Он ее готовил.

— Но погружал-то ее ты, дав захватить столько силы Незыблемой, сколько она смогла вместить. Дыхание Даады пропитало ее так, что оторопь берет... Знаешь, она чем-то напоминает Талкару. Такая же целеустремленная, отважная, не довольствующаяся малым, изворотливая и пылкая. Не находишь?

— Нет, — раздраженно ответил Скорняк. — И вообще не понимаю, к чему ты завела этот разговор.

— Не понимаешь? — ласковый голос Коркеи зазвенел сталью. — Так я объясню, старый друг! Тешься, с кем хочешь. Но опять вытаскивать тебя полуживого из мира мертвых

с новыми седыми прядями волос я не желаю. Мне хватило прошлого раза. Надеюсь, тебе тоже.

— Твое беспокойство напрасно. Этого не повторится.

— Хотелось бы верить. Я не слепая, Радкур. И видела, как ты смотрел на эту девочку. В ней огонь. Это манит. Но и сжигает. Не забывай об этом.

— Ты волнуешься обо мне, как и раньше, — натянуто рассмеялся Скорняк.

— Нас стало слишком мало, а времена наступают черные. Боюсь, скоро придется бросать жребий. Ладно, мне пора. Была рада тебя повидать.

— Я тоже. Береги себя.

Ная отпрянула за угол дома в гущу темнеющих кустов. Дверь отворилась шире и из света в ночь вышли Скорняк с Коркеей.

— Помни, ты обещал, — Верховная начала спускаться по тропе. Он некоторое время смотрел ей вслед, потом повернулся к кустам.

— Долго собираешься там прятаться? Выходи уже.

— Давно знаешь, что я здесь? — со смущенным видом выбралась из зарослей Ная.

— С самого начала.

— Я что, топаю, как горный медведь?

— Нет, ты крадешься, будто снежная кошка. Но я всегда почувствую тебя рядом. Я погружал тебя, а это оставляет отпечаток.

— А Коркею ты тоже погружал?! — вырвалось у нее гневно.

— Она просто старый друг.

— Тогда очень-очень старый и близкий, судя по тому, как увивалась вокруг тебя.

— Ты права: очень старый и близкий, — улыбнулся он. — А вы неплохо смотрелись с этим мальчиком... в кругу. Интересное было зрелище.

Ная вспыхнула, стыд ожег щеки.

— Рада, что повеселила, — оттолкнула его с дороги, намереваясь уйти. Внезапно сильные руки обхватили ее, оторвали от земли и вжали в стену дома.

— Какая же ты глупышка, Ная, — прошептал Скорняк, припав к ее губам поцелуем.

Девушка опешила, но стоило ей потянуться к нему, прижаться теснее, он тут же разорвал волшебство: отстранился, уткнулся со стоном лбом в стену.

— Коркея права, я слишком много выпил. Ступай к себе.

— Но как же... — пролепетала она растеряно. — Я думала...

— Пожалуйста, послушайся меня. Иди спать. Завтра поговорим.

Походкой уставшего человека Скорняк скрылся в доме. Ная постояла еще немного, закусив губу, чтобы не расплакаться. Это было насмешкой или порывом долго сдерживаемых чувств? Взглянула на темное окно и зашагала вниз по тропе к селению. Завтра. Завтра они, наконец, поговорят откровенно и определятся в своих отношениях.

Пожалуй, такого паршивого утра у десятника не выдавалось со времен разгрома родной деревни жнецами.

За ночь они потеряли двоих. Из-за причины настолько глупой и невероятной, что Морлин ума приложить не мог, как описать ее в хрониках.

Жрец Вулькер и Нот.

Оба разбили головы о каменные стены и истекли кровью. Остальные воины отделались ссадинами и мелкими ушибами.

Первые солнечные лучи, проникшие в амбар сквозь щели в двери и окошко, застали отряд вповалку лежащим у стен. Люди потрясенно переглядывались. Лишь Дан сидел в углу, прильнув щекой к вазе, и тихо посапывал.

Если говорить откровенно, Ильгара смерть жреца не касалась. За Вулькера отвечал Унгрен. Нот же был знаменосцем. Душой десятка. Потерять такого человека в начале пути — дурной знак.

— Мать вашу! — рычал Барталин, разглядывая огромный синяк на ключице и прикладывая к шишке на лбу смоченный нож. — Что стряслось? Умники, кто ответит? Я слышал про тех, кто в постель дует по ночам, но чтобы башку разбивать — такого даже пьяный менестрель не придумает! Ах, чтоб вас, сукины дети! Отличный парняга пропал ни за грош...

— Вы хотели выйти, — сонно пробормотал Дан, разбуженный ором. — Засовы открыли. Но клинышек на улице помешал.

В сторону Тафеля, потирающего распухший нос, полетели холодные слова благодарности.

— Проклятое место, — сказал Ромар. — Сон здесь хозяин.

Альстед набросил плащ, подхватил мешок с вещами. К>н>и>г>о>л>ю>б>.н>е>т

— Открывайте дверь. Надо уходить. Чем дальше уберемся от деревни до сумерек — тем лучше.

Жрецы осыпали зерном, окурили благовониями и зашили в полотно мертвецов. Похоронили их в овраге, слегка притрусив тела землей и набросав сверху досок. На большее времени не оставалось. Мулы были готовы, телега снаряжена, и отряд спешно покинул опустевшее поселение.

Дана забрали с собой.

— Допросите мальчишку, — велел Дарующий, когда дома скрылись из виду. — Он что-то скрывает. Не может быть так, чтобы верные слуги Сеятеля стали послушными куклами в чьих-то лапах, а сопляку хоть бы хны. Нечисто дело.

— Всякое бывает, — слова о допросе Ильгару не понравились. Он солдат, а не палач. — Ребенок вряд ли в чем-то замешан...

— Поручишься? — Дарующий холодно посмотрел на него. — Поставишь звание на кон? Ребенок странный. Откуда у него эта ваза? А если он демон в человеческом облики?

Десятник покосился на мальчишку, весело болтающего с Партлином.

— Я поставил звание и жизнь на кон, когда вышел из Сайнарии. За десяток отвечаю я. Поэтому ребенок на моей совести. Он не демон. Велю Морлину вписать его в хроники, пока не найдем, куда пристроить.

— Как знаешь. Десяток и вправду твой. Только не забывай, кто руководит походом.

Ильгар не забывал. Поэтому и решил поскорее закрепить Дана за отрядом. Малец вроде шустрый, будет ухаживать за мулами и помогать по хозяйству жрецам. Если повезет — оставят его в каком-нибудь укреплении по дороге. А ваза... ваза стоит дорого. Древняя и красивая штукавина. Если продать — вырученных денег ребенку хватит лет на восемь. А то и больше.

Поля закончились. Здесь властвовала дикая природа.

В воздухе разливалось послеобеденное марево, и если бы не многочисленные родники, коими изобиловали эти земли, отряду пришлось бы непросто. Бурдюки были полны, мулы напоены, а группки деревьев с пышными кронами встречались все чаще.

— Скоро выберемся на Глину, — сказал Ильгару Эльм-Крапивка. — Река мелкая, спокойная, но широкая. Один из оттоков Нарью.

Некоторое время они шли рядом. Эльм, в отличие от двух других следопытов — Стебелька и Ковыля — не уходил далеко вперед, чтобы разведывать путь. Но знал о местности едва ли не лучше. Десятнику так и не удалось понять, как связываются между собой следопыты. Эйтары хранили тайны рьяно. Но кое-какие интересные мелочи удавалось-таки вызнать.

— Почему у Стебля и Ковыля нет имени, а у тебя и у Колы — есть? — спросил Ильгар.

— Не заслужили еще, — ухмыльнулся Крапивка.

— В моем племени имена давали при рождении.

— И у нас дают, — Эльм на ходу поднял кем-то сорванный пучок травы с мохнатыми стебельками и принялся задумчиво разглядывать. — Только знает его один человек. Старейшина.

— Кола?

— Нет. Настоящий старейшина, а не городской. Наши земли лежат далеко отсюда... там спокойно и мирно. Кругом леса, горы, болота и сотни озер. Там живет наше сердце. И рождаются имена.

— И как вы узнаете, как нарекли человека, когда приходит время принять настоящее имя?

— Старейшина называет его, и все. К слову, Ковыль говорит, что не дурно вам взяться за топоры и луки.

— Почему? — удивился Ильгар.

— Дорога покажет.

Вначале огорошил Кальтер. Отыскал целую россыпь следов, тянувшуюся через заросшую травой и мелким кустарником почву. Сказывалась близость реки. Влажная земля с примесью глины отчетливо сохранила отпечатки каблуков, подошв и даже босых ступней. В зарослях бузины стрелок нашел грязный обрывок мешковины, из какой обычно шьют штаны бедняки.

— Шли прямо, не сворачивая, — доложил удивленный Кальтер. — Думаю, к реке.

— И то хлеб, — буркнул Барталин. — Много народу?

— Больше пяти десятков. Есть старые следы, затоптанные и сухие. Но некоторые — свежие. Ночные, наверное.

— Обряжаемся? — спросил Барталин.

Ильгар кивнул. Слажено, без лишних разговоров, вздели кирасы, приготовили оружие. Двинулись вперед.

Вскоре отряд встретил Ковыль. В его зеленых глазах плясали искорки волнения.

— Нужно искать другой путь, — сообщил эйтар, теребя кончик бороды. — Реку нам не перейти.

— Это еще почему? — удивился Альстед. — Что мешает?

— Зло.

Больше из следопыта не удалось выжать ни слова. Когда Дарующий рассвирепел и пообещал наказать упрямца, Эльм-Крапивка захохотал. Ильгар не понял, в чем дело, но что странно — Альстед успокоился. Сжал кулаки, выругался сквозь зубы и ушел к телеге. Ромар последовал за ним.

Распределив дозоры и оставив мальчишку на попечение Тафелю, десятник спросил у Ковыля:

— Далеко другой брод? До ночи успеем?

— Не трогай его, — попросил Эльм. — Он видел то, что молодому эйтару видеть не следует... До брода идти больше семи дней вверх по руслу. Или перебираться вплавь, но тогда придется бросить мулов и телегу.

— Не пойдет, — возразил Ильгар. — Без припасов не протянем и недели в лесах.

— В лесу протянем. Он убивает, но и защиту дает. В болотах хуже. Главное — сегодня не загнуться...

— Да что там такое, мать вашу?! — рявкнул Барталин. — Что у реки? Драконы? Демоны? Банда ростовщиков? Нет такой беды, которую невозможно решить топором или словом.

— Есть, — ответил, молчавший до этого момента Стебелек. — Есть такая беда. Если хотите — покажу.

— Одумайся, — Крапивка положил ладонь на плечо родичу. — Зачем тебе это?

— Чтобы показать им и понять самому. Для чего оно существует?

— Твои желания. Твоя жизнь. Я за тебя решать не стану, — Эльм повернулся к Ковылю. — Нужно найти укрытие на ночь.

Ильгару разговор не нравился. Что за тайны в отряде? Если эйтары не желают выложить все как на духу, значит, следует увидеть все самому. Чтобы знать, чего ждать и быть готовым. Неизвестность убивает. Он снял кирасу и стеганку, чтобы было проще передвигаться. Из оружия взял кинжал и лук.

— Показывай. Взгляну на ваше зло.

— Стоит ли оно того? — спросил тихо Барталин.

— Как оценить то, чего не знаешь? Вот вернусь и расскажу.

— Что нам-то делать? Ждать смерти?

— Если до темноты эйтары не найдут пещеру или еще какое убежище — переверните телегу и забирайтесь под нее. Я возьму с собой Кальтера. Коли проблеме удастся решить стрелой — предпочту именно такой выход.

— Согласен.

До берега идти было не так уж близко. Солнце клонилось к закату, когда земля окончательно приобрела желтоватый оттенок, травы стало совсем мало и в воздухе разлился густой запах ила. Стебелек срывал листья с кустарников, растирал в ладонях и даже слизывал сок. Лицо молодого следопыта приобрело землистый оттенок, губы что-то неразборчиво шептали. Кальтер с завистью поглядывал на эйтара. Тот умудрялся двигаться бесшумно и легко, совершенно не увязая в глине.

— Дальше ползком, — прошептал следопыт. — Посмотрите — и обратно.

Луки мешали, одежда измаралась настолько, что Ильгар и спутники сливались с землей. Стебелек указал на крутой пригорок.

— Ковыль прав. Там Зло.

Воины переглянулись. Осторожно поползли вперед.

Река желтой лентой тянулась вдоль голых берегов. Русло было широким, почти без изгибов. Но про Глину Ильгар быстро забыл, когда увидел, что происходит на берегу.

Внизу толпились люди. Сотни. Обнаженные и жалкие. Двигались заторможено, будто в полусне. Чем они занимались, десятник не сразу понял.

Зачерпывая горстями глину, люди несли ее к большому, засохшему и покрасневшему под ярким солнцем холму. Замазывали трещины, карабкались наверх, срывались, падали, разбивали лица и ломали конечности, но продолжали свой бессмысленный труд. И проделывали все это в полном молчании. Ильгар поежился. В груди — чего не случалось прежде! — поселился холод. Не удивился бы, засеребрись отметина Соарт инеем.

— Проклятье, — прошептал Кальтер. — Что они делают?

— Лепят из глины гору, — также тихо ответил Ильгар.

— Как поступим?

— Пока просто наблюдаем. Хочу понять, что их здесь держит.

Люди явно не принадлежали себе. Одурманенные, они не обращали внимания на переломы, ссадины и раны. На земле лежали мертвецы. Некоторых уже тронуло разложение, всюду роились мухи.

— Может, спустимся? — предложил, нервно облизнув губы, лучник. — Нельзя их так бросать.

— Лучше сразу себе горло перережь. Не простой человек их сюда притащил.

— Зло, — выдохнул Кальтер, — но разве годится оставлять зло безнаказанным?

— Возвращаемся к отряду, — приказал Ильгар. — Есть у меня кое-какие мысли. Нужно обсудить их с Дарующим.

Совет был коротким, жарким и, к удовольствию десятника, закончился так, как ему и хотелось. Они решили освободить людей.

Альстед сначала воспринял предложение в штыки, зато жрецы дружно поддержали Ильгара.

Что мог возразить Дарующий?

С эйтарами дела обстояли хуже. Крапивка наотрез отказался вести своих ребят на Глину. Сошлись на том, что следопыты немедленно отправятся вверх по руслу и сами найдут отряд, — если воинам будет сопутствовать успех, — на другом берегу. Случись неудача, и Эльм узнает об этом сразу же.

Старый эйтар повязал Ильгару на руку лозу и пожелал успеха. Через мгновение следопыты бесшумно растворились в зарослях бурьяна.

— Тафель и Партлин — вы охраняете жрецов, мальчишку и телегу. Двинетесь за нами, когда Морлин подаст сигнал. Держите дистанцию! Марвин, Морлин и ты, Снурвельд, остаетесь над обрывом. Я рассчитываю на ваши луки. Альстед?

— Пойду вместе с вами, — ответил Дарующий. — Ромар стоит трех солдат, да и я кое-что умею. Доверюсь вашему... опыту.

— Хорошо. Тогда вместе со второй группой проберетесь чуть выше по течению и зайдете с другой стороны. Вторая группа: близнецы и Барталин. Будете нашим «кулаком».

Мы с Кальтером постараемся подобраться поближе к глиняному холму и разузнать, что и как.

За всю дорогу до берега никто не произнес ни слова. Только Марвин обиженно сопел, раздосадованный, что в этот раз не удастся поиграть со смертью. Но Дядька знаками объяснил: если дело примет скверный оборот, смерть сама поиграет с ним. А будет корчить из себя обиженную деву — схлопочет промеж ушей.

Язычник достаточно хорошо понимал «наречие перстов» и предупреждению внял.

Приготовления были закончены, Ильгар дернул Кальтера за рукав, и они осторожно спустились к берегу. Без доспехов и тяжелого оружия двигались легко. Стрелку немного мешал лук, но без него никак не обойтись. Чем ближе подбирались к людям, тем непереносимее становился смрад от ила, разложения, пота и испражнений. Пленные не обращали внимания на воинов. Не прекращая, носили глину. Зрачки одурманенных затянула зеленая пленка. На губах пузырилась темная пена. Какая-то женщина едва не наступила на руку Кальтеру, тот успел увернуться.

Царство молчаливого кошмара вызывало дрожь.

Десятник пополз к чудовищному нарыву из засохшей, спекшейся на солнце глины. Следом двигался Кальтер.

Оказавшись возле строения, привстали, вжались спинами в горячие стены. Народу здесь толпилось еще больше, приходилось даже расталкивать самых ретивых.

Вход располагался на северной стороне и высотой достигал человеческого роста. Изнутри пахло сырым теплом, и доносился тихий шорох. Там кто-то был. Ильгар жестами велел подать сигнал «кулаку». Кальтер достал лук из наспинного чехла и весь арсенал — три стрелы. С древка одной из них свисала ярко-алая тряпица, захлопавшая на ветру, как только лучник выстрелил в небо. Тут же воткнул вторую стрелу в землю, третью наложил на тетиву. Ильгар выкрошил кусок глины и швырнул его в проход, чтобы выманить неприятеля. Достав тычковой нож и кинжал, затаился. Если кто-нибудь высунется из пещеры — сразу две стрелы устрелятся в цель. Остальное он закончит парой ударов.

То ли миг, то ли год прошел...

Время замерло.

Ничего не происходило. Тишину нарушали лишь шаги и вздохи несчастных строителей да влажные шлепки.

В глубине глиняной берлоги царила тишина. Значит, придется переть на рожон, полагаясь на топоры и клинки. Но соваться в логово неизвестного врага — смерти подобно.

Мимо прошел, приволакивая ногу, изувеченный ребенок.

Ильгар сжал зубы. Надо идти.

Совсем рядом раздались приближающиеся шаги. Это «кулак» спешил сквозь десятки обнаженных тел. Досчитав до трех, десятник рванул вперед и... едва не снес с ног высокую женщину, загородившую проход. Чудом сдержал губительный удар, отступил на шаг. И тут же пожалел о содеянном. Перед ним стояла не простая женщина. И не человек вовсе. Длинные черные волосы доставали земли, скрывая сильное, густо измазанное красной глиной тело. Лицо можно было бы назвать прекрасным, но все портили узкие, змеиные глаза, что фосфоресцировали во мраке. Тонкие губы расплзлись в подобии усмешки, обнажив два ряда белоснежных зубов.

— Время сна, человек...

Мимо прожужжала пчелой стрела, сбила женщину с ног.

Обычно Кальтер не промахивался с такого расстояния. Обычно. Но существо каким-то чудом ухитрилось качнуться в сторону, и железное жало угодило лишь в плечо. Десятнику хватило мгновения, чтобы оказаться рядом со скорчившейся женщиной.

Он ударил ее в висок, намотал волосы на руку и приставил к горлу тычковой нож.

Противница, совершенно неестественно изогнувшись, проскользнула под его рукой, и очутилась за спиной. Ни рана, ни вырванный клоч волос ей не помешали. Она вцепилась когтями в плечо Ильгара, рывком развернула и толкнула ногой в живот.

Десятник врезался спиной в стену. В глазах потемнело, но оружия не выпустил. Сумел увернуться от повторного удара. Взмахнул ножом, прочертив на предплечье противницы алую борозду...

Проход в пещеру перегородила тень. Хлопнула тетива. Женщина молниеносно уклонилась, порвала дистанцию, сбила с ног Кальтера и отшвырнула в сторону, словно тот был пушинкой.

Но тут внутрь берлоги вломился «кулак».

В руке черноволосой возникла глиняная свирель.

— Еще шаг — и берег усеют трупы! — прошипела женщина. — Я не шучу.

Барталин по приказу Ильгара остановил «кулак».

— Вот это разумно, — кивнуло существо, усаживаясь на подстилку из камыша и совершенно не смущаясь своей наготы. Глина осыпалась с лица, обнажила молочно-белую кожу.

— Что ты за тварь? — процедил сквозь зубы Ильгар. Холод проник в каждую его косточку; даже боль в разодранном плече не чувствовалась.

— Убейте ее! — проревел из-за спин бойцов Альстед. — Не разговаривайте с демоном!

Ни один воин не пошевелился. Только Ромар сделал короткий шаг навстречу сидящей, но той стоило лишь приподнять свирель, чтобы чернокожий остановился. Женщина послала Дарующему холодную ухмылку.

— Будь сейчас ночь — ты бы кричал гораздо громче, Человек-В-Железе. А потом замолчал бы навсегда.

— Отвечай на вопрос, — потребовал десятник. — И помни: дернешься — голову отрежу.

Ответом ему послужил смех. С такой издевкой мог смеяться лишь тот, кого не пугали угрозы, и кто был уверен в своем преимуществе над врагом.

Ильгар ей верил. Улыбнулся сам — мол, готов рискнуть.

— Предлагаю сделку, — прошипела женщина. Сорвав оперение, ловко протолкнула стрелу, чтобы наконечник вышел с другой стороны раненого плеча. Здоровой рукой легко обломала его. С чавкающим звуком вытащила стрелу. На лице не дрогнул ни один мускул! Черноволосая вытерла ладонь об подстилку и продолжила: — Вы уйдете, оставив меня в покое, и этой ночью я не стану... играть.

— Щедро, — хмыкнул в бороду Барталин. — Может, тебе еще платье сшить на прощание? Чтоб задницей не сверкала?

— Не вам торговаться. Убьете меня — умрут люди. Наши жизни связаны. Вы в худшем положении.

— А ты не думаешь, что все эти бедолаги предпочли бы смерть? — вспыхнул Дарующий. — Свою — в обмен на твою, проклятая тварь?

— Сильно сомневаюсь. Люди будут цепляться даже за самую убогую жизненку. Я вас

знаю. К тому же, не собираюсь убивать их. Убежище почти готово — через две ночи отпущу остальных. Оставлю двух-трех мужчин покрепче для своих нужд.

— Если будет, кого отпускать, — пробурчал Дядька.

— Как повезет, — хмыкнула женщина. — Повторюсь: не вам торговаться. Уносите ноги, пока не передумала.

Воткнуть бы ей нож под ребра, а потом бросить в костер, как поступали со всеми демонами, но если она и впрямь способна убить разом всех пленных? Выражение ее лица говорило, что так и случится. Значит, договор?

— Мы оставим тебя в живых. Ты не станешь петь и позволишь нам перейти реку. Людей отпустишь через два дня.

— Мое слово вам порукой. Моя кровь — заверение.

Она подхватила обломок стрелы и наконечником прочертила через лоб глубокую рану. Кровь потекла по щекам. Вытерев лицо ладонью, протянула ее Ильгару.

— Ну же, Человек-С-Печатью, смелее!

Они пожали руки.

Было слышно, как ругается Дарующий. Его трясло от гнева, презрения и собственного бессилия.

— Теперь можете идти, — черноволосая откинулась на ложе.

Последним из Убежища выходил Ильгар.

— Постой, Человек-С-Печатью. Мне нужно кое-что тебе сказать.

— Слушаю.

— Мне плевать, что несет вас на другую сторону реки. Мне плевать, что будет с вами там, за лесами и Нарью. Но ты мне интересен. Из-за Печати. Она опасна, человек. И делает тебя уязвимым. Будь осторожен с теми, кто старше людей. Ты для них — как светлячок в беспросветном мраке. Но светлячок с осиным жалом, так что пощады не жди. Буду рада увидеть тебя снова.

— Ты — зло?

— Часть того, что многие привыкли называть злом. Но у зла много лиц, не все из них по нраву смертным. Не я заронила крупицу тьмы в себя. И во мне есть свет.

Ильгар кивнул и вышел вон.

Пока Партлин и Тафель искали более-менее пригодный склон для спуска мулов и телеги — он держался у входа в берлогу, не снимая ладони с рукояти кинжала. Мало ли. Задумчивый взгляд обращался то к краешку солнца, то к узкой полоске противоположного берега.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

На темном небосводе вспыхнула первая звезда, закатная охра быстро теряла краски. Десятник продолжал мелко дрожать, словно только что выбрался из проруби и мокрым стоял на пути зимнего ветра. От вопросов болела голова. Что за тварь? Откуда у нее такая мощь? Как почувствовала, что он заклеяженный? Почему не убила сразу, ведь легко могла — просто не захотела! На эти вопросы ответить могли разве что эйтары или Сеятель. Но даже до последнего добраться проще, чем вытрясти из следопытов разъяснения.

— Ма! — детский крик неприятно резанул по ушам. — Ма-а-а!

Дан стоял на коленях рядом со скорчившимся телом. Мальчишка разгонял руками рои мух, толкал и тряс обнаженную женщину.

Ильгар сжал зубы. Покосился на черный вход в глиняную хижину. Нож так и просился в

руку. Дан, тем временем, взял у подоспевших жрецов бурдюк с вином. Принялся поить мать.

В это невозможно было поверить, но женщина слабо отвечала на заботу. Ее плечи дрожали, пальцы судорожно сжимались и разжимались, тело выгибалось, как от страшных судорог...

Тихий мелодичный свист наполнил воздух, подстегивая названных гостей убраться прочь. Ильгар сам не помнил, как оказался рядом с мальчишкой.

— Отойди.

Подхватил несчастную на руки, быстро понес к телеге. Следом за ним спешил Дан. Тагль уже настелила плащей поверх мешков с крупами.

— Аккуратнее! Она едва жива.

Жрица заботливо укрыла спасенную одеялом, подожгла пучок лечебных трав. Запахло камфарой, хвоей и еще чем-то терпко-сладким.

Десятник всмотрелся в лицо матери Дана. Изможденное и обсыпанное веснушками, но с правильными, тонкими чертами. Наверное, красивой женщиной была, но близкая смерть наложила отпечаток. Потрескавшиеся губы мелко дрожали, вместо слов из горла вылетало бессвязное бормотание, щеки и лоб обожгло солнце.

Телега с плеском преодолевала брод, небо сверкало звездным серебром. До Ильгара долетел смех.

Черноволосая стояла в густой тени, падающей от убежища, держа в руке свирель.

— И во мне есть свет, Человек-С-Печатью!

Черноволосая сдержала слово.

Утро застало странников не выспавшимися, мрачными, зато в своем уме. Это обнадеживало, хотелось верить, что жители Оврага все-таки вернутся домой. Три дня они пробирались по разъезженной тропе, останавливаясь затемно и выставляя в караулы по четыре человека. Колея, поросшая молодым кустарником, тянулась между рядами дубов и вязов бесконечно долго. Иногда спускалась в низины, дважды забирала круто вверх. Земля очистилась от глины, стала жирной и мягкой, кое-где на поверхности проступали широкие лужи. Телега застревала в них, но воины легко освобождали ее из вязкого плена.

Мать Дана металась в бреду, подолгу лежала без сознания, а когда приходила в себя, бормотала нечто бессвязное.

Ильгара поражало, что женщина все еще жива. Она была истощенной и слабой. Тагль проводила рядом дни и ночи, но все ее припарки, травы и лечебные дымы не помогали, хотя жрецы Армии славились врачеванием. Десятник уповал лишь на то, что эйатры, когда догонят отряд, поделятся запасами своих чудодейственных трав.

Дан был вялым. Однако не отходил от телеги ни на шаг, докучал жрице вопросами. Дарующий держался в стороне, всем своим видом выражая презрение к окружающим. Словно спутники измарались в нечистотах. Договор с черноволосой называл позором, притом тактично умалчивал, что благодаря этому «позору» избежал участи несчастных селян. Ильгар плевать хотел на упреки. Отряд шел к цели, вполне возможно, что жители Оврага уцелеют, а о большем и мечтать не приходилось.

— Чертов индюк, — бурчал Дядька, зажав в зубах трубку. Леса вокруг считались безжизненными, так что можно было не бояться привлечь возможных врагов запахом табака. — Рожу кривит, будто мы его уксусом поим...

— Помолчи, — осадил ветерана Ильгар. — Темнокожий пес услышит. Хочешь получить десяток палок за оскорбление старшего?

— Упаси Сеятель!

— Может, пойти и доложить? — задумчиво проговорил Тафель. — А что — интересно посмотреть, как нашего старого пенька по горбу хлестать будут! Больно важный в последнее время сделался...

— Заткнись, — ответил Дядька беззлобно. — Давно пора лишить тебя чарки вина перед сном. Ты ж не воин теперь, а погонщик мулов и отважный страж телеги.

— Ничего-ничего, — насупился лучник, — рука заживет — я тебе тупой стрелой в задницу выстрелю в разгар битвы. Будешь знать.

— Лучше острой стреляй, чтобы наверняка. Иначе я тебе весь колчан запихаю туда, где мозги прячешь...

Настроение у воинов заметно улучшилось. Половина пути пройдена, скоро они переберутся через тонкий клин леса и окажутся у русла Нарью. По спокойной реке можно сплавиться на плотах, благо приречные поселения заключили союз с Армией еще девять лет назад.

К вечеру четвертого дня их нагнали эйтары.

Эльм мрачно выслушал рассказ о встрече с тварью. Покачал головой.

— Нельзя доверять таким созданиям. Они — зло. И вы совершаете зло, идя у них на поводу.

— А что было делать? — пробурчал Ильгар. — Не думаю, что даже навались мы все вместе, нам удалось бы прикончить ее.

— Она — ошибка тех, кто создал Ваярию. И существа, подобные ей, могущественнее иных богов... или демонов, как называете их вы.

Крапивка сорвал крохотный придорожный цветок воробейника и колючий стебель осота. Протянул оба растения Ильгару.

— Вот. Не могу сказать точнее. Если подумаешь, как следует, все поймешь сам.

Развернулся и ушел, оставив десятника недоуменно разглядывать цветок и сорняк.

Еще день они пробирались вдоль поплотневшей стены из дубов. Старых, обомшелых, в наплывах коры. В тени исполинов было прохладно, редкие лучики солнца пробивались сквозь густую листву. Дичи хватало, каждый вечер Партлин стряпал жаркое или густые каши на сале. Немного пришедший в себя Ковыль показал, как коптить мясо, перекладывая его листьями лопуха.

К вечеру небо затянуло хмарью, прошел холодный летний дождь. Где-то вдали гроыхало, небо расчерчивали сине-красные всполохи. Шатер из переплетенных ветвей вновь защитил путников. Ильгар с облегчением наблюдал, как ветер уносит тучи. Неужели теперь до конца дней будет бояться ливней и гроз?

Эйтары отпаивали Варлану, мать Дана, маслянистыми, резко пахнущими эликсирами. Эльм обмолвился, что некоторые декокты содержат вытяжку из ста видов трав, и с ними нужно быть крайне осторожным. Где лечение, там и яд. Вскоре женщина перестала бредить и дрожать от холода. На привале ее омыли водой из крохотного родничка, а Унгрену удалось влить ей в рот немного бульона.

А еще следопыты поделились мазью, заживляющей мозоли и стертую голенищами сапог кожу. В долгом пути такая мазь — дороже золота.

Альстед оттаял. Перестал воротить нос, начал разговаривать на привалах и даже частенько вклинивался в беседы солдат. При всей заносчивости, он был человеком опытным и мудрым. Сеятель не станет раздавать бесценный Дар кому попало.

Нарью превосходила шириной Безымянную примерно вдвое. Зато была спокойной, не оглушала рокотом и не взбивала пену вокруг острых камней и обломков скал. Берег порос буйной зеленью, вечерний воздух звенел от стай комаров и мошкар. Толща воды тянулась на юго-восток, к морю.

— Выше по течению должно находиться крупное поселение плотогонов, — сказал Эльм. — Если будем идти ночью — завтра утром окажемся на месте.

— Отлично, — отозвался Ильгар. — Передохнём сутки. Время терпит. Думаю, ночной марш нам не повредит — а то мои парни совсем обленились...

Вдоль берега тянулась едва заметная колея. Телега по ней ползла с трудом, приходилось часто останавливаться.

То ли от тряски, то ли от эликсиров в себя пришла Варлана. Женщина резко села. Непонимающе огляделась и пронзительно закричала. Поперхнулась кашлем, ее вырвало. Тагль уложила несчастную на постель, вытерла лицо и напоила водой с брусничным соком.

Дан заботливо укутал мать одеялом, зашептал что-то успокаивающе. Но та его не узнавала. Вместо слов из горла вылетали изжеванные звуки. Варлану вновь знобило.

Жрица посетовала, что жесткая тряска сведет на нет все усилия эйтаров и больной лучше бы сейчас побыть в покое. Но Ильгар жестко отрезал:

— Никаких остановок больше не будет. Отряд не станет задерживаться из-за одной женщины. Мы и так выбились из сроков. Дотянет до поселения — хорошо. Умрет... значит, так тому и быть. Мы сделали для нее все, что могли.

Тагль кивнула и поспешила к Варлане.

— Шевелитесь, девки! — прикрикнул десятник на своих бойцов. — Весь следующий день я хочу проспать под крышей, лежа на мягком тюфяке! Любой, кто задержит нас хоть на мгновение, до конца похода будет чистить мулов и соскребать грязь с осей... в общем, разделит долю Тафеля!

— Суровое наказание! — поддакнул Партлин. — Уж лучше сразу мечом в пузо.

— А пошли бы все куда подальше! — гаркнул Тафель.

Ночь пела скрипкой. Шелестела ее переливами листва, стелился мягко вдоль дорог ковыль, загадочной печалью лился свет звезд. И сердце отзывалось, вторило бессловесной песне, подхватывал ветер мысли, как невесомый тополиный пух, нес над горными вершинами и бушующими морями к неизведанным землям.

Повозку слегка покачивало на колдобинах, но даже тихое поскрипывание колес вплеталось в льющуюся сквозь ночь музыку. Ард был счастлив. Новое путешествие, пусть и недолгое, до портового города Мерта, было именно тем, что ему сейчас требовалось. Хотя на время вырваться из трактира, насладиться свободой. Он задышался в повседневных делах, чах в четырех стенах. Еще немного — и лица посетителей опротивят окончательно.

Спасибо дяде.

Радоваться неурядицам нехорошо, но, именно благодаря им, Элдмаир не смог отправиться за товаром, которого давно ждал. Корабли из-за сезона штормов редко приходили с островов Вербы, но только там изготавливали изумительные по своей красоте и легкости ткани, готовили удивительный, с горьким привкусом напиток, придающий бодрость телу. Вначале Элдмаир упрашивал съездить Ландмира, да у отца своих забот хватало, предстояло заключить договора с поставщиками мяса и овощей. Тогда вызвался Ард. Не просто вызвался. Напросился, убедил, заливаясь сладкоголосым соловьем, отпустить в Мерт, клятвенно заверив, что не станет влезать ни в какие переделки и доставит товар в целости и сохранности. Отпустить-то отпустили, но навязали чуть ли не отряд охраны. Ард был согласен взять кого угодно, хоть толстую кухарку Пэг с огромным половником, лишь бы вырваться из трактира, очутиться в дороге, которая так неудержимо манила его. Но постоянная опека начинала раздражать. На хмурый вид племянника, дядя лишь развел руками и назидательно произнес:

— Товар дорогой, деньги уплачены большие, а лихих людей, охочих до чужого добра, на дорогах полно, — потом кивнул на брата и прошептал: — Для спокойствия.

«Ясно».

Отец долго не соглашался, обещал отпустить в другой раз, но время поджимало, Элдмаир настаивал, товар могли перепродать, и Ландмир сдался. На окончательное решение повлияло появление Херидана. Мечник вернулся неожиданно. Более мрачный и неразговорчивый, чем был. На вопрос, чем закончилась война между кланами, только отмахнулся.

— Бери меня к себе на службу, Ландмир. Если нужен. А нет — другого хозяина поищу. Домой не вернусь.

Что-то случилось в племени Херидана, но расспрашивать мечника — легче скалу разговорить. Горец отсаживался ото всех в дальний угол трактира и пил в одиночестве, ругаясь в полголоса на своем языке. Только Арду и выплеснул однажды правду. Ухватил за рукав, когда юноша проходил мимо, вытолкнул ногой из-под стола свободный табурет, указал на него затуманенным, но не от хмеля, а от злости, взглядом.

— Сядь. Ты поймешь.

И выложил все: как сражались с соседним племенем за клочок плодородной земли, которую каждый считал своей, потому что боги так сказали, а им положено верить. Лилась кровь, не успевали хоронить близких. Но справедливость ведь дороже любых жизней. И

резали плотки друг другу, забывая, что оба племени жили там с незапамятных времен и многие даже породнились. Но кто о том родстве нынче вспоминал, тот «дорогой журавлей» отправлялся к предкам. Об этом теперь не хвастали, стыдились, а кто и кровью родных с соседней стороны очищал запятнанное позором имя. Случалось, отказывались даже от жен и детей. А потом боги внезапно на чем-то столковались и провозгласили мир. Все стало как прежде, только никто не объяснил, зачем понадобилось столько смертей, ради чего? Но великим и этого показалось мало. Для скрепления мира должна быть принесена жертва — с каждой стороны по пять человек, во искупление пролитой крови. Жребий пал и на друга Херидаана. С детства как братья были, сражались рядом. Отважный воин... но душой — слепец. Принял выбор как честь, с гордостью на смерть пошел «дорогой журавлей». Все они были счастливы послужить на благо. Да благо ли то? Не прихоть богов? Херидаан случайно наткнулся на маленькую пещерку, где жил странный человек, и велико же было изумление, когда тот рассказал невероятную историю, как три брата-бога правили одним народом, а потом расхотелось им делить власть. Начали рвать племя и земли на части, кто больше ухватит, под себя подгребет. Ложь, подлог — все шло в дело. Осознав, что творят недопустимое, младший отказался от борьбы и ушел в пещеры — жить отшельником, наблюдая за перипетиями мира, а два брата добились желаемого, клан разделился, каждому достался свой клочок земли. Так и жили с тех пор, люди поклонялись каждый своему богу, пока не вздумалось великим устроить сначала резню, а потом воссоединиться. Остаться в клане после такой правды и бессмысленной смерти друга Херидаан не смог. Впору самому «дорогой журавлей» отправиться. Горько. Мерзко. Досадно. Казалось, не выдержать такое. Но выдержал. У самого края скалы вдруг понял, что путь не окончен, а его руки и меч еще понадобятся. Пустил коня, куда тот сам вывезет, и принес он к трактиру Ландмира. Знать, судьба ему быть здесь. Мечник взглянул на Арда пристально, в немом вопросе... хотя и сам знал ответ.

— Рад, что ты вернулся, — поднялся с табурета Ард. — Но упиваться больше ты не будешь. У воина не должна дрожать рука.

Арду и самому было спокойнее в дороге с Херидааном. Воин опытный, людьми командовать умеет, даже задиристых и непокорных осаживал, потому никто не возразил, когда горец возглавил отряд. Без Парда тоже не обошлось. Куда ж без него? Только в этот раз он наотрез отказался ехать верхом, а управлял повозкой. В ногах лежал топор, рядом на сиденье дубинка. Здоровяк что-то тихо мурлыкал под напевы скрипки Сайнарии. Самое интересное, что его голос совсем не портил музыку, а добавлял ей необычность звучания, усиливая колдовство окутывающей путников ночи.

Удивительно яркая луна, зависшая в небе головкой сыра, хорошо освещала дорогу. Тракт в этом месте был наезженным, шел мимо полей, и засады разбойников ожидать не приходилось. Вот, когда въедут к утру в лес, там держи ухо востро. Сайнария отложила скрипку, завернув в мягкую ткань. Ард пожалел, что музыка оборвалась так быстро, он готов был слушать до самого Мерта.

Каким образом Ландмиру удалось уговорить Сайнарию остаться и дальше работать в трактире — неизвестно. Юноша сомневался, что тому послужили комната и питание. Вольную душу не удержат такие мелочи. Но женщина согласилась, только отпросилась съездить вместе с Ардом в Мерт за новой скрипкой. Старая уже рассохлась, пошел трещинами лак. Звучание от того портилось. Корпус мог развалиться в любой момент. Сайнария сомневалась, что скопленных денег и выплаченного Ландмиром наперед

заработка за месяц хватит на новый инструмент. Да Ольхоч, нанятый отцом охранник, подал мысль. Дорога в Мерт пролегла через лес, вдоль границы земли племени арагов. Охранник слышал, что на их территории растут священные деревья, из которых мастерам музыкальные инструменты. Деревья так и называют — «поющими». Араги — племя мирное, приветливое. Наемник у них частенько останавливался, проезжая мимо. А бог очень добр к странникам, всегда выслушает, в помощи не откажет, целительскими знаниями поделится, от лесного зверья убережет. В ту деревню отродясь ни одного комара не залетало, змеи не заползало. Если попросить по-хорошему, может, и не пожалеет кусочек поющего дерева для благого дела. А перед такой диковинкой ни один мастер не устоит: либо цену сбросит, либо предложит обмен. Вот Сайнария и увязалась с ними, а вместе с ней и Рэйхе. Не захотела оставаться дома, заявив твердо: «Куда муж, туда и я». Так и набралось их одиннадцать человек.

Выехали еще на рассвете, на двух телегах. Лошадки бежали споро, Элдмаир не поскупился, выделил молодых, выносливых, потому устроили привал всего пару раз: животным дать немного отдыха да самим размять ноги. Ночь выдалась против душного дня чудесная, прохладная, оттого решили двигаться дальше без остановок. А привал сделать уже в деревне. Ольхоч уверял, что лесной народ хлебосольный, гостям всегда рад. За животинкой присмотрят, и их накормят, приветят.

К утру въехали в лес, и охрана сразу взялась за оружие. Мало ли, кто, с каким злым умыслом таится в чаще. Но дорога шла широкая, видно сразу — часто по ней ездят, а лес оказался на удивление спокойным. Ольхоч указывал путь. На развилке остановились. Посовещавшись, решили сразу не ехать всей толпой в деревню. Парда с лошадьми и двух охранников оставить здесь, а другие пойдут, разведают — ко времени ли явятся в гости. Примут араги — кто-нибудь вернется за остальными. Нет — легче назад пробираться по узкой тропе без лошадей. Херидан предложил для безопасности и женщинам обождать тут, но Сайнария решительно спрыгнула с телеги:

— Я не трепетная девица, обо мне не надо беспокоиться. Постоять за себя умею.

Спрашивать Рейхе горец уже не стал, помнил, как она обращалась с ножом. Однако людей распределил так, чтобы Ард с женщинами находились в середине, защищенные со всех сторон.

В лесу дышалось легко. Солнечные лучи просачивались сквозь листву и ветви, ложась под ноги игривыми пятнышками света, птицы пели на разные голоса, аромат трав и цветов кружил голову. Не досаждали бы еще комары и мошка — совсем было бы замечательно.

Деревья расступались. Между ними курчавились спелой зеленью кустарники, виднелся оплетенный шелкопрядом папоротник и темно-зеленый мох. Стволы покрывали наросты несъедобных сухих грибов, годящихся для растопки, с узловатых ветвей свисали космы «бороды лесника». От мягкой желто-бурой подстилки из палых листьев пахло сладкой прелостью. В двадцати шагах от тропы переливался журчанием ручей. Вода в нем бежала темная, прохладная, с терпким привкусом. Сайнария вылила из фляги старую, захваченную из дома и нагретую в дороге.

— Настоящий сок земли, — сказала скрипачка. — Нет ничего слаще! Разве только медовуха. Или — вино. Эль, правда, тоже ничего попадается, но если на чистоту — до умело сваренного пива ему далеко-о-о...

Местность не казалась дикой. То тут, то там виднелись охотничьи зарубки на деревьях, расчищенные и распаханые поляны с хвощом и «хлебными клубнями». Широкие вырубки,

где из земли торчали пни и лежали заготовленные бревна. Ручеек был слишком мелким для сплава и, судя по всему, доставляли заготовки в деревню на телегах.

Частокол показался неожиданно. Увитый диким горошком и плющом, высокий, крепкий. Одна из воротных створок была приоткрыта. Проход никто не охранял.

Не успела компания дойти до ворот, как из них выскочила собака. Следом — еще три. Они проскользнули мимо людей, настороженно прижимая уши к головам.

— Видели? — спросила Рэйхе. — Морды в крови. У всех.

Послышалось тихое шарканье. На дорогу ступила женщина. Одевание грязное, подол залит кровью. В руках шевелящийся и плачущий сверток. Лицо незнакомки покрывала пыль, которую пробороздили слезы. Глаза казались выпученными, зрачки — как черные монеты. Губы нервно дернулись.

— Ему больно. Очень больно! Разве так должно быть? Он хочет, чтобы боль ушла! Но она не уходит! Почему боль мучает его? Пусть уйдет.

Никто ничего не успел сделать. Миг — и хрустнули тонкие детские косточки. Убийца выронила замолкшего малыша в пыль и расхохоталась, ухватившись окровавленными пальцами за волосы. Ее смех перерос в вой, затем — в хрип и всхлипы.

Ард не знал, что человеческая глотка может издавать такие звуки.

Безумный взгляд детоубийцы уткнулся в чужаков. Пальцы рванули пряди, выдирая целые клочья. Сломанные ногти оставили на щеках царапины.

— Больно! Больно! — Она вскочила на ноги, двинулась к людям.

Щелкнула тетива. Голова женщины мотнулась. Убийца рухнула на землю совсем рядом с мертвым малышом. Стрела вошла в левую глазницу по самое оперение.

Херидан оголил меч и двинулся вперед. Один из лучников ухватился за топор, другой выудил новую стрелу.

— Стойте! — рявкнул Ард. — Что вы творите? Зачем ее убили?!

— Она была безумной сукой, — холодно ответил горец. — Сломала шею грудничку. Нам здесь еще спасибо скажут...

Но в деревне никто ничего не сказал. Некому было говорить. Их встретила только неуютная подозрительная тишина. Даже шум леса не долетал сюда. Двери в деревянные избы распахнуты. На земле множество отпечатков босых стоп. У колоды, словно отложенный ненадолго, притулился топор. На колодезном срубе стояло наполненное водой ведро. Давно высохшее белье безвольно висело на веревке. У плетня валялась перевернутая корзина с прелыми грибами. Людей не видать.

Ольхоч прислушался.

— Странно, поющие деревья молчат. Когда дует ветер — они точно свирель переливаются музыкой. А сейчас тихо, словно... — охранник повернулся встревожено к горцу, — мертвы.

— Нужно заглянуть в избы, — сказал Херидан. — Поискать жителей. Старайтесь не шуметь. Ард, присмотри за женщинами. Появятся чужаки — вопите в три глотки.

Воины разбрелись. Ступали с опаской, крепко сжимая в руках топорища и рукояти ножей.

Ард огляделся. Избы, курятники, небольшая кузница, выложенная досками тропинка...

— Ты куда собрался? — прошептался Рэйхе.

— Хочу заглянуть в божий дом. Кому, как не защитнику знать, куда подевался деревенский люд?

Ноги сами понесли по тропе. Туда, где высилось святилище из досок, камня и дерна. Оно походило на холм, в котором вырыли пещеру, и укрепили стены и своды.

У входа стояли высокие шесты для факелов. На один из них был насажен человек. На шее висели жуткие бусы — связанные веревкой головы трех детишек и женщины. Рядом лежало покрытое пылью тело молодки, возле стены сидел мужчина со вспоротой грудью. Последние десять шагов к обиталищу бога пришлось пройти по хрустящей багровой корке. Ард замер на мгновение, раздумывая, стоит ли идти дальше или лучше позвать Херидана? Но понял, что повернуть уже не сможет.

Из святилища разило смертью. Насыщенный запах оглушал, сбивал с шага и заставлял глаза слезиться. Рэйхе вывернуло дважды, она еле держалась на ногах. Девушка простонала, закрывая лицо руками:

— Кто... кто сотворил такую мерзость? Даже детей не пощадили!

Сайнария указала на молодку с расколотой головой.

— Подол задран и бедра в крови. Либо осмелевшие разбойники принесли сюда смерть, либо — вражеский отряд.

— Не смейся, — отмахнулся Ард. — Здесь нет армий. Сплетни разлетаются быстрее стрел. Если бы кто-то пожаловал сюда из соседних земель — мы бы слышали...

— Степь под боком, — парировала скрипачка. — Гуурны способны учинить такое. Сама видела, что они делают с караванами... Да и твоя мачеха рассказывала, как и от чего ее спасли.

— Через частокол на конях карабкались? Это не караван. Деревня! Видишь, сколько вышек и дорожек вдоль стен? Охотники перестреляли бы гуурнов...

— Хитрость и обман и не такие укрепления брали. Порой люди сами открывают двери, пуская в дом смерть.

Правда в словах Сайнарии имелась. Такое вполне могло произойти и здесь.

Из святилища пахло смрадом. На этот раз даже юноша не смог удержаться и выблевал все, что съел на привале. Рэйхе застонала еще громче. Ард притянул жену к себе. Провел ладонью по мягким пахучим волосам, попросил, чтобы успокоилась и не глядела на мертвых. Рэйхе всхлипнула, прильнула лицом к его плечу. Горячие слезы быстро пропитали ткань рубахи.

— Вот так, девочка моя, — сказала, подходя к ним Сайнария, — поэтому женщине лучше сидеть дома и вязать носки возле огня. Мир — скверное место.

— Но ты воспеваешь бои и смерть! — всхлипнула Рэйхе. — Она красива, величественна в твоих песнях!

— Песня не может гнить. Песня не будет вонять. От песни не разит мочой и дерьмом, дорогая, — скрипачка взяла девушку за руку. — Я не просто пою, но и вру. Вру красиво. Быть может, лучше всех в Гаргии! Но от вранья правда смердеть не перестает. Иди за мной. За околицей воздух посвежее...

Они удалились, оставив Арда одного. Ему вновь захотелось бросить все и отправиться прочь из деревни, но он должен пройти до конца. Чтобы увидеть. И понять. Закрыв ладонью нос, быстро — насколько быстро вообще мог двигаться — вошел в капище.

В кровавой грязи на полу валялись тела. Раздувшиеся, почерневшие. Повсюду копошились белые черви и летали мухи. Сам воздух казался мертвым на вкус. «Эта пещера не может существовать в Гаргии!»

Посреди всего буро-гнилостного ужаса возвышался алтарь из полированного камня. Он

был залит засохшей кровью.

На алтаре лежала мертвая женщина. Судя по всему — мертвая два или три дня, кожа приобрела зеленовато-восковой оттенок. У алтаря находилась каменная, доверху наполненная требухой чаша. Под ней едва тлели угли. Напротив раздвинутых ног покойницы стояло обнаженное существо. Бесполое, с длинной гривой черных засаленных волос, больше напоминавших свалывшуюся шерсть. Бледное лицо покрывали черные и красные пятна. Как кожу больного пса. В руках существо сжимало деревянный фаллос.

Погружая его в замученную женщину, обезумевший бог раз за разом повторял:

— Мне не должно быть больно... не должно... ты ведь понимаешь? Я не могу больше терпеть эту боль! Отдай мне свою кровь... хотя бы чуть-чуть.... Почему же нет крови, проклятая ты тварь? Где она? Мне больно! Мне так больно... У меня под кожей жидкий свинец... в глазах — угли... в голове — раскаленный котел... мне нужна она! Нужна кровь!

Рот его не раскрывался, но слова беззастенчиво ломились в сознание юноши.

Дольше терпеть Ард не мог. Рухнул на колени, зажал ладонями уши. Чужая боль стала его болью, чужая воля искажала, вытесняла собственную, присосавшись, как пиявка, к сознанию. Юноша принялся вторить безумцу, ощущая, что слова не способны насытить, избавить от мук.

Что-то темное и чужеродное завладевало им, толкая к убийству.

Раскачиваясь, как пьяный, он подскочил и хватил бога по голове своей палкой. Еще раз. И еще. Бил, пока череп свихнувшегося монстра не треснул, пока не брызнула зеленовато-черная кровь. Бил, пока сам не почувствовал удар в грудь, от которого завалился на спину, задыхаясь и обливаясь слезами. Голова раскалывалась от боли.

«Снова! Снова из бога вырвалась волна силы!»

Волна непонятной энергии рванулась вверх, проломив потолок и едва не разрушив святилище. На Арда упало несколько внушительных кусков земли и едва не перебило ребра балкой.

Наваждение исчезло. Чужая воля перестала ломиться в сознание. Пришедший в себя юноша выбрался наружу, чтобы угодить в руки подоспевшему Херидану.

— Твою-то мать, парень! — проворчал горец. — Мне бы стоило запомнить, что тебя нельзя даже на мгновение оставлять одного! Что стряслось на этот раз?

— Зайди внутрь, — с трудом разлепил искусанные губы Ард. — Зайдите все и посмотрите!

Он разрыдался, выскользнул из рук ошарашенного Херидана и упал на колени. Посмотрел на испачканные кровью руки.

«Я убил бога».

Рассвет был хмур и нетороплив. Небо заволокла серая пелена, над горами зависли тяжелые тучи, готовые в любой момент исторгнуть дождь. Обычная погода для такой поры. Главное, минула ночь мучительных дум и кошмаров, и пришло долгожданное утро. Утро ответов и... Нет, она не будет загадывать и не побежит, сломя голову, к домику на утесе, забыв о достоинстве и гордости, подобно взбалмошной деревенской девке, гонимой вожделением... хотя нетерпение увидеть Радкура и жгло изнутри. Какой из нее Привратник, если не умеет сдерживать чувств?

Нарочито медленно Ная расчесала волосы, заплела косу, умылась талой водой. Затем вычистила и накормила любимца всего клана — серого жеребца Холодка. Конюший после вчерашнего праздника бесстыдно дрых, а оставлять животину голодной жалко. Да и заведено у них: прежде, чем набить свое брюхо — позаботиться о немногочисленных питомцах, к которым относились еще кошка Алмазка и ястреб Хро. Только после того, как животные получили порцию еды, девушка отправилась в трапезную. Было еще слишком рано, и столы пустовали. В зале находились только трое Привратников, помогавших сегодня на кухне. Торопливо перекусив холодным мясом с тушеными овощами, Ная отправилась на Холодке к озерцу за Орлиной горой.

Жеребец бежал резво, застоялся в конюшне, а юной колдунье как раз подходил такой бессловесный спутник, чтобы не лез в душу с расспросами и советами. Невзирая на свежее утро, вода была теплой за счет горячих источников, и девушка не удержалась, поплавала, пока не сочла, что время уже вполне подходящее для визита.

На стук, как и в прошлый раз, никто не отозвался. Ная толкнула дверь и вошла. Никого. Отлучился по делам? Но пустота в помещении не создавала ощущения временности, когда хозяин выходит ненадолго, а пробирала стылой безжизненностью. Такое впечатление производят покинутые дома. Девушка в неясной тревоге коснулась очага. Холодный. Поворошила кочергой угли — остывшие. Оглядевшись, заметила, что, не хватает некоторых вещей Скорняка: записей, медвежьей шкуры и дорожного плаща. Колдунья опустилась на скамью, ничего не понимая. «Он ведь сказал, завтра поговорим».

Послышались шаги по тропинке. Скрипнула дверь. Девушка радостно вскочила. Вернулся! Однако на пороге стоял Кагар-Радшу. Он нисколько не удивился ее присутствию, затворил дверь, сухо произнес:

— Он уехал. Надолго. Смирись с этим. Так будет лучше для вас обоих.

«Уехал... Уехал...» — застучало в висках. Опустошенность разлилась под ребрами. Наверное, следовало заплакать, что-то сказать. Как ни странно, слез не было. Стало только все безразлично и острее почувствовались холод и пустота лачуги.

Уехал.

Тогда зачем она здесь? Почему продолжает стоять? Чего ждет?

Ладонь наставника легла ей на плечо, мягко принудила опуститься на скамью. Кагар сел рядом — впервые с несвойственной старицовой усталостью, делающей его похожим на обычного человека, а не на главу кланов колдунов.

— Выслушай и постарайся понять. Это должен был рассказать Радкур, но... воспоминания порой болезненны. — Призванный помолчал, взглянул на сидевшую с безучастным видом девушку. — Одиннадцать лет назад у Скорняка была ученица. Редкой

одаренности дитя. Со временем Талкара могла стать сильным главой клана. Но ей захотелось власти куда большей, чем могли предложить Привратники. Как каждый учитель, Радкур желал, чтобы ученица достигла вершины искусства колдовства. А она использовала это, уговаривая погружать ее раз за разом в лоно Смерти. Талкара была красивой девушкой, способной увлечь любого мужчину. Думаю, и Скорняк питал к ней не только отцовские чувства. Но все имеет цену. Полученная при погружении сила уже перестала удовлетворять запросы девчонки. Ей требовалось все больше и больше, она задерживалась в лоне Незыблемой дольше и дольше, оставляя часть своей души, и в итоге превратилась в чудовище, едва не разрушившее границу. Талкара начала убивать. Своих. В надежде, что Мать Смерть взамен наделит ее безграничным могуществом. Она грезила подмять под себя весь мир, и Незыблемая подпитывала эти тщеславные мечты. Талкара стала недостающим Матери Смерти ключиком, открывающим выход в наш мир. Тогда Скорняк спустился в мир мертвых и убил ученицу, заперев в клетке пустоты между пределами. Мы его оттуда еле живого вытащили. Дыры, сотворенные Талкарой, удалось заделать, но погибло немало Привратников. Такое трудно забыть... и простить себя. Радкур уехал, опасаясь повторения случившегося.

Ная поднялась, направилась к выходу. Призванный ее не удерживал. Прежде, чем выйти, девушка глухо произнесла, стоя спиной к учителю:

— Пусть не опасается. Больше его не потревожу.

«Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу», — «сестренки» снова и снова безжалостно рубили дерево. Посеченная кора превратилась в лохмотья, а боль не находила выхода. Девушка прижалась лбом к изувеченному стволу, тяжело дыша.

«Какая же ты глупышка, Ная... Иди спать. Завтра поговорим».

Это точно, большей дуры свет не видывал. Мудрые Соарты, как же обидно и стыдно! До чего смешно она выглядела, вешаясь Радкуру на шею. И он хорош. Взял и сбежал вместо объяснений. Трус! Трус! Трус! Кинжалы взлетели в руке, вновь вымещая хозяйскую горечь на дереве. Удар справа, удар слева. В сердце!

На загрубевшей ладони вздулись новые мозоли. Следовало надеть перчатки, но привратнице было не до них, когда убегала из селения к Орлиной горе, подальше ото всех. Удар справа. Удар слева. Уйди, боль!

Теплая ладонь, касающаяся щеки. Слова, возвращающие к жизни: «Все будет хорошо, девочка. Я выведу вас». Короткий страстный поцелуй. Все обман. Удар слева. Удар справа. Забудь!

— Пожалей дерево. Скоро в мочало превратишь, — раздался за спиной голос.

Ная обернулась. Ну кто же еще.

— Проваливай!

Развалившийся вальяжно на валуне Тэзир скорчил непонимающую рожицу.

— С какой стати? Где хочу, там и отдыхаю. Или это место — твоя собственность?

Как ее бесил этот наглец. Напрасно он пришел сюда. Под горячую руку.

— Тебе мало вчерашнего пира?! — прорычала девушка

— А что было вчера на пиру? — притворно удивился парень. — Ах да, вспомнил. Мы разделили чашу единого духа, потом целовались, потом веселили народ якобы боем. Ты устрашающе махала кинжалами и позволяла себя тискать. Согласен — мало. Я бы повторил.

Это уже было чересчур. Недолго думая, Ная швырнула огненную молнию. Тэзира спасла только ловкость. Успел соскользнуть за валун.

— Метать огонь и управляться с кинжалами у тебя получается хорошо, а вот выдержки в бою не хватает, — выглянул он из-за укрытия.

— Кто б говорил. Только шута изображать и можешь. Чеканом машешь, как лесоруб, — огрызнулась колдунья.

— Я тебя первым ударом мог достать, жалел просто. Не веришь? Давай на спор. Один поединок. Победишь — оставляю в покое. Проиграешь — проведешь со мной ночь.

— Размечтался.

— Ага, струсила? Понимаешь, что слабее?

Детское подначивание балагура разумнее было бы проигнорировать. Но тогда он вообще не уберется отсюда и продолжит досаждать. Отдубасить паршивца хорошенько, что б запомнил надолго...

— Сам напросился. Один поединок. И чтобы я не видела тебя до отъезда, — согласилась девушка.

— Идет, — парень скрылся за валуном, вернулся уже с чеканом. Наткнувшись на удивленный взгляд Наи, спросил:

— Что?

— Ты всегда выходишь на прогулку с оружием?

— Могу тебе задать тот же вопрос. Или солгать, что предчувствовал нашу встречу и шанс вновь сразиться с тобой Великой, но, по правде говоря, просто видел, как ты помчалась куда-то рассвирепевшей тигрицей. Решил, вдруг потребуется помощь. Не угадал только, что не тебе, а дереву, — хохотнул парень. — Не скажешь, в чем оно провинилось?

Ная налетела на Тэзира без предупреждения. Он успел встретить летящий в грудь клинок, отклонился, ответил удачной серией ударов, задев ей левое плечо. Девушка вновь бросилась в атаку, ища слабые места противника. Балагур больше не паясничал и бился по-настоящему. Чекан слушался его беспрекословно и пробивал защиту соперницы на раз. Это разозлило еще сильнее. Привратница обрушилась на парня ураганом, стараясь вымотать стремительностью, но только заработала два легких удара по ребрам. От боли перехватило дыхание.

— Хватит? — участливо спросил Тэзир, так же морщась при каждом вдохе.

— Нет! Продолжаем.

Очередная атака, досада от неудачи, застилающая разум.

Спокойствие окончательно изменило Нае. Она кидалась на парня, точно рассвирепевшая снежная кошка, норовившая хоть как-то дорваться до врага и укусить. Улыбка сошла с лица Тэзира, уступив место недоумению. Он уже просто отмахивался, стараясь не ранить девушку. Когда терпение кончилось, сердито выбил «сестренку» из рук, схватил за шиворот и забросил в озеро.

— Остудись!

Отфыркиваясь, Ная поднялась на четвереньки. Сквозь упавшие на лицо мокрые пряди волос сверкнули лютой ненавистью глаза.

От искаженного злобой лица колдуньи парня передернуло.

— Бешеная оса укусила?! Это всего лишь дружеский бой. Я не враг!

Губы привратницы задрожали, и она разрыдалась. Чекан выпал из пальцев Тэзира. В пару шагов он очутился возле девушки, опустился рядом на колени.

— Прости. Я дурак... — заглянув ей в глаза, произнес потрясенно: — Ты плачешь не из-за меня. Кто тогда тебя обидел?

Ная уткнулась лицом в поджатые к груди ноги, ненавидя себя всей душой за хлынувшие так не вовремя слезы. Слабачка. Размазня. Теперь балагур изведет ее насмешками.

— Уйди. Просто уйди. Не спрашивай не о чем, — проговорила сквозь рыдания.

Тэзир потянулся пожалеть ее, но убрал поднятую руку — иногда сочувствие ранит еще сильнее. Встал с колен, хрипло выдавил:

— Хорошо, побудь одна, выплачься, легче станет, — в смятении вышел из озера, поднял чекан и побрел в сторону селения.

Стук прозвучал робко. Ная приподнялась с лежанки, но не успела ответить: дверь отворилась, и в комнату заглянул Тэзир.

— Войду? — не дожидаясь разрешения, проскользнул через порог. Нет, он неисправим. — Поесть принес. В трапезной сказали, ты целый день ничего не ела.

— Не хочется.

— Напрасно. Ослабнешь, как потом в меня огнем швыряться будешь?

Девушка выдавила улыбку. Все-таки он забавный.

— Тебе уже сказали? Мы утром уезжаем, — проговорил балагур с непонятным напряжением в голосе.

— Счастливого пути, — пожелала Ная.

Парень сжал-разжал кулаки.

— Ты едешь с нами.

— Кто так решил? — нахмурилась девушка.

— Верховные сказали, что после ритуала нам лучше находиться рядом.

— Чушь!

— Но Кагар-Радшу...

— Ему придется прежде меня связать.

— Хорошая идея, — губы Тэзира скривились в усмешке, но глаза смотрели без веселья. — Почему бы тебе не поехать, хотя бы на время, вдруг понравится у нас? Или я могу остаться тут.

— Это ни к чему.

— Понятно, — процедил балагур. — Вежливо даешь отворот-поворот. Настолько неприятен или есть кто-то другой? Из-за него слезы лила?

— Не твое дело. Не лезь в мою жизнь!

— Вот как?! А ничего не забыла, дорогуша? Твоя жизнь теперь и моя жизнь! — вспыхнул балагур. — Напомнить про чашу единого духа? Теперь мы, как близнецы, связаны навеки. Все, что чувствует один — чувствует и другой. То-то сегодня с утра колотит, душу выворачивает наизнанку.

— Сам виноват. Нечего было подбивать на ритуал. Теперь пожинай плоды глупости, — выпалила Ная зло. Наткнувшись на взгляд Тэзира, осеклась, закусил губу. Балагур, будто получил плевков в лицо. Даже после унижительного обращения Призванного не выглядел столь потерянным, как сейчас. Колдунья смягчила тон. — Оба виноваты в случившемся. Захмелели, не понимали, что творили. Мне жаль, честно.

Кадык Тэзира нервно дернулся. На напрягшихся скулах заиграли желваки.

— Для тебя ритуал лишь досадная, пьяная выходка?

Ная промолчала. Балагур хмуро кивнул, пошел к двери. У порога остановился, гневно врезал кулаком по стене. Не обращая внимания на сбитые в кровь костяшки, стремительно вернулся, навис над девушкой.

— Если хочешь знать, я нисколько не жалею о случившемся, так как отлично понимал, на что шел. Предложи опять повторить ритуал — соглашусь без раздумий. Нравишься ты мне... до одури, как никто прежде, потому готов на все, чтобы быть рядом, делить боль и радость. Не считай меня ветреным, оттого, что веду себя порой как шут. Это всего лишь маска. Если люблю — то преданно, ненавижу — то всем сердцем.

— Знаю. Но взаимностью ответить не могу.

Лицо Тэзира помрачнело.

— Из-за другого мужчины?

Она покачала головой, стирая с занемевших пальцев кровь. А кто-то еще советовал прежде думать, когда бьешь.

— Есть причины более веские. Как-нибудь расскажу.

Балагур выругался сквозь зубы, заметив упавшую на одеяло с руки колдуньи алую каплю.

— Проклятье! Прости.

— Ничего, мы привыкнем быть осторожнее.

— Наверное... Если это возможно для нас, — балагур с пренебрежением стер оставшийся на ладони от крови след и, не прощаясь, направился из комнаты.

— Тэзир, — окликнула его Ная, — Сразимся еще раз?

Губы парня сжались, сдерживая улыбку.

— Только, если съешь все из миски.

— Съем, — пообещала она, принимаясь за еду.

Они тренировались до позднего вечера. В этот раз сражались на шестах, прихваченных из оружейной. Тэзир, действительно, был умелым бойцом и порядком загонял ее, заставляя снова и снова оттачивать движения, повторять выпады и повороты, показывая ошибки и слабые стороны в защите напарницы. С Наи сошло семь потов, зато она узнала парочку отличных хитрых приемов. О недавнем разговоре они больше не заикались и вели себя, как старые друзья. Смеялись, сердились, опять смеялись. Уставшие и довольные, расстались уже в потемках. Тэзир ушел первым, оставив Наю ополоснуться после занятия. Вода к ночи прогрелась, и девушка позволила себе поплескаться. Посвежевшая, взбодрившаяся, она вышла на берег, накинула одежду, отжала волосы. Ночная прохлада была приятной, а тишина умиротворяющей. Звезды золотыми светлячками усыпали небо. Их свет манил, звал к себе. Так бы взмахнуть руками и взлететь ввысь, стать одной из них. Но разве это ее путь? К этому стремилась? В таком случае следовало сдаться восемь лет назад и позволить реке забрать жизнь.

— Ная, — раздалось за спиной.

Оказывается, голос мог пронзать, точно мечом. Девушка повернулась. В двух шагах от нее стоял Скорняк.

— Мне сказали, ты уехал. Надолго.

— Собирался, — ответил он. — Но не смог, не поговорив с тобой.

— Не стоило возвращаться из-за такого пустяка.

— Я должен объяснить...

— Не нужно. Я знаю про Талкару. Только я — не она!

— Кагар постарался? — не получив ответа, криво усмехнулся. — Наверное, мне следовало самому все рассказать.

— Наверное, — проговорила сухо Ная. — Не тревожься, я девочка умная и навязываться

больше не стану, так что можешь не спасаться бегством.

— Ты не так поняла... — рука Скорняка потянулась к ее щеке. Колдунья отстранилась и молча направилась к селению. Говорить было не о чем. — Ная!

Она ушла, не обернувшись.

В прилепившихся к скалам домиках не светилось ни одно окно. Поздно. Спят все. Только дозорные несли стражу. Ная тихонько прокралась к своей комнате, приоткрыла дверь. И замерла на пороге, почувствовав в темноте чужое присутствие.

— Долго гуляешь. Заходи уже, не топчись в коридоре, — раздался голос Призванного. Следом вспыхнула огоньком лучина.

— Я была на озере, — пробормотала девушка в оправдание. — Купалась.

Наверное, еще не скоро она отучится робеть перед учителем и начнет разговаривать с ним на равных. На равных... Для этого должен пройти не один десяток лет, а ей выбиться из обычных Привратников в Верховные.

— Виделись?

Уточнять с кем не имело нужды.

— Это не меняет моего слова, — с вызовом ответила Ная.

— Хорошо, — во взгляде Кагара-Радшу появилось одобрение. — Ложись спать. Завтра рано вставать. Тебе в дорогу.

— Вы все-таки решили отправить меня в клан Тэзира?!

— С чего бы вдруг? — вскинул в удивлении брови Призванный.

— Из-за ритуала слияния душ. Разве Верховные не настаивали, чтобы мы...

— Накуролесили вы с этим мальчиком, сказать нечего, — прервал он ее. — Устроили нам головную боль. Хотя, как Привратники, вы вольны сами делать выбор. Но не скрою, предложение о твоем переезде, дабы уменьшить последствия вашей выходки, выдвигалось.

— Вы дали согласие? — Ная от волнения стиснула кулаки.

— Считаешь меня недалёковидным простофилей? Я пока не выжил из ума, чтобы отдать лучшую ученицу, на которую потратил семь лет труда и знаний, в другой клан, ослабив свой. К тому же сомневаюсь, что рядом друг с другом вы не натворите глупостей больше, чем порознь. Впрочем, увидим вскоре. Завтра утром вы, все шестеро посвященных, едете в Лот. Привратник Хостен повезет туда кое-какие безделушки в обмен на продукты под видом торговца одного из горных племен. Вы поможете ему с грузом, заодно Витога проводите, у него теперь свой путь. Вам же не помешает городскую жизнь посмотреть. Погуляете по улицам, потолкаетесь на рынке среди народа. За годы учебы вы отучились общаться с обычными людьми. Вот и вспомните, новому чему научитесь. Твои спутники уже предупреждены: с рассветом выезжаете, поэтому не мешкай, ложись спать, — Призванный потянулся потушить лучину, но, вспомнив о чем-то, повернулся к девушке. — Забыл предупредить. Никакого колдовства там. Забудьте, кто вы! Чтобы ни произошло, выкручивайтесь своими силами. Сейчас в каждом поселке и городе полно ищек Сеятеля. Они способны уловить даже простенькую ворожбу. И стоит им выйти на след, уже не отпустят, пока не загребут в свои казематы... и не выяснят все, что интересует. Языки развязывать они умеют даже самым упорным. Понимаешь, о чем говорю? Одна промашка, и восьмилетние события повторятся. Нам опять придется сражаться, спасаться бегством. Только теперь нас слишком мало, чтобы уцелеть, да и бежать уже некуда.

— Поняла. Будем осторожны.

— Надеюсь на ваше здравомыслие и выдержку, — с этими словами Кагар-Радшу

покинул комнату девушки, а она, последовав его совету, сразу забралась в постель. Мысль о Скорняке мелькнула ярким росчерком в темноте, но девушка тут же властно ее затушила, как мгновение назад лучину и перевернулась на другой бок.

Поселение плотогонов было крошечным. Небольшие домики с камышовыми крышами крепились на просмоленных сваях над водой, соединяясь между собой узкими мостками. Юркий народец совсем не боялся водяной толщи, что шумела, пенясь, под настилом и вокруг опорных столбов.

Те же столбы служили каркасами для рыболовных сетей и креплением для канатов, удерживающих многочисленные плоты и плоскодонки.

Настоящих воинов здесь почти не было. Гарнизон из десяти жнецов да дряхлый жрец, ослепший на один глаз. Впрочем, в деревне хватало острог и трезубцев, а кое-кто умел пользоваться луком и пращей, так что разбойники и прочие тати обходили поселение стороной.

Как удалось выяснить у старейшины: подобных деревушек разбросанно по устью Нарью великое множество. И чтят в них только одно божество — саму реку. Она кормит, дает жизнь, случается, даже карает... Но на то она и река, часть изначальной стихии, могучая и бесстрастная.

Среди жителей встречались курчавые, русые, светловолосые мужчины и женщины. У народов Нарью существовал обычай — находить себе пару не в родной деревне, а уплывать за ней в самые далекие поселения.

— Кровь не должна застаиваться в жилах, — говорил, улыбаясь беззубым ртом старейшина, — как не должна застаиваться река. Иначе протухнет.

И он прав — так думал Ильгар, уплетая копченую рыбу за грубо сколоченным столом. Ему доводилось видеть глухие деревеньки, где многовековое кровосмешение порождало калек, слабых на голову и даже настоящих чудовищ, которых убивали в люльках.

— Спасибо за гостеприимство и доброту, — поблагодарил Альстед. — Мы, верные слуги Сеятеля, ценим это.

— И мы ценим то, что дает нам ваш предводитель, — кивнул старейшина. Он взял с деревянного блюда золотистую лепешку, положил на ладонь. — Прошлой осенью, когда морозы ударили рано, к нам по течению поднялся плот из Окуня. Привезли десять мешков муки и разных круп. Зимой, когда рыбы стало мало, мы не голодали. Вот этот хлеб — залог нашей дружбы.

Он преломил лепешку и протянул большую часть Дарующему...

Ильгар лежал на подстилке из камыша, завернувшись в плащ и положив под голову скатанное одеяло, и думал о том, как поступить с Даном.

Варлана по-прежнему была не в себе, не узнавала сына и дважды порывалась выцарапать глаза Тагль. Вначале десятник хотел оставить мать и сына в деревне, снабдив плотогонов декоктами эйтаров, но Дарующий намекнул, что не стоит спихивать на речной народ такую обузу. «Хлебный союз», как назвал его Альстед, слишком хрупок, чтобы приказывать речникам кормить и ухаживать за Варланой и сыном, а местные обычаи по-своему жестоки. Сильно больных людей попросту укладывают в лодки, дают небольшой запас еды и питья, после чего оставляют решать Нарью, что будет с несчастным человеком. Иногда больных могли приютить в иных поселениях и вылечить, если так угодно судьбе, но чаще всего река забирала жертву. Это считалось делом угодным.

Выход все-таки нашли — женщину взял на попечение подслеповатый жрец. Но лишь

женщину, так как мальчик стал бы лишним ртом. Он не умел ловить рыбу, никогда в жизни не плавал на лодке, а большой воды откровенно побаивался.

— Взял сосунка — возись теперь с ним, — проворчал Альстед.

Выход напрашивалось лишь один, и десятнику он не нравился. Разлучить мать с сыном... это жестоко. А разлучить сына с больной матерью, которую лишь чудом удалось вырвать из лап костлявой — жестоко вдвойне. Но куда деваться?

Выбор сделан, и сон, будто дожидаясь этого мига, набросился на Ильгара и утащил в мир кошмаров.

Жнец провалился в царство черной мглы, где шелестящие голоса заставляли оглядываться в страхе, а таившиеся в развалинах городов и невероятных размеров башен тени — хвататься за кинжал. Иностранная сила угнетала. Он никто здесь. Пыль. Прах. Изучающий взгляд самой тьмы жег спину. Не покидало ощущение, что душа раздвоилась и одна ее часть находится в страшной опасности.

Выбившись из сил, задыхаясь от злости, эта часть шла навстречу смерти. Нечто истощало ее, но холодная ненависть придавала силы. И вот, когда, казалось, гибель неминуема, неожиданно пришло избавление.

Ярким огоньком в беспросветном мраке, оно вывело из западни. К свету и жизни.

Утром десятник ощутил себя древним старцем, разбитым параличом. Будто всю ночь по нему топтался разъяренный бык. Рубаха насквозь пропиталась потом. Слюна стала темного цвета, вязкой, как пепла наелся.

От воспоминания о взгляде из мрака сердце ускорило ход.

Ильгар вытащил и сжал перчатку. Закрыв глаза, призвал образ Рики. Ее добрые глаза и теплая улыбка развеяли тревогу. Вернулось спокойствие. Что бы ни значил сон, чем бы ни являлся — это всего лишь сон, и поддаваться беспричинному беспокойству не стоит.

Десятник поднялся с лежанки, направился к ушату. Холодная вода и терпкая настойка из цветков прибрежных растений вдохнули в него жизнь. А горячая студенистая уха прибавила сил. Он почувствовал себя отдохнувшим и... защищенным.

Для них выбрали большой, крепкий плот.

Припасы отряда пополнились мешками с сушеной и копченой рыбой, бурдюками с водой и настойкой, что так пришлась по вкусу десятнику.

Вынужденная разлука с матерью Дана расстроила. Все утро мальчик провел рядом с Варланой, гладил ее руки, шептал ласковые слова.

— У нас нет выбора, — Ильгар присел рядом, взглянул ребенку в блестящие от слез глаза. — Я бы с радостью оставил тебя здесь или отправил вас в Окунь. Но твоя мать не выдержит путешествия по реке.

— Понимаю, — ответил Дан. — Но мы вернемся сюда? Я увижу ее снова?

— Конечно. Заберем на обратном пути. Обещаю.

Стоило мальчишке ступить на плот, как печаль испарилась, морщины на лбу разгладились, а потускневшие глаза заблестели веселым огнем. Он поставил свою вазу рядом с припасами, и отправился надоедать бесконечными вопросами бойцам.

Отвязали чал, Нарю подхватила плот и увлекла туда, где восходило солнце. Когда деревня исчезала из виду, десятник убрал перчатку в потайной карман.

Было светло и грустно на душе. Приятно сознавать, что кто-то ждет тебя... но ждет ли? Он надеялся, что Рика тоже думает о нем. Этого достаточно, чтобы сделать ради возвращения все.

Сплав по реке стал самым приятным отрезком за всю дорогу. Хватало двух человек с шестами, чтобы держаться в стремнине, а остальное Нарью делала сама. Ни камней, ни опасных порогов не было. Русло еще три столетия назад расчистили плотогоны и жители Окуня. Первые две ночи все-таки останавливались у берега, выбирались на сухое. Потом, когда пообвыкли, плыли даже впотьмах. Мимо проносились деревеньки, одинокие хижины и крохотные поселения. Народ в них обитал добрый, приветливый. Дважды к ним подплывали на плоскодонках речники и забрасывали на плот, нанизанных на леску сушеных рыбин или мешочки с орехами.

Вдоль берегов тянулись леса. Темные, мрачные, но притягательно-красивые. Дубы, грабы, вязы. Они сторожевыми башнями нависали над водой. Редкие ивы роняли слезы в Нарью, протянув ветви к потоку великой реки.

Люди отдохнули, Ильгар разрешил слегка увеличить вечернюю порцию вина. Воинам следовало расслабиться. Из-за телеги и мулов свободного места оставалось впритык, но никто не роптал. Справление естественных нужд неотесанные солдаты превратили в своего рода соревнование.

А вот кто чувствовал себя неудобно, так это эйтары. Эльм даже просил причалить к берегу. Следопыты выбирались на землю, подолгу ходили вокруг деревьев, валялись в высокой траве, как молодые котята. Выкапывали клубни редких растений, бережно укладывали в мешочки с грунтом. Возвращались посвежевшими, веселыми.

Воины и жрецы смотрели на них с улыбкой. Станный был народ. Удивительный.

Но вот пришло время остановиться.

Пара плотогонов, орудующих шестами всю дорогу, помогли отряду сгрузить вещи. С мулами провозились почти до заката. Животные никак не хотели сходить на берег. Тагль пришлось окурить их успокаивающим дымом валерианы, боярышника и еще какого-то неизвестного растения. Из-за воскурений и возни с пучками сушеных трав, жрица сама постоянно пребывала в довольно странном состоянии, между сном и явью.

Речники погнали плот к Окуню. От монет, предложенных Дарующим, отказались. Уверяли, что легко поменяют плот на пару лодок и к новолунию поднимутся по течению в родную деревню.

Отряд же разбил лагерь. В ту ночь никто не получил ни капли вина. Ильгар усилил дозоры и запретил разжигать костер. Они пришли на чужую землю, куда свет Сеятеля пока не добрался.

— Прям как на войне! — хмыкнул Партлин, раздавая воинам сушеных рыбин. — Чую, наденем скоро брони.

— Это опаснее войны, — буркнул Альстед. — Мы одни здесь. Никакой помощи не будет, случись чего. Так что ваш десятник прав — осторожность превыше всего. Не следует переоценивать себя. Мы — капля в море Армии. Сгинем здесь, никто горевать не станет. Отправят еще десяток. И будут отправлять до поры, пока Совет Дарующих не получит того, чего хочет.

— А что им нужно здесь? — спросил Барталин. — Сколько себя помню — Сеятель держался в стороне от болот, лесов и гор, где живут кланы колдунов.

— Он и сейчас держится, — заметил Дарующий. — Но если закрывать глаза или отворачиваться — опасность не исчезнет. Рано или поздно мы должны столкнуться с теми, кто живет в болотах и горах. Для того и нужна разведка, чтобы не случилось провалов. Однажды отряды уже пришли в горы. Там полегло много народу, и все без толку.

— Резонно говоришь, — кивнул Эльм. Взгляд его был затуманен. — Но топи... это иное. Колдуны — люди. Пусть и сроднившиеся с чем-то темным, но все ж таки люди. Мать-земля, Ваярия, не отвергла их. То, что обитает в болотах, чуждо самой природе.

— Я знаю слишком много, чтобы добровольно идти туда. Но привык делать то, чего от меня требуют, и не задавать лишних вопросов.

— А мы не привыкли, — Крапивка покачал головой. — Сеятель всегда просил нас об одолжениях сам, по-дружески, а не приказывал устами своих последователей. В этот раз мы не получали просьбу. Нам приказали. Кто скажет, почему это произошло? Быть может, великий человек чувствует, что мы не согласились бы прийти сюда по доброй воле?

Повисло неловкое молчание, которое нарушил Ильгар.

— Позволь вопрос. Что такого сделал для вас Сеятель? Вы так привязаны к нему.

— Он изменил нас. Вернул к истокам. Научил ценить то, что никто не ценит. Он меняет мир.

Лес был старым.

Ветви сплетались над головой в шатер, землю устилали сухие листья. Тропинок здесь не было. Двигался отряд медленно, все чаще пропуская вперед эйтаров. Они находили участки чистой земли между деревьями, чтобы могла проехать телега, и скорость движения отряда снизилась незначительно.

Ильгар чувствовал себя в лесу как дома. Крылось нечто родное в этих мрачных логах, густом подлеске, шуме листвы и чириканье птиц. Словно вернулся в детство, которое так старательно забывал последние годы. Но голову занимали мысли об отряде и долге... Рике... и о том, с чем придется столкнуться в топях. Времени для грусти не оставалось.

Днем в густой тени было прохладно. Хватало и родничков, питавших столетние дубы-исполины, и дающих жизнь буйной растительности, вроде бузины или куманики. Повсюду сновала самая разная живность, и отряд постоянно имел про запас свежее мясо. Путники видели огромные заброшенные гнезда в ветвях, шалаши в зарослях и даже землянки. Иногда встречались охотничьи метки, старательно высеченные на жесткой коре.

Край был диким, но отнюдь не безжизненным.

Тафель освободился от лубка, и осторожно разрабатывал руку, сжимая и разжимая в ладони клубок упругой лозы. Когда Тагль разрешила взять лук, воин каждую свободную минуту занимался тем, что всаживал стрелу за стрелой в деревья и пни.

Его обязанности по уходу за мулами легли на плечи Дану. Мальчишка справлялся хорошо, был заботлив, и вообще, приносил отряду пользу. В свободное время кашеварил с Партлином или ходил с эйтарами на прогулки в чащу. Дан помогал собирать корни, почки и бутоны удивительных растений.

— Зачем вам столько зелени? — спросил как-то на привале Барталин, попыхивая любимой трубкой. — Ваши баулы и так битком набиты травой.

— Наш народ собирает растения со всей Ваярии, — ответил Крапивка. — Женщины и дети возделывают землю, ухаживают за саженцами и готовят припарки, декокты и настойки самых разных свойств. Мы строим парники, а в пещерах выращиваем самые нежные растения, которым даже солнечный свет не нужен. Наши края пестрят разнотравьем. Нигде нет и не будет ничего подобного, потому что только эйтары понимают Мать-землю.

— И поэтому вы собираете всякую мелочь тут? — удивился Гур.

— Конечно, — ответил Эльм. — Мои сородичи никогда не бывали в этих лесах. И, надеюсь, больше сюда никогда не придут. Единственная причина, по которой лично я

согласился идти к болотам, — возможность собрать образцы редчайших растений. Для меня это великая честь и награда — принести новые саженцы в наш настоящий дом.

— Хочешь вернуться на родину? — удивился Дядька. — Не в Сайнарию?

— Нет. Я устал от города. Не могу и не хочу больше. Вернусь в родной край с саженцами, а большего мне и не нужно. Разве что еще раз покину родину, чтобы взглянуть на Ландгар. Говорят, осенью там цветет либбель — единственное в своем роде дерево.

— Так и есть, — кивнул Альстед. — Цветет. В короткий промежуток времени между иссушающей жарой и холодами оно покрывается мелкими цветами всех цветов радуги, что мерцают в ночи.

— Верно, — подтвердила Тагль. — Продолжается это чудо чуть больше недели. То время свадеб, время любви...

Ильгар проснулся посреди ночи. Он был рад вырваться из кошмара, полного неясных образов, беззвучного ветра и темноты. После нее даже лесной сумрак казался жидковатым.

Лес выглядел непривычно тихим. Замершим. Воин ощущал на своем влажном от пота лице дуновение ветра, но не скрипели ветви, не шелестели таинственно листья. Лишь негромкое потрескивание поленьев в костре нарушало тишину, да кто-то из бойцов заливисто храпел.

Послышался шорох шагов. Десятник вскинулся за мгновение до того, как Нур коснулся его плеча.

— Чего подкрадываешься, да еще так неумело, увалень?

— Брат видел тени в лесу, — ответил здоровяк. — Там кто-то есть. Пока не нападают, но снуют туда-сюда.

Выругавшись, Ильгар встал с лежанки, ухватил топор.

— Поднимай ребят. Только тихо!

Десятник отправился ко второму из близнецов. Мрачно порадовался, что выбрал удачное место для дозорных. Походя велел Дядьке расставить бойцов и позаботиться о Дане. Сам скользнул в темноту, отсчитал два десятка шагов от трухлявого пня, поросшего наплывами грибов, свернул к зарослям бузины. Гур опустился на колени и внимательно смотрел в темноту.

— Что стряслось? — спросил десятник.

— У нас гости. Ни факелов, ни фонарей при них нет. Как по лесу бродят в темноте — ума не приложу.

— Возвращаемся к отряду. Раз пока не напали — выжидают чего-то. Успеем приготовить теплую встречу.

Лучники устроились по обе стороны телеги, став почти незаметными в темноте. Лишь Тафель остался в стороне, высматривая кого-то за деревьями и не думая об укрытии. Ромар загородил собой Альстеда, но клинка не обнажал. Положил три пальца на рукоять и продолжал ждать нападения с таким лицом, словно наблюдал, как льется пиво в кружку. Рядом с Дарующим жрецы спешно набивали кадила особыми бодрящими благовониями, и вскоре воздух наполнился сладким дымом, от которого бурлила кровь.

Эйтары обступили Дана, но по-прежнему не прикасались к кинжалам. Марвин неторопливо переминался с ноги на ногу, бросая просительные взгляды то на Барталину, то на Ильгара.

— Не люблю, когда со мной играют в прятки, — вздохнул Дядька. — Прощупаем их? Поглядим, кого к нам по реке судьбы принесло?

— Нет, — сказал Ильгар. — Не станем рисковать. Мы не знаем, кто там. Пока ведут себя трусливо, но что будет, если набросимся на них с оружием?

— Верно. Нет нужды никуда ходить, — спокойно проговорил Альстед. Он успел облачиться в доспехи и стоял, жадно вдыхая воскурения.

Дарующий запрокинул голову. Открыл рот. Дыхание стало неровным, громким, хриплым. В глазах, будто сапфиры засверкали. Человек заметно дрожал, словно пропускал через себя тонны воздуха. Наконец умолк, застыв, как изваяние. Зрачки поблекли, руки опустились. Альстед согнулся, точно получил удар поддых. Ромар быстро подхватил своего хозяина.

Отдышавшись, Дарующий проговорил:

— Там двенадцать человек. Мужчины и женщины. С оружием. Дрянным, откровенно говоря, но все-таки. Одеты в лохмотья, сами грязные, худые. Стоят и ждут. Они полны страха. Боятся ступить вперед, но и назад не повернут ни за что на свете. Больше не смог разобрать. Меня словно пинком зашвырнули обратно в тело — до сих пор мышцы огнем горят... Следом за ними гонится нечто... неизвестное мне.

Тагль сунула ему крохотный пучок остро пахнущих трав, буквально заставила прожевать и запить водой из фляги.

Ильгар, никогда не слышал о подобных способностях, и был поражен не меньше остальных. Если Сеятель мог позволить себе раздавать такую силу — он и вправду могущественнее любого бога Ваярии.

— Будьте наготове, — прохрипел Дарующий. — Нечто толкает их сюда. Я никогда не чувствовал в людях такого ужаса и ненависти. Они бросятся на нас, не задумываясь, лишь бы убежать от своих страхов...

В тот же миг на поляну устремились дикари. Шайка оборванцев, вооруженных заточенными кольями и каменными топорами. Молча, тихо, они выныривали из темноты. В глазах застыло нечто такое, чего никогда и никому не стоит видеть. Настоящая печать страха.

Прежде Ильгар мог даже пожалеть несчастных. Но не сейчас.

Свистнули первые стрелы. Две женщины рухнули, словно натолкнулись на невидимую стену.

Ильгар снес голову одному, второго просто сбил обухом с ног, а Барталин добил коротким уколом в сердце. Лохматая женщина побежала к жрецам, вскинув над головой зажатый в обеих руках топор. Ромар текучим движением переместился со своего места ей на встречу. Легко выхватил оружие из ножен и, продолжая движение, развернулся на пятке, перенес вес на левую ногу, нанося удар. Лезвие с хрустом врубилось в грудь дикарке и непременно застряло бы в костях, но темнокожий вновь развернулся, освободил клинок. Замер, спокойно разглядывая мертвое тело.

Все было кончено в считанные мгновения.

— Бойня, — буркнул Барталин. — Они даже понять ничего не успели....

Послышался хруст ломаемых веток. Следом на отряд обрушился настоящий шквал камней. Воины были вынуждены отступить к телеге, чтобы защититься хотя бы с одной стороны. Доспехи кое-как смягчали удары, но под ливнем голышей, тело быстро превращалось в сплошной кровоподтек.

Мулы жалобно кричали, получая ударов не меньше, чем люди.

Вскоре каменный град иссяк, перестав барабанить по бортам телеги. И тогда на поляну

устремились десятки мелких существ, отчасти напоминающих людей, отчасти — вставших на дыбы лисиц. В костлявых кулачках одни сжимали деревянные кинжалы, другие размахивали булыжниками, обмотанными лозой. Остренькие глазки сверкали зеленым огнем.

— Ну, сучьи дети, сейчас мы попляшем, — порычал Марвин, бросившись в гущу противников. Следом за ним рванули близнецы. Снурвельд взобрался на телегу, чтобы рогатиной отгонять назойливых уродцев от лучников. Тафель вскочил на козлы. Стрелял редко, выискивая во вражеских редутах самых опасных бойцов.

Ильгар бил топором, сметая с ног рыжих уродцев. Мелкие, удивительно проворные — за ними трудно было уследить. Они наскакивали со всех сторон, нанося болезненные удары деревянными кинжалами, и тут же отскакивали. Но доспехи пока выдерживали, и десятник крутился волчком, бил налево и направо, рукоять скользила в мокрых от крови пальцах.

Несмотря на перевес врага в численности, казалось все же преимущество в вооружении и силе жнецов.

Поляна была усеяна трупами и залита кровью, а люди походили на резников в разгар трудового дня. Дым из каминов помогал восстанавливать силы, избавлял от рвотных спазмов и притуплял боль...

Тяжело шагая, к костру вывалилось нечто, размером превышающее бурого медведя. Шло оно на двух лапах, размахивая над головой сучковатой дубиной. Существо было сильным, быстрым, из пасти торчали длинные клыки. Ильгар почувствовал, как теплеет шрам на груди.

Монстр не принадлежал к богам. Однако обладал скрытой силой, понять которую человеку не суждено...

Но стрелам все равно, какого ты размера и какие у тебя зубы. Оружью плевать на скрытую и неизведанную силу, которую не суждено понять человеку.

В этот раз хватило одного выстрела, чтобы решить исход боя. Противно чавкнув, стрела вошла в глазницу и пробила затылок диковинному существу. Предводитель лесных тварей завалился на бок. Дернулся и затих.

Лес вновь ожил. Зашумел ветер, вздохнула шелестом листва; робко закричали ночные птицы.

Тафель опустил лук. Сжал и разжал пальцы. Поморщился.

— Учитесь, олухи. Отец вернулся, — самодовольно улыбнулся.

— Если ты мой папаша — я тебе отрежу яйца, — пообещал ему Гур. Он держался рукою за ребра, правая бровь заметно напухла. — Этот подонок бросил мать, когда нам было по три года...

— Я его могу понять, — пожал плечами лучник. — Наверное, увидел, каких уродцев наплодил, и с горя бросился в пропасть.

— В нашем десятке собрались сплошь миляги и душки, — вздохнул Барталин, вытирая клинок листвою.

— Верно, — кивнул Ильгар. — Именно поэтому Гур и Тафель будут нести дозор до самого утра.

— Что дальше? — спросил Дядька. — На марш?

— Нет. Перенесем лагерь. Нужно отдохнуть и перевязать раны. Пройдем чуть севернее, чтобы ветер запах крови не приносил.

Новое место для ночевки выбрали быстро, оно заметно уступало предыдущему. Повсюду

торчали корни, сильно пахло прелыми листьями, рос колючий кустарник. Из осторожности костер решили не зажигать. Но даже в таких условиях бойцы умудрились заснуть — так на них подействовали зелья жрецов.

Ильгар заставлял себя бодрствовать. Даже попросил у эйтаров траву, прогоняющую сон. За это придется расплачиваться на дневном марше, но необходимо кое-что выяснить. Напившись подслащенной медом воды, чтобы забить жгучий вкус полевого бодряника, отправился к Дарующему. Альстед все еще был бледен, цедил холодный суп из кружки и заедал сухарями. Ромар околачивался неподалеку, на ходу полируя клинок промасленной тряпицей.

— Есть разговор, — негромко сказал десятник, усаживаясь напротив Дарующего.

— До утра подождать не может? — вскинул бровь тот.

— Нет. Когда дело касается безопасности десятка — спать мне не хочется, — Ильгар врал. Он с удовольствием завернулся бы в плащ и проспал до полудня. Трава еще не подействовала, усталость не думала отступать.

— Спрашивай.

— Что испугало тех людей?

— Не знаю. Не могу знать. Да и вряд ли понял бы, разглядывая их хоть всю ночь напролет. Это иной народ. Иные нравы, иная душа, — Альстед был сам не свой. Взгляд мутный, бездумный. Слова поначалу срывались с губ неохотно, но потом уже лились потоком.

— Я должен знать все, — мягко настаивал Ильгар, решив, не упускать момента и разговорить Дарующего, пока тот вновь не стал жестким и неуступчивым человеком. — Вдруг судьба нашего похода зависит от причины их страхов? Что может испугать людей до такого состояния, что они бросаются с палками под топоры и стрелы?

— В мире много всего, что способно напугать человека до одури. Потоп, пожар, война, голод, моровое поветрие... я могу продолжать очень долго! Кому ведомо, как трактуют дикари самые обычные природные явления? Наивны, как дети... да что говорить, ты ведь сам из таких.

— Из таких. Как и половина Армии. Но разве сейчас это имеет значение? Важнее — что творится в топях. Я не дурак, хотя и не обременен умом на вроде тебя или Ордуса Ракавира. Могу сложить слова эйтаров, страхи дикарей и... предупреждения черноволосой. В топях нас не ждет ничего хорошего, так?

— В топях нет ничего, чего бы не нашлось в любом другом уголке Гаргии, — немного резче ответил Альстед. — Тебе этого не достаточно? Тогда вот тебе еще и мое слово. Теперь цена веры достойная?

— Цена моей веры — знание, — сказал Ильгар. — А цена знанию — наши жизни. Если в топях есть... есть нечто, вроде Соарт или колдунов, нам следует знать об этом сейчас. А лучше бы — до выхода из Сайнарии.

— Все, что следовало — тебе и так рассказали. Не ставь себя выше, чем заслуживаешь, иначе так и закончишь дни десятником в резерве. Совет отправил нас сюда. Так нужно. Занимайся своими обязанностями, остальное тебя не касается...

— Совет? Не Сеятель?

— Дурак, — упрекнул его устало Альстед. — Совет — это голос Сеятеля. Его руки. Его воля. Без его повеления никто шагу не ступит. Так что заканчивай докучать вопросами — иди спать.

— Пойду... но спрошу еще об одном. Ты, обладающий Даром, почувствовал, что за тварь привела рыжих коротышек?

— Это тварь служит тому, что испугало дикарей. Так мне думается... Доволен? Я сказал больше, чем ты должен был слышать. Хочешь подробностей — навести Эльма. Он с радостью разжует все, что ты услышал сейчас. Иди. Оставь меня.

Еще три дня они относительно спокойно шли через лес. Дубы и вязы лишь изредка размыкали переплетенные ветви, казалось, что здесь царят вечные сумерки. В родниках вода заметно потемнела, потеряла потрясающий вкус. Дважды им попадались гнилые озерца, густо заросшие по кромке ольшаником. Дичи заметно поубавилось, зато высохших мертвых деревьев встречалось значительно больше.

Ильгар про себя отметил, что вести армию через такие буреломы будет архисложно. Трава кое-где доставала колен, кустарники так и норовили впиться в одежду, земля размякая, телега ползла все медленнее и медленнее. Трижды застревала. Десятник почувствовал первые признаки усталости. В икрах и бедрах поселился холод, постоянно хотелось есть. До цели осталось немного. Еще два дня — и они будут на границе с топями. Разобьют бивуак, вдоволь насладятся жарким костром и горячей едой, вместо надоевшей соленой рыбы и сухарей. Отдохнут несколько дней и совершат последний переход. Вглубь неизведанных земель.

Ночами, будто из земли сочился легкий туман. Он вился между деревьями, скрывал палую листву и заполнял собой лощины. Заметно похолодало. Но теплые вещи надевать не торопились — во время дневных переходов воины обливались потом из-за влажности.

Эйтары поделились мазью из жира, резко пахнущей грязи и толченой хвои. Этой мазью защищались от клещей и лысых мух, жадно набрасывающихся на обнаженную кожу.

Наконец, настало время долгожданного отдыха.

Лагерь разбили неподалеку от русла речушки. Место выбрали хорошее, скрытое буйной растительностью и находящееся в низине. Как раз то, что нужно. Вырыли глубокую яму, обложили изнутри камнями — получился очаг. На шестах растянули общий шатер, чтобы укрыться от дождя и утренней росы.

Больше всех отдыху радовался Дан. Он рвался идти наравне со всеми, подражая старшим товарищам, но эйтары чуть ли не силой запихнули его в телегу. Их насторожили мозоли, натертые мальчишкой на ногах. В такой местности влажность и губительный болотный воздух могли заставить загноиться любую царапину.

Развесив мокрые вещи над костром, люди расселись под навесом. Горячая еда, табак и отдых мигом вернули на лица улыбки.

Ильгар собирался спать, когда слышал шутливый спор. Вздорили Нур и Ковыль.

— Не сможешь найти, — утверждал громила.

— Смогу, — уверенно отвечал молодой эйтар. — Это такой пустяк, что даже время тратить не стоит.

— Спорим?

— Спорим. Что ставишь?

— Свой пояс. Новый, купил в Сайнраии. Погляди, как пряжка блестит, и бляхи нашиты! Удар кинжалом выдержат!

— Годится, — кивнул Ковыль. — Я ставлю кисет с ландгарским табаком. Табак перемешан с листьями малины и корой, повышающими мужскую силу. Выиграешь — сможешь удивить свою суженную.

Под хохот солдат, эйтар обвязал сухой лозой речной камень, величиной с кулак. Нур срезал прядь своих волос и протянул Ковылю. Тот ловко переплел их с лозой. Подбросил камень на ладони и протянул здоровяку.

— Спрячь, где пожелаешь. Даю слово, костер не прогорит и наполовину, когда найду его.

Нур, развернулся, чтобы отправиться вниз по руслу реки.

— Пусть кто-нибудь пойдет с ним! — предложил Тафель. — Это он только с виду пентюх пентюхом. На деле — коварнее змеи. И мухлюет постоянно. Помню, Ильгар как-то ему за это подзатыльников надавал!

— Так пусть десятник и проследит за ним! — влез в разговор Партлин. — Кто у нас самый строгий и честный? Ильгар, конечно.

Кляня, на чем свет стоит, своих олухов, Ильгар выхватил камень у Нура.

— Идем, спорщик недоделанный. Выиграешь — половину табака заберу себе... Продуешь — будет тебе вместо ремня тесемка или поясок бабий.

Тафель хотел добавить что-то едкое, но Нур запустил ему в лоб крупным желудем.

Прошли вниз по руслу совсем немного, когда Ильгар заметил несколько высоких камней, выступающих над водой. Отличный мост.

— Перейдем на другой берег? — усмехнулся Нур. — Пусть наш следопыт ножки замочит?

— Давай, — пожал плечами Ильгар. — Спрячем в какое-нибудь дупло — и спать. Делать мне больше нечего, как по лесу из-за вас, болванов, разгуливать...

Противоположный берег густо порос высокой темно-зеленой травой. Кое-где виднелись увязшие в мягкой земле обомшелые камни. Деревьев было совсем немного, все больше кустарники и буйные заросли папоротника, в которых вполне можно спрятать телегу. Неподалеку от места, где перешли реку жнецы, росли чахлые и кривые осины. Еще дальше, если идти на запад, возвышался дуб настолько огромный, что Ильгар невольно оцепенел. Он помнил, что в детстве видел такие же. Совсем ребенком. Нес сестру на руках, а она указывала пальцем на пышные кроны и говорила:

— Лггар! Лггар! — он был для нее таким же огромным, сильным и несокрушимым, как те исполины.

И вот теперь десятник, словно вновь услышал ее радостный голос. Веселый детский смех, который врезался в память и не уходил из нее, сколько ни гони. Эти мертвые воспоминания приносили лишь боль. И дуб, который привлек внимание Ильгара, несмотря на размеры, тоже был мертвым. Пустым, источенным короедами, с ветвями, покрытыми струпами лишайника.

— Давай бросим его у дуба? — предложил Нур, оторвав десятника от мрачных мыслей. — Живописное местечко.

— Нет.

Он ничего не стал объяснять. Просто пошел к осинам. Пусть жалкие, кривые, они, по крайней мере, еще жили. Как и сам Ильгар. Наверное, и у этих деревьев есть своя цель. Криво, косо, но расти, тянуться к солнцу.

Десятник уже видел место в клубке узловатых корней, куда положит камень...

За спиной послышался глухой удар. В груди разлился холод настолько злой, что дыхание сперло. Ильгар обернулся. Нур лежал на животе, раскинув руки. Волосы на затылке слиплись от крови. Над ним возвышался коренастый мужчина, облаченный в грязную

шерстяную накидку. Массивную челюсть уродовал шрам, широкий лоб покрывала татуировка, завитками спускающаяся до щек. Нос был сломан и, судя по всему, не единожды. Незнакомец сжимал кривой посох, увенчанный остроконечным камнем. Навершие мерцало зелеными прожилками.

Ильгар выхватил нож и кинжал, приготовился к бою...

Мощный удар сжатого воздуха отбросил его к дереву, ударил об ствол. Жнец рванулся в сторону, пропустив над головой посох. Тот с глухим стуком врезался в осину. Набалдашник больше не мерцал.

Внутренний холод сковывал мышцы, не давал двигаться десятнику так, как он умеет. Но воин продолжал кружить, бить в ответ, видя, как растет недовольство противника. Тот не ожидал такого яростного сопротивления.

Тычковый нож дважды достиг цели — чуть выше бедра незнакомца ткань пропиталась кровью, и на левом запястьи лезвие оставило след. Ильгар почувствовал уверенность. Пошел вперед. Подметил, что каменное навершие вновь наливается зеленью. И когда свет озарил сгущавшийся мрак, незнакомец выставил перед собой оружие...

Десятник бросился в сторону, перекатился. Порыв ветра прошел совсем рядом с ним, лишь немного покачнув.

Ильгар атаковал врага еще яростнее. Тот обладал недюжинной силой, но драться попросту не умел. Нелепо защищался ставшей бесполезной деревяшкой, ошибался, терял равновесие.

Жнец поднырнул под руку врагу, всадил кинжал в спину, сломав лезвие. Сбил раненого на землю. Отбросил посох и наступил на грудь, прижимая к земле.

— Кто... ты... такой? — тяжело дыша, проговорил Ильгар.

Незнакомец не ответил. Упрямый.

Удар в лицо оголовьем кинжала и крепкий пинок в живот должны были сделать его более разговорчивым.

— Кто ты такой? — повторил десятник. — Откуда здесь взялся? Говори, мать твою!

Поверженный противник издал странный звук, похожий на смех. Открыл рот, показывая обрубок языка.

Ильгар пожал плечами и перехватил глотку незнакомцу. Холод в груди никуда не делся, но стало легче.

Подошел к Нуру. Воин был жив, хотя на голове зияла кровавая рана, и лицо приобрело землистый оттенок. Десятник, хрипя от натуги, поднял соратника. Однако ж, тяжелый бычара. Долго тащить сил не хватит. А потом оказалось, и тащить некуда. Их окружили. Неизвестные люди, облаченные в одинаковые серые одежды. Ильгар опустил Нура на землю, выхватил оружие... Тут же на него обрушился страшной силы удар.

Охранникам не потребовалось даже перешагивать порог, чтобы все понять. Херидан зло покосился на Ольхоча.

— Говоришь, народ хлебосольный и мирный, а бог — сама доброта?

Растерянный воин смахнул со лба пот, пугливо оглянулся на холм.

— Сам не понимаю, что произошло. Сколько ездил, всегда спокойно было.

— Чтобы ни случилось, надо отсюда уходить. И как можно быстрее, — проронил другой охранник.

Херидан кивнул, подхватил Арда под руки, поставил на ноги.

— Ты как? Идти можешь?

— Дойду. А с ними, со всеми, что делать? Так бросим? На поживу зверям? Не по-человечески это.

— Лучше не трогать, — вмешался в разговор третий охранник. — Мы не знаем, что за напасть на них обрушилась, вдруг болезнь или порча какая. Уходим, хозяин.

Они без оглядки припустили к оставленным телегам. Мертвая тишина, накрывшая деревню, вдруг навалилась на путников внезапным чувством страха. Ощущение, что стоит оглянуться, и они увидят, как в распахнутых настежь воротах толпятся все жители деревни — мертвые, покалеченные, смотрящие с укором им вслед, было настолько явственным, что по спинам тек холодный пот.

— За вами призраки гонятся, чего вы такие перепуганные? — дожевав колбасу, заржал Пард, когда они выскочили к телегам. Его смех тут же смолк, стоило заметить, как трясет Рэйхе, как напряжен Херидан, а Ольхоч, сжимая оберег, бормочет заклинания. Ард сам напоминал призрака — глаза остекленели, лицо бледнее мела.

— Случилось чего? — сразу насторожились дожидавшиеся их охранники.

— Уходим! Гоните, как можно быстрее! — рявкнул горец, вскакивая в седло.

Засвистели плети, закричали возницы, погоняя лошадей. Летели галопом, пока лес не остался далеко позади.

— Что там было-то? — покосился назад Пард. — От кого бежали?

— От деревни мертвецов, — сплюнул Херидан. Желваки ходили у него на скулах.

— Все мертвы, что ли? Мор или нападение?

— Местный божок спятил. Всех поубивал.

Пард посерел лицом.

— Дела...

— Не понимаю, — неожиданно простонал Ольхоч. — Много раз у арагов гостил, к молодежи одной наведывался. Не было людей более приветливых, чем здесь. С богом частенько о жизни говорили. Умно, складно он о мире рассказывал, мудростью делился. Ни гордыни в нем, ни зла не было, о людях своих как о детях пекся. И вдруг такое... Онейку я на огороде мертвой нашел — зарубленную, а сынишку ее в колодце.

Охранник обхватил голову руками, закачался.

— Не война ведь. За что же их так? В чем провинились?

Ответов ни у кого не было. Потупились, отвернулись, с ужасом представляя на месте жителей мертвой деревни своих родных.

Сайнария склонилась над мужчиной, приобняла, что-то зашептала на ухо, и Ольхоч

успокоился в женских руках, притих. Херидан сунул ему фляжку с вином.

— Выпей.

Тот судорожно глотнул, протянул обратно. Горец тоже выпил, передал следующему охраннику.

— Помянем бедолаг. Да пребудут их души в покое.

Фляжка пошла по кругу. Остаток дороги до ближайшего постоянного двора проделали в молчании. Устраивать привал никто не захотел. Слишком яркие стояли еще перед глазами картины произошедшего в деревне, терзал носы запах смерти, ввевшийся в одежду. В таком состоянии лучше ночь проводить под крышей, чтобы мертвые не пришли на зов воспоминаний.

Поручив лошадей конюшему, путники прошли в трапезный зал. Постоялый двор был раза в два больше трактира Ландмира. Место хозяин выбрал удачное, на пересечении трех важных дорог, ведущих к большим городам: портовому Мерту, Дэйвиру и Кору. Тракт оживленный, людей много проезжает. И в зале путников набилось — еле свободный стол нашли. Расторопные служаночки мигом принесли горячей каши с грибами, двух гусей, соленой капусты и три кувшина вина: Ард решил не скупиться.

Понуро выпили. Попытались завести разговор о дальнейшей дороге и ждущих в Мерте делах, но само вышло, что вернулись мыслями к деревне.

— А я вот думаю, неспроста тот бог спятил, — произнес Савор, самый старший по годам охранник. Высокий, жилистый и проворный; мышцы на руках, что морские канаты, лицо узкое, заостренное, волчье напоминает. И взгляд такой же, настороженный. Может, потому до седин и дожил при столь опасном ремесле, что всегда к любому нападению готов. Опрокинув вино в рот, вновь наполнил кружку. — Кто-то или что-то помогло ему.

— С чего взял? — прищурился Херидан.

— По словам Ольхоча бог мудр и добр был, народ свой не обижал. Встречал я таких на своем веку, кому действительно служить хотелось. Не из-за страха, а от души. В таких злобы нет и взяться неоткуда. Вот и вопрос: откуда она пришла? Что ни детишек, ни женщин не пожалел?

— Разве поймешь этих богов, что у них на уме? — буркнул Херидан. — Утром о доброте вещают, а вечером деревню кровью заливают.

— Я чувствовал его боль и ужас от содеянного, — тихо произнес Ард. — Он был в отчаянии. Савор прав, что-то привело его к безумию.

Проходивший мимо парень с кружкой пива остановился возле их стола, открыто вслушался в разговор.

— Уважаемый, тебе чего? — грубо поинтересовался Херидан. Остальные охранники тоже недобро глянули на подслушивающего.

— Простите мое любопытство, — тот несколько не смутился колющих взглядов. Без приглашения перелез через скамью, сел за стол, подвинув бесцеремонно Парда, — я случайно услышал ваш разговор. Вы побывали в деревне, где бог убил всех жителей? Верно?

— Вы тоже были там? — заинтересовался Ард.

— К сожалению — да. Прискорбная картина и пугающая. И непонятная оттого, что лорасы племя не воинственное, их бог не приветствовал кровопролития.

— Лорасы? — Путники за столом переглянулись. — Мы видели деревню арагов.

— Значит, это уже третья, — покачал головой незнакомец, — уверен, что есть еще такие.

— Вы что-то знаете? — Наклонился Ард к парню.

— Пытаюсь выяснить. Но везде происходит одно и то же. Бог, прежде отвергающий насилие, вдруг превращается в безумца и с крайней жестокостью вырезает племя. Подозреваю, что все это неспроста. Потому и иду в Мерт, хочу покопаться в свитках библиотеки, узнать, не случилось ли похожего раньше.

— А сам-то ты кто? Чем промышляешь, человеке? — Уставился на незнакомца с подозрением Херидан.

— Хожу по миру, собираю разные истории, легенды, сказания, песни сочиняю. Вот необъяснимый случай с богами заинтересовал. А вы путешествуете или дела вынудили в дорогу отправиться?

— Дела, — коротко бросил горец, показывая всем видом, что пора бы незнакомцу убраться отсюда.

Но парень то ли сделал вид, что не заметил намека, то ли не принял его на свой счет, продолжая увлеченно рассказывать, как наткнулся на деревню, в которой осталась жива одна древняя безумная бабка, воющая одно и тоже слово: «Мшара». Что оно означает, незнакомец так и не сумел от старухи добиться. Заинтересовали его еще и черные, как смоляные, полосы на воротах.

— На изгороди деревни арагов имелись такие?

Один из охранников кивнул.

— Видел. Еле пальцы оттер. — И тут же с испугом взглянул на ладонь. — А если то проказа? А я касался. Дубина!

Вскочил из-за стола, бросился во двор руку отмывать.

— Поздно, — произнес с беспечным спокойствием парень. — Если то проказа или другая неведомая зараза, уже бесполезно меры принимать. Исход один, — сказитель красноречиво закатил глаза, вывалил язык из рта. — Только зря он испугался. Я тоже дотрагивался, ничего не случилось. Жив и здоров до сих пор... Чего не скажешь о селении, где эти полосы оказались намалеваны.

Херидан сжал кулаки, сдерживаясь изо всех сил, чтобы не придушить незнакомца.

Рэйхе клевала носом, и Ард отправил ее спать. Вслед за ней потянулись в комнаты постепенно и остальные. За столом остались только Ард и бродячий сказитель. Они проговорили до утра. У Лерста, так звали путника, в запасе имелось много занятых историй из его жизни и былин разных народов. Ард давно не проводил так замечательно время, в увлекательной беседе с человеком, исходившим много земель. Утром юноша объявил Херидану, что Лерст едет с ними до Мерта.

— Разумно ли подбирать незнакомца по дороге, хозяин? Не пожалеть бы потом. А если он подсыл разбойников?

— Вот и проследишь, выяснишь, кто он на самом деле.

— Как пожелаете, хозяин.

До города добрались без происшествий. Утро нового дня развеяло неприятный осадок воспоминаний. Заботы вытеснили тяжелые мысли. Жизнь брала свое. Истории Лерста полные невероятных приключений, слушали с интересом уже все в обозе. Забавный парень оказался их новый спутник. Немного чудаковатый, но увлеченный путешествиями, сказками и былинами. Ард нашел в нем родственную душу. Лерст был старше его на семь лет, но когда они погружались в беседу или спорили о дальних землях и прославленных героях — разницы в возрасте не ощущалось. Сказитель выглядел худощавым, даже отощалым. Не

хватало на него Пэг с ее пристрастием накормить всякого голодного. Уж под приглядом кухарки вес быстро набрал бы. А то глядеть жалко. Тонкие руки, шуплая высокая шея, ввалившиеся щеки, ребра выпирают, хотя поесть сказитель любил. И сытно. Парень постоянно что-то жевал: то сухарь, то сорванную с куста ягоду, то подобранную с земли дичку-грушу. Когда ни спроси, Лерст не отказывался перекусить, даже если трапезничал совсем недавно.

— Не в коня корм, — изрек Херидан, которому хватало порой на весь день трех сухарей и узкой полоски сушеного мяса.

Пард постоянно сокрушался, что шалопутный сказочник съел все запасы, и на обратную дорогу придется покупать новые. Однако в пути от голода никто не умер. В Мерте, хорошенько подкрепившись в одной из харчевен, все разошлись по своим делам. Ард с охранниками поехал за товаром, Рэйхе с Сайнарией отправились на поиски мастера скрипок. Лерст в библиотеку.

В порту можно было заблудиться, но помня наставления дяди, Ард быстро нашел нужный склад и отвечающего за товар смотрителя — толстого как бочка, с обвислыми до груди усами Каяда Али. Тот для приличия поворчал, что задержались. Еще день-два и ушел бы бесценный груз в другие руки, уже и покупатель приходил, цену лучшую давал. Не держи договор с Элдмаиром — давно сбыл бы с рук. При виде вложенной в ладонь монеты смотритель стал более услужлив и улыбчив. Засуетился, распахнул с поклоном двери склада.

— Достопочтенному Элдмаиру всегда рад услужить. А ты, значит, племянником ему приходишься? Похож, похож на дядю. Хватка купеческая чувствуется.

Ард отсчитал остаток оплаты, забрал товар и, поспешно распрощавшись, уехал. Херидана с охранниками и грузом он отправил обратно в харчевню, сам решил пройтись по городу, поискать жену с Сайнарией. Пспрашивав людей, узнал, что изготавливающий скрипки и прочие музыкальные инструменты мастер в Мерте всего один, да и у него товар не особо в ходу. Редко кто покупает. Инструменты делает хорошие, но характер скверный. Захочет — продаст, захочет — откажет покупателю. И как концы с концами сводит при своем ослином упрямстве?

Узнав, где находится лавка, юноша направился в ее сторону. Не успел подойти к дверям, как на крыльцо выскочила разгневанная Сайнария, немного ошеломленная Рэйхе плелась следом. «Не сторговались», — понял сразу Ард. Но все равно спросил, словно не заметил состояния женщин:

— Купили скрипку?

— На старой поиграю, — буркнула Сайнария.

— Он сказал, что нам разве что в бубен бить, а не такого возвышенного инструмента касаться. К нему за скрипками из других земель приезжают, и он не опозорит свое имя мастера, опустившись до продажи бродяжкам своих творений. Это не деревянные бездушные ящики, как у циркачей, на которых и медведи способны бречать. Его скрипкам сердцем внимать надо, — выложила все без утайки Рэйхе. — Он нас даже слушать не стал, на деньги не глянул, выгнал из лавки.

— Понятно, — Ард поддел носком сапога валявшуюся на мостовой луковицу, взял под руку Сайнарию, потянул за собой.

— Пойдем-ка обратно.

— Ноги моей больше не будет в лавке этого брюзжащего козла!

Но Ард был настойчив, и женщинам пришлось войти вместе с ним в помещение.

Лавка оказалась крохотной, но ее размеров вполне хватало, чтобы представить зашедшему покупателю весь ассортимент изделий. Знающему человеку хватило бы одного взгляда оценить отличное качество товара. Ард, знающим себя не считал, даже многие выставленные на показ инструменты видел впервые, а названия тем более не слышал. Однако ума хватило понять по качеству работы, точным линиям, идеальным изгибам инструментов, блестящему лаку, что вышли они из-под руки великого мастера.

— Доброго здоровья, хозяин, — поклонился юноша старику маленького росточка с пышной седой шевелюрой, наряженному в длинный черный фартук поверх серой рубахи и зеленых штанов.

— И тебе здравствовать, добрый человек, — ответил мастер. Поправив круглые очки на толстом носу, сердито глянул на переминающихся за спиной Арда женщин. — А вы чего тут забыли? Сказано — убирайтесь, бродяжкам не подаю.

— Они со мной. И нам нужна скрипка. Хорошая, достойная этой женщины, — юноша вытолкнул вперед Сайнарию.

Старик презрительно фыркнул.

— Ей разве что на кожаной флейте играть, на большее не сгодится.

Скрипачка вспыхнула.

— Нет в этой лавке достойного инструмента. Если в душе грязь, даже талантливые руки не создадут красоту. Разве только колокольчик на шею коровам или трещотку, разгонять ворон.

— Да как ты смеешь, дрянь, судить о том, в чем не разбираешься?! — взъярился хозяин, потрясая кулаком. — Да я... да мои инструменты...

Ард запихнул себе за спину Сайнарию, собирающуюся ляпнуть еще что-то резкое старику.

— Она погорячилась. Мы извиняемся. Но и вы не правы. Не достойно истинного мастера оскорблять покупателей и судить о них по одежке. Мы бы обратились к другому торговцу, но нам сказали, что лучшие скрипки здесь. Прежде, чем вновь откажете, послушайте, как моя родственница играет. Сочтете игру плохой — уйдем.

— У меня нет времени выслушивать всякое бряцанье, выдаваемое за музыку, — отрезал хозяин. Показывая, что разговор окончен, повернулся и, пришаркивая, направился в другую комнату, но тут, под требовательным взглядом Арда, Сайнария достала свою скрипку и заиграла. Старик замер. Так и стоял к ним спиной, пока музыка не оборвалась. Потом медленно обернулся, оперся ладонью на стул, поглядел на хмурую женщину, с рассохшейся скрипкой у плеча. Неопределенно кивнул и молчком удалился в соседнюю комнату.

— Хватит с меня. Ничего он не продаст. Пошли, — потянула Сайнария к двери Арда с Рэйхе.

Они вздохнули, двинулись за ней.

— Постойте. — Из комнаты появился мастер, неся черный футляр. Бережно опустив на прилавок, раскрыл трепещущими пальцами. Внутри находилась скрипка. Но какая! Даже Ард с Рэйхе затаили дыхание при виде такой красоты. В футляре лежал не инструмент, а сама богиня музыки. — Ее зовут Душа. Когда-то сделал для дочери... Но смерть перечеркивает порой наши мечты. Вы так играли... Никогда прежде не слышал ничего подобного. Словно вновь обнимал дочь, видел родные глаза, слышал смеющийся голос. — Старик подвинул скрипку Сайнарии. — Она ваша. Вы заставьте ее запеть так, как не пела еще ни одна скрипка в мире. В ваших пальцах колдовство — и они достойны вдохнуть его в

Душу.

— Спасибо, конечно, но эта скрипка стоит безумно дорого. Всей моей жизни не хватит, чтобы расплатиться за нее.

— Душа нашла своего хозяина, а мне вы подарили мгновения непередаваемого счастья, возвращение в молодые годы. Простите за грубость и слепоту — разучился видеть за неприглядной внешностью талант. Старость не красит нас и только усиливает недостатки. Но сегодня вы преподали мне урок. А каждый урок требует оплаты. Скрипка ваша. Не унижайте, прошу, меня деньгами, — затряс мастер рукой на протянутый Ардом мешочек с серебром. — Музыка выше всяких денег.

Юноша с женщинами поклонились и вышли ошарашенными из лавки. Сайнария прижимала скрипку к груди, словно новорожденное дитя. Радость, неверие в подобное чудо сияли в ее глазах.

— А ты хотела уйти. Мастер совсем неплохой человек.

— Несчастный только, — добавила Рэйхе, прижимаясь к мужу.

Лерст явился утром следующего дня, когда они уже собирались уезжать. Лошади плясали в нетерпении под седлами, люди закрепляли надежнее груз на телегах и делали последние приготовления к дороге. Сказитель шел, слегка пошатываясь, словно пьяный. Заметив Арда, радостно замахал рукой и побежал навстречу.

— Ты не поверишь, что я узнал! — восторженно затараторил он. — Сначала думал, что все без толку. Ночь просидел — ни одной зацепки. Не представляешь, сколько пришлось просмотреть документов, отчетов! И буквально на заре, вот оно, о-ля-ля! — Парень хлопнул с победным выражением в ладоши. — Нашел! А вы куда-то собираетесь?

Только сейчас он заметил груженные повозки, рассаживающихся по своим местам людей.

— Уезжаем. Дела сделали, пора домой, — ответил Ард.

— Как домой? Я думал, еще побудете несколько дней, разрешим вместе загадку безумия богов.

— К сожалению, некогда. Надо ехать. Был рад знакомству, — Ард, прощаясь, хлопнул сказителя по плечу, забрался на телегу.

— Не понял. Вы меня бросаете? — с укором пробормотал Лерст. Судя по лицу парня, для него это стало такой неожиданной новостью, что Ард даже растерялся.

— Помнится, уговор был довести тебя только до Мерта, — пришел на помощь Херидан. Обида на лице сказителя сменилась улыбкой. Парень ударил себя ладонью по лбу.

— Точно. Дырявая голова. Совсем забыл сказать! Я еду с вами, — запрыгнул на телегу рядом с Ардом, уместил сбоку котомку. — Так вот, на чем я остановился? Ах да, наткнулся на свиток совершенно случайно...

— Куда с нами? — нахмурился горец.

— Ну, куда вы, туда и я. А куда, кстати, направляетесь? — сказитель прищурил один глаз от солнца, глядя снизу вверх на высокого всадника.

— Домой, а тебе куда надо? — прорычал Херидан.

— Без разницы, — беззаботно произнес Лерст. — С хорошими людьми хоть на край света приятно ехать. Тем более, на западе еще не бывал. Вот и посмотрю, как люди живут.

Горец вопросительно посмотрел на Арда.

— Пусть едет.

Херидан хмуро плюнул на землю.

— Навязался на нашу голову...

Слова, как горох отскочили от парня, продолжавшего упоенно рассказывать, сколько трудов ему стоило очистить свиток от пыли и попытаться разобрать письма. Лерст не сразу заметил, что они покинули харчевню и едут по городу. Только учуяв запах горячих булочек из пекарни, прервался, чтобы поинтересоваться:

— А поесть у вас ничего нет? Я сутки в рот ни крошки не брал.

Он заискивающе глянул на Парда.

— Проглот, — проворчал возница, подтягивая к себе ближе мешок со снедью. — Опять все пожрет, а остальные перебивайся потом с сухарей на воду. Не дам! Еще из города даже не выехали, пусть терпит.

Лерст грустно вздохнул, спросил невинно:

— А когда за город выедем, дашь хоть сухарик, живот подвело — спасу нет!

— Не дам, — отрезал Пард сурово. — Все б тебе требуху набивать. Не помрешь до привала.

— У меня от голода обмороки случаются порой, — жалобно произнес сказитель.

Притворяйся Лерст, наверное, уже выкинули бы из телеги и побили, но все его эмоции были такими настоящими, искренними, полными неподдельной детской обиды и горечи, что разве совсем у злого человека поднялась бы рука обидеть его. Охранники тихо посмеивались над несчастной рожицей сказителя, приготовившегося со смирением терпеть все лишения пути. Ард еле сдерживался, чтобы самому не заулыбаться.

— Пард, дай человеку поесть, не скупись.

Возница пробухтел что-то недовольное, поковырялся в мешке и сунул в руки Лерста сухарь и кусочек сала.

— До привала больше не получишь.

Парень сразу повеселел, впился жадно зубами в угощение, что-то проговорил невнятно с набитым ртом. Проглотив, продолжил историю своего посещения библиотеки, словно и не прерывался до этого.

— Значит так, обтер я свиток, раскрыл. Письмена старые, даже буквы стерлись некоторые, но сумел разобрать. А там такое... Не поверите.

— Да рассказывай уже, не томи, — дала ему легкую затрещину Сайнария.

— Ага, интересно стало? Вот и у меня мурашки в животе побежали, когда прочел. Оказывается, существуют какие-то Черные болота. В древности их населяли странные существа, владевшие злым колдовством. Их города располагались под землей, и сила, исходившая из «котла», несла разрушение, безумие и смерть, как сказано в списке. Чуете, куда клоню?

— Нет, — недоуменно пожал плечами Савор.

— Бестолковые ваши головы, — хохотнул довольно Лерст. — Помните, я рассказывал, что бабка в мертвой деревне повторяла: «Мшара, Мшара»? Я нашел имя в свитке. Это существо из черных болот, демон, злой дух, называйте, как хотите. Он насыщается тем, что превращает чистую, светлую силу богов во тьму, ломает сознание, насылая безумие и заставляя совершать жуткие поступки.

— И как его победить? — спросил Херидан.

— Об этом в свитке ничего не сказано, — сказитель вытянул шею, глянул с жадностью на мешок. — Достопочтенный Пард, а не найдется у вас для меня еще одного малюсенького сухарика?

Возница засопел, но под взглядом Арда полез в мешок, бросил сказителю в руки сухарь. — Еще один попросишь — отдубасю почище твоей Мшары. Понял?

Лерст звучно сглотнул, кивнул и запихал торопливо в рот сухарь, едва не порвав губы.

Ночь они провели на постоялом дворе, а утром Херидан повез их к дому другой дорогой.

— На всякий случай, — ответил он на вопрос Арда, покосившись на Лерста. — Чтобы лихие люди засаду не устроили по чьему-нибудь навету.

Сказитель с любопытством обернулся к воину.

— А есть возможность, что на нас нападут?

— Кто знает? — Скривил в хищной усмешке рот горец. — Посмотрим.

— Как бы это было здорово! Я еще ни разу не участвовал в схватке с разбойниками. Такую замечательную песню получится сочинить или поэму! Мое творение увековечит меня, как великого сказителя, а бессмертную рукопись станут хранить в столичной библиотеке.

— Не заткнешься, сам тебя сейчас увековечу, — процедил Херидан, сбитый наповал непредсказуемостью Лерста.

— А я рада, что едем другим путем, а не через земли арагов. Мне было бы страшно вновь проезжать там, — сказала Рейхе.

— Ни одной тебе, — приобнял ее Ард.

Новая дорога пролежала среди пологих холмов: то огибая, то взбираясь на вершины, то стекая вниз. Солнце припекало изрядно, а деревца росли редкими купами, совсем не давая тени. Охранники уже упрели в кожаных стеганках, но раздеться Херидан не позволял.

— Глядите вокруг и не нойте.

Деревеньку, затесавшуюся между двумя холмами, они заметили к вечеру. Неплохое местечко выбрали жители. Поля защищены от ветров и жаркого солнца. Лесок, что протянулся по склонам, давал прохладу и дополнительное пропитание: грибы, ягоды, мелкая живность. А если приглядеться, то можно заметить между деревьями и выющую голубую ленту реки.

— Отдохнем, — обрадовался Лерст.

— Пивка холодненького выпьем, — поддержал его Ольхоч.

Лошади, почуяв близкое жилье, побежали резвее.

— Стойте! — вдруг приостановил коня Совор. — Херидан, глянь внимательнее. Еще вечер не наступил, а в деревне тихо, коровы не мычат, собаки не лают, а ведь должны уже чужих почуять.

Кони заржали, заперебирали копытами, удерживаемые на месте.

— Точно. Больно тихо, людей не видать. — Пард приподнялся с козел. — Ни из одной трубы дымок не вьется. Ой, не к добру это. Печенкой чую, смерть там.

— Цыц, запричитал как баба, — одернул его Херидан, вглядываясь в деревушку. Подмеченные странности ему не нравились.

Притихший Лерст робко предложил:

— Хотите, схожу, посмотрю, что там и как?

— Никто никуда не пойдет. И мы туда не поедем. Поворачивайте лошадей, пообедем, — велел Херидан.

Они спустились с горки, заложив порядочный крюк, и очутились в лабиринте ходов между холмами. Узкая дорога, на которой не развернуть телегу, виляла то вправо, то влево.

Прежде пологие склоны стали крутыми, что возам не взобраться на вершину. Приходилось двигаться только вперед.

Дорога продолжала петлять, огибая холмы, а выбраться на тракт никак не удавалось. Закрадывалось подозрение, что она просто кружит, водя их по одним и тем же местам.

— Ольхоч, Нерк, поезжайте вперед, разведайте, что там, — приказал Херидан.

Воины прищипорили лошадей, скрылись за очередным поворотом.

Телеги медленно двигались на небольшом расстоянии друг от друга. На случай нападения. Чтобы и рядом находились, и лошади не покалечились, не сбились в кучу, переворачивая возы в панике. Дорога не нравилась никому — слишком подходящее место для засады.

— Херидан, глянь, — послышался из-за поворота голос Ольхоча.

— Совор, Хорд, следите за телегами и дорогой за спиной, — велел горец и поскакал на зов.

Туман опустился внезапно, резко, словно облако ухнуло вниз, накрыв разом и путников, и холмы. Густой, белый, как сметана, что даже пальцев вытянутой руки не разглядеть, он мгновенно скрыл людей друг от друга, голоса зазвучали приглушенно. Появление тумана было тем более странным, что уже стояли поздние сумерки.

— Что за напасть, — завертел головой Пард. — Ни зги не видно.

Все притихли. Туман внушал опасение и неосознанный страх.

Лерст попытался разрядить напряжение, рассказать очередную историю, но ему быстро заткнули рот. Не тот момент, чтобы языком трепать, к каждому шороху прислушивались — неспроста тот туман накрыл холмы, неспроста.

Вдруг за спиной что-то грохнуло, раздался треск, словно ось телеги переломилась, послышалась ругань возницы.

— Что стряслось? — крикнул Пард. — Эй, Язур, чего молчишь?

Тишина.

— Волчий хрен... Уснул он там, что ли? Пойду, гляну, — Пард взял топор, слез с козел. — Ждите тут, не уезжайте.

Прошел вдоль телеги и исчез в молочной пелене.

Они ждали долго, но назад Пард не вернулся.

— Херидан! Пард! Совор! Хорд! Язур! — позвал Ард громко спутников. Никто не откликнулся. — Да куда они запропастились?

— Это разбойники подстроили? Мы угодили в засаду? — глаза Лерста возбужденно засияли. — Как думаете, они нас возьмут в плен или убьют на месте?

Подзатыльник скрипачки заставил его прикусить язык.

Арда в раздумье хрустнул костяшками пальцев, глянул на смотревших на него вопрошающе Сайнарию с Рейхе. Если бы он знал, что нужно делать. Разве только, что следует выбираться отсюда немедленно. Но, не видя перед собой дороги, совсем бы не заплутать. Юноша поднялся, перебрался на козлы, взял дубинку Парда, протянул Лерсту.

— Защищай женщин. Увидишь чужого, бей не раздумывая.

— А ты куда?

— Огляжусь. Вечно ждать мы не можем.

— Не ходи, — вцепилась в него Рейхе. — Все кто ушел — не вернулись.

— Я вернусь. Держи нож под рукой.

Арда прыгнул с телеги, перебирая руками по поводьям, дошел до лошадей. Кони

храпели, прядали беспокойно ушами, пена хлопьями срывалась с боков. Но сдвинуться с места не осмеливались. Какой-то более сильный страх не давал им умчаться отсюда. Юноша, успокаивая, погладил морды коняшкам, собрался с духом и шагнул в туман. Рвать последнюю нить с живыми существами, пусть и лошадьми, оказалось нелегко. Теперь один. Он осторожно двинулся вперед, пытаясь хоть что-то разглядеть в тумане. Хорошо запомнил, шагов через тридцать тропа огибала холм. Ард прошел значительно больше, а дорога не сворачивала. Сбоку послышался вскрик, раздался звон оружия. Он заспешил на звук. Но теперь с противоположной стороны раздался лошадиный топот и отдающий приказания голос Херидана. Юноша рванулся к горцу. Не успел сделать десяти шагов, как впереди прозвучал вопль Рейхе, полный ужаса и отчаянья. Не раздумывая, Ард бросился к жене на помощь, надсаживая горло криком.

— Рейхе, я иду! Держись, я рядом!

Однако голос жены прозвучал уже за спиной. Юноша закрутился, не в силах понять, куда бежать. С каждой стороны раздавались звуки сражения. Они кружили, путали его, меняясь местами, сливаясь воедино и разлетаясь горохом. Морок. Ард выдернул из ножен подаренный Хериданом кинжал, прислушался. Вот заржали лошади, скрипнули колеса телеги. Он двинулся в этом направлении. Недовольство на Лерста, что тот самовольно решил пробиваться сквозь туман и тревога, что сказителя вынудили к тому печальные причины, заставили прибавить шаг.

И тут заиграла скрипка. Ее чистая, звенящая мелодия ворвалась в морок сотнями солнечных лучей, рвя туман на клочья, источая в дымку. По времени должна была уже стоять ночь, но струи света заливали холмы.

Сайнария!

Ард глянул под ноги и обмер. Он стоял на краю глубокого провала. Еще шаг... Объяснить, как очутился на вершине холма, если шел только по прямой, не брался. А уж откуда взялся разлом в совсем не гористой местности, да еще такой, словно холм ровно посередине рассекли топором невероятных размеров — не стал даже задумываться. Мелькнуло лишь в голове, что падение вышло бы крайне неприятным и... смертельным.

Скрипка звала, следовало поспешить, пока Рейхе не бросилась сама его искать. Юноша повернулся и едва не ухнул от неожиданности в пропасть. То, что стояло в шаге от него, не являлось ни призраком, ни живым существом. Но оно было живо и исходило ненавистью. Ощущение лютого зла, словно порыв колючего ветра, царапало невидимыми коготками кожу. Глаз создания Ард не видел, да и сомневался, что они имелись. Откуда им взяться у тумана или тучи? Пусть и сформировавшихся в некую фигуру. Сутулую, сухую, словно коряга. Водоросли-волосы ниспадали ниже плеч, скрывая лицо, крючковатые пальцы-ветки тянулись к юноше. Трудно поверить, что соткавшаяся в виде рук дымка способна причинить вред. Но, глядя на длинные острые ногти молочного цвета, коснувшиеся шеи, Ард поверил. Он почувствовал, как ноготь, царапая, соскользнул по коже вниз, подцепил цепочку с часами, вытянул из-под рубахи. Существо издало странный, недовольно удивленный возглас, напоминающий урчание болота, отпустило вещицу, отступило и растаяло в лохмотьях тумана.

Юноша провел ладонью по лицу, смахивая струйки липкого пота. Ноги дрожали. Присесть бы, прийти в себя, но надо идти, за него волнуются, ждут. Он заторопился на звуки скрипки. Молочная пелена еще висела в воздухе, но она уже напоминала старую волчью шкуру в прорехах. Такая же серая и рваная. Ард различил впереди темнеющие телеги, крупы

всхрапывающих лошадей. Внезапно музыка оборвалась. Как ножом резанул крик Рейхе. Юноша бросился бегом вперед. Он увидел столпившихся вокруг чего-то спутников, понуро сидевшего на корточках Херидана, с облегчением заметил стоявшую рядом с ним жену. Скорбь в ее глазах сказала ему все. Сайнария! Спутники раздались, пропуская его к скрипачке, лежащей на земле. Юноша взял женщину за руку. Ладонь была холодной. Горло перечеркивали три разреза.

— Что случилось?

— Она достала скрипку и начала играть. Сказала, что музыка развеет морок и соберет всех вместе, — всхлипнула Рейхе. — Один за одним начали все собираться. Только тебя не было.

— Сайнария верила, что ты вернешься, когда услышишь музыку, — продолжил Лерст, видя, что Рейхе тяжело говорить из-за слез. — Она велела следовать за ней, и пошла вперед, продолжая играть. Туман рассеивался от ее игры, мы уже могли разглядеть темнеющие по бокам склоны и дорогу... Это существо возникло внезапно, будто вынырнуло из холма. Качнулось стремительно к скрипачке, сжало ей горло. Мы не успели помочь ей.

— Она спасла нам жизни, а сама погибла, — произнес Ольхоч. — Туман нес безумие. Мы с Нерком едва не поубивали друг друга, думая, что сражаемся с врагом. Если бы не музыка Сайнарии...

— С нами случилось то же самое, — кивнул Совор.

Херидан поднялся, повернулся к Лерсту.

— Ты хотел сочинить песню, которая тебя прославит? Вот тебе история, заслуживающая, чтобы о ней пели по всему миру. Не знаю, увековечит ли она тебя, но женщина, спасшая ценой своей жизни десяток людей, достойна остаться в памяти.

— Она была не женщиной, а богиней, — промолвил тихо сказитель.

Никто не стал оспаривать его слова.

Сайнарию похоронили на одном из холмов. Скрипку положили вместе с ней на погребальное ложе. Огонь горел ярко, и виделась всем в его пламени хрупкая женщина, играющая на скрипке.

— Я буду петь о ней, — произнес твердо Лерст. — О богине, под видом нищенки бродившей по свету и помогающей людям музыкой понять, кто они есть в этом мире. О ней не забудут.

— Хорошее тут место. Дышится свободно. Когда-нибудь тут построят город, — проговорил Херидан.

Утро выдалось промозглым. Сырой стылый ветер дул с гор, швыряя в лицо то ли мелкую морось, то ли снежную крупу — сразу и не поймешь. Не лучшая погода для поездки, да выбирать не приходится.

Природе, как и Кагар-Радшу, указывать не станешь. К тому же высоко в горах погода всегда отличалась своеобразием. Сегодня жарко, а завтра снег срывается.

Кутаясь в плащ, Ная направилась к конюшне. По дороге завернула на кухню, сцапала из корзины морковку. Хотелось побаловать Холодка перед дальней дорогой, чтобы бежал резвее. Но к удивлению колдуньи в стойле скакуна не оказалось. Запряженный в телегу жеребец стоял возле колодца и безмятежно жевал из торбы овес. Привратник Хостен, коренастый мужчина сорока зим, с широкими плечами и низко посаженной головой, разговаривал о чем-то с Арки, который проверял упряжь. Тэзир крутился рядышком, давая, как всегда, «мудрые» советы. Задумчивый Витог сидел неподалеку на валуне, опираясь на посох. Излюбленную секиру парню пришлось оставить в клане. Это оружие не для сакрифов. Посох и дирк станут единственными спутниками в его жизни.

Девушка запахнула плотнее плащ. Почти все собрались, а она думала, что придет первой.

— Морковку убери, — бросил Хостен. В руках он сжимал кремневую ступку. Лицо привратника покрывали узоры из засохших струпьев крови и пепла. — Жизнь из коня уходит.

— Почему?

— Он у нас один, телега тяжелая, да еще и вы на закорках. Холодок такую ношу с места не сдвинет. Придется поиграть с Незыблемой. Не дышите!

Он высыпал из ступки на ладонь серую пыль и сдул искрящееся облачко в морду скакуну. Тот всхрапнул, забил копытом. На удилах повисла кровавая пена, глаза остекленели. Миг — животное успокоилось.

Хостен дал знак Арки. Тот поднес плетеную корзину, в которой пицала и билась скальная крыса. Дирк привратника лишил ее жизни. Почерневшей кровью колдун напоил коня.

— Теперь он гору с места сдвинет. Только это ненадолго. Если до срока не вернемся и не расколдуем — получим чудовище. Эта пыль — прах из мира мертвых...

Забрал морковку из рук ошарашенной Наи и, хрустнув овощем, отправился на козлы.

Девушка с жалостью посмотрела на Холодка: перед ней стояло другое существо, а не любимый конь. В глазах застыл лед. Изо рта стекала слюна черного цвета. Жеребец недобро косился на нее, обнажив зубы, словно предупреждал: «Держись подальше». А раньше он так любил, когда Ная щекотала его за ушами, расчесывала гриву.

Шаловливые руки, заскользив по телу, обняли колдунью за талию. Горячий шепоток обдал ухо.

— Долго спишь, соня, мы уже телегу успели загрузить.

Девушка покосилась через плечо. Лицо балагура расплылось от радости, словно они не виделись вечность. Гаденыш. Ловко подкрался, даже не почувствовала.

— Вы — это Арки с Хостеном? — хмыкнула она иронично.

Улыбка Тэзира стала еще шире.

— Порой, верно поданная мысль приносит толку больше, чем грубая сила. Мудрость дана не каждому, и таких людей надо ценить! — изрек он, поучительно подняв указательный палец к небу.

— От бахвальства не умри, а то как же мы без тебя, мудреца, справимся? — хмыкнула Ная, вывернув ему шутливо палец.

— Тебе никто не говорил, что ты неисправимая злючка? Кстати, дирк придется оставить. Приказ Призванного. Это касается и оружия, — кивнул балагур на «сестренку» на поясе девушки.

Ная нахмурилась.

— Как же без оружия? А если случится что? — она не привыкла расставаться с кинжалами, даже на ночь клала под подушку. Без клинков, словно на морозе голая.

Тэзир пожал плечами, воровато оглянулся и, наклонившись к уху колдуньи, прошептал:

— И я считаю, в дороге без оружия нельзя. Потому чекан припрятал среди мешков. Хочешь, и твои «сестренки» схороню? — Девушка потянулась за кинжалами, но предостерегающий шик заставил отдернуть руки: — Куда?! Заметят. Неприятностей не оберемся потом. Тихо. Без резких движений. Не привлекая ничье внимание. Вот так. Умница, — заслонив девушку от посторонних глаз, балагур быстро перенял клинки, прикрыл полый плаща и пошел к телеге с непринужденным видом.

Ная вздохнула с обреченностью. Заговорщик из Тэзира никудышный. Благо до них дела никому нет.

С дирком расставаться не хотелось — с ним всяко спокойнее, но Кагар прав. Колдовское оружие выдаст их мгновенно. Девушка направилась обратно к себе в комнату. В коридоре чуть ли не нос к носу столкнулась с Кайтур. С неким удовлетворением отметила, что у той тоже висел на поясе дирк, а на бедре покачивался веер.

— Дирк и оружие брать запрещено, неси назад. Едем налегке.

Кайтур лишь недовольно поморщилась, развернулась на пятках и стремительно зашагала обратно. У них и раньше-то отношения были не дружеские, а после того, как не удалось вызволить Алишту, испортились окончательно. Темнокожая считала ее виноватой в гибели подруги и если разговаривала, то при крайней нужде и сквозь зубы. Ну и пусть. Нае оправдываться не за что. Она сделала все, что могла. И убеждать каждого в своей невинности не собирается.

Сая появилась у колодца последней — все давно уже сидели в телеге, перебрасываясь спросонья скупыми словечками о погоде и предстоящей дороге. Воодушевление от поездки еще не давало о себе знать, притушенное чувством нереальности происходящего. Их впервые отправляли в город. В выпавшее счастье не верилось, а происходящее казалось розыгрышем.

Мышка, закутавшись до носа в плащ, промелькнула мимо спутников и забралась на козлы рядом с Хостеном.

— Сая, я тебе тут место припас, — позвал ее Арки.

— Спасибо, здесь удобнее, — подозрительно тихо ответила девушка.

Молодые привратники удивленно переглянулись. Что это с ней? Про их симпатию друг к другу знали уже все. Тезир толкнул приятеля в плечо, спросил без обиняков:

— Поссорились, что ли? — Арки покачал головой. Он сам был в недоумении. — Ладно, не принимай к сердцу. Может, спала плохо, сон дурной приснился. Успокоится — поговорите.

Ная тоже так считала. Мало ли отчего плохое настроение. Ее в такие мгновения лучше

вообще не задевать, а дать перекипеть внутри.

— Не замерзла? — Балагур обнял за плечи колдунью, притянул к себе. — Прижимайся, не робей. Я жаркий.

Рожица у парня была как у кота, обьевшего сметаны. Но отстраняться не стала, так и впрямь теплее, тело Тезира было горячим, словно печка.

— Готовы? — проверяя все ли на месте, обернулся Хостен, Получив дружный ответ, легонько тряхнул вожжи. — Тогда в путь.

Скрипнули колеса, и телега тронулась. Непроизвольно взгляд Наи скользнул к домику на утесе. Возле распахнутой двери стоял Скорняк. Босой, без плаща, в продуваемой ветром легкой рубахе. Не отрываясь, Радкур смотрел вслед удаляющейся телеге. Нае показалось, что он почувствовал ее взгляд. Колдун вдруг сделал шаг вперед, наклонил голову в знак прощания.

В груди отозвалось болью.

Первую остановку сделали поздним вечером. Хостен собирался отъехать от селения как можно дальше, чтобы случайные встречные не догадались, откуда они на самом деле держат путь. Через день уже начнут появляться горские деревушки, и встречи с людьми не избежать. Как ни странно, вынужденное безделье вымотало хуже тяжелой работы. Быстро поужинав, путники повалились спать. Восторгаться ночевкой у костра в лесу уже не осталось ни желания, ни сил. Дежурить вызвался Витог. Никто его решение не оспаривал. Еще и порадовались.

После дня, проведенного в дороге, Ная думала, что проспит до самого утра, но ночью очнулась от боли во всем теле. С непривычки от долгого сидения на телеге в одной позе занемела каждая косточка. Девушка поднялась, поводила плечами, разгоняя кровь, и направилась к костру. Витог заметил ее, только, когда она села на бревно напротив. «Тоже мне страж, уткнулся взглядом в костер и забыл обо всем.

— Ложись спать, я покараулю.

— Я не устал.

Ная подбросила в костер дров, взглянула на парня сквозь взметнувшиеся к небу искры.

— Не поделишься, что тебя гнетет?

Витог приподнял голову. Повязка на глазах отсутствовала, и воронки пламени в зрачках могли показаться отражением костра... если бы от них не веяло холодом. От такого взора сделалось неуютно, но Ная не отвернулась.

— Тебе показалось. Все хорошо.

По тону его голоса этого было не сказать. Обморозиться можно от слов.

— Наверное, показалось и то, что ты стал сторониться меня. Я тебе неприятна?

— С чего бы? Ты мне жизнь спасла. Заслуживаешь благодарности.

— Тогда почему в твоих словах больше язвительности, чем благодарности? — разговор складывался неприятно, но следовало кое-что прояснить.

Витог помолчал, словно собираясь с духом, затем выпалил:

— А за что мне тебя благодарить? За это? — он указал на глаза. — Или что сделала меня сакрифом? Сборщиком жертв. Лучше сгинуть в мире мертвых, чем так жить. Ты знаешь, кого создала? Убийцу! О том ли я мечтал, собираясь стать колдуном?

— Ты прекрасно знал с самого начала, что придется приносить жертвы, — ответила она сухо.

— Я хотел охранять границы, сражаться с тварями тьмы, а не резать десятками, как

баранов, детей, женщин и мужчин только потому, что в них есть так нужная колдунам сила.

— Если пришла нужда в сакрифе, значит, нас ждут суровые времена. Что в сравнении с гибелью мира десяток или сотня жизней? — Колдунья поворошила палкой угли, заставляя пламя заиграть ярче.

— Не повторяй слов Верховных! Пусть сначала в моей шкуре побудут. Быть слепцом и видеть все яснее зрячих! Спрашиваешь, почему избегаю тебя? Да потому что твоими глазами смотрит Незыблемая. Мне никогда не забыть ее насмешливый взгляд, когда я уже не чаял выбраться из мира мертвых. Только тогда ужасно хотелось вернуться домой, хотелось жить. Теперь считаю, что лучше бы остался. Мы наивно думаем, что можем контролировать Мать Смерть, но на деле — она играет нами и давно решила судьбу каждого. В тебе находится Незыблемая, Ная. Ей не выбраться через грань, но она нашла способ, как управлять оттуда нашим миром. Ты — оружие в ее руках. Я вижу, как след смерти шлейфом накроет мир, дым пожарищ затмит небо. Я задыхаюсь от запаха гари и жженого мяса, прихожу в ужас от последствий твоих шагов. Но ты ли то будешь? Боюсь, нет. Потому что человеческого в тебе останется мало.

Ная молчала, неотрывно наблюдая, как пламя пожирает сухое дерево. Маленькие искорки перескакивали с одного полена на другое, зацепившись, расцветали огненными тюльпанами, а набрав силу, вскидывали к небу жаркие длани, чтобы через время опасть, обратиться пеплом и умереть. Жалел ли огонь о своей судьбе и недолгой жизни?

— Знаешь, почему во время Посвящения не приносят жертв? — произнесла глухо колдунья, когда Витог решил, что не дождется ответа. — Потому что Незыблемая уже взяла причитающуюся ей плату. И чем выше та плата, тем хрупче равновесие сил, поддерживающих мир. На наших испытаниях погибло трое. Это много. А если учесть, что погибнуть должны были пятеро, то вывод напрашивается сам собой. И я собираюсь стоять за свой клан, за сохранение границы всеми возможным способами. Мне неважно, сколько человек для этого погибнет, и даже, что придется расплачиваться с Незыблемой собственной душой. Если потребуется — заключу с ней сделку. Я не боюсь испачкаться в крови: ни в чужой, ни в своей. Цель оправдывает средства.

— Четверо. Нас должно было быть четверо, — поправил девушку Витог.

Ная поднялась с бревна, отряхнула ладони от сажи.

— Не задавался вопросом, почему Призванный, вопреки правилам, отправил помощь? Но послал не опытных привратников, а, по сути, неумелую девчонку? — сквозь языки костра было видно, как парень напрягся. — Причина вовсе не в просьбе Тэзира. А в велении Матери Смерти. Я была отправлена не для спасения, а в жертву. Почему Незыблемая изменила решение и позволила мне уйти и еще вытащить тебя — никому не ведомо. Ты прав — для каждого из нас у нее свой план, своя судьба. Мне не дано быть с любимым мужчиной, не убивая его изо дня в день, родить ребенка. По твоим словам, я принесу смерть и множеству других людей. Так кто больший убийца, чья доля тяжелее?

Хостен разбудил всех, едва появились первые проблески рассвета. Наскоро поужинав сварганенной на костре кашей, они засобирались в путь. Ничего необычного во время сборов не произошло, если не считать, что Сая по-прежнему сторонилась Арки и избегала с ним любых разговоров. Парень отчаялся понять причину поведения Мышки и оттого вел себя, как рассеянный олух. Ная наблюдала за его муками краем глаза. Вмешиваться в ссору влюбленных она не собиралась. Других забот хватает. Сами разберутся. Но Арки решил прибегнуть к ее помощи, как к последнему средству. С чего решил, что Сая станет с ней

откровенничать? Ни сестра, ни подруга близкая. А отказать не повернулся язык. Ох, уж эта любовь.

На следующем привале, когда они с Мышкой отправились за водой к ручью, поинтересовалась:

— Чего Арки мучаешь? Парень от неизвестности извелся уже. Поговорила бы с ним.

Девушка нахохлилась и непривычно зло огрызнулась:

— Не тебе советы давать. Сама — как собака на сене. Тэзиру голову морочишь, приваживаешь, хотя знаешь, что не быть между вами ничему.

Резкость Мышки не обидела, но задела. Сначала даже смысл слов не дошел. Неблагодарное это занятие — влюбленных мирить. Подхватила тыквенную фляжку и пошла к лагерю. Не хочет говорить — не надо.

— Что ты испытывала, когда тебя погружали в лоно Незыблемой? — от брошенного вдогонку вопроса колдунья споткнулась, с подозрением посмотрела на Мышку.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто интересно.

А вот это вранье, судя по тому, как она смущенно-пугливо отвела глаза.

Ная вернулась к девушке, жестко развернула ее лицом к себе.

— Тебя тоже погружали? — пальцы, удерживающие подбородок девушки, стиснули его сильнее. — Кто и когда погружал тебя?!

Мышка отдернула голову.

— Гляжу, тебя это очень волнует.

— Нет. Просто... интересно, — ответила колдунья ее же словами.

Взгляды девушек скрестились, и пару мгновений они буравили друг друга молча, прекрасно догадываясь о недосказанном. Сая оказалась не слабачкой и не сдавалась до последнего. Однако пересмотреть Наю ей не удалось.

— Если бы погружали — не спрашивала бы, — Мышка чересчур суетливо подняла свою флягу и заторопилась к месту привала.

Нахмурившись, Ная посмотрела ей вслед. Девчонка лгала. Сомнений не было. Вопрос только — почему?

Чем ниже колдуны спускались с гор, тем сильнее менялась природа, становилось теплее. Путники с удовольствием разоблачились, сняв тяжелые плащи и безрукавки. Парни сменили шерстяные рубахи на льняные, девушки переоделись в легкие сарафаны. По понятию привратников, привыкших спать в холодных кельях, ходить босиком по заиндевевшим камням и купаться в студеной реке — внизу царил настоящее лето. Голые каменистые вершины покрывали леса, где хвойные деревья перемежались с лиственными, чаще стали попадаться речки и небольшие озерца, с игриво плещущейся в них рыбой. Теперь не нужно было задумываться о пропитании, дичи встречалось заметно больше. Попадались и зайцы, и лоси, и кабаны. Пару раз слышали, как завывали волки. А на лысом взгорке заметили рысь. Путники радовались, как дети, каждой мелочи, наслаждались теплым ветром, приносящим ароматы трав и цветов. Прав Призванный — одичали они, отвыкли совсем от обычной жизни и людей.

Все чаще молодые колдуны соскакивали с телеги и шли следом. Сидеть в тесноте на одном месте всем давно надоело. Куда приятнее идти, ощущая легкость и силу тела, вдыхать полной грудью лесной воздух.

В этот раз путники сделали привал с наступлением вечера. Хостен хотел добраться до

города к утру послезавтрашнего дня и решил перед долгим броском дать всем хорошенько отдохнуть. Пока Сая и Кайтур готовили похлебку из кролика, Ная отправилась к речному руслу почистить и напоить Холодка. Арки предлагал сразу сделать привал на берегу, но Хостен отказался. В лесу безопаснее, меньше шансов встретить людей. Привратник был осторожен и основательно продумывал каждую мелочь, что немного тяготило и раздражало молодых колдунов. Юность бурлила в сердцах, требуя действий, риска. Даже годы, проведенные в обучении, не могли полностью изжить из них ребячество и сделать более осмотрительными. Все придет потом, с возрастом, если, конечно, доживут до того времени, когда разум начнет преобладать над восторженностью сердца.

Тэзир под предлогом защиты увязался с девушкой. Ная не возражала. Вдвоем веселее. В небольших порциях остроты балагура вполне терпимы. Хостен нахмурился, сказал:

— Жеребца доверяю только тебе, Саламандра. Ты, языкатый, держись от скакуна подальше, не вздумай даже прикасаться к нему! Знаю, откуда у тебя руки растут.

— Не особо и хотелось, — обиженно буркнул балагур. Проворчав что-то нелестное под нос о привратнике, показушно пошел со стороны девушки.

Река колдунью поразила. Такой широкой, что противоположный берег проступал размытым очертанием, она еще не встречала. Ирхан был стремительным, с порогами и опасными отмелями, но узким. Здесь же степенная, неторопливая мощь приводила в некий трепет. Это сколько тут воды? Даже умея плавать, на другой берег не перебраться.

Тэзир завернул штанины, зашел в воду по щиколотку.

— Теплая. Искупаемся? А то от дорожной пыли скоро чесаться начнем.

— Сначала управлюсь с Холодком, а потом можно и ополоснуться. Прогуляйся пока...

— Ага, побежал уже! Больше всего на свете люблю смотреть, как кто-нибудь работает. Тем более, когда миленькая девушка елозит щеткой из стороны в сторону! Личико распаренное, сарафан липнет к фигурке... ой!

Ная отряхнула руки от земли — камешек попал болтуну точно в лоб — и направилась к воде.

Умело и с нежностью почистила жеребца. Благо тот был послушный и глядел на мир остекленевшими глазами. Напоив, отвела пастись неподалеку возле кустов орешника. Затем, скинув одежду, заскочила в реку. Вода была не настолько уж теплой, как уверял балагур, но пот смыть не мешало.

— Гляди, — послышался воодушевленный возглас, — я — русал!

Плавал парень отменно. Ная еле поспевала за ним, хотя всегда считала, что несколько не уступает рыбам в умении двигаться в воде. Она бы еще поспорила с Тэзиром, кто из них лучший пловец, не будь сильно голодна. Воспоминание о горячей похлебке из кролика, муки, лука и моркови пробудило в животе тоскливое урчание. Да и вечернее небо стремительно темнело. Пора в лагерь.

Колдунья повернула к берегу.

— Возвращаемся.

Балагур оказался в мгновение рядом, руки обвились вокруг талии девушки.

— Куда спешишь? Смотри, какой чудный вечер. Побудем еще немного наедине.

Объятие стало крепче, обнаженные, разгоряченные плаваньем тела — ближе. Настолько близко, что явственно ощущалось поднявшееся в желании естество парня. Рука Тэзира в нетерпеливой страсти пробежала по бедру девушки, губы потянулись поцелуем к ее рту. От стука сердца в груди балагура можно было оглохнуть. В глазах, отражающих зажигающиеся

на небе первые звезды, утонуть.

— Нет, — уперлась в парня ладонями Ная.

— Мне больше нравится из твоих уст «да», — приняв ее отказ за игру, продолжал наседать он. Момент, когда мозг мужчины затуманивается желанием и отказывается воспринимать другой ответ, был близок. Руки балагура стали более смелыми и бесстыдными. Дело принимало неважный оборот.

— Я сказала — нет! — рассерженно отпихнула его с силой колдунья.

Объятия разорвались, Тэзир опрокинулся на спину, подняв фонтан брызг. Отфыркиваясь, парень появился из воды далеко не таким добродушным. От улыбки не осталось и следа.

— Что опять я сделал не так?! Ты просила подождать. Я честно ждал. Сегодня, по моему, вполне подходящий вечер, чтобы покончить со всеми тайнами и, наконец, стать не чужими друг для друга.

— Ты истолковал мои слова неверно. Близости между нами никогда не бывать, — отрезала Ная.

— Понятно, — процедил балагур. — Нет, так нет, плакать не стану. И навязываться тоже, раз рожей не вышел, — разгребая руками воду, он пошел к берегу.

Девушка с грустью проследила, как Тэзир выбрался из реки, оделся, освободил коня от веревки, вскочил ему на спину и поскакал к лагерю. Парня переполняла обида и горечь. Не понять этого по его резким, раздраженным движениям — надо быть совсем слепым. Дурак, какой же дурак. Обиделся как ребенок. Еще и запрет Хостена нарушил. Ну что с ним делать?

Колдунья развернулась и поплыла к середине реки. Надо успокоиться и остыть.

Девушку еще била дрожь от жара рук балагура, близости тел, нестерпимого влечения, которое передалось ей от него. Проклятый обряд! Она задыхалась от страсти Тэзира, сокровенных мыслей о себе. Под напором чужого вожделения воля слабела, проникалась жаждой любви, воспринимая нетерпение другого, как собственное желание. Так не пойдет. Ведь едва не уступила. А что потом? Ничего. Кроме смерти.

Возвращаясь, девушка поубавила скорости. На берегу разглядывали ее сарафан двое мужчин. Уселись на валун, крутят в руках одежду, посмеиваются, поглядывая в сторону реки. Сами на охотников смахивают. Жилеты из выделанных шкур, шерстяные домотканые штаны и рубахи, сапоги с обмотками, неряшливые бороды. Из-за плеч выглядывают луки. Возле ног лежат насаженные на бечеву шкурки белок и двух лисиц.

Мужчины уходить явно не собирались. Плохо дело. И Тэзир, как назло, уехал. Она, конечно, с этими двумя спокойно бы справилась и сама, не наложи Кагар запрет на колдовство, и не останься «сестренки» в телеге. А без защиты будет сложновато. Мужики молодые, сильные, ражие детинушки, судя по вальяжным позам и бросаемым шуткам, не привыкшие отказывать себе в удовольствиях. Остается лишь проверить — насколько.

Ная подплыла ближе, встала так, чтобы вода достигала плеч. Нечего дразнить голодного волка куском мяса.

— Шли бы вы домой, добрые люди, а то мне одеваться пора.

— Кто ж тебе мешает? — загоготал один. — Выходи да одевайся. Век в воде не просидишь. К вечеру холодна больно.

Это точно. Как жар от ссоры с Тэзиром схлынул, так и почувствовался холод реки. Долго в ней не пробудешь. И на другой берег сил не хватит переплыть. А по этому весельчаки-охотники могут долго идти, дожидаясь, пока ей не надоест плыть. Бережок

чистый, ровный. Да и не привыкла Ная бегать от опасностей.

Колдунья без робости вышла на берег. Похотливые взгляды мужчин заскользили по телу.

— Хороша, — протянул один, склонив голову набок, словно так разглядит лучше.

— Ага, точно богиня, — поддержал второй.

— Налюбовались? Теперь верните одежду, — Ная выдернула из рук старшего охотника сарафан, оделась.

— Откуда же ты такая красивая взялась?

— Сами видели, из реки. Дочь водяного духа я.

Улыбки вмиг сползли с лиц мужчин. Напряглись, отшатнулись невольно. Руки к оберегам потянулись.

— Не врешь?

Девушка рассмеялась.

— Какие вы доверчивые. Оттайте, шучу.

— Озорница, — погрозил пальцем старший охотник. — А мы уж, честно признаться, струхнули. От богов ведь не знаешь, чего быстрее дождешься: добра или бед. Лучше от их взора подальше держаться. А ты, девка, боевая, огонь, чужаков не забоялась, умело шуткой пыл наш притушила. Уважаю. А иди за меня замуж? Как сыр в масле кататься будешь. Я тебе корову куплю.

— Не иди за него, — влез второй охотник. — За меня ступай. У Терко дом старый, а я седмицу назад новый поставил, хозяйкой в нем будешь, сапожки сафьяновые куплю в городе и бус переливчатых.

— Корова и сапожки с бусами — предложение щедрое. Но жених у меня уже есть, — отказалась уважительно Ная.

— Где же он? Отчего одну такую красавицу оставил на ночь глядя? А вдруг мы тебя уворуем? У нас так жен из других селений и приводят.

— Недалече он. В лесочке, с отцом моим и братьями. Крикну, вмиг прибегут.

— Ой ли. Так и прибегут? — ухмыльнулись они недоверчиво.

— Закричать?

— А кричи, поглядим, что за родня.

— Ну как знаете, — кивнула девушка и громко крикнула: — Тэ-эзи-ир!

«Давай, услышь, олух обидчивый!»

— Что-то никто не спешит. Может, еще разок позовешь? Мы подождем, — вытерев усы, хмыкнул охотник. — Наврала, поди, про родню, чтобы не приставали?

— А не нужно больше кричать. Тут я уже, пришел.

Мужчины дернулись от неожиданно раздавшегося за их спинами голоса. По тропинке спускался с посохом Витог.

«Он-то что тут делает?»

Испуг охотников сменился изумлением при виде повязки на глазах парня.

— Это что ли твой жених? Слепой? Неужели кого получше в селении не нашлось?

— Поверьте, он лучший, — без тени шутки произнесла девушка.

— Как же слепец тебя защищать будет?

Их не смутило, что парень шел уверенно, не спотыкаясь, не ощупывая дорогу перед собой. И посох у него был не простой, а с набалдашником и окованным медью торцом.

— Вот так, — произнес Витог.

Посох крутнулся в воздухе, подбил вставшего навстречу слепцу охотника под колени, затем обрушился на грудь, выбив воздух. Хрустнули ребра. Хриплый стон вырвался из горла. Скрючившись, мужик заскреб ногтями по земле.

— Эй, ты что творишь?! — вскочил второй охотник. — За что парня калечишь?

Витоги в три стремительных шага преодолел до него расстояние, с силой ударил посохом по руке, потянувшейся к луку.

Крик боли разнесся над притихшей рекой.

Прижав к себе искалеченную кисть, мужик упал на колени. Колдун схватил сзади его за волосы, задрал голову, обнажив горло. В ладони сверкнул дирк.

— Витоги, нет! Не надо! — закричала ошарашенная произошедшим Ная. — Отпусти его. Они не хотели сделать ничего плохого. — Девушка приблизилась к парню, присев, стиснула его ладонь, держащую дирк, медленно отвела от горла охотника. Продолжая смотреть пристально в глаза, прошептала: — Они не враги. И не те, кто тебе нужен.

Лицо сакрифа исказилось, как от невыносимой муки, руки упали вдоль тела, голова склонилась на грудь.

— Чего ждешь? Хватай друга и валите отсюда быстрее, — прошипела Ная охотнику.

— Он у тебя безумный, что ли? Напал, как зверюга дикая. Чуть не убил, — мужик с опаской отполз от Витога. Только после этого встал, поспешил к другу, помог подняться.

— Его в армии в стычке с болотными колдунами ранили. Теперь временами припадочки случаются. Потому к лекарке и везем, — соврала девушка, с тревогой наблюдая за сакрифом. Не вернется ли призыв крови?

Охотники вдруг сочувственно вздохнули, сменили гнев на милость. Вот уж чего совсем не ожидала Ная.

— Ты, девка, вот что, бери шкурки, с лекаркой ими расплатишься за исцеление жениха. Мы не злобные, понимаем, — и потопали вдоль реки, поддерживая друг друга.

Девушка только потом спохватилась, что не поблагодарила их. А ведь сперва подумала, мерзавцев встретила. Хорошо порой ошибаться в людях.

Колдунья склонилась над поникшим Витоги, приподняв ему голову, нежно погладила по щеке.

— Все хорошо. Ты молодец.

Парень покачал головой, не соглашаясь с ее словами.

— В кого я превращаюсь, Ная? Что она со мной делает? Никаких мыслей, никаких желаний, кроме — убить. Ведь эти двое ей даже были не нужны. Нет в них силы. А Незыблемая потребовала их жизни. И я как верный пес помчался выполнять приказ.

— Она проверяла тебя, испытывала.

— В таком случае я ее разочарую. Послушного раба из меня не сделает. Я служу не ей, а Ваярии, — Витоги провел ладонью по лицу, словно снимая паутину морока, спрятал дирк.

Ная помогла парню подняться, подала посох. Говорить ничего не стала. Слова были излишни. Случившееся дало им обоим хороший урок: кто они теперь и какая их ждет жизнь. Нет особого повода горевать, но и радоваться тоже.

Из леса послышался стук копыт, и к реке вылетел верхом на Холодке Тэзир. Соскочив с жеребца, ухватил быстрым взором Наю с Витоги, торопливо удаляющихся мужиков и лежащие на земле шкурки.

— Что случилось?

— Ты на кой хрен увязался за Наей?! Для охраны или еще зачем?! — прорычал Витоги.

— Ему вечерок показался подходящим для близкого общения, — съязвила девушка, сунув балагуру в руки подарок охотников. — Держи плату.

Тэзир спал с лица, выпалил, сверкая в ярости глазами:

— Если они тебе что-то сделали, я...

— Не пыжься. Опоздал, — колдунья прошла мимо. Взяв под уздцы Холодка, повела к лесу. Жестоко, конечно, и незаслуженно. Но не смогла отказать в удовольствии уколоть.

— Я вернулся сразу же, как почуял неладное, — пробормотал балагур.

— Ты о чем думал, бросая девчонку одну? — потеснил его с тропинки плечом Витога.

Троица колдунов насторожилась, заслышав звук быстрых шагов. Из леса выскочили Хостен с кнутом и Арки с дубинкой. Старому привратнику хватило одного взгляда, чтобы обо всем догадаться.

— Сопляки безмозглые! Детство давно кончилось, игры остались в прошлом! Пора это уяснить. Особо непонятливых кнутом погоню обратно в горы! — Направив кнут на Тэзира, прорычал: — С тебя, баламут, первого шкуру спущу!

— А че сразу я? — возмутился балагур, но под гневным взглядом Хостена захлопнул рот.

— Ты, болтун, слова моего ослушался, поэтому до конца путешествия будешь оси от грязи чистить! А вякнешь против, и котел драить заставлю.

— Опять этот злобный мухомор ко мне придирается. За что недолюбливает? — проворчал тихонько Тэзир, ища сочувствия у Витога.

Хостен задержал Наю, как заботливый отец, спросил сурово:

— Если этот паршивец докучает тебе, я его быстро отважу, имя твое забудет.

— Не нужно. Он совсем неплохой и друг хороший, только шалапутный.

— Знаю я этих друзей. Красивыми словами заморочат девчонке голову, а сами только и ждут, как под юбку забраться. Чего уж тут — сам таким был! Может еще и похлеще некоторых... Но ты уже не маленькая, разбираешься, что к чему. Потребуется помощь — говори, не стесняйся. Да ведь не скажешь. Гордая.

Колдунья опустила голову, хитро зыркнув на привратника. Тот махнул рукой и пошел за всеми в лесок.

Тэзир чувствовал себя виноватым. Ходил тенью повсюду за Наей, неумело пытался вызвать шуткой у нее улыбку. Девушка отмалчивалась и всячески не замечала балагура, отыгрываясь за случившееся на реке. Пусть подергается, в другой раз умнее будет. Она нисколько не удивилась, когда он примостился спать у нее за спиной. Долго ворочался, сопел, кряхтел. Не выдержав, колдунья повернулась к нему.

— Хватит сопеть, спать мешаешь.

— Так ты не спишь? — обрадовался парень.

— Благодаря тебе — нет.

— Повиниться хотел. Прости дурака. Вел себя, точно выродок какой. Просто обидно стало. Я ведь к тебе со всем сердцем, сама знаешь, а в ответ только холод. Чем я плох?

— Легко все у тебя выходит. Сначала ведешь себя как дурак, потом сознаешься в этом.

— Сам себя ненавижу, что оставил одну. Больше ни на шаг от тебя не отойду.

Ная усмехнулась про себя. Он так и не понял, что случилось на самом деле. И Витога промолчал, не сказал. Что ж, пусть так и думает.

— Тэзир, я не деревенская девчонка. За себя постоять сумею и без чьей-либо помощи.

— Без колдовства и кинжалов? — недоверчиво хмыкнул парень.

— Без колдовства и кинжалов, — кивнула она.

— Каким же образом?

— А вот это тебя уже не касается, спи, завтра рано вставать, — и с чувством удовлетворения, что теперь балагуру не уснуть до утра, спокойно погрузилась в сон.

Глава 26

Ощущение долгого изучающего взгляда заставило разлепить веки. А после — зажмуриться вновь. Вид простиравшейся во все стороны необъятной ледяной пустоши ошеломлял. Полное отсутствие жизни. Только вздыбившиеся торосы и стелющаяся по-над землей поземка. Место, где время застыло навсегда. А ветер шепчет в уши сотнями голосов, сводящими с ума.

«Прочь! Быстрее, прочь отсюда! Бежать!»

Но тело не слушалось. Оно не принадлежало Ильгару. Воин был беззащитен перед этим пугающим миром, где вместо небесной синевы ослепляло чернотой беззвездное полотно — праматерь всего мрака. Последние капли жизни покидали тело, вырываясь из рта крохотными облачками пара.

Мир льда и тьмы завертелся волчком перед глазами. Сердце ударилось об ребра в последний раз, и десятник упал лицом в снежную пыль, раскинув в стороны руки.

Явь оказалась хуже кошмара.

Он лежал, уткнувшись лицом в зловонную жижу. Смердело рвотой и кровью. Вонь перебивала даже крепкий запах дыма. Значит, нападение и плен не приснились. Осторожно пошевелился, пытаясь понять, насколько сильно избит — тело отозвалось болью. Спутывающие руки сыромятные ремни врезались в кожу. Накатила тошнота, во рту сделалось солоно. Ильгар уткнулся лбом в землю, но тут же вскинулся вновь, запрещая себе погружаться в беспамятство. Держаться в сознании! Не сдаваться! Встать и сражаться! Поглядим еще: кто кого.

Ублюдки! Жнец зарычал в злом бессилии. Перчатка Рики! Похитители забрали ее вместе со стеганкой и рубахой. Только не перчатка! Пусть берут все, что угодно, кроме нее...

Кое-как развернувшись, огляделся, насколько позволила занемевшая левая сторона лица и заплывший от побоев глаз.

«Лучше бы ослеп совсем...»

Четверо незнакомцев, закутанные в накидки бурого цвета, придавили к земле оглушенного Нура. Пятый разжимал ему зубы кремневым ножом, шестой нес глиняную миску, в которой мерцали раскаленные угли.

Десятник рванул к врагам.

Ноги подломились, без того израненное тело грянулось об землю. Боль в голове вспыхнула с новой силой, став невыносимой. Тогда он пополз на голоса, извиваясь, как змея, не видя ничего, кроме влажной земли, поросшей жухлой травой. Слишком медленно! Вой, огласивший окрестности, быстро сменился бульканьем и хрипами.

Многоголосый смех перекрыл жуткие звуки.

Подобравшись к размытым фигурам на достаточное расстояние, Ильгар рывком воздел себя на ноги и бросился на противников... Сделал два неуверенных шага, споткнулся и упал на бок.

Смех стал громче.

«Они смеялись не над Нуrom, — мелькнула на задворках сознания смутная догадка, — а надо мной...»

Его снова окутала темнота, оставив один на один с ледяным взглядом и сонмом теней.

Грань между бредом, снами и явью истончилась, а потом исчезла окончательно. Одно проникало в другое, смешивалось с третьим и снова изливалось в первое. Где-то кружил снег, солнце в мгновение ока прокатывалось по чистому небосводу и, под проливным дождем опускалось в океан, наполняя мир шипением и туманом. Как разбитую мозаику Ильгар пытался собрать осколки воспоминаний воедино. Вот его ведут через узкую тропку между огромными дубами. Вот осторожно перебираются через изрезанную венами ручьев чащобу. В следующей вспышке воспоминаний он сидел, привалившись спиной к борту долбленки, медленно ползшей по заилённому озеру. Потом находился на освещенной костром поляне, крепко привязанный к дереву.

Десятки картинок кружились крохотными светлячками в темноте сознания, перемешиваясь, разлетаясь и вновь собираясь в кучу.

Дорога казалась бесконечной.

Все это время пленника мучила головная боль, левый глаз оставался незрячим. Десятник не помнил, чтобы его кормили. Лишь заставляли пить отдающую тухлятиной воду, в которой плавали какие-то травы и лепестки. Питие тут же выходило со рвотой. Что произошло с Нуром, он не знал. Скорее всего запытали до смерти.

О побеге не приходилось даже мечтать. Слишком слаб, чтобы ускользнуть от незнакомцев. Да и куда идти? Кругом топи. Даже умелый проводник заплутает, не говоря о чужеземце. Одно успокаивало: убивать его не собирались. Иначе, зачем тащат так долго? Значит, нужен для каких-то целей. А раз так, то не все потеряно, еще может подвернуться шанс улизнуть. Стоит лишь немного поднакопить сил, да разузнать, что нужно этим... он не знал, к кому угодил в плен. Временами грудь сковывал холод, но большую часть времени воин не чувствовал ничего. Разглядеть незнакомцев не получалось — те прятали лица под глубокими капюшонами.

В том, что разведка в топи обречена на провал и из нее не выйдет ничего хорошего, Ильгар уверился с того самого момента, как погиб Нот. Суеверным человеком десятник себя не считал, но еще волхв Карагач говорил, что мир соткан из примет, и кто умеет их читать, сам правит лодкой на реке судьбы. А чем не знак — странная дикая смерть знаменосца от колдовства. Затем черноволосая и ее предостережение. После: необъяснимый, утянувший в другую реальность сон. А теперь перчатка Рики. Она была для него дорогой домой, оберегом удачи. Он обещал вернуть ее. И не сберег. Знаки. Кругом знаки. Вопящие, что выхода нет, никакой надежды не осталось. Против примет не поспоришь, уверял Карагач.

«Поглядим».

«Знаки — предупреждение богов простым смертным»...

Но Ильгар давно наплевал на всех богов. Он сам себе примета. Близость смерти нагоняла пораженческие мысли и отчаянье, делая его брюзгой, но он не сдался. Устал, обессилел, но не сдался.

Солнце исчезло с небосвода. Здесь всегда царили сумерки, сменявшиеся ночью глухой и темной. Сил на побег скопить не удавалось. Тело из союзника превратилось в предателя. С каждым днем, лишенный еды и нормального отдыха, десятник слабел, еле дожидался ночевки, чтобы рухнуть на землю и, закутавшись в плащ, уснуть. Кошмары больше не мучили — каждый день был кошмаром. Смертельная усталость вытеснила сны. Вместо них — короткие обрывки черноты, а следом — безжалостные удары ногами или палками, возвещавшие, что рассвело.

Таким и запомнил путешествие по топям: полным боли и усталости.

«Боль и усталость...»

Эти чувства стали единственными на свете. Сколько черных мыслей и безнадежности крылось за ними! Больше ничего не имело значения.

Чем дальше забирались в топи, тем меньше оставалось шансов убежать. В отчаянье десятник попытался уползти в густые заросли папоротника, где журчал ручей. Но, добравшись до воды, потерял сознание. Пришел в себя от холода и нехватки воздуха. Его толкнули в ручей, и, казалось, целую вечность топили. Он сопротивлялся, молотил руками, разбивая кулаки об устилающие дно камни и корни, лягался и бил локтями, даже укусил одного из мерзавцев за палец. Остервенение, с которым он цеплялся за жизнь, чем-то приглянулось похитителям. Его не стали добивать, вытащили из воды и просто избили до полусмерти. Забвение в этот раз не пришло, и жнец в полной мере ощутил прелести изувеченного тела.

Как только сумел пошевелиться, сам вправил сломанные на левой руке пальцы, смастерил лубок из разорванного плаща и подобранных палок.

Объявилась мелкая крылатая живность. Почему-то спутников лысые мухи и москиты не трогали, вся «ласка» мелких кровопийц доставалась ему.

Однажды десятнику не удалось встать с земли. Проснулся и не смог пошевелиться. Но один из незнакомцев напоил его горячим отваром и втер в десны какой-то кислый порошок. Через десять ударов сердца удивленный жнец встал и пошел. Сначала как деревянная кукла. А через несколько шагов уже скакал по кочкам, огибал бочаги и трясины, даже не подумав убежать или утопиться. Вечером, когда объявили привал, упал, где стоял.

Последовал долгий, беспросветный провал в памяти.

В себя Ильгар пришел резко. Открыл правый глаз и тут же сел. Огляделся.

Он находился в дощатой хибаре. Пол устилал гнилой тростник, из мебели лишь лежанка на полу да некое подобие стола из плохо пригнанных друг к другу досок. Вместо двери — дырявая шкура неизвестного животного, сквозь разрывы в которой в лачугу проникал слабый дневной свет. Больше внутри жилища — если это убожество можно назвать жилищем — ничего не имелось.

Он прислушался. За стенами лачуги не слышалось ни голосов, ни лая собак, ни кудахтанья кур.

Морщась от боли, десятник встал с лежанки, опершись плечом о стену. Видел он по-прежнему мутно, как после хорошей попойки. Аккуратно ощупал лицо — левый глаз на месте, гематой не закрыт, что радовало. Боль в затылке стала тупой, и проявлялась всякий раз, при глубоком вдохе. Сломанные пальцы распухли, приобрели синюшный оттенок, но оставалась еще одна рука и столько злости, что хватит передуть всех врагов. Сжав кулак, Ильгар отлепился от стены и ринулся к пологу. Земля раскачивалась, мир барахтался вверх тормашками, наполнялся красным туманом, вновь становился серым, растекающимся, будто масло по тарелке.

Откинув шкуру, воин выбрался на улицу. Распрямил спину. Развел плечи в стороны. Это дорогого стоило, за каждое движение пришлось заплатить болью. Зато не выглядел забитым ничтожеством. Он вновь жнец. Верный слуга Сеятеля. Если суждено умереть, умрет с честью... плевать, что от одежды воняет грязью, потом и мочой.

Никто не поднял крик, не попытался скрутить осмелевшего пленника. Врагов нигде не было видно.

У похитителей нет больше нужды сторожить его? Уверены, что никуда не денется?

Конечно, на что способен избитый до полусмерти, сломленный человек. «А вот тут, ребятки, вы ошиблись!»

Воздух дрожал от влажности, казался липким и мерзким. Тишину нарушало лишь тяжелое дыхание десятника.

Лачуга располагалась на мшистом островке посреди топи. Рос здесь только зеленый камыш да еще низкий кустарник, окантовывающий островок. Неподалеку от лачуги темнело выжженное пятно. Очень старое кострище. Даже красноватые камни, из которых сложили когда-то очаг, разрушились от влаги и времени. С островка вел веревочный мост. Он тянулся к точно такому же огрызку земли, усаженному кособокими домишками. Мост частично погрузился в зловонную воду, вместо поручней — старые, истершиеся канаты.

«Не проще найти бревно и на нем переплыть на ту сторону? — мрачно подумал десятник, представляя, каких трудов будет стоять пройти по мосту. — Знать бы, какие твари обитают в жиге».

Их родной лес граничил с Плачущими топями. Болотистые земли кишели ядовитыми змеями, хищными ящерами и пиявками, размером с руку взрослого мужчины.

«В бездну всех!»

Риск есть всегда.

Тяжело, с болезненной неловкостью переваливаясь на израненных ступнях, направился к мосту.

Ноги дрожали, разъезжались на влажном мху. Десятник опустился на четвереньки и пополз. Было противно и стыдно, но гордость терпит. Выжить любой ценой и отомстить правильнее, чем погибнуть напыщенным глупцом. Он должен выжить. Должен найти своих и предупредить об опасности. Значит, будет ползти и хлебать грязь, если потребуется для спасения. Не много чести, зато силы сохранит. Каждая капелька пригодится. Возможно, придется уходить с боем.

Воин заметил небольшой пенек у моста. Смутно удивился. Вроде мгновением раньше его здесь не было... Но поручиться за здравость своего рассудка не мог. Реальность давно дала трещину. Поэтому просто пополз дальше... и едва успел увернуться от усаженного мелкими загнутыми когтями щупальца. Спасло чутье, отточенное за годы службы в армии.

Откатившись, недоуменно покосился в сторону пня. Удар пришел оттуда.

— Твою мать! — со злым восхищением прорычал десятник. — Мимик!

Он всегда считал рассказы о этих существах выдумками. Но... Прямо перед ним находилось то, о чем частенько баяли вечерами у костров в племени мархов. Похожий на медузу бесформенный комок с парой выпученных темно-зеленых глаз и длинным щупальцем, болтающимся по земле. Мимик был размером с кошку, но еще с детства хорошо запомнилось, что не стоит доверять скромным размерам уродца. Даже такое мелкое существо способно проглотить человека. Растечется по телу студенистой жидкостью и обглодает до костей. Твари могли прикидываться камнями, бревнами, пнями и даже мелкими животными, вроде белок или енотов.

И эта премилая зверюшка сейчас глядела на него. Плотно, оценивающе.

Воин еще дважды увернулся от щупальца, затравленно огляделся в поисках оружия. На проклятой кочке посреди топей не было ничего подходящего! Разве что булыжники из кострища...

Он поспешил к пепельной проплешине, ругая себя, что не додумался сразу прихватить пару каменюк. На полпути уродец его настиг. Двигалась тварь на удивление быстро.

Щупальце оплело ногу, рвануло так, что десятник едва не разбил лицо об землю. Ильгар пнул тварь, нога утонула в ожившем студне, и там, где плоть мимика коснулась обнаженной кожи, моментально вспухли сочащиеся гноем волдыри.

— Пошел прочь, недомерок! — сухой голос неожиданно резанул по ушам. Мимо десятника проскользнула тень, обдав гадким запахом немытого тела. Послышался шлепок, затем противный писк, сменившийся всплеском.

Над воином навис худой старец, опирающийся на весло. Седые спутанные космы доставали плеч, в бороде застряли сухие травники. Сам бос и облачен в тряпье.

У берега покачивалась крохотная лодка, в которой и одному человеку тесно.

— Совсем обнаглели, твари, — пропыхтел старик, возвращаясь к лодке. Намотав на кулак чал, прыгнул в нее.

— Постой... — слабо проговорил Ильгар. — Забери меня отсюда, старик. Забери!

Лодочник недоуменно покосился на него. Хмыкнул, обнажив черные пеньки зубов и, ничего не произнеся, заработал веслом. Вскоре о старом спасителе напоминало только шепелявое пение.

Десятник обессилено рухнул на живот.

— Такого просто не может быть... Я сплю. Или брежу...

Взавшиеся невесть откуда слепни и мухи прожужжали обратное. Пришлось вновь воздеть себя на ноги и толкнуть к кострищу. Мало ли кто еще встретится на пути. Распихав камни по карманам, побрел обратно к мосту.

Хотелось пить. Желудок протестующее урчал, напоминая, что хозяин и так слишком много времени провел впроголодь. Гадкие похлебки незнакомцев не в счет, питательности в них не больше, чем в миске воды.

Ильгар ступил на узкие дощечки, сделал пару шагов, чувствуя себя бродячим трюкачом. Только вместо брусчатки под ним бултыхалась топь, и восторженных криков зрителей что-то не раздавалось.

Дважды десятник оступался, и лишь веревочные ограждения спасали его. Волею какого-то чуда старые канаты выдержали немалый вес.

Ильгар перебрался на другой остров. Успех придал сил, заставил встряхнуться. Вооружившись камнем, жнец ввалился в ближайшее жилище. Снаружи и изнутри домики выглядели крепче его лачуги. Тростник на полу лежал свежий, щели между досками законопачены мхом. Очага в доме не имелось, зато вдоль стен громоздились кучи тряпья — лежанки или что-то вроде того.

— Никого.

Десятник даже слегка расстроился.

Он обошел каждое жилище — их насчитывалось семь штук, — и все пустовали.

На другом конце острова нашелся еще один мост. Более надежный с виду. Поразмыслив, отправился по нему.

Третий остров был в три раза шире предыдущего и полумесяцем охватывал бурлящее грязевое озеро. Подземные газы с ревом вырывались на свободу, взметая фонтаны горячей жижи и наполняя воздух едким и противным запахом. Землю покрывал влажный мох, воздух казался раскаленным и липким; дышалось с трудом.

Хибары тут были еще просторнее и прочнее. Стены покрывала глина, крыша представляла собой хитроумное переплетение тростника, связанного лозой.

Это все больше походило на бесконечный кошмарный сон. Ильгар переходил с острова

на остров, теряя драгоценные силы и не менее драгоценное время, всякий раз находя лишь пустые дома. С некоторых клочков земли вело до трех мостов в разные стороны. Десятник выбирался на мертвые островки, где даже не рос мох; оказывался посреди россыпи убогих, полуразрушенных лачуг. Многие кишели змеями и крупными ярко-зеленые ящерицами.

Чтобы отогнать мошкар, он натирался грязью или илом. Вместе с его, и так не самым приятным запахом, получилось чудодейственное средство, разогнавшее крылатых кровопийц в мгновение ока.

— Выберусь — продам рецепт эйтарам, — пропыхтел, перебираясь по очередному мосту на невесть какой по счету островок.

Ночь так и не наступила. Сумерки оставались сумерками. Лишь тени заметно налились чернотой, да от воды потянуло стужей. Промокшая от пота и влаги одежда не давала никакой защиты, и вскоре Ильгар дрожал, как лист на ветру.

Пришлось выбросить три из четырех припасенных на случай встречи с неприятелем булыжников. Лишнюю тяжесть таскать не имело смысла.

Окончательно выбившись из сил и растеряв остатки надежды найти хоть кого-нибудь, забрался в один из домов, прибил трех крупных пауков, превративших северную часть жилища в царство липкого шелка, после чего завернулся в тряпье и уснул. Сколько времени проспал — непонятно. Долго-долго ворочался посреди грязных шкур, но когда встал, чувствовал себя отвратительно.

Солнце не появилось. Небо затянуло дымкой, а сумрак побледнел.

Он покрутился, вспоминая, с какой стороны пришел, и замер, наткнувшись взглядом на россыпь ярких алых точек вдали. Ничего толком не соображая, побежал в ту сторону. Напрямую пройти не получилось — посередине одного из мостов свернулась громадным кольцом черная змея, толщиной со ствол березы. Ни крики, ни раскачивание моста ее не спугнули — тварь приподняла большую плоскую голову и заурчала. Вокруг шеи росла длинная темная шерсть, а глаза пугающе напоминали человечесьи. Ильгар счел за лучшее не связываться с диковинным существом и отправился в обход.

Наконец удалось подобраться к огням достаточно близко, чтобы понять, откуда они исходят. Зрелище впечатлило настолько, что некоторое время не мог даже пошевелиться.

Четыре острова соединялись тоннелями из глины. Все они тянулись к пятому острову, на котором находилась остроконечная и широкая к низу башня. Тоже из глины, сквозь которую, словно вены под кожей, выпирали толстые бревна, доски каркасов и перекрестий с креплениями. На каждом из четырех островков торчали башни поменьше. В круглых окнах без рам мерцали огни. Землю вокруг строения освещали факелы на высоких древках. Вода между островами выглядела желтой от глины, маслянистой и густой. Здесь не было домов, зато десятки мостов вели на другие острова.

На основном острове скопились сотни, тысячи людей. Вместо одежды на них красовались только юбки или короткие кожаные туники. Ни женщины, ни мужчины не стеснялись наготы. Распластались на земле и лежали неподвижно, протянув, будто в мольбе, руки к центральной башне.

Было тихо. Так тихо, что они все напоминали мертвецов.

Словно вечность минула.

Вдруг раздался звонкий и ритмичный стук. Он зарождался внутри большой башни и вырывался на волю сквозь пустые окна. В такт люди зашевелились, принялись бить ладонями по земле, потом затянули какую-то молитву, целиком состоявшую из жалобных

просьб, клянченья всего на свете и подобострастных благодарностей.

Из башни вышел высокий темноволосый человек. Через плечо перекинут широкий ремень, на котором висел старый барабан.

— Масбей! Масбей! — закричали радостно люди.

Мужчина стучал по натянутой коже барабана указательными пальцами и улыбался.

Следом прошептали три женщины, облаченные в одежды бурого цвета. Две несли в руках кувшины, третья — грязную нефритовую статуэтку.

— Лиода! Ноттра! Ниеда! — Радости в голосах прибавилось.

Потом появился старик. Лохматый, кособокий и сгорбленный. На шее мерцал колдовской зеленой железный ошейник. От кольца протянулись две цепи, что заканчивались на запястьях кандалами. Лицо старика обезображивали шрамы. Нос и губы, словно ножом искромсали.

— Скот! Выродок! Тварь! — люди бушевали, плевали вслед старику, кидали в спину кусками дерна.

Из башни выходили все новые существа. Каждый нес какую-то удивительную вещь. Народ встречал властителей восторженными криками, называл по именам, клялся в вечной любви и покорности.

Завершил процессию мужчина, как две капли воды похожий на первого — Мазбея. Он опирался на длинное копьё с широким трехгранным лезвием и изукрашенным резьбой древком.

— Андере! Андере! Бог богов!

Брошенного на копьё взгляда хватило, чтобы Ильгара в дугу согнуло. Жнец задохнулся от холода, поселившегося в груди. Упал на колени, хватая ртом воздух и не в силах даже приподняться.

Его заметили.

Вначале — появившиеся из башни существа. Затем и люди, бьющие поклоны и возносившие хвалы своим повелителям, уставились на незваного гостя, возмущенный крик огласил болото.

Масбей перестал стучать в барабан. Поправив ремень на плече, направился к чужеземцу. Десятник прикинул, сумеет ли в нынешнем состоянии сбить черноволосого с ног и свернуть шею... результат не обнадеживал.

И все же рванулся навстречу Масбею, но даже приподняться не сумел. Движения стали тягучими. Руки еле двигались. Мысли ворочались в голове лениво и медленно.словно в болотной жиже увяз. В таком состоянии и ребенка не одолеешь.

— Ты спешишь, чужак, — проговорил черноволосый, наклонившись к нему. — Как любой короткоживущий, ты спешишь. Не думаешь, а делаешь. Не твоё время ещё. Не твоё! Стой и смотри.

Андере повелительно кивнул и указал копьем вперед.

Процессия двинулась дальше. Шли они по людям. А те, вместо того, чтобы вопить от боли или попытаться убраться с дороги, сладострастно кричали, словно их осыпали золотом.

— Благодать! Благодать! Счастье! Благодать!

Масбей схватил Ильгара за шиворот и потащил. Десятник двигался как муха в меду. Лишь правый глаз все еще оставался послушен ему, позволяя наблюдать за людьми.

Кто-то неистово целовал примятый мох, по которому прошли боги. Дети радостно визжали, ползли следом, цеплялись за бурю одежду и молили, чтобы до них дотронулись.

Какая-то молодая девушка, задрав тунику и бесстыже раскинув ноги, просила, чтобы ее покрыл бог. Ее примеру последовали другие женщины. Но властители болота оставались глухи к просьбам и призывам. Их внимание было приковано к расчищенному участку земли впереди.

Там, отражая огни факелов, раскинулось крохотное озерцо с чистой водой. Дно озера устилал песок. Берега были голыми. В десяти шагах от воды поднимался холмик с жирной, перекопанной землей. Венчал его цветок. Стебель казался выкованным из стали. Лепестки — расплавленными и застывшими самоцветами. Его хотелось назвать прекрасным... но внутри растения вместо сока бурлил яд. Десятник чувствовал. Даже на губах появился горький привкус.

В носшибанул мощный приторный запах, круживший голову похлеще курительных трав. Лепестки покрывал толстый слой пыльцы, что сверкала, как крупинки золота.

Процессия остановилась перед озером. Женщины с кувшинами набрали воду и поставили сосуды у ног Андере. Тот зажал копьё коленями и острием проколол обе ладони. Кожа в месте раны почернела, начала трескаться. Заструилась кровь. Капли срывались с кончиков пальцев и падали в кувшины. Но раны быстро затягивались, кожа приобретала молочно-белый цвет и, Андере вновь приходилось резать руки. Так продолжалось долго.

Бог богов еле держался на ногах, когда ритуал закончился. Кувшины стали алыми от потеков.

Женщины забрали сосуды и направились к цветку. Они с любовью поливали его покрасневшей водой.

Затем, когда богини ушли, на холм поднялся, покачиваясь, Андере. Вскинул копьё, вонзил в размякшую землю. Почва вздрогнула. Запахло гнилью.

— Наша мощь растёт, как растёт этот цветок, — устало, но громко проговорил бог богов. — Когда достигнет пика — мы выйдем из болот...

Покачиваясь, направился обратно к пирамиде.

— Выйдем... — прошептал задумчиво Масбей. Затем покосился на Ильгара и улыбнулся. Улыбка не сулила ничего хорошего. — Но нам нужна сила, чтобы вырастить цветочек. Ты в этом нам поможешь.

Он трижды ударил в барабан ладонью. От раздавшегося гула десятника вжало в землю.

— Тварь! — Масбей окликнул закованного в цепи старика. — Вот тебе новая игрушка. Узнай, сколько в нем осталось жизни, а потом — выжми все до капли. Время не терпит.

Старик, бряцая звеньями и раболепно пригнув голову, подошел к ним. Покрасневшие глаза уставились на распластанного человека. Причмокнув, Тварь раскрыл рот и закричал, показав обрубок языка. Развел руки в стороны, насколько позволяла цепь.

— Так много? — удивился бог. — Тогда — действуй.

Лот вырос перед взором путников во всем своем величии, едва они выбрались из леса и перевалили холм. Город располагался в низине, на берегу полноводной реки Нарью. Высокие зубчатые стены опоясывали его с четырех сторон, сторожевые башни, украшенные множеством флажков, возвышались через каждые пятьсот шагов. Холодный серый камень задрапировывали крашеные желтые полотна и знамена гильдий мастеров. Под стенами растянулся палаточный городок. Шумный, пестрый. Подобно ему на другой стороне находился такой же шумный и пестрый порт. Множество лодок и купеческих кораблей покачивались на волнах у причалов, щеголяя друг перед другом разноцветными парусами. На некоторых судах шла разгрузка товара. С высоты холма хорошо было видно, как люди тащили по сходням тюки и катили пузатые бочки.

Ничего общего с руинами городов, виденных Наей в подземном мире. Лот скорее походил на запыленный медовый пирог.

Хостен приостановил Холодка перед выездом на широкий тракт. Убедившись, что дорога пустынна, повернулся к Витогу:

— Дальше пойдешь сам. Запомни, теперь ты нас не знаешь, мы не знаем тебя. Чтобы ни случилось, не вмешивайся. У тебя особый путь. Ну да Призванный тебе уже все рассказал. Удачи, парень.

Витог соскочил с телеги, закинул за спину котомку с нехитрыми пожитками. Тэзир встал следом. Улыбнулся натянуто.

— Широкой дороги, брат, и легкой руки, — обнял он друга.

— И тебе, брат, не спотыкаться, — ответил Витог. Повернулся к поднявшемуся Арки, взъерошил ему волосы. — Береги свою светлую голову, книгочей.

— Пусть будет к тебе благосклонна судьба.

Они тоже обнялись.

Сакриф повернулся к телеге, произнес наигранно озорно:

— Девчонки, я рад, что вы останетесь у меня в памяти молодыми и красивыми. Не хотелось бы видеть, как ты, Кайтур, превратишься в усатую старуху с бородавкой на носу, а у Саи отвиснет до пупка грудь.

На Нае его слепой взгляд задержался дольше. Витог хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Лишь кивнул на прощание. Отошел к обочине, положил посох, сел поправить обмотку. А на деле давал им отъехать подальше.

— Но! — прикрикнул Хостен на Холодка, тряхнув вожжи. — Поехали, родимый.

Молодые колдуны смотрели на оставшегося позади друга, пока тот не скрылся из виду. Желание смеяться и болтать пропало у всех. Поездка уже не казалась замечательной, а сладкий вкус радости от нее горчил. Кто ведает, даст ли судьба шанс вновь встретиться?

Пригород Лота встретил их пылью и гамом. Стучали где-то молотки по наковальне, мычали коровы, бренчали музыкальные инструменты. Буйство красок ослепляло. Носы колдунов нестерпимо зудели от тысячи смешавшихся запахов: пота, навоза, табака, специй, ароматов фруктов и благовоний. Здесь проделывали свои дела, как богато наряженные мужчины и женщины, так и нищие, оборванцы, с подозрительно разбойничьими рожами. Запах вина и дурманящих трав тоже витал в воздухе. Полураздетые красотки приглашали к себе в шатры познать наслаждение плоти. Зазывала рядом уговаривал испытать удачу в игре

в кости или карты. Еще через пару шатров грязная старуха обещала предсказать судьбу и изготовить зелья, помогающие в любви и приносящие успех в делах.

Кагар-Радшу был прав. Этот город — словно лик человечества. Подлость, обман, продажная любовь, честность, преданность, мастерство, искусство... все нашло здесь себе местечко. Свой шатер. Свой лоток.

Город для всего. Город для никого.

— Здесь даже страж может продать тебе свое копье или шлем, если предложишь хорошую цену, — поведал Хостен, правя телегу к дощатой караулке с треугольной крышей. — Грязный город. Грязные душой люди. Сейчас найдем пригородного управителя. Он нам скажет, куда ехать дальше...

Со слов Кагар-Радшу раньше кланы жили с людьми бок о бок. Постоянно общались и помогали друг другу. Колдун мог в любом доме найти ночлег и угощение. Каждый городской управитель встречал привратников как любимых родственников — с почетом и уважением, понимая, какая нелегкая ответственность лежит на их плечах. В свою очередь привратники не оставляли никого без помощи, делились знаниями в целительстве, защищали приграничные селения от темных тварей. Появление Сеятеля разрушило устоявшиеся отношения, сделало колдунов изгоями, а в глазах людей — злодеями. В каких теперь неблагоприятных кровавых поступках их только не обвиняли, какие ужасы не приписывали. И вот уже бывший друг стал врагом, а вместо приветствия и хлеба с солью ждут вилы в спину или застенки казематов.

— Что привезли? — Возле караулки стоял грубо сколоченный стол. За ним сидел седой мужчина, облаченный в одежды из какого-то неизвестного Нае сукна. На столешнице лежали исписанные свитки, рядом — грифельные палочки в футляре.

— Изделия из можжевельника, — сухо ответил Хостен. Он снял с пояса тубус и протянул его мужчине за столом. — У нас договор с «Торговым братством».

Управитель скovyрнул ножом сургуч, припечатанный перстнем Кагар-Радшу. Прочитал свиток. Кивнул.

— Помню, помню этот договор... К слову, многие знатные семьи нынче устроили настоящую охоту за вашими статуэтками из корней! Привезли в этот раз?

— Немного. В основном масло, амулеты, бусы, сушеные ягоды для чая и лечебные травы.

— Жаль... И чего только люди в них находят? Моя дочь, когда увидела вашего паука, испугалась и прорыдала до самого вечера. А какой-то жирный индюк из Окуня отвалил за паучка пять золотых.

— У всех свои причуды, — ухмыльнулся возница. — Куда нам ехать?

— В город до позднего вечера с телегой не проберетесь — большие заторы у обоих ворот. Езжайте лучше к колодцам и ищите зеленый шатер, украшенный шелковыми разноцветными лоскутами. Вунт Красный примет у вас товары — он представляет интересы «Торгового братства» в пригороде. Дня через два, думаю, его поделники соберут все, что вам необходимо, и пригонят повозку. А уж потом сможете сбежать из этого муравейника.

Как оказалось, клан получал из Лота много полезных вещей. Заготовки для кузниц, крупы, муку, инструменты для добычи руды и всякую полезную мелочевку. Колдуны же возили сюда поделки из можжевелевого дерева, сальные свечи и украшения из полудрагоценных камней. Жители Ваярии почему-то ценили эти безделушки. Во время визита в Лот, Хостен сдавал торговцам из братства список всего необходимого, и когда

приезжал в следующий раз, его уже ждала нагруженная повозка. Нынче все сложилось иначе. В далеком городе, с красивым названием Сайнария, намечалось большое торжество. «Братство» намеревалось воспользоваться этим шансом и набить золотом кошельки, вот только что-то пошло не так, вместо праздника случилась беда. Многие торговцы не только потеряли весь товар, но еще и поплатились жизнью. Что же случилось в Сайнарии на самом деле, говорили неохотно, намеками, со страхом и оглядкой на стражей. Выходило, что чуть ли не боги устроили резню в наказание за отказ от них. Страшная была бойня. Кровью весь город залили, никого не жалели: ни детей, ни старцев, ни женщин. После этого и усилили охрану городов, дополнительные пикеты расставили, Дарующих прислали, чтобы следили за проявлениями колдовства. А те рады стараться, свирепствуют, хватают каждого подозрительного. Нагнали, видно, страху на них в Сайнарии.

Вунт Красный встретил Хостена радушно, пообещал до вечера выполнить заказ, хоть и повздыхал, что теперь это не столь легко. На расспросы о произошедшем лишь отмахнулся.

— Не трави душу, сам еле живым выбрался. Позже за чаркой вина расскажу. А это кто с тобой пожаловал? Раньше ты один приезжал всегда.

— Племянники увязались, на ярмарку взглянуть захотели. Им ведь в диковинку. Решил взять, побаловать. Пусть городскую жизнь посмотрят.

— Хорошее дело. Почему бы молодым не потешиться? Это нам, старикам, покой больше люб.

— Это ты верно сказал. Сейчас провожу их немного к воротам, а потом с товаром разберемся да потолкуем о жизни, — ответил Хостен, выпроваживая из шатра молодых колдунов. Отведя в сторонку, произнес тихо:

— Вот вам немного монет на сладости. Не шикуйте и рты не разевайте, обворуют вмиг. Держитесь вместе и будьте осторожны. Не забывайте, вы обычные люди из горской деревушки. До заката чтобы вернулись непременно! Будет кто подначивать, задевать — в драки не влезайте. Все ясно?

— Не тупые, — буркнул Тэзир, потянувшись за деньгами.

Но привратник деньги передал Арки.

— Ступайте. И глядите мне! — Окинув напоследок суровым взором своих подопечных, потряс он огромным кулачищем.

Избавившись от надзора, балагур шмыгнул к повозке, завозился среди поклажи.

— Идите, я вас догоню, только плащ накину. Зябко как-то.

— Зябко? — прищурилась Кайтур. — Хитришь, дружок. А ну показывай, что прячешь, — дернула она плащ из его рук. На землю со звоном упали кинжалы и чекан.

— Что творишь?! Совсем мозги куриные? — Тэзир, оглядываясь по сторонам, быстро подобрал оружие, прикрыл плащом. Наткнувшись на осуждающие лица друзей, буркнул: — Чего?

— Это как понимать? Оружие под запретом. А вы припрятали. Так друзья разве поступают? Попадетесь — всем влетит, — возмущенно выпалила Кайтур.

— А зная тебя, попадешься точно, — добавил Арки.

— Накинулись, как воронье. Ума нет понять! Взяли бы все оружие — сразу приметили бы наставники. А так никто не догадается, и есть кое-какая защита на всякий случай, — огрызнулся Тэзир.

— Будем вести себя тихо, и оружие не понадобится. Никто им размахивать не собирается по пустякам, — отрезала Ная, засовывая за пояс кинжалы и набрасывая плащ.

Балагур, сопя, спрятал чекан за спиной, прикрыл плащом.

— Пойдем или так и будем топтаться у телеги?

Огромные железные ворота были гостеприимно распахнуты, решетка поднята, но десяток стражей в полном вооружении зорко следил за каждым прибывшим. Чтобы пройти в город, пришлось выстоять длинную очередь. Утомительное занятие, если бы не болтовня людей, делящихся новостями. Пока добрались до ворот, узнали кучу невероятных сплетен, что происходит в мире. Общительный Тэзир перезнакомился с половиной народа, получил массу приглашений в гости и притащил десяток красных яблок и кольцо копченой колбасы.

— Цените кормильца. А то этот мухомор Хостен только и знает, что принижать мои достоинства, — хрустнул балагур соленым огурцом, неизвестно откуда взявшимся у него в руках.

Колдуны оценили — расхватав вмиг яблоки и поделив колбасу.

Внимание стражников у ворот привлекли только девушки. Лица воинов сразу расплылись в улыбках, маслянистые взгляды с интересом заскользили по стройным фигуркам. Зазвучали предложения обыскать красоток тщательнее, вдруг те под сарафанами скрывают что-то запретное. Арки уже напрягся, сжал кулаки. Выручил Тэзир. Приобняв Наю, с дурашливой ухмылкой погрозил пальцем стражникам:

— Какие хитрюги! Мне прежде немалый калым пришлось заплатить и жениться, чтобы проверять каждую ночь, что она прячет под юбкой. Иначе старейшины кинжалом по горлу чиркнули и в пропасть сбросили бы. А вы хотите задаром баб наших щупать! Не знаете горских женщин, братцы. Они же злющие и драчливые, как пещерные кошки. Морду вмиг издерут и причиндалы оттяпают, если не муж их коснется. Хотите, проверяйте. Только потом без обид, я предупреждал.

Очередь в ожидании представления сгрудилась, с возбужденным любопытством уставилась на девушек.

— Сказки рассказываешь, — фыркнул один из стражников. — Эти тихони да чтоб рожу в клочья порвали — не поверю. И чем они причиндалы оттяпают? Если ножи прячут, так не положено, сдать надо.

— Ты на ногти их взгляни. Они ими ловчее, чем ножами орудуют. Дружок мой в том однажды убедился. Теперь поет тоньше стиррса и семья ему ни к чему. У наших баб ведь прародительница — снежная волчица, вот в них дикая кровь и играет. Порой сам боюсь в одну постель с женой ложиться.

Ная с хищным прищуром зыркнула на балагура.

Стражники недоверчиво покосились на девушек, но на всякий случай отступили, сопровождаемые хохотом толпы.

— И как вы с ними управляетесь тогда? — пробормотал второй стражник.

— Любовью и лаской. Если мужиком остаться хочешь.

— Тьфу, срамота какая, под бабой ходить, — сплюнул презрительно пожилой воин. — Они почитать и бояться должны мужика, а не наоборот.

— Так у вас бабы добрые, покладистые, нечета нашим. Завидую вам, братцы. Отпустили бы вы нас уже, а то моя закипать начинает, вон, брови нахмурила, того и гляди — подерет кого-нибудь в запале! — отодвинулся от Наи с опаской Тэзир.

— Допустим, это женка твоя. А остальные кто? — продолжал допрашивать самый дотошный стражник, по виду — старший в карауле.

— Брат с женой, — указал баламут на Арки с Саем. Затем кивнул на Кайтур. — И сестра

наша.

— Что-то вы не больно похожи, цвет кожи разный.

— Так у нас батька один, а мамки разные. Отец вторую жену из другого селения привез. Не по своей воле пришлось жениться. Он ее ненароком у речки заприметил с задранным подолом. Стирала, не слышала шагов. А ему ума не хватило сразу деру дать, загляделся. Вот и принудили в жены взять, раз увидел больше положенного чужаку.

— Суровые у вас законы, — присвистнул старший. Тэзир согласно кивнул, скорчив несчастное лицо. — Ладно. Ступайте. Нечего народ задерживать.

Что молодые колдуны тут же и исполнили с радостью.

— Значит, наша прародительница — снежная волчица? И в нас течет дикая кровь? — ущипнула балагура Ная, когда они свернули на соседнюю улицу.

— А что мне оставалось? — потер парень место щипка. — Лучше бы поблагодарили, что беду отвел.

— Ты ему еще припомни жену, с которой он в одну постель ложиться боится, — подзадорил Арки.

— Неблагодарные! Я их спас от досмотра стражи, а они еще козни против меня строят. Вот и выручай вас после этого.

— Делов-то, ну облапили разок. А если бы они заглянули под ваши с Наей плащи... Вот тогда бы всем не поздоровилось, — выговорила сердито Кайтур.

— Не заглянули же. Чего о том зря кудахтать, — огрызнулась Ная. — Попались бы — разговор был бы другой.

— Давайте лучше вместо ссоры на ярмарку пойдем, сладостей поедим. Я их никогда не пробовала, — предложила Сая, предотвратив намечающийся разлад.

Предложение поддержали.

Взглянуть на рыночной площади было на что. Красочные лотки с разнообразным товаром, от которого не оторвать глаз, песни менестрелей, представления бродячих актеров и циркачей, пышные наряды местных женщин, снующие всюду разносчики сладостей и соблазнительных пирожных. Площадь кишела народом. И от стоявшего гвалта у колдунов с непривычки заложило уши. Они смотрели на все это яркое величие ошарашенно-восхищенным взором. Ничего подобного им никогда не приходилось видеть. Раздражала только теснота и толчки локтями, но леденцы и посыпанные сладкой пудрой булочки помогали пережить эти неприятности.

Поддавшись течению толпы, они переходили от одной сцены, где шли представления, к другой. Наравне с детьми хлопали в ладоши и свистели, подбадривая артистов.

— Монеты! — вдруг спохватился Арки, обнаружив срезанный с пояса кошель. — Украли!

Дернулись в разные стороны, но где ж тут вора найти? Людей — будто река полноводная. Кто исхитрился? На кого подумать?

— Сейчас я этого гада быстро отыщу, — пригрозила Ная. Выпростала из-под плаща руку, зашевелила пальцами, нащупывая ниточку жизненной силы чужака. След свежий, яркий. Подцепить — не уйдет.

Ладонь Тэзира мигом стиснула ей пальцы. Шепот всколыхнул волосы на виске.

— Забыла? Нельзя. Почуют.

Девушка с досады выругалась. Но хлеща веткой реку, бурю не поднять. Покосилась на расстроенного Арки. Тому еще горше. Спрос с виноватого. А куда еще винить сильнее?

Парень сам себя корит последними словами.

— Забудь. Не велика потеря, — хлопнула она его по плечу. — Сладости мы попробовали, а прочее нам ни к чему. Баловство только.

С ней согласились и остальные. А и лучше даже так. Нет денег — нет соблазна.

Колдуны уже собирались покинуть площадь и прогуляться по городу, как вдруг толпа заволновалась, зашумела, люди метнулись с криками в разные стороны.

— Спасайтесь! Песчаные торки из клетки у циркачей вырвались!

Раздались вопли боли и ужаса. Народ в панике бросился врассыпную, топча упавших и сминая лотки. Площадь превратилась в кружащийся хаотично водоворот. Волна обезумевших от страха людей подхватила колдунов и разметала в разные стороны, унося все дальше и дальше друг от друга. Ная еще выхватывала взглядом то черную косу Кайтур, то белобрысую голову Тэзира. Но вскоре и они скрылись из виду. Девушку повлекло в какой-то проулок. Впереди мелькнул знакомый сарафан Саи. Колдунья попыталась пробраться к ней, но, зажатая со всех сторон, как тисками, лишь безуспешно трепыхалась, не в силах пробиться ни вперед, ни вбок. Ей пришлось следовать вместе со всеми, пока толпа не выплеснулась на мощенную булыжником улицу. Здесь стало посвободнее, и Нае удалось пробраться к краю потока, зацепиться за деревянную сваю одного из домов, поддерживающую балкон второго этажа. Вскочив на узкую приступочку, колдунья огляделась. Народ продолжал напирать, спасаясь от опасности, но людская река поредела. Саи нигде не было видно.

Спрыгнув, девушка двинулась на поиски подруги, разрезая толпу, как речные волны. Она прошла улицу от начала до конца, через проулок вернулась на опустевшую площадь, имевшую теперь жалкий вид. словно ураган промчался. Погром стоял ужасный. Перевернутые лотки, выпачканный в грязи товар, обрывки одежды, следы крови. Было неизвестно, поймали опасных хищников или те еще рыщут по городу. Кое-кто из торговцев пытался спасти жалкие остатки имущества. По их примеру кто-то это имущество пытался прибрать к рукам, воспользовавшись неразберихой. Но при появлении стражи эти ловкие людишки быстро исчезли в узких подворотнях. Много было потерявшихся, как и Ная, вернувшихся в надежде отыскать родных. Повертевшись и не обнаружив никого из друзей, колдунья в третий раз пересекла проулок. Уже на выходе заметила проход между домами. Что туда повлекло, Ная сама не знала. Предчувствие? Или короткий приглушенный вскрик? В таких тупиках могло происходить всякое, и постороннему лучше не совать туда нос. Но голос до боли напоминал Саин.

Ная проверила кинжалы — на месте ли? — и, тихо ступая, нырнула в проход. От царивших здесь грязи и вони, горло сжимала тошнота. Как люди могут жить в таком скверном месте? Неужели они совсем утратили чувство достоинства? Ни за что она не променяет горы на этот вонючий муравейник. Дальше стало не до рассуждений. Завернув за угол дома, она увидела Саю.

Девушка лежала распростертая на земле в разорванной одежде, порядком избитая, с вывернутой неестественно рукой. Подол был задран выше колен. Рот зажимала рука неопрятного мужика. Другой стоял со спущенными штанами напротив, собираясь навалиться на девушку. Рядом переминались двое громил, готовые придержать непокорную дуреху. Спинай к Нае стоял еще один парень, оставленный на страже, но его больше интересовало происходящее впереди, чем за спиной.

Затуманенный взгляд истерзанной девушки ухватил выросшую за спиной сторожащего проход мужчины тень, наполнился ужасом.

«Беги! Спасайся!» — кричали глаза Мышки.

«Не в этот раз», — ответила ей мысленно Ная. В груди у колдуньи заворочался сгусток огня, но она твердо притушила его, не дав вырваться на волю. «Сестренки» скользнули в ладони. Два мягких бесшумных шага, резкое движение рукой, располосовывающее горло парню, настолько неожиданное и стремительное, что тот даже не успевает вскрикнуть, тихо уложенное у стеночки обмякшее тело и пять шагов навстречу остальным изуверам, собирающимся надругаться над девчонкой.

— Дяденьки, отпустили бы вы мою подружку.

Они испуганно дернулись. Не ожидали. Но увидев девушку, невысокую, хрупкую, похотливо ухмыльнулись. Вместо одной птицы — две. Удачно денек складывается! И только потом заметили сидевшего у стены дружка и окровавленные кинжалы в руках такой невинной на вид незнакомки. Напряглись, потянулись за оружием. Жизнь научила осторожности. Нависший над Саей мужик забыл вмиг про похоть, быстро натянул штаны.

— Ты кто такая?

Ная пожалала плечами.

— Какая разница? Я за подружкой пришла. Идти нам надо. — Она сделала к ним еще несколько шагов, оказавшись на расстоянии вытянутой руки от стоявших рядом двух громил.

— Ишь, какая быстрая, так легко не отпустим. Ублажишь сперва. Потом ступайте.

Их измышления Наю просто поразили. Совсем не впечатлили кинжалы у нее в руках и мертвец за спиной? Хотя, от мужиков так несло винным перегаром, нетрудно догадаться, что они до безобразия пьяны. Тем лучше.

— Всего-то. Запросто. Только первыми будут вот они, — кивнула колдунья на ближайших насильников. — Они мужики видные, справные. С них хочу начать. Ты, бородатый, последним пойдешь.

Ее тон и слова подействовали, как удар кулаком в скулу. Опешили, переглянулись.

— Это мы сами решим, кто первым будем, твое дело, девка, только ноги раздвинуть, а не командовать, — пыхнул с гневом бородач, по-видимому, старшой в этой компании.

— А че тут такого, если девка захотела, пуцай Анерко с Рудко ее первыми поимеют, — подал голос зажимавший прежде Сае рот мужик.

— Поякай мне!

— Не, а че ты всегда первый? Жребий надо кидать, чтобы по-честному, — вступили в спор остальные, напрочь забыв и про покалеченную девушку на земле и про ту, что стояла с кинжалами позади.

Это стало их ошибкой. Первым упал Рудко, за ним Анерко. Мгновение растерянности было кратким.

— С-су-ка! — процедил старшой, выломав из забора штакетину. — Кровью захлебнешься.

Он много еще чего хотел сказать, судя по перекошенной в злобе роже. Не успел. Наю учили действовать, а не слушать грязную ругань.

Шаг вперед, перекрестный удар кинжалами и голова насильника откинулась назад, обнажив перебитые сухожилия и шейные позвонки.

Последний оказался не прост. А на вид — тюфяк туповатый. И откуда в руках гасило появилось? Размотав кожаный ремешок с чушкой, он умело направил гирьку Нае в висок. Она успела увернуться. Но едва выпрямилась, как очередной удар пришелся в плечо. Припечатало ощутимо. Девушку развернуло, осушило руку. Синяк будет огромный! Ну да

лишь бы кости целы остались. А чушка вновь летела к колдунье, метя в переносицу.

Девушка пригнулась, швырнув одну из «сестренек» в мужика. Кинжал вошел ему аккурат в горло, отлетевшее назад гасило смяло нос и повисло в упавшей безвольно руке.

— Ная, сзади! — крикнула пронзительно Сая.

Чувствуя за спиной угрозу, колдунья прыгнула вперед, резко развернулась, вскочила, готовая к бою, но появившийся неизвестно откуда еще один мужик оказался не менее ловок. Петля кнута захлестнула девушке шею, сшибла на землю на колени.

— Удушю курву. Всех корешей положила. Кто ты такая, сучка? Отвечай!

Это колдунье вряд ли сделать удалось бы, кожаный ремешок перетянул горло так, что мир расплылся перед глазами. Но она успела заметить, как приподнялась на одном локте Сая, сложила непослушные пальцы в заклинании.

— Нет! Не надо! Остановись! — крик рвал горло, но лишь хрип и слюни вылетали из рта.

А потом случилось то, чего боялась и пыталась предотвратить Ная. От пронесшейся над головой волны холода затрепали волосы, закололо кожу. Петля ослабла, и рядом рухнуло тело мужика, превращенное в ледышку.

— Твари! Твари! Они хуже выроdkов тьмы. И их мы еще защищаем?! Ненавижу! Ненавижу! — рыдала Сая.

Ная откинула кнут, судорожно хватая ртом воздух. Придя в себя, подползла к Мышке, прижала к себе, успокаивающе погладила по голове.

— Тихо. Тихо. Все закончилось. Они мертвы.

Если бы все было так на самом деле. Неприятности только начинались. Колдунья не знала, сколько понадобится времени Дарующим, чтобы засечь выплеск колдовства и нагрянуть сюда. Вряд ли им удастся уйти с Мышкой далеко. Выловят все равно, куда не прячься. И что остается? Сражаться! Найти удобное для обороны место и продать подороже жизнь.

Она вскочила, сжав рукояти кинжалов.

Кто-то приближался. Частые шаги становился все явственнее. Быстро обнаружили. Чтс ж, посмотрим, кого больше любит Незыблемая.

— Вставай.

Кто-то настойчиво потянул за рукав. Тело, словно в него вдохнули силы, подчинилось; ноги сами понесли вперед. Ильгар смотрел на мир, как сквозь густой туман. Впереди маячил изящный силуэт. Волосы опускались черным водопадом до ягодиц, оставляя открытыми крепкие бедра и икры. Фигура была смутно знакома. Покрытая глиной кожа моментально оживила в голове целую россыпь образов.

— Что ты здесь делаешь? — с трудом промямлил Ильгар.

— Добро, — черноволосая оглянулась. На веревке с шеи свисала глиняная свирель. Темные глаза горели взволнованным огнем. — Тварь три седмицы при помощи Иглы вытягивал из тебя силы. Крови выкачал столько, что на весь твой отряд хватит!

— Иглы?

— Артефакта. Благодаря ему ты все еще жив, человек. Хотя и наполовину мертв. — Она резко свернула в узкий коридор, где даже факелы не горели.

— Где мы? — У Ильгара кружилась голова, он сбивался с шага.

— В катакомбах Твари. Ничего больше не спрашивай, просто молчи и иди следом. Если повезет — выберемся отсюда живыми оба. Нет — нам никто не позавидует.

На Ильгара накатили воспоминания. Он охнул, привалился плечом к стене.

Вспомнил, как его притащили в пирамиду, привязали к столу. Масбей стоял неподалеку, у высеченной из оникса скульптуры со стершимися очертаниями, и негромко постукивал пальцами в барабан. На лице застыла гримаса скуки. В стены были вколочены скобы, с которых свисали ржавые цепи. Свет давали чадающие факелы. Тварь ввалился в пыточную. Громко мыча и раскачивая головой, склонился над Ильгаром, с наслаждением втянул воздух рваными ноздрями. Тем временем помощники внесли тяжеленный ящик, высеченный из камня, и с грохотом водрузили на стол. Своротили крышку и прыснули, кто куда, словно испугались содержимого.

— Это необходимо? — безучастно спросил Масбей. Тварь кивнул. — Ее давненько не пускали в ход.

Палач заулыбался. Ткнул изувеченным пальцем в Ильгара, развел руки в стороны.

— Хорошо. Сила нам нужна. Тем более, такая.

Масбей вышел из пыточной.

Тварь подковылял к ящику, вынул из него нечто черное и блестящее. Тонкое короткое лезвие, будто выкованное из мрака. От него разило смертью, миром с ледяными торосами и шепчущим на сотни голосов ветром. Ильгар не хотел туда вновь. Он дернулся, но старые бронзовые кандалы держали крепко.

Уверенным движением палач вогнал в левое предплечье десятнику иглу. С шипением она погрузилась в плоть, наполнив воздух тошнотворно-алым паром. Ильгар заорал, повис обессилено на цепях. Крылья проматери мрака обняли его и утянули за собой в бездну.

Очухался в клетке, лежа на прелом камыше, в окружении гниющих трупов и стенающих людей, от тех самых трупов не шишко отличающихся. Вонь стояла невыносимая. Жарко. Всюду кружили мухи, крысы без опаски жрали мертвых и живых. Те, кто был в силах, топтали противных тварей, отрывали им головы и, что совсем уж мерзко, ели грызунов. Влагу собирали со стен. Иногда разворачивались настоящие побоища за место у северной

стороны, где мох, покрывавший глину, был самым жирным. Первое время Ильгар не мог даже встать. Лишь отмахивался от крыс, ломая им хребты. Он бы умер от жажды, но река судьбы принесла неожиданную помощь.

— Пей, — над ним склонился иссушенный, бледнокожий человек с седыми колтунами волос. Борода его была густой и черной, глаза — как тлеющие угли. — Ты не из местных, — бородач выдавил в рот десятнику немного воды из пучка мха. — Разрез глаз не тот, волосы слишком темные и фигура не забитого раба, каких тут большинство.

— Я... жнец... — Ильгар знал, что кроется в глазах этого человека. — Ты — Дарующий?

— Был когда-то. — Тот уселся рядом, вытянул ноги, закованные в кандалы, и тяжело вздохнул. — Теперь — ничто. Безымянный пленник.

— Ты несешь в себе частичку могущества Сеятеля...

— Нес. Тварь выжал все до капли. Не сегодня, так завтра, просто скормят пиявкам. Во мне больше нет нужды. Отряд погиб, не выполнив поручение, которое возложил на нас Совет. Теперь я даже врагам не интересен.

Он встал, отогнал от стены еле шевелящихся пленников и сорвал еще один пласт мха. Снова напоил Ильгара.

— Этот пучок оставь себе. Собирай им воду и пей — она сочится сквозь кладку... Сам-то как оказался здесь?

— Тоже привел отряд, — Ильгар почувствовал себя лучше. — Но сглупил, и угодил в лапы к этим... Кто они такие?

— Болотный народ, поклоняющийся Черным богам. Крепись. Сбежать отсюда невозможно.

Вскоре Дарующего увели. Ильгар даже имени не успел его узнать.

Пленников поили горячим рыбным отваром с кусочками грибов, иногда давали лепешки из водорослей, чтобы поддерживать силы истязаемых. Но желудок отказывался принимать даже воду.

Тело десятника превратилось в холст для порезов и ссадин; хранило следы раскаленных щипцов и плетей. Слуги твари собирали капли крови в глиняные крохотные сосуды и прятали в деревянном сундучке. Время измерялось болью. Но каждое утро Ильгар просыпался отдохнувшим и почти невредимым, хотя кожу покрывали еще не до конца зажившие рубцы. Зрение вернулось; сломанные кости срослись, пусть и неправильно, отчего пальцы плохо слушались хозяина. Все это удивляло, но черноволосая знала ответ на загадку...

— Шевелись! — богиня встряхнула его за плечи, не дав потерять сознание. — Терпи, человек. Сдюжишь, — она почти прильнула губами к его губам, говорила горячо и страстно. Змеиные зрачки смотрели с надеждой. — Иди за мной! Игла — мощнейший артефакт. Он способен излечить даже смертельные раны. Но, как и многому, Андере нашел ей иное применение.

Ильгар пошел. Обнаженный, покрытый шрамами и сочащимися кровью и гноем порезами. Как живой мертвец, поднятый из могилы колдовством. Черноволосая вела его долго, пока не спустились так глубоко, что вместо глиняных плит на полу была лишь утрамбованная земля, покрытая грязной водой. С потолка свисали поросли лозы и корни.

— Еще ниже все затоплено до потолка, — пояснила женщина, подводя еле живого человека к пролому в стене. — Когда-то я жила здесь. Пряталась от солнечного света и

играла на свирели! То были счастливые времена, времена покоя. Я на многое готова пойти, лишь бы сохранить мир в топях!

Она втолкнула Ильгара в темноту и нырнула следом.

— Но Андере хочет другого. Андере жаждет властвовать не только над болотами, но и над всей Ваярией. Он глуп, силен и не слушает никого, кроме братца. А тот не многим умнее... Они всех нас втравят в битву, из которой победителями не выйти никому.

Теперь вода достигала пояса. Повсюду сновали змеи, саламандры и прочая мелкая нечисть. Все они расступались перед черноволосой.

— Я не дам ему сделать это. И ты мне поможешь, человек.

Она провела его анфиладой подтопленных коридоров. Некоторые из них хранили на стенах и сводах щербатые мозаичные картины; встречались изрезанные трещинами скульптуры, алебастровые арки и черепки разбитых ваз с облупленной глазурью. Некогда здесь находился настоящий дворец. Вполне возможно, пирамиды из глины надстроены над руинами чего-то древнего и загадочного.

— Куда мы? — вновь разлепил спекшиеся губы десятник. Он уже перестал шарахаться от громадных пиявок и змей. Просто шел, вспенивая воду, за своей спасительницей.

— Хочу слегка увеличить наши шансы на успех.

То была старая оружейная комната. Вернее даже — палата. Потому что столько железа, собранного в одном месте Ильгар еще не видывал. Алебарды и палицы, гвизармы и рогатины, боевые когти и мечи, метательные ножи и топоры — все кучами громоздилось в грязи.

Время и влага — худшие враги оружия. Даже воздух казался ржавым на вкус.

— Много всего, — вздохнула черноволосая. — Выбирай, что по руке.

Ильгар перерыл горы железа. Из пригодного для боя здесь остались лишь медные молоты. Но они были тяжеленными, долго с таким оружием не продержишься — сил не хватит. Поэтому десятник выбрал простенькую булаву и более-менее острый нож.

Затем направился туда, где догнивали доспехи. В основном — из меха и кожи, хотя и проржавевшие кольчуги встречались. Нашел толстый нарукавник с усиленной перчаткой и чудом уцелевшей шнуровкой. Вместо щита на больную руку сгодится.

— Помоги, — он, кривясь от боли, надел нарукавник. Место, куда вогнали иглу, казалось одним громадным кровоподтеком. Пока черноволосая возилась со шнуровкой, спросил: — Как тебя зовут?

— Эланде. Если переводить на ваше наречие: «Омут-в-котором-живет-музыка».

— Красиво.

— Лживо. Когда музыка предназначена только для ушей музыканта — это кара.

Она замолчала.

Иногда коридоры разветвлялись, переходили в громадные залы и помещения поменьше. Попадались и лестницы, что уходили либо под воду, либо, закладывая виражи, куда-то вверх. Вид подобного строения поражал. Ильгар и представить не мог, что в топях могло быть нечто столь величественное.

Вскоре они выбрались к короткому мосту, сложенному из серых гранитных глыб.

— Откуда здесь столько гранита? — спросил десятник. — Кирпичи, мозаики и статуи? Кругом ведь только гнилая вода.

— С древних времен, — ответила Эланде. — Коридорам и залам три тысячи лет, если тебе интересно. Мост выстроен еще раньше, теми, о ком тебе знать не следует, человек.

Когда-то по обе стороны провала, через который он переброшен, находились посты стражей. Колдунов. Последний из них умер много сотен лет назад...

Десятник перегнулся через борт. В бездне клубилась мгла — живая, беспокойная.

— Идем. Не стоит здесь задерживаться. В темноте обитает много такого, с чем лучше не сталкиваться смертным. Да и редкий бог не убоится той встречи... Не стоило нам селиться здесь. Мы изменились.

Они вышли к лестнице, ведущей вверх. Ни о каком свете здесь мечтать не приходилось. Благо, Эланде видела в темноте, как кошка, и вела осторожно. Предупреждала о завалах на пути.

Ильгар зажмурился от света, когда они оказались на поверхности. Ощущать свежий ветерок на щеках, дышать даже тяжелым и сырым воздухом было приятно. Ни с чем несравнимое чувство. Особенно, когда веревки больше не стягивают руки...

Вокруг раскинулись руины. В основном — заросшие лозой стены и фундаменты строений. Много каменных блоков, травы, пара корявых деревьев и скрывшаяся под вьюном скульптура.

— Неужели никто не знает про этот ход? — удивился Ильгар. — Не думаю, что в топях полно подобных мест.

— Знают, — хмыкнула Эланде. — Только не верят, что пленники способны преодолеть подобный путь после пыток.

Вспомнив отвратительного старика, истязавшего людей днями напролет, десятник сжал пальцы на рукояти булавы. Он с охотой проломил бы ему череп.

— Что теперь?

Черноволосая повернулась к нему. Глаза сузились.

— Я вывела тебя из клетки. Теперь помоги мне, Человек-с-Иглой. Да и не только мне, если уж на то пошло.

— Что нужно сделать? — нечего было и мечтать, чтобы сбежать. Без Эланде из болот не выйти.

— Отомстить.

Пробраться к пирамидам оказалось не так уж и сложно. Черноволосая вела его сквозь трясину. Помимо подвесных мостов здесь хватало и гранитных — скрытых в тине и под жирным илом. Мелкая живность побаивалась Эланде, даже огромные змеи, с мохнатыми гривами, уважительно отползали в сторону.

Все чаще Ильгар замечал, то тут, то там увязшие в мягкой болотной почве остовы башен, руины и скульптуры. словно огромный город, с садами и дворцами, храмами и домами, в одночасье ушел под воду.

— Нужно пройти через третий мост на востоке, — сказал Эланде, когда они проходили мимо торчавшей из омута громадной ладони из черного мрамора. — Там, где самые жаркие грязевые озера и стоит густой пар.

Заметив вдали трех стражей, облаченных в коричневое, черноволосая присела, прячась за кочкой, поросшей кустарником.

Ильгар вынул нож.

— Отвлеки их, а я подкрадусь сзади и убью.

Эланде поднялась и гордо направилась к мужчинам. Легко взмахнула рукой, заставляя тех согнуться в поклонах. Стражи наперебой принялись восхвалять богиню. Десятник ползком пробрался к мосту, беззвучно соскользнул в овражек, взобрался по свае вверх,

сжимаемая в зубах нож. В тело возвращалась сила, хотя орудовать одной рукой было сложно.

— Где ты ходишь, человек? — выговорила ему богиня. Возле ее ног лежали три изломанных трупа. — Я на своей земле. Здесь мою силу ничто не сдерживает, так что можешь не бояться врагов.

Ильгар почувствовал неприятный холодок. Стоило благодарить судьбу, что схлестнулся с Эланде далеко от топей, да еще и при свете дня.

Они сбросили мертвецов в грязь, чтобы их не нашли раньше времени, пробрались к пирамиде. Внутри вели четыре арки, причем от каждой брал разбег свой коридор.

— Бегом! — зашипела Эланде, рванувшись к третьем, ведущему вправо.

Вставших на пути шестерых стражей она разорвала в клочья. Молниеносно расправилась еще с тремя ошарашенными рабами. От ярости черноволосой даже Ильгару делалось не по себе. Богиня обладала колоссальной силой... и жестокостью. Глядя на Эланде, он сомневался, что ей необходима помощь. Однако держался рядом. Даже помог прикончить парочку противников. Благо, вооружены те были лишь дубинами. Никакой воинской выучки. Движения неуклюжие, удары бездумные, в глазах — страх. Эти люди никогда не встречались в открытом бою с настоящими противниками. Десятник легко увернулся от всех выпадов. Сломал булавой колено одному. Присел, пропуская удар над головой, резко распрямил ноги и врезался во врага плечом. Сбил на пол. Размозжил голову. Обернулся, чтобы увидеть, как Эланде когтями вспарывает живот последнему стражу.

— Устал? — лицо ее было покрыто кровью, губы растянуты в улыбке. Она наслаждалась своим могуществом, запах опасности и смерти ее только раззадоривал.

Тараном они прошлись сквозь коридоры и крохотные каморки в пирамиде. Ильгар потерял счет разбитым головам, сломанным ключицам и проломленным ребрам. Его кулак, обтянутый кожаной перчаткой, крушил челюсти, вбивал носы и скулы. Сила кипела, хмелила голову. Он понимал, что когда боевое безумие схлынет, — не сможет сделать и шага.

Чем дальше они забирались, тем увеличивалась возможность встретить кого-нибудь из богов. Об отдыхе следовало позабыть.

Наконец, они спустились на ярус ниже. Свод зала украшала поражающая воображение мозаика. Ильгар остановился. Задрав голову, взгляделся в щербатую картину, от которой мурашки бегали по коже.

Семеро людей, с серыми лицами, разрисованными багровыми разводами, стояли перед разверзшейся стеной. В проломе кипела тьма, и в той черноте крылось больше страха, смысла и злобы, чем могло бы вместить в себя любое чудовище.

— Вот поэтому, Человек-с-Булавой, я и просила тебя торопиться, — прошептала Эланде. — Не стоит бродить по краю пропасти. Пойдем.

В зале охраны не было.

Мебель тоже отсутствовала. Факелы не горели на стенах. Свет исходил от ствола громадной ивы, росшей в дальнем западном углу. Ствол покрывал мерцающий мох, длинные и толстые прутья, усеянные огромными почками, свисали до пола. Толстые корни выползли наружу, вздыбив каменные плиты и раскрошив стены. Воздух наполнял густой сладкий запах.

Рядом с деревом стояла каменная урна, доверху наполненная землей. В ней искрился железный цветок.

— Хочешь забрать его? — спросил Ильгар.

— Уничтожить.

— Тогда торопись, пока сюда не нагрянули...

— Погоди, — Эланде нахмурилась. — Почему нет стражи? И в самой пирамиде людей было маловато. Андере не дурак, чтобы оставлять цветок без присмотра.

Десятник внимательно посмотрел на иву. Нечто знакомое было в этом дереве.

— Стой! — он ухватил черноволосую за руку. Затем указал пальцем на дерево: — Это и есть страж.

— Почему так решил?

— Видел нечто подобное. На острове Соарт — божеств моего племени. Только там они выглядели куда прекраснее.

— Там не было Андере.

Опальная богиня осторожно спустилась по лестнице.

— Я должна попытаться. Если боишься, Человек, уходи. Позаботься сам о себе.

— Не уйду, если расскажешь, что это за цветок и почему хочешь уничтожить его, — Ильгар устало привалился к перилам. Полученные во время стычек раны болели.

— Нет времени болтать, — Эланде шагнула к цветку. — История Андере и всех нас — это тысячелетия. Потом, если захочешь...

С треском разлетелся пол. Из клубов пыли и каменного крошева вырвался толстый корень, сбивший с ног богиню. Ильгар успел отскочить, отделавшись лишь посеченной осколками кожей.

Пыль удивительно быстро осела на изломанные плиты. Воздух наполнил треск. Ива качнулась, ветви, словно руки, медленно поднялись. Мох засиял ярче.

Хлопнуло раз, другой. Почки на прутьях начали вскрываться, и из них, точно из коконов, падали на пол странные костлявые существа, покрытые слизью. Воздух наполнил пронзительный писк.

— Сорви цветок! — закричала Эланде. — Я попробую отвлечь дерево.

Несмотря на пропущенный удар, богиня не утратила стремительности. Скользя между вырывающимися из-под пола корнями, приближалась к стволу. Ильгар рванул к вазе, уже занес руку с булавой... Пищащие существа, расправив кожистые крылья, взмыли к потолку. Их было так много, и все они имели настолько разный, ядовитых цветов окрас, что рябило в глазах.

Стая налетела на десятника, сбила с ног и протащила по полу. Твари рвали плоть, норовили вцепиться в глаза или добраться до горла.

Ильгар крутанулся, сбросил с себя уродцев, подхватил булаву и ударил по шевелящемуся месиву. Брызнул сок, словно из свежей и жирной листвы. Сзади налетела еще одна стая, и жнец снова оказался на полу.

Отбросив булаву, он выхватил из-за пояса нож и принялся почти вслепую наносить удары. Кислый жгучий сок попадал в глаза, заливал плиты; босые ноги разъезжались. Нож находил цель снова и снова. Затянутый в перчатку кулак ломал хрупкие кости. Выбравшись из-под еще шевелящейся массы, Ильгар жадно вдохнул наполненный пылью воздух. Закашлялся. Протер тыльной стороной ладони глаза.

Эланде почти добралась до ствола ивы. Тело покрывали раны и следы ударов, кровь заливала кожу, но богиня яростно рвала прутья, ломала в щепу корни и медленно, но неотвратимо приближалась к цели.

Десятник, оскальзываясь, похромал к вазе.

Цветок источал потрясающий аромат. В нем смешались разом множество запахов: цветов, сладких плодов, меда, вина и пряностей. Листки казались самым совершенством. И все-таки в растении чувствовалось нечто зловещее, отталкивающее. Такое, чего быть не должно.

Булава обрушилась на цветок, разбила вазу. Растение оказалось хрупким, словно прихваченное морозом. Из сломанного стебля потекла черная жижа, пахнуло гнилью.

Послышался долгий и протяжный скрип. Ива задрожала, зашевелилась, словно задыхаясь от спазмов. Поникла. С уцелевших прутьев закапали слезы.

Зал потихоньку погружался во мрак. Мох серел и переставал источать свечение, пластами отслаивался от ствола.

— Глупцы! — сильный голос набатом разлетелся по залу. — Проклятые тупицы!

Масбей сбежал по лестнице. Смел вставшего на пути Ильгара. Вынул из расколотой вазы мертвый цветок, сжал в пальцах. В глазах бога полыхал яростный огонь.

Эланде молниеносно оказалась за спиной.

Потребовался всего один удар, чтобы сломать Масбею позвоночник. Вырвав ногтями куски плоти и одежды, черноволосая отбросила бога в сторону.

— Какая же ты дура... — прорычал искалеченный Масбей. — Неужели ненависть затмила твои глаза? Айнан дар, д улай факана. Айнан! Висд'Дамео — айнан!..

Эланде застыла. Опустила безвольно руки, с которых срывались капли крови.

— Что стряслось? — Ильгар с трудом отошел после удара. В голове гудело.

— Ты только что уничтожил цветок, который мог вернуть в болота свет, — бесцветным голосом ответила богиня. — Масбей обманул всех. Даже Андере. Цветок — не средоточие силы Бога Богов, а бесценный дар, который мы втоптали в грязь.

Шаги стали громче.

Из-за угла вывернул коренастый, крепкий человек в бесформенном плаще. Выцепив взглядом девушек, двинулся к ним. Стальное навершие поймало огонек далекого фонаря. Запнулся об мертвеца. Коротко выругался. Присев перед трупом, оглядел вспоротый живот и вывалившиеся в грязь внутренности. Перешел к другому, с располосованным горлом, тихо присвистнул. Толкнул носком сапога превращенное в ледяную глыбу тело третьего. Боек чекана спрятался в складках плаща.

— Веселитесь?

— Как ты нас нашел?

— Догадайся, — оскалился Тэзир.

Вылетевшие следом Арки и Кайтур едва не сбили балагура с ног.

— Живы... — облегченно выдохнул книгочей. Затем разглядел мертвецов на земле. — Незыблемая! Что здесь произошло?

Заметив Саю, бросился к ней.

— Скоты. Что они с тобой сделали? Оживить бы мерзавцев и в пыль развеять!

— Пальцы ей лучше вправь и сломанную рукукрепи, — проворчала Ная, опускаясь обессилено на землю.

— Вы что натворили, дуры безмозглые? Совсем рехнулись? — Перешагивая через мертвецов, Кайтур подлетела к девушкам. — Забыли, что Хостен говорил: в драки не влезать, колдовство не применять! Да после того, что вы устроили, живыми нам из города не выбраться!

— По-твоему, надо было стоять и спокойно смотреть, как шестеро мерзавцев Саю насилуют? — огрызнулась Ная.

— А без колдовства не судьба обойтись? Теперь мы себя выдали. Дарующие нас, как рыбу переловят, — поддержал смуглянку балагур.

— Пусть попробуют, — колдунья поднялась на ноги, спрятала «сестренку» в ножны, поправила плащ. — Уходить надо. Чем быстрее, тем лучше.

— Куда? Ворота наверняка перекрыли, — буркнул Тэзир рассерженно.

— В бедные кварталы, в трущобы, куда Дарующие не особо нос суют, — сказал Арки, поднимая осторожно Саю. — Там больше шансов затеряться.

— В таком виде ее нельзя вести. Прикройся, — балагур скинул плащ, набросил на израненную девушку, пряча изодранный сарафан.

— Готовы? Я первая, вы — за мной. На расстоянии, — произнесла Кайтур. — Чекан спрячьте, балбесы. Как знала, что хлопот не оберемся с вашим оружием.

Выглянула из-за угла, махнула рукой:

— Никого. — И шмыгнула в проулок.

Ная забрала у Тэзира чекан, спрятала под плащом.

— Помоги Арки с Саей, я прикрою, если что.

Пустынный проулок они преодолели бегом, на улице сбавили шаг, стараясь не привлекать внимание немногочисленных прохожих. После происшествия на ярмарке и наступления вечера, желающих прогуляться оказалось не много. Кайтур каким-то особым чутьем знала, куда нужно идти. Двухэтажные опрятные дома и мощенные булыжником и

деревянными настилами улицы остались позади, как и немногочисленные фонари. Сгущающиеся сумерки были только на руку колдунам. Придерживаясь тени по-над стенами домов, они быстро продвигались в сторону порта. Ная поняла это, ощутив свежий ветерок, пахнувший водой. Правда, к нему примешивался еще и запах тухлой рыбы и смолы, но воздух все равно пах свободой. Однако Кайтур свернула опять в трущобы. Колдуны шли за ней, как за поводырем, пока она не остановилась возле полуразрушенного дома, поросшего травой чуть ли не в рост человека.

— Спрячемся здесь, пока не выясним, что творится в городе, — смуглянка нырнула в заросли и лишь редкие травинки бурьяна колыхались, указывая ее путь.

Домишко выглядел жалко до содрогания. Чтобы вступить на полуразвалившееся крыльцо — надо быть самоубийцей. Покосившиеся стены, проваленная крыша с торчащим закопченным остатком трубы, болтающаяся на одной петле разохшаяся дверь, черный провал выбитого окна. Каким образом халупа не завалилась окончательно, оставалось только гадать.

— Такое ощущение, что дом пережил не один штурм, — присвистнул Тэзир. — Потолок на голову не рухнет? Что-то мне страшно входить.

— Зато сюда вряд ли кто сунет любопытный нос, — отрезала Кайтур. Показывая пример, первая поднялась по крыльцу, вошла внутрь.

Истина в словах смуглянки была. Никто не примет такую развалюху за убежище. От погони еще есть шанс уйти, а добровольно доверить жизнь едва державшимся стенам и крыше — решится не каждый.

Внутри дом выглядел ничуть не лучше, чем снаружи. Куча хлама, обломки печи и битая посуда. Из мебели только расколотый пополам стол, широкая скамья и колченогий табурет. И как местное отребье еще не утащило на растопку?

Саю усадили на скамью, Арки принялся врачевать девушке руку. Ная, скинув плащ, тщательно завесила им окно, Тэзир подпер дверь найденной во дворе палкой. В куче мусора обнаружилась полусгоревшая лучина, но зажигать ее не стали. Не хватало еще, чтобы кто-то случайно заметил отблеск света в заброшенном доме.

— Долго нам тут сидеть? — сложив на груди руки, пробурчал балагур. — Точно крысы в нору забились. Противно.

— Надо переждать немного, — ответил Арки. — Пока шум не утихнет.

— Чем дольше сидим здесь — тем больше шансов попасться. Дарующие вверх дном город перевернут, пока не отыщут тех, кто колдовством бабахнул, — Тэзир покосился на Саю. — Если бы кто-то держал себя в руках и не швырялся направо-налево заклинаниями, красуясь силой, мы не оказались бы в таком положении.

Мышка вскинула голову, не веря, уставилась на парня.

— Красуясь?! Может, я себе и руку сломала ради удовольствия? Их было шестеро. Я боролась с ними всеми способами, все стерпела, готова была стерпеть и надругательство, только бы вас не подвести, — Сая зажмурилась, сдерживая слезы. Возвращение к пережитому кошмару далось нелегко. — Но у меня не осталось выбора, когда тот ублюдок пытался задушить Наю. Я должна была помочь. Разве ты поступил бы по-другому?

— Сая, успокойся, никто тебя не обвиняет, — Арки зыркнул сердито на балагура.

Тот пробурчал, отведя глаза от Мышки:

— Могла бы обойтись и без колдовства. Думаешь, не знаю, что наставники вас, девчонок, черезкакой-то ритуал проводят, наделяют необычным даром, особенной силой

Незыблемой, потому вы и в мире мертвых более стойкие, по пределам спокойно ходите.

— Заткнись, придурок! — прорычал Арки сквозь зубы. Но Тэзир продолжал запальчиво выплескивать обвинения:

— Так что нечего тут беззащитную из себя корчить. Нам такой удачи не перепадает. Жилы рвем, чтобы добиться мастерства, а вам задаром подносят. И чем вы заслужили это?

Сая спала с лица, губы мелко задрожали, словно она собиралась разрыдаться. Неловко опираясь здоровой рукой на плечо Арки, поднялась, взглянула на Тэзира, как на незнакомца.

— Ты... Ты ничего не знаешь. Совсем. Понятия не имеешь, что это за дар и через что нам приходится проходить, чем расплачиваться. У Наи спроси, расскажет! — Слезы все же хлынули по ее щекам. — Не смей укорять в том, что не выпало испытать самому. Уж от кого, а от тебя подобных обвинений никак не ждала! — выплюнув последние слова с презрением, Мышка опрометью выскочила из дома.

— Ну ты и впрямь гад. Набить бы тебе морду! Если толком не знаешь, спросил бы меня, объяснил бы, разжевал, что это за обряд! — Одарив гневным взглядом друга, Арки грубо оттолкнул его с дороги и бросился за Саей.

— Болтливый зык — причина многих проблем, а если к нему еще добавляется и голова без мозгов, то тут совсем беда, — произнесла Кайтур, отлепляясь от подоконника. — Схожу, узнаю, что в городе делается, а то хочется Арки поддержать, врезать тебе.

Тэзир повернулся к Нае, стоявшей у стены, выпалил зло:

— А ты чего осталась? Давай, беги за всеми. Или ждешь очереди, чтобы тоже мне морду набить? Ну, давай, бей. Я ведь, по-вашему, не прав, как гнида веду себя.

— Почему же не прав? Очень даже прав. Сае не следовало прибегать к колдовству. Она спасла меня, но подставила под удар весь клан. Пока тот мужик завершал дело, затягивая до упора петлю на моей шее, ей надо было подползти и всадить ему нож в спину.

Приободрившийся от ее первых слов, балагур сник, расстроено пнул осколок горшка.

— Я не это имел в виду.

— Знаю. Но правильнее было бы позволить мужику убить меня, чем дать Дарующим учуять колдовство. Одна жизнь против многих. Расклад прост.

— На словах всегда все просто. Но умереть тебе точно не дал бы. Зубами бы его порвал. Я не осуждаю Мышку, просто у нее имелся шанс разделаться с ним как-то иначе. Не понимаю, чего на меня все взъелись за правду?

Ная подошла к парню, развернула его к себе.

— Хочешь, я покажу тебе, что это за обряд, какой силой нас одаривают наставники? Даже поделюсь ей.

— Разыгрываешь? — недоверчиво уставился он на нее.

— Нисколько. Но точно ли ты этого желаешь? Не передумаешь?

— А почему я должен передумать? — По лицу балагура промелькнуло сомнение, но в чем подвох — он понять не мог.

Ная в ответ только улыбнулась, от чего червячок подозрения заворочался в голове парня сильнее. Что-то настораживало, внушало подспудное опасение, но когда девушка, заклинив дверь палкой, указала ему на лавку и велела: «Ложись», он загнал сомнения в самый дальний уголок сознания.

— Это и есть обряд? — усмехнулся Тэзир.

— Он самый. — Ная скинула сарафан. Тут балагур окончательно уверился, какую игру затеяла девушка.

— Могла бы не хитрить, сказать прямо, что захотела переспать со мной, — потянул он шнурок на штанах.

— Догадливый, — колдунья рывком стянула с него рубаху, толкнула к скамье. — Устраивайся поудобнее.

— Жестковато. Тюфячок бы сюда, — поерзал балагур.

— Потерпишь. Это долго не продлится. Сорок ударов сердца с тебя достаточно.

— Всего-то? — фыркнул Тэзир, открыто любуясь изгибами ее тела. — Ты меня недооцениваешь, огненная моя, я парень пылкий и любовью одаривать могу долго.

— Посмотрим, — произнесла сухо Ная, сев на него сверху. В ее взгляде не было и тени игры или вожделения мужского тела. От этого парню стало не по себе. Переплетая между собой их пальцы, девушка склонилась к лицу балагура. — Держись моих глаз... если хочешь вернуться обратно.

— Все так серьезно? — он постарался придать голосу легкую иронию.

— Более чем, — колдунья припала поцелуем к его рту и струйка холода проникла в горло Тэзира, замораживая его изнутри.

«Что за...»

Слова застыли льдинками. Тело выгнулось дугой от ощущения вырванного сердца. Тьма навалилась, скрутила по рукам и ногам, поволокла сквозь боль, слезы, горечь утраты. Руки смерти обнимали парня, шептали о блаженстве и швыряли, швыряли в пропасть. Все глубже и глубже. И только глаза, то ли Наи, то ли самой Незыблемой держали трепещущую жизнь, не давая затухнуть слабому огоньку. Но нити, питавшие его, с громким дзиньканьем обрывались одна за другой.

Тэзир задергался, пытаясь вырваться из цепкой хватки, прекратить этот кошмар, но Ная крепко вжимала его в лавку, продолжая тащить по горам костей, сдирая заживо кожу, поя кровью призраков.

Ее никто не жалел. Почему она должна кого-то жалеть? Он хотел знать. Пусть узнает. Вот он — дар Матери Смерти, вот ее милость.

Бесчисленные мертвецы, их страшная гибель, отчаянье от горечи поражений, невозможность вернуться и все исправить, злоба на несправедливость судьбы — все это проходило сквозь сознание Тэзира, заставляло испытывать участь каждой тени. От тяжести такого груза не хватало сил сражаться с тьмой и неизбежностью. Не было желания жить. Как можно двигаться, дышать, любить, мечтать после произошедшей с этими людьми трагедии? Есть ли право на счастье?

Колдунья выдернула балагура из мира мертвых, когда он уже был на грани безумия. Еще несколько ударов сердца — и его разум навсегда погрузился бы во тьму. Расцепив пальцы, Ная поднялась с Тэзира, подобрала с пола сарафан, оделась. Опустившись на пол у подоконника, поглядела с тревогой на парня.

Балагур лежал недвижимо, уставившись слепо в видневшееся в прорехе крыши звездное небо, но грудь вздымалась ровно. Живой. Хотя, лицом еще сер и вид как на смертном одре. А ведь прошло всего сорок ударов сердца. Зря, наверное, она с ним так жестоко? Ничего, наука на будущее. Слова доходят не всегда. Тэзир вздохнул, поднялся тяжело, точно старец, погрузил пальцы в волосы. Некоторое время так и сидел: обнаженный, потерянный, еле-еле приходя в себя.

— Вас водили так же? — голос звучал измученно, скрипуче, словно прошло не сорок ударов сердца, а сорок лет.

— Да. Но еще дальше, в самое лоно.

— Кто это делал с вами? Я убью его.

— Глупо. Не будь таких, как мы, кто станет вытаскивать вас раненных из-за грани, отыскивать заблудившихся на других пределах и приносить дополнительные крупинки силы? Мы знали, какую судьбу выбирали.

— То, что я увидел и испытал там... не слишком ли большая цена за лишний глоток силы?

— Это еще не цена, а неотделимая часть дара — как ты это назвал. Цена иная Колдуньи, которых коснулась Незыблемая, кому позволила окунуться в свое лоно, не могут иметь семью и детей. Вступая в близость с мужчиной — не важно, по любви то происходит или нет — мы забираем его года жизни, отплачивая смертью. Чем дольше связь, тем быстрее он покидает этот мир. Ты спрашивал, как я могу защитить себя? Просто. Дам возжелавшему меня мужчине то, чего он хочет. Обниму его настолько крепко, что ему не вырваться из моих объятий, а затем буду целовать до тех пор, пока жизнь не угаснет в нем. Что нам подарила Незыблемая в утешение, так это возможность изредка замедлять и убыстрять время приближения смерти мужчины. Ты получил ответ?

— Ты поэтому не подпускала меня к себе, боялась навредить? — взгляд Тэзира был несчастен. Правда подбила его под колени. Что поделать: жизнь — сука. Не всегда мы получаем то, чего желаем.

Она склонилась, подняла одежду парня, швырнула ему.

— Одевайся. А то заявится кто-нибудь.

Балагур обхватил голову руками.

— Я так виноват перед Саей. Столько всего наговорил. Дубина! Если бы знал раньше...

— Потом покаешься. Мышка отходчивая. Простит.

Тэзир натянул штаны, взяв рубаху, бросил ее вновь на скамью, подошел к Нае. Дернув за руку, поднял с пола, уперся требовательным взглядом в глаза.

— Это проклятие можно снять, обойти?

— Нет. Забудь обо мне. Найди другую девчонку.

— Считаешь, это так просто? Взял — и вырвал из сердца? А если не могу и не хочу? — Он не замечал, как пальцы до боли впиваются ей в плечи, как голос почти срывается на крик. Нае даже стало жаль парня. Нелегко смириться с тем, что не все тебе по силам преодолеть и добиться в этой жизни. Но она не мамочка ему, чтобы утешать от разочарований любви. Переживет. Время вылечит. Хотелось бы ей тоже самое сказать и о себе.

Тихий стук в дверь стал избавлением от неприятного разговора. Тэзир дернул нервно подбородком, отошел в сторону. Колдунья открыла дверь. В дом скользнула Кайтур.

Смуглянка бухнулась на скамью, вытерла пот со лба.

— В городе жуткий переполох. Кругом стража. Ворота перекрыты, проверяют всех выходящих. Дарующие снуют по улицам. Еле пробралась обратно, — девушка перевела подозрительный взгляд с Наи на полуобнаженного и сердитого Тэзира. — Вы чем тут занимались?

— Разговаривали, — ответила колдунья. Балагур предпочел отмолчаться.

— Сая и Арки не возвращались?

— Нет. Пойду, поищу их.

Кайтур поглядела вслед скрывшейся за дверью Нае, покосилась на Тэзира:

— Что между вами произошло?

— Ничего, — буркнул он, сдернув со скамьи рубаху. Пальцы Кайтур вдруг вцепилась в нее, не давая ему одеться. Смуглянка поднялась. Левая ладонь заскользила по груди парня, лаская, прошла по плечам, обвилась вокруг шеи. Мягкие губы припали ко рту Тэзира, но он остался равнодушен, не ответил на поцелуй.

— А говоришь — ничего, — хмыкнула девушка, отстраняясь от него.

Балагур рывком притянул смуглянку обратно к себе, впился в губы злым поцелуем.

Кайтур была жаркой, страстной, жаждущей ласки. Как раз то, что Тэзир сейчас нужно. Ощущение жизни. Чтобы вытравить холод и смерть, оставшиеся после близости с Наей.

Колдунья обошла дом, раздумывая, куда могли подеваться Арки и Сая. Ума не убежать в город им явно хватило бы. Значит, где-то поблизости. Сердце вдруг бухнуло в груди, щеки опалило жаром, по телу прокатилась волна истомы. Привратница привалилась к стене дома, прерывисто дыша, смахнула со лба бисеринки пота. Губы растянулись в усмешке. Ну, Тэзир! Время даром не теряет. Впрочем, все правильно, жизнь на месте не стоит. Так даже лучше.

Заметив в зарослях травы сложившийся шалашом бывший сарай, Ная направилась туда. Парочка сидела, как два голубка, прижавшись друг к дружке, и что-то тихонько курлыча.

— Пойдемте в дом. Кайтур из города вернулась, принесла новости, — нарушила девушка их уединение.

— Арки, ты иди, мы догоним, — попросила Сая.

Парень прошел мимо слегка удивленной колдуньи: еще один разговор по душам намечается?

— Не задерживайтесь.

Когда стихли его шаги, Мышка вздохнула, собираясь с духом, взволнованно облизнула губы.

— Я должна тебе кое-что рассказать.

— Это не подождет? Надо решить, как нам быть дальше.

— Не подождет.

Ная с неохотой прошла, села на валявшееся полено. Время дорого. Сейчас нужно действовать, а не души изливать. Но Саю не смутило ее недовольное выражение лица.

— Мне очень нравится Арки. Впрочем, это уже ни для кого не секрет. Мы любим друг друга.

— Рада за вас, но давай в другой раз...

Мышка оборвала ее взмахом руки.

— Выслушай. Много времени это не займет, — робкая, стеснительная Сая выглядела очень решительно. К чему бы это? — Мы договорились с Арки, что станем близки в ночь после Посвящения. Но Арху-Кир, Верховный нашего клана, не дал планам свершиться. Отозвал меня в сторонку и сказал, что я удостоилась великой чести усилить свой клан. Верховный велел отправляться в одинокий домик на утесе и выполнить все, что велит привратник, который там живет. Кажется, его прозвище Скорняк. — Ная напряглась, чувствуя, что дальнейшая история ей не понравится. — Нас учили повиновению. Я не могла послушаться... Хотелось плакать и кричать от такой несправедливости судьбы. Я мечтала достаться Арки, познать его, как первого мужчину, а в итоге пришлось лечь под другого. Хотя, это и не назовешь соитием.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — глухо спросила Ная, кляня подведший голос.

— Дослушай до конца... Не знаю почему, но что-то пошло не так. Или я слишком

держалась за образ Арки. Или Скорняк желал видеть вместо меня другую, но погружение превратилось в кошмар. Проводнику не удалось погрузить меня ниже третьего предела. Нить постоянно рвалась, я едва не потерялась, не осталась там навсегда. Все, что сохранилось в памяти от погружения — боль, тьма и дикий ужас. Поняв, что ничего не получится, привратник выдернул меня назад. Это было унижительно, в пору провалиться сквозь землю от позора. Так подвести клан! Предать Арки. Я разрыдалась, как деревенская дуреха. Думала, Скорняк придет в ярость, наорет. А у него самого в глазах — мука. Сунул мне одежду, отвернулся спиной, чтобы не смущать. А потом сказал, что я должна не рыдать, а радоваться неудавшемуся погружению, потому что не потеряла счастье любить и не бояться убить любимого человека близостью. Еще добавил, что больше всего желал бы, чтобы на моем месте оказалась другая. Он все время повторял ее имя, пока погружал меня.

— Талкара, — произнесла с мрачной уверенностью Ная.

— Нет. Он говорил другое имя.

— Коркея?

Сая покачала головой.

— Он называл меня твоим именем, Ная.

Колдунья медленно поднялась, направилась к выходу.

— Ничего не скажешь? — спросила вслед Мышка.

— Нечего говорить. Между нами ничего нет. Не может быть. Меня Незыблемая не отпустила, как тебя, — Ная задержалась на миг, оглянулась на девушку. — А вы с Арки берегите свою любовь. Скорняк прав: это счастье дорогого стоит.

В доме шло бурное обсуждение плана — прятаться в халупе или пытаться вырваться из города. Что один, что другой вариант имели слабые стороны и не давали уверенности в спасении. В итоге решили выбираться по одному. Меньше привлекут внимания. Исключением стали только Мышка и Арки. Они пойдут вдвоем. Сая нынче не боец. Камень не поднимет. Хотя все надеялись, что до схватки дело не дойдет.

Первой ушла Кайтур. Затем Сая с Арки. Ная стояла у окна, прислушивалась. Тихо. Даже собаки не гавкают.

— Твоя очередь, — повернулась девушка к Тэзиру, сидевшему с понурым видом. Темнота в доме не давала разглядеть лица парня, только колдунье не нужно света, чтобы понять его терзания. Обряд. Мать твою... Какой горный дух надоумил их совершить его? Все чувства и поступки как на ладони. Нет, тайное порой должно оставаться тайным, чтобы не переживать потом не только о совершенном, но и от мысли, что содеянное — не секрет и для другого человека. Ная закрепила надежнее кинжалы, сдернула плащ с окна.

— Я пойду последним, — произнес балагур.

— Тогда — прощай, — она направилась к двери. Парень вдруг встрепенулся, ожил, очутился рядом, придавил ладонью дверь.

— Пообещай, что выберешься живой. Чтобы ни случилось, выживешь.

— Я не могу этого обещать, потому что не знаю, что нас ждет, но постараюсь уцелеть. Ты тоже постарайся. Понял?

Тэзир запахнул на ней плотнее плащ.

— Удачи.

Укутанные сумраком улицы точно вымерли. Но кажущаяся тишина была обманчива. Если приглядеться и прислушаться, то можно обнаружить, что эта часть города не настолько тиха и безлюдна. Своя жизнь бурлила здесь с приближением ночи. Время от времени в

проулках мелькали какие-то личности, мало напоминающие стражу. Доносились далекие звуки разудалой песни. Слышался шум веселящихся людей в трактире. Ная благоразумно обходила и людные места, и не внушающие доверия глухие закоулки. Сначала направилась к порту, надеясь найти там припозднившегося рыбака, который перевезет ее в пригород к Хостену. Но Дарующие предвидели вариант побега по реке и позаботились, чтобы ни одной лодки не оказалось на берегу, взамен заполнив его вооруженными караулами.

Девушка повернула обратно. Надо спешить. Скоро закроют ворота, и тогда придется ночь провести в городе.

Или колдунья везло, или умение двигаться неслышно помогло выбраться из трущоб в более благопристойный район, избегая неприятных встреч. Крепенькие дома с ухоженными двориками, маленькие магазинчики, уютный сквер и небольшой фонтан говорили о том, что проживают здесь не бедняки. Оттого, сидевший возле скульптуры какого-то воина слепой путник в запыленном плаще, казался тут совершенно неуместным. Но он продолжал сидеть и что-то бубнить под нос. Посох с оголовьем в форме неизвестного зверя лежал рядом. Ная огляделась. Людей по близости не было, но чужие глаза могли наблюдать за улицей из окон и палисадов. Она равнодушно прошла мимо слепца, но тот вдруг окликнул ее.

— Добрая госпожа, подай на пропитание.

Что он делает? Сказано же, забыть, что они знакомы! А если ему нужно передать важные сведения о друзьях? Ная вернулась, покопавшись в кармане, бросила в руку слепцу маленькую еловую шишечку — по дороге в Лот подобрала в лесу. В темноте вряд ли кто разглядит, чем одарила.

— Благодарствую, — поклонился Витог, припрятав шишку. Понизив голос, прошипел: — Вы что устроили? Гарнизон поднят по тревоге, Дарующие по улицам рыскают, любого подозрительного в казематы волокут. На воротах стражу усилили! Выбирайтесь скорее из города.

— Это и стараемся сделать.

— Да осветится твой путь добром, милая женщина, — начертал слепец в воздухе выдуманный знак. Не двигая губами, добавил: — Попробуй через восточные ворота. На них вроде Дарующего нет.

— И тебе сытых дней, человеке, — пожелала громко Ная, после чего заспешила вверх по улице.

На перекрестке свернула направо, прошла мимо хлебной лавки... И едва сдержалась, чтобы не броситься назад — навстречу из переулка вынырнул отряд стражи. Четверо солдат, офицер и странный тип в сером одеянии. Не Дарующий — это колдунья определила сразу, силой мужчина не владел, зато прозрачный шар, в который он паялился, не отрываясь, вызывал неосознанную тревогу. Так и жгло ладони желание хрястнуть шарик об мостовую, чтобы на мелкие осколки разлетелся. Явно, не ради забавы прихватил!

Ная замедлила шаг, накинула на голову упавший капюшон. Положив под плащом ладони на рукояти кинжалов, пошла навстречу страже. Рвани она обратно за угол, это вызвало бы подозрение. Сдерживая колотящееся сердце, девушка поравнялась с караулом. По позвоночнику скатилась струйка пота, когда любопытные взоры мужчин пробежались по ней. Но вот патруль остался за спиной. Один шаг, два, три. Она облегченно выдохнула. И тут ее окликнул мужской голос.

— Госпожа, постойте.

Колдунья сделала вид, что не расслышала, продолжая идти тем же неторопливым

шагом, хотя подмывало броситься во весь опор прочь.

— Госпожа, я к вам обращаюсь, остановитесь, — прозвучал громче приказ.

Ная медленно обернулась, улыбнулась приближающемуся офицеру.

— Простите, я задумалась. Не слышала.

— Что вы делаете так поздно одна на улице? — офицер был симпатичный. Улыбчивые глаза, каштановые волосы, родинка на щеке. За кажущейся строгостью скрывался обычный интерес к хорошенькой девушке. И Ная расслабилась.

— От подруги возвращаюсь, засиделась в гостях, теперь спешу домой, а то батюшка заругает. А что случилось? Почему так много патрулей? — неподдельная тревога в голосе довершила образ глуповатой напуганной девицы.

— В городе неспокойно. И будет лучше, если вы побыстрее очутитесь дома под защитой отца. Позвольте, я отправлю проводить вас одного из моих людей? Где вы живете?

— Мы снимаем комнату в «Золотом фазане», — вспомнилось вовремя колдунье название гостиницы, мимо которой они с друзьями проходили утром.

— Но это совсем в другой стороне. Как вы забрели сюда?

Ничего не оставалось, как изобразить удивление.

— Какая я рассеянная! Наверное, свернула в потемках не туда. Это просто счастье, что вы повстречались мне, — новая улыбка с оттенком благодарности окончательно околдовала офицера. Но не мужчину в сером одеянии.

Его манипуляции с шаром все меньше нравились ей. В свете факелов было видно, как серебристые пылинки, метавшиеся хаотично, вдруг закружились водоворотом и выстроились в форме стрелы. Мужчина в изумлении уставился на шар, щелкнул по нему пальцем, но пылинки продолжали держаться в прежнем рисунке. Глаза незнакомца расширились, пальцы рванули нервно ворот камзола. Переположенный взгляд пробежался по улице, но, кроме весело щебетавшей с офицером юной девушки, никого другого по близости не было.

Выставив в сторону Наи палец, мужчина выдавил полупридушено:

— Это колдунья.

Офицер в недоумении посмотрел на спутника, зыркнул вновь на девушку. Она с растерянным видом пожалала плечами, показывая, что не понимает, о чем говорит мужчина.

— Руфис, вы, несомненно, ошибаетесь. Это просто заблудившееся и напуганное дитя.

— Эта девка — колдунья, говорю вам! Око не может ошибаться! Скорее арестуйте ее! — завизжал тот, потрясая в доказательстве шаром.

Офицер еще только выдергивал меч из ножен, а кинжалы уже играли в руках Наи. Два быстрых удара, две раны, после которых нет ни единого шанса остаться в живых.

— Чего вы стоите, олухи, хватайте девчонку! — продолжал верещать мужчина, прячась за спинами солдат.

Привратница скинула ставший помехой тяжелый плащ, приготовилась к бою. Бросившийся на нее первый воин оказался смельчаком, но неумехой. Она уложила глупца одним ударом. Второй был не лучше. Из деревень, что ли, нагнали для охраны? Третий попытался взять напором и массой. Мужик был крепенький, но увалень увальнем. Налетал быстро... и бестолково. Чрезмерную самоуверенность следовало учить. И она проучила. Последний солдат, видя участь собратьев, вступать в схватку не спешил, предпочитая обороняться факелом. «Ищейке» попытка солдата остаться в живых не понравилась, и «сморчок» просто вытолкнул бедолагу прямо на кинжалы колдунье. Что было большой глупостью, потому что теперь остался с Наей один на один. И тогда мужчина сделал самое

простое, что мог придумать — бросился наутек. Девушка пустилась вдогонку. Шар следовало уничтожить. Привратница почти настигла беглеца, но поскользнулась на мокрой брусчатке. Этого мгновения хватило «ищейке», чтобы скрыться за поворотом. Выругавшись, Ная завернула за угол и застыла от неожиданности. Соседнюю улицу перекрыл отряд стражи из полутора десятка человек. Многовато. По виду вояки опытные, с оружием управляться умели, не то, что прошлые. При ее появлении все как один обнажили оружие, подняли щиты. Очутившись в безопасности, за крепкими спинами патруля, «ищейка» приободрился, страх мчавшейся за ним смерти прошел. Указывая на девушку, «сморчок» возбужденно завопил:

— Вот она, колдунья! Хватайте эту дрянь. Брать только живой!

Разве могла Ная так быстро распрощаться с ним? Сдохнет, а доберется до его глотки.

— Уважаемый Рафус, вы свое дело сделали, позвольте теперь нам выполнить свой долг, — осадил «ищейку» офицер. Вышел вперед, громко выкрикнул:

— Бросай оружие, девчонка.

Кривая ухмылка была ему ответом.

Вояки настороженно двинулись к Нае. Сразу видно, с колдунами они дело имели впервые и изрядно опасались, не зная, что от этой братии ожидать. Не спешили, приглядывались к каждому движению девушки, держась на расстоянии. Она позволила огненным струйкам стечь по пальцам в кинжалы. Скрывать силу уже не имело смысла. Ей не выжить. Тэзир будет зол. Ничего, Кайтур утешит.

Кивок офицера, — и луки появились в руках пятерых патрульных, стрелы хищными жалами нацелились в сторону колдуньи. Тут и смертельного удара не нужно, только ранить, чтобы скрутить потом без помех. Такая добыча более ценна живой. Следовало немного уровнять шансы.

Резко присев на одно колено, Ная ударила кинжалами по брусчатке. От соприкосновения камня с металлом вылетел сноп искр. Настолько ярких, что заставил вояк зажмуриться. Те, кому удалось приоткрыть веки, видели, как девушка резанула кинжалами себе выше запястий, и выступившая кровь, вместо того, чтобы капать на землю, взмыла под наговор колдуньи красными горошинами вверх. Капельки, ускоряя разбег, завертелись вокруг девушки, растекаясь в воздухе, окрашивая его в кровавый цвет.

Поднявшаяся от их кружения буря ударила в лица патрульных жгучей пылью. Кожа в мгновение покрылась зудящими пятнами, веки опухли. Защелкали тетивы, но в накрывшей улицу пелене стрелы летели наугад.

Пользуясь заминкой в рядах врага, Ная первая нанесла удар. Одному выпустила кишки. Следующему располосовала горло. Атаковавшей ее одновременно парочке вояк перечеркнула кинжалами лица. Ная походила на дикую кошку, окруженную волкодавами. Она крутилась волчком в пылевом вихре, орудуя кинжалами, колола, резала. Но и самой перепадало немало. Вояки пришли в себя и отвечали не менее злыми атаками. На миг их «дружная компания» рассыпалась, уставились с ненавистью друг на друга, переводя дыхание. Ная знала, долго ей не продержаться. Значит, последний бой. Она встречала уже скрещенными клинками удар короткого меча, когда увидела мчавшихся на помощь Тэзира с Витогом. Парни ворвались в их клубок, разметав наседавших на Наю патрульных. Встали рядом спина к спине.

— Так и знал, что нельзя тебя оставлять одну. Обязательно драку затеешь, — произнес Тэзир.

— Вы-то что тут делаете? Ладно балагур, но, Витог, ты зачем влез?

— Скучно смотреть со стороны, как вы развлекаетесь.

От внезапно нагрянувшей подмоги вояки потеряли надежду на быструю победу. Трое колдунов — это не одна девчонка. Запал поутих. Неохотно, с опаской обходили троицу. Свистнула стрела. Витогу успел отвести ее в сторону. Вторая, замедленная заклинанием, упала возле ног колдунов. Третья сгорела прямо в воздухе.

— Смелее, чего вы мнетесь. Покончите с колдовской зара... — Руфус захлебнулся словами, рухнув на землю с ножом в горле. Шар выскользнул из его руки, ударился об брусчатку и разлетелся на мелкие осколки. Этот звон стоил заплаченной смерти цены.

— Давно хотела заткнуть ему пасть, — пробормотала Ная, стирая кровь со щеки. — Спасибо.

— Пустяки. Мне он тоже не понравился, — сплюнул Тэзир.

Подуставшие вояки вдруг оживились, издали радостный клич. К ним спешил новый отряд во главе с Дарующим. Колдуны помрачнели.

— Конец нам. Теперь не уйти, — произнес Тэзир.

— Не спеши умирать, — буркнул Витогу. — Вначале потрепем их хорошенько.

— Все, мальчики, хватит мордобоя. Пора бежать, — подняв вверх руки с кинжалами, она шагнула к воякам. — Мы сдаемся.

— Что ты делаешь? — зашипел Тэзир.

— Не мешай. Будь наготове, — тихо проговорил Витогу, увидев своими слепыми глазами, как пламя стекает к ее ладоням.

— Брось оружие, сука! — крикнул офицер.

Ная повиновалась. «Сестренки» выпали из разжавшихся пальцев. А через миг в руках девушки запылал огненный шар. Она метнула сгусток пламени в гущу вояк. Второй полетел в Дарующего. Кто-то из офицеров успел сбить его с ног, накрыть своим телом, защищая от огня. Остальным повезло меньше. Крики боли и ужаса огласили улицу, люди заносились живыми факелами, ища спасения. Паника, вопли, запах горелого мяса, дымящиеся трупы. Прислужникам Сеятеля теперь было не до колдунов. Тэзир потянул Наю за руку.

— Бежим.

Девушка подхватила кинжалы, оглянулась на царивший за спиной хаос. Взгляд задержался на офицере, смотревшем неотрывно ей вслед. Черные волосы разметались по плечам, щека выпачкана в саже, прогоревший рукав мундира еще дымился после сбитого огня. Колдунье не понравился его взгляд. Запоминающий, обещающий новую встречу — не столь удачную для нее в следующий раз.

Колдуны успели пробежать две улицы, прежде чем за спиной послышался звук погони. Опомнились. Или подкрепление подошло?

Заскочив в щель между домами, троица затаилась, переводя дух. Вскоре мимо прогрохотали сапоги бегущих людей. Выждав, пока преследователи скроются из виду, беглецы вынырнули из темноты, заспешили в другую сторону от побоища и умчавшейся погони.

Уловив за спиной легкие шаги, троица резко оглянулась, выхватив оружие.

— Дяденьки, не убивайте, я не враг! — пискнул мальчонка лет девяти. — Я помочь вам хочу. Вы ведь колдуны? Я видел, что вы натворили на Лазурной улице.

— А ты кто такой? — ухватил его за плечо Витогу.

— Тоже прячусь от стражи. У меня дар есть — от мамки, — мальчик всхлипнул. — Убили они ее, а мне сбежать удалось, мамка задержала их! Вот теперь скрываюсь в

трупобах, идти больше не к кому. Я вас из города вывести могу, знаю тайный ход. Пойдемте быстрее!

Ная вцепилась мальчонке в подбородок, дернула вверх голову, всматриваясь в глаза.

— Дар в тебе есть. Робкий, стихийный. Но вопрос в другом — с чего мы должны тебе верить?

— Можете и не верить, только без меня вам из Лота не выбраться. А к утру вас, гадать не надо, повяжут. Дарующий злющий был, рвал и метал, что стража колдунов упустила. А уж искать они умеют. Если б не мамкин оберег, дар скрывающий, давно бы на виселице болтался, — он вытащил из-под ворота рубахи синюю в золотистую крапинку горошину на засаленном шнурке, показал колдунам. У Наи ладони запекло от ее близости. Сила в обереге была. И как обнаружить их с помощью шаров могли — тоже видела.

Колдуны переглянулись, решаясь. Тэзир притянул мальчишку к себе, пригрозил.

— Смотри, малец, обманешь — шею сверну.

— Зачем мне? — хмыкнул тот и побежал вперед, словно знал точно, что они пойдут следом. Мальчишка не ошибся. Выбор у колдунов был небольшой.

Они промчались несколько улиц, выбрались на пустырь. Прячась по-за развалинами какого-то сооружения, спустились по лестнице в подвал. Мальчишка отворил потайную дверь, указал на длинный коридор.

— Скоро выберемся.

В конце туннеля их опять ждала дверь, замаскированная под стену. Пахнуло свежим воздухом, и колдуны оказались за стеной Лота.

— Ну, здравствуйте, ребята. Заждались мы вас, — раздался голос.

Напротив колдунов стояли вооруженные люди.

Тэзир зло покосился на мальчишку, скользнувшего мимо них к мужчинам.

— Вот. Привел, как обещал.

— Напрасно я тебе, щенок, не свернул шею, — процедил балагур.

Бежать было некуда. Времени до того, как нагрянут стражи и другие боги, оставалось все меньше. В змеиных глазах Эланде застыло столько боли и печали, что Ильгар не посмел окликнуть опальную богиню. Один принялся рыскать по залу в поисках двери, трещины в стене или спуска на нижний ярус. Тщетно. Ни окон, ни дверей — ничего. Каменный мешок, и лишь дверь наверх, где, скорее всего, уже собираются слуги богов. Плюнув на условности, встряхнул черноволосую за плечи.

— Уходим. Сделанного не воротишь. Мы не знали. Это не оправдание, но достаточно веская причина, чтобы добровольно не отдаваться в лапы Андере.

Эланде внимательно посмотрела на человека. Кивнула. Тонкие губы растянулись в усмешке.

— Люди легко переносят любые потрясения, соображают быстрее тех, кого никогда не поджигает время. Мы слишком медлительны, слишком уверены в завтрашнем дне. Нашей самоуверенностью и пользуется тот, кто называет себя Сеятелем.

— Пожалел бы вас, но не буду. Поговорим об этом позже, хорошо?

— погоди еще немного, торопыга.

Богиня подошла к барабану. Корпус треснул, но кожа все еще была туго натянута и надежно примотана пеньковым шнурком. Эланде подняла инструмент. Покрутила в руках.

— Есть надежда.

— На что?

— Что свет вернется в болота. Я еще раз выручу тебя, Человек-который-нравится-мне. Дай слово, что выполнишь мою просьбу.

— Считай, оно у тебя есть.

— Ты сделаешь все, чтобы в болотах вырос новый цветок, — потребовала богиня. — Умри, лишишься глаз или руки, пусть тебя оскоят или скормят пиявкам, но сделай это. Докажи, что я не ошиблась в тебе. Ведь боги не ошибаются, так?

Она ногтем вспорола кожу на барабане. На дне инструмента был спрятан крохотный бархатный мешочек. Эланде взяла его и бросила удивленному человеку.

Ильгар развязал кожаную шнуровку, заглянул внутрь. Там лежала щепотка пурпурных, едва заметно светящихся семян.

— Это — великий дар. Не знаю, как он попал в руки к Масбею, но вряд ли существо, создавшее семена, хотело, чтобы они оказались здесь. Забери их и спрячь. Спрячь надежно, человек. Потому что в скором времени они понадобятся Ваярии.

Ильгар сжал мешочек. Кивнул.

— Договорились. Если выберусь из топей — спрячу так, что никто не сыщет. А теперь — бежим. Я слышу шаги и крики в коридорах.

— Нет. Ты пойдешь один. Я вернусь к братьям и сестрам. Они простят и примут меня.

Она лгала. Это было понятно. Уходит, чтобы задержать сородичей, обрекает себя на смерть. Или — того хуже.

— Для чего тебе оставаться? Уйдем вместе. Вернешься на берег реки...

— Я заслуживаю разделить их участь. Мы похожи. Плоть от плоти. Мое место в топях. Твое же — на живой земле. Под солнцем. Уходи, человек. Огляди внимательно корни дерева — они разломали плиты перекрытия. Приложи немного усилий, и сможешь спуститься в

подтопленные коридоры. Там опасно, но уж постарайся выжить. Я потратила на тебя столько времени, что будет обидно, если сгинешь.

Она развернулась и пошла к лестнице. Пожалуй, именно сейчас Эланде, как никогда походила на настоящую богиню. Величественная осанка, уверенный шаг, вихрь темных волос...

— Я не могу бросить тебя, — выдохнул десятник.

— Человек жалеет черную богиню? — захохотала Эланде. — Трогательно и глупо. Мы не заслуживаем жалости. Ни один из нас. Никто из тех, кто зовется нынче богами, жалости не заслуживает, но мы, черные, хуже всех. Мы не просто прокляты, а пропитаны проклятием. Порча — наша кровь. Даже наша смерть ничего хорошего не принесет Ваярии. Прощай.

Ильгар поднял булаву и нож, покрытые запекшейся кровью летучих тварей. Крикнул громко:

— В тебе есть свет, Омут-в-котором-живет-музыка! — слова полетели в пустоту. Эланде покинула зал.

Десятник поспешил к мертвой иве. Опустился на колени, принялся ощупывать сломанные плиты под самыми большими и сильными корнями. Богиня не ошиблась. Один из них сокрушил перекрытия, и протиснулся вниз, к воде, высасывая влагу из затопленных коридоров. Ильгару даже расширять пролом не пришлось — отощавший за проведенное в плену время, легко процарапался вниз и плюхнулся в холодную жижу. Здесь было сыро. Пахло плесенью, а стены поросли мерцающим мхом и покрылись соевым налетом.

Когда-то корни ивы, прорываясь сквозь каменные препятствия, свисали до самого пола, жадно поглощая жирную маслянистую воду. Теперь они засохли, пошли трещинами и ломались, едва к ним прикоснешься.

Оторвав от стены пласт мха, Ильгар двинулся вперед. Не зная нужного направления, шел наугад. Света мох давал не много, но там, где царила беспроглядная тьма, и этого было достаточно.

Десятник то опускался ниже под землю, то поднимался по лестницам, брел сквозь анфилады коридоров и заброшенные залы. Где-то воды не было совсем, где-то приходилось плыть. Самая разнообразная живность ютилась в зарослях осклизлых водорослей и иле. Было душно и холодно, страшно и мерзко. Запах гнили порой становился настолько мощным, что подкатывала тошнота.

Булаву Ильгар выбросил, но все еще сжимал в ладони нож, на случай, если какая-нибудь подземная тварь захочет полакомиться свежим мясом, будет чем защищаться. Несмотря на Иглу, которая, по словам Эланде, поддерживала в нем жизнь, десятник чувствовал себя вымотавшимся. Слишком долго не ел нормальной еды, слишком долго не спал столько, сколько нужно для отдыха, и слишком часто доходил до изнеможения. Трижды останавливался, чтобы убить и съесть мелких ящериц. Мясо их казалось безвкусным и немного отдавало протухшей рыбой, но больше есть было нечего. Водоросли вкус имели еще гаже, а желудок требовал еды. Вскоре перестал мерцать мох, — засох и развалился на лоскуты. Десятник остался в подземном мраке. Один, на боги ведают какой глубине. В залах, построенных творцами мира тысячи лет назад.

Идти дальше не имело смысла.

Он улегся на возвышающийся над слоем грязи и ила камень. Закрыв глаза.

«Как хочется спать... Но чему учили в армии? Вколачивали в головы бамбуковыми

палками? Если чего-то сильно хочется, лучший способ остаться в живых — не делать этого».

Встал. Сделал три шага, натолкнулся на стену. Понял, что окончательно перепутал все направления во мраке. И что будет, если пойдет обратно?

— Демоны меня заберите! — Злость и отчаянье отступили перед полным безразличием. Все его попытки вырваться на свободу напоминали трепыхание мухи в паучьей сети. Чем сильнее дергался, тем сильнее увязал в безнадежности. Будь что будет. Пусть река судьбы вывозит...

Отколупал кусочек камня. Крутанулся вокруг оси, кинул через плечо. Мысленно расцеловал фортуна... и пошел в другую сторону. Наперекор судьбе.

Встряска помогла. В голове появилась интересная мысль.

Сунув руку в карман, вытащил мешочек с семенами. Высыпал несколько на ладонь. Зернышки мерцали ровно и ярко — ничуть не хуже мха, помогая разглядеть окружающее запустение.

Дальше во тьму. Вглубь.

Если бы создатели мира могли увидеть, во что превратилось их творение, они разрыдались бы. Конечно, сумей они рассмотреть хоть что-нибудь в беспросветной мгле...

Пол походил на залитые мутной жижей соты. Оставалось лишь удивляться, как до сих пор не провалился в какую-нибудь яму или не сломал ногу

Света от семян в ладони хватало, чтобы не биться головой об стены. Твари теперь попадались совсем странные. Слепые, рыхлые, похожие на разжиревшие личинки. Однажды пришлось пустить в ход нож, чтобы отбиться от одной из них. Лезвие легко вспорол осклизлую шкуру и выпотрошило тварь. Воняло от нее настолько мерзко, что Ильгар побоялся пробовать липкое и студенистое мясо чудовища.

Он дремал стоя, прислонившись лбом к стене, и просыпался с надеждой, что все происходившее лишь сон, но приходилось вновь окунаться в реальность и брести дальше впотьмах. Грезы убивают. Лишают воли. Грезы — для детей.

Однажды споткнулся обо что-то холодное, липкое и донельзя смердящее мертвечиной. Нагнулся, чтобы рассмотреть — и расхохотался. Возле ног лежала полуразложившаяся гнилая туша личинки.

— Да! Да-да-да! — рассыпая бесценные семена, замахал в воздухе рукой, истерично хохоча. — Круг. Сраный, мать его так, круг! И почему я не удивлен?!

Сдерживая слезы, плюхнулся на колени и принялся выковыривать из грязи семена. Все ли нашел — не знал, по крайней мере, десяток насобирал точно, тут же сунул в мешочек — от греха подальше. Для света оставил лишь те, что сжимал в кулаке. Пять штучек.

Вытянув вперед ладонь с мерцающими семенами, двинулся опять по коридору. Где-то на полпути к безумию, когда начало мерещиться, что из стен выглядывают искаженные гримасами ненависти рожи, а цепкие когтистые руки, торчащие из потолка, норовят схватить за волосы, Ильгар слышал хлопки. Он настолько отвык от громких звуков, что почувствовал боль в ушах.

Вжавшись в стену, зажмурился. Мимо пронеслось нечто. Шумное, теплое, пахнувшее жизнью, травами, солнцем и свежим воздухом.

— Постой! — крикнул Ильгар. — Вернись. Пожалуйста, вернись!

Тишина.

— Ну и катись ко всем демонам, ублюдок пернатый! Сам выйду. Выйду, найду твоё гнездо и приготовлю потрясающую яичницу из... Яичницу... — десятник застонал. Что там

яичница. Он готов был убить сейчас за одно единственное яйцо.

И тут ноздри уловили еще один запах. Жнец узнал его сразу. Не мог не узнать. Пахло дымом. Жженой хвойной смолой. Ильгар задышал часто, наслаждаясь каждым вздохом. Затем устремился на запах, как охотничий пес. Несся, забыв обо всем на свете. Не думая, кто может повстречаться на другом конце очередного коридора. Вот так десятник почти влетел в объятия троих здоровенных мужчин. Они выглядели гигантами. В броне, с оружием. После измученных пленников и рабов, которые ели лишь помой, сильные и суровые воины показались настоящими богами войны. В некотором роде они ими и являлись.

Ошарашенный Ильгар едва не получил кусок заточенной стали в брюхо. Кинжал не достиг цели, замерев в двух пальцах от него.

— Чтоб мне на месте обоссаться... — выдохнул Дядька.

Потом они сидели на рухнувшей колонне. Просторный зал оглашали тихие голоса. В каганце на полу трепетал огонек. В развязанном мешке лежали сухари, куски насаженного на веревку копченого мяса, пучки хвоща и стебли рогоза.

Набив рот, Ильгар пытался рассказать соратником обо всем и сразу. Выходило сбивчиво, да и утаил немало: про сломанный цветок, семена и Иглу.

— Ты ешь, ешь, десятник, — пробубнил Барталин. — И нас пока послушай.

— Верно говорит, — кивнул Кальтер. — Не торопись, Ильгар. Будет время. Наша история ничуть не скучнее твоей.

— Нисколько не сомневаюсь! — улыбнулся Ильгар. Он и представить не мог, насколько родными и близкими были ему эти грубые, жесткие люди. Расцеловал бы каждого из них на радостях.

— Советую поторопиться и с едой, и с рассказами, — заметил Эльм. Он вновь выглядел постаревшим, лицо покрыли морщины, задорный зеленый огонек в глазах угас. Руки у эйтара дрожали — проклятая земля убивала его.

— Я расскажу все коротко и ясно, — сказал Дядька. — В общем, когда вы с Нуром исчезли, да еще оставив на поляне кровь и следы борьбы, мы решили отправиться в погоню. Три дня гнались, как в задницу ужаленные, но — куда там! Болотные олухи были резвее, и там, где мы топтались с рассвета до полудня, они проходили вполосину быстрее. Нечисть их не трогала. Мы же намахались топорами и мечами на всю жизнь вперед. Короче говоря — тебя мы потеряли.

— Почему — меня, а не нас с Нуром?

Воины переглянулись.

— Ясно, — кивнул Ильгар, помрачнев.

— Я случайно нашел. Неподалеку от места, где вы в плен угодили, — сказал Кальтер. — В омуте притопили. Тело мы зашили в парусину и сожгли. Гур с тех пор сам не свой... Ты это, Ильгар, не вини себя, хорошо? Тебе и так непросто пришлось — к чему терзаться?

— Замолкни, — холодно оборвал его десятник. — Просто заткнись.

Неприятное молчание прервал Барталин — шумно высморкался, стараясь попасть как можно на большее количество цветных плиточек на полу. Обтерев пальцы о штаны, сказал:

— Если закончили страдать — я продолжу, хорошо? — Возражений не последовало. — Замечательно. В общем, тебя потеряли. Возвращаться в Сайнарию несолоно хлебавши, ясное дело, никто не захотел. Вот и решили пройти по болотам и вызнать хоть что-нибудь. А что, местечко замечательное, вонючее, как жопа старого мерина, и такое же красивое...

— Ближе к делу, Барталин.

— Короче говоря — с неделю шарахались по кочкам и трясинам. Мертвая земля. Чудовища. Отравленные озера, берега, покрытые гнилью. Убитые порчей деревья. Словом, ничего хорошего. Собрались поворачивать к дому. Каждый уже представил, как будет до конца жизни в резерве пыль глотать...

— Тогда и появился филин, — тихим голосом произнес Эльм. — Мы уже видели его, помнишь? Ты говорил, что встречал похожую птицу в детстве. Он преследовал нас шесть дней. Кружил над бивуаком, усаживался на дерево, смотрел внимательно. Недовольно ухал. Солдаты хотели камнями отогнать, да мальчишка не дал.

Ильгар покосился на смиренно сидевшего рядом Дана. Пацаненок прижимал к себе вазу и, казалось, вообще не замечал, что происходит вокруг.

— Дан всех уверил, что филин хочет что-то сказать. Или — показать. В тот же миг птица слетела с дерева и опустилась рядом с мальчишкой. Хочешь, не хочешь — а поверишь таким знакам. Тогда мы пошли за филином. И он привел нас сюда. К тебе. Мнится мне, что здесь играют высшие силы. Если они на твоей стороне — ты счастливчик.

Ильгар припомнил все, что пришлось пережить за последнее время. Особого прилива счастья не испытал.

— Мы за четыре дня добрались сюда, — продолжил эйтар, не обращая внимания на недовольное сопение Бартали. — Филин уселся посреди руин. Пришлось поработать, чтобы найти спуск и расчистить завалы.

Он прервался отпить воды из фляги, и заминкой тут же с удовольствием воспользовался Бартали.

— Начали судить да рядить, кто и за каким хреном полезет вниз. Тогда мы не знали, что найдем здесь именно тебя! Решили: хватит нас троих. Кальтер — следопыт, эйтар... гм... эйтар, чтоб его! А я — старик, меня не жалко и пиявкам скормить, ежели что.

— А ребенок что здесь делает? — нахмурился Ильгар.

— Сам не догадываешься? Для любого ребенка слова взрослых — что команда к действию. Вот только понимают эту команду они задом наперед. Засранец сбежал вслед за нами. Партлину, ослу толстопузому, влетит, когда вернемся.

— Эти коридоры бесконечны, — передохнув, Эльм вновь вернул себе право рассказывать, — залам и лестницам — нет числа. Понятия не имею, кто мог выстроить такое. Нас вел филин, только поэтому мы не заблудились.

— Это как сказать, — подал голос Кальтер. — назад дороги я не найду. Не помогут и метки на стенах, которые мы оставили.

— Что еще хуже, — севшим голосом закончил эйтар, — здесь есть залы, в которых творится нечто очень плохое. Это не проделки темных богов, не логова зверей и чудовищ. Там тьма. Живая. Дышащая. Мыслящая. Боюсь, скоро она убьет меня.

Ильгар понимал, про что говорит Эльм.

Они находились достаточно глубоко, чтобы тьма, бурлившая в бездне, затопила коридоры. Подземная живность исчезла. Первобытное зло, — или не просто зло, а нечто более сложное? — пугало даже богов. Что же говорить о мелких тварях и людях?

Можно лишь пожалеть эйтара, который чувствовал мир гораздо острее прочих, и вкусил того ужаса, что властвовал в глубинах.

— Что-то не так? — Кальтер ухватился за лук. — Ты в лице изменился.

— Все не так, — отмахнулся Ильгар. Он чувствовал, что еще немного — и разомлеет окончательно. Усталость брала свое. — Мы должны были разведать, что творится в болотах.

Вместо этого я, как последний болван, угодил в плен. Потерял троих человек из экспедиции. Затем вы, вместо того, чтобы выбрать нового командира и решить, что делать дальше, пошли следом за филином... Филином! Неделю ковырялись в камнях, чтобы спасти, как оказывается, десятника, который подвел и отряд, и Сеятеля. Что здесь так? Кто скажет? Одно хорошо, в логове черных богов я знатно пошумел и разнюхал кое-что. В Сайнарию вернемся не с пустыми руками. Во всех смыслах, — он покосился на предплечье, с которого еще не сошел отек от Иглы.

— Тогда — в путь, — улыбнулся Барталин. — Хочу выбраться под солнышко до того, как превращусь в змею.

— Из тебя только жаба получится, — хмыкнул, поднявшись на ноги, Кальтер. — Старая, пузатая и бородавчатая.

— А из тебя — комар, — парировал ветеран, — которого я слопал бы за милую душу... Хотя, нет, не слопал. Воняешь, как старый сапог.

— Ты тоже не куст роз.

Филин не появлялся.

Они шли, освещая факелами своды залов и коридоров. Почти не разговаривали. Только Дан все порывался вызнать подробности Ильгаровых мытарств, но десятник лишь отделялся односложными фразами и словами, среди которых самым частым было «потом». Он взял у Кальтера топорик на короткой рукояти. Разжился плащом и новыми портянками. На свои ноги десятник лишний раз смотреть не хотел — влага сотворила с ними невесть что и, если бы не Игла, столько он ни за что бы не прошел. Но насколько приятнее и веселее идти, когда рядом соратники, огонь потрескивает на наверхиях факелов, в руках настоящее оружие, а брюхо набито едой! Именно едой, а не помоями, которыми даже скотину потчевать стыдно.

Мосты и арки. Лестничные пролеты и залы, бесконечные залы с высоченными потолками и мозаикой, от которой глаз не оторвать. Бассейны и фонтаны, отвалившаяся лепнина, мебель из халцедона и мрамора. Все поглотило забвение. Навсегда. Никто и никогда не восстановит красоту подземных лабиринтов. Разве что вернутся в мир те, кто трудился над этими стенами, но какой смысл столь могущественным существам возиться с разбитой игрушкой? Они могут сотворить новую. Задумавшись, Ильгар еще глубже понял и оценил политику Сеятеля. Разрушить до основания руины прежнего мира и возвести на пепелище новый, для свободных людей.

Дорога упиралась в заваленный боем дверной проем.

— Дальше не пройти, — за словами Кальтера крылся испуг.

— Вернемся? — предложил Барталин. — Я видел ответвления. Может, найдем обходной путь?

— Нет, — вздохнул эйтар. Его кожа лоснилась от пота, черты лица заострились, глаза запали. Он выглядел тяжело больным человеком, почти мертвецом. — Там — тьма. Нет жизни, нет живых растений, лишь больной мох, которого мне не дано понять и почувствовать. Я не могу ориентироваться под землей, но чую, где опасность. Она везде. В каждой комнате, под каждой лестницей, в каждом зале. Филин вел нас сквозь мрак, но сами мы не пройдем. Чую.

— Нужно попробовать, — пробурчал Дядька. — Терять нечего. Вдруг, повезет?

Ильгар согласился. Он помнил, как болезненно реагировал Эльм на Эланде. Черноволосая, конечно, порождение зла, но не лишена доброты. Не без света внутри.

— Заглянем в зал, — озвучил свои мысли десятник. — Извини, Эльм, но твое мнение — не последняя истина.

— Буду рад ошибиться.

В зале мрак бурлил точно так же, как в бездне под мостом. Оттуда доносился то ли приглушенный шепоток, то ли завывания ветра. Не понять. Но, так или иначе, звучало это жутковато.

— Гляди, — Дядька сунул факел сквозь громадный дверной портал. Огонь погас, едва оказался за порогом. — И так всегда. Живое пламя там задыхается.

— Не удивлен, — пожал плечами Ильгар. — И все же надо проверить, что за порогом? Кальтер, ты ведь следопыт, можешь определить направление?

— Запросто. Под луной, солнцем, в ливень или снежный буран. Пьяный в дымину — легко. Но там, — он указал в темноту, — иное. Когда шли за филином, я видел силуэты скал. Клянусь! Башни и скалы, холмы и стены городов. Где-то вдали, будто сквозь мутное, измазанное копотью стекло. Как такое объяснить?

Ильгар почувствовал легкую дурноту. Он вспомнил свои видения. Когда некто следил за ним из такого же мрака. И это существо будет ждать его по ту сторону дверного проема. Вцепится — и утащит на дно бездны.

Послышался шлепок. Стон. Снова шлепок. Стон. Скрежет, от которого по спине мурашки забегали.

В пятно света вползало нечто. Ильгар видел руку. Видел человеческую голову и плечи. А дальше тело переходило в нечто пластинчатое, сильно напоминавшее рачий хвост. Маленькие острые ноги стучали по полу. Пальцы скребли плиты. Тело монстра было пепельного цвета. Тварь всхрапнула, как лошадь, через толстые губы забрызгала слюна.

Эльм застонал, обхватив голову ладонями. Его вырвало.

— Кальтер!

Долго лучника упрашивать не пришлось. Три стрелы — и тварь обмякла. Сжалась. Затем неожиданно рванула к людям, но удары топоров откинули ее назад.

— Башку продырявь, — посоветовал Барталин, сжимая в зубах трубку. — Медленный недоносок, но живучий что сифилис в лагере наемников...

Кальтер подошел. Прицелился. Всадил стрелу в глаз чудовищу. Оно попыталось достать его хвостом. Еще один выстрел закончил дело.

— Мы уже видели таких, — вздохнул лучник, с помощью ножа освобождая стрелы. — Да и похуже встречали. У залов, где бурлит тьма. Пауки с женскими лицами, говорящие черви и прочая пакость.

— Ты был прав, Эльм, — выдохнул Ильгар, — здесь не пройти. Нужно искать обходной путь. Даже если придется возвращаться.

Эйтар пробормотал нечто невразумительное. Он стоял, прислонившись спиной к стене, и дрожал. Сморщенная ладонь легла на лоб, смахнула несуществующую испарину.

— Плох, — покачал головой Барталин. — Далеко не уйдет. Либо бросаем его здесь и идем искать другую дорогу, либо придется рисковать и лезть в темноту.

Десятник пинком вышиб страх из души. Поднял топор. Ничего не сказав, первым вошел во мрак.

Ощущение ветра на лице...

Незнакомые звуки...

Вместо плит под ногами — бугристая корка изувеченной земли...

Мгла течет по холмам...

Небо — черный холст...

Соратники встали по обе стороны от Ильгара. Слова не лезли сквозь сжатое спазмом горло. В полубреду Эльм простонал:

— Кусочек солнца... Лучик солнца...

— Солнца? — воодушевлено воскликнул Дан. — У меня есть немножко!

Полотно упало на землю, обнажив хрустальную вазу. Внутри нее, как зародившаяся в чреве матери жизнь, разгорался огонек. Робкий, слабый поначалу, он быстро вошел в силу. Миг — и мощные сияющие лучи прошли тьму. Послышалось шипение. Окружавшие людей тени исчезали одна за другой, попрятались в оврагах и руинах своего уродливого мира. Мальчик поднял вазу над головой, став маяком в ночном море. Заключенные в хрусталь солнечные блики пронзали мглу, развеивали ее.

— Кобылу мне в невесты... — выдохнул Барталин.

Эльм ожил. В глазах засиял свет. С восторженной улыбкой эйтар глядел на мальчишку. Кальтер опустил лук. Ильгар уставился на Дана, пытаясь понять, откуда взялась неведомая сила. Неужели прав был Дарующий, когда предлагал допросить юнца? Или сила — не в Дане? В вазе? Так почему он ничего не чувствует, почему грудь не жжет и не царапает морозом?

— Поторопитесь, — проговорил мальчик, — свет скоро может закончиться. Ведь никто не знает — сколько солнечных лучей вмещается в простую вазу.

Мимо них пролетел, лихо ухнув, приснопамятный филин.

— За ним! — гаркнул Ильгар. — Дан, не отставай!

Они рванули за мелькавшей впереди крылатой тенью.

Земля хрустела под ногами, тени бросались врассыпную, мимо проносились пустые коробки домов, обгорелые бревна срубов, окаменелые деревья, на ветвях которых висели летучие мыши. Накрененные башни, каменные причалы и скелеты кораблей громадных настолько, что в них не верилось. Здесь было все. И это пугало.

Филин мчался к витой лестнице, которая упиралась в плоть большой черной скалы.

Свет в вазе начал иссякать. И довольно быстро. Тут же навалился мрак, вновь замаячили уродливые создания. Взбодренный эйтар бежал впереди всех, за ним семенил Дан, спины им прикрывали Ильгар с Кальтером. Барталины долгий бег измотал. Ветеран еле шевелил ногами. У подножия лестницы он упал, но вскочил на ноги и принялся карабкаться по ступеням.

Когда Дан и Эльм скрылись в пещере, Ильгар остановился. Втолкнув следом Кальтера, повернулся, чтобы помочь Дядьке. Тот полулежал на ступенях, тяжело дыша и подрагивая всем телом.

— Вставай, старый пердун! — зарычал десятник, бросаясь на помощь. — Помереть вздумал? А вот хрен тебе!

Он наклонился, схватил Барталины за руку... И тут же отпустил. Сделал шаг назад. Тело ветерана стало тверже камня и холоднее льда.

— Как? — прошептал Ильгар. Взгляд натолкнулся на узкую рукоять, торчавшую из спины товарища. Простая, без рисунков, с черным камешком в оголовье.

В кисть словно ледяной клинок всадили. Боль встряхнула, десятник рванул по лестнице, проклиная себя, что не в силах забрать тело ветерана и предать его огню. Возле темного провала в базальте обернулся, бросил прощальный взгляд на заменившего ему отца

Бартали́на. А затем увидел на холме в развевающихся одеждах женщину с молочно-белыми волосами. Рядом с ней дрожала тень. Мужская.

Не нужно было долго вглядываться, чтобы понять — чья она. Ведь каждый видит свою тень изо дня в день...

Жнец бросился в пещеру. Словно в холодную воду ухнул.

Стало легко и свободно. Страх отступил. Ильгар понял, что лежит на притрушенных грязью и пылью плитах, а сквозь щели в потолке на него падают косые лучи дневного света.

Искрящийся шарик заплясал в руке Наи. Полосы пурпурного и золотого свивались внутри него пламенеющими змеями. Воздух вокруг ладони угрожающе потрескивал.

— Ты, девка, огонь не спеши метать. Ни к чему это. Насколько ты в том мастерица, мы по зареву пожара в городе поняли. Притуши светлячок, — уперев руки в бока, посоветовал стоявший впереди всех мужчина. Напоминал он гриб-боровик. Низенький, крепкий, с небольшим брюшком. Сходство добавляла широкая шляпа с опущенными полями, из-под которой выглядывали седые волосы. Незнакомец удовлетворенно крикнул, дернул мочку правого уха. — Славно полыхало. А вот нашего Олерко забижать не надо. Благодаря ему, ребятки, вы живы. Не сыщи вас — к утру на виселице качались бы.

Ная убирать огненный шарик не торопилась. Мало ли что «боровичок» им втюхивает. Парни были того же мнения, оружие держали наготове.

— Вы сами-то кто?

— Скажем так — друзья.

— Что-то не припомню, чтобы мы с вами чашу дружбы пили, — съязвил Тэзир.

— Не доверяете? — усмехнулся незнакомец, дернув себя вновь за ухо. — Ваша подружка тоже вначале не доверяла. Ох и задала нам жару, пока удалось объяснить, что мы не враги. Суцая тигрица. Двух моих парней ухитрилась разоружить.

Ная с намеком перекинула шарик из одной ладони в другую.

— Как она выглядит?

Люди боровичка с опаской покосились на ее игры с огнем, слегка отступили. Коротышка-предводитель даже не повел бровью.

— Высокая. Стройная. Смуглая. Кайтур зовут. Ее Олерко у Восточных ворот успел перехватить, иначе в западню угодила бы. Стражу для вида оставили прежнюю, и Дарующего вроде как отозвали, а в караулке человек сидел с шаром, который на обладающих колдовской силой указывает. Угодила бы прямехонько в лапы жнецам.

Вроде все верно, слова мужчины походили на правду.

— Где она сейчас? — спросил Витог.

— В укромном месте. Скоро увидите. Фер уже побежал предупредить, что вас нашли.

— Светловолосый парень и девушка со сломанной рукой тоже у вас? — Ная затушила шарик, чем вызвала облегчение на лицах незнакомцев. Откуда им знать, что ей хватит мгновения зажечь его вновь.

— Не видели таких. — Мужчина в безмолвном приказе глянул коротко на мальчонку. Тот кивнул.

— Поищу.

— Погоди. Мы с тобой. — Троица колдунов двинулась за Олерко.

— А ну стоять! — рявкнул мужской голос, приковав привратников к месту. К ним направлялся Хостен. — Без вас справятся. Достаточно накуролесили.

Если бы взглядом можно было убивать, троица колдунов уже лежала бы на земле бездыханная и со свернутыми шеями. Огромный кулачище привратника проплыл мимо их лиц. Ная с парнями поморщились, представляя, как бы трескали их кости под его ударом.

— Я вас зачем в город послал? Погулять на ярмарке или спалить его дотла? — Хостен остановился напротив Тэзира. — Ну, от тебя другого и не ждал. — Шагнул к Нае, свел

брови. — Ты дома объясняться будешь. — Перешел к Витогу. — А ты куда полез? Забыл, что наказывали?

— Ты полегче с ними. Не ругай ребяток сильно. Молодые, головы горячие, буйные. Остепенятся, — пощипывая ухо, вступился за колдунов «боровичок».

— Если уцелеют... с их склонностью разбирать города по камушку, — проворчал Хостен — Крок, найдете остальных — сообщи. А вы, балбесы, ступайте за мной.

Привратник зашпешил по тропинке между кустов в сторону небольшого леса, почти примыкающего к городской стене. Давно лотовцы в мире живут, отучились осторожности, позволили деревьям ко рву подобраться. А ведь прежде даже кустики вырубали, чтобы не подкрались вражеские лазутчики. Война разгильдяйства и ошибок не прощает.

— Кто эти люди? — спросил Витог, отойдя достаточно далеко, чтобы незнакомцы ничего не слышали.

— Хорошие приятели, — буркнул Хостен.

— И как много эти приятели знают о нас? — не остался в стороне Тэзир.

— Сколько положено.

Мир поплыл внезапно. Деревья резко накренились, тропа вильнула из-под ног. Оседая, Ная в поисках опоры вцепилась в плечо идущего впереди Витога. Перед тухнущим взором еще промелькнуло, как тот обернулся в недоумении, как руки Тэзира бережно подхватили ее, усадили на землю, как склонилось встревоженное лицо Хостена.

— Искушила себя, сучья дочь?

Дальше темнота.

В рот полилась едкая жидкость, обжегшая горло. Девушка скривилась, мотнула головой, отворачиваясь от струи. Но жесткая ладонь крепко держала затылок.

— Все... хватит. Прошло. — Ная вздернула себя на ноги, избавляясь от грубоватой заботы Хостена.

Привратник критически оглядел ее.

— Сама дойдешь или помочь?

— Дойду, — девушка, покачнувшись, шагнула вперед.

— Я понесу, — заявил Тэзир.

— Сказала, дойду! — прорычала она. В раздражении отпихнула его с дороги, зашагала по тропинке. Щеки пылали от стыда. Позор! Свалилась без чувств, точно городская барышня.

Притаившуюся меж сосен землянку трудно было принять за жилье. Скорее за нору в бугре. Тот, кто здесь устраивал укрытие, видимо, того и добивался — чтобы не бросалось в глаза. Хостен откинул в сторону полузасохшее деревце, прикрывающее вход, спустился в землянку. Кайтур при их появлении вскочила с лавки, мазнула взглядом по Нае, радостно улыбнулась Тэзире, с удивлением глянула на Витога, в ожидании уставилась на дверь.

— А Сая с Арки не с вами?

Они покачали головами. Привратник не дал им перекинуться больше ни словом, принявшись быстро распоряжаться. Подтолкнул Наю к лавке, приказал:

— Ты — раздевайся. — Короткий взгляд на Кайтур. — Ты — зажги каганец. — Палец уперся в Тэзира. — Ты — подай котомку, вон в углу лежит. — Повернулся к Витогу, — Ты — скрути жгутом тряпку, пусть сунет в рот, чтоб не закричала ненароком, когда начну раны обрабатывать.

— Не надо жгут. Не закричу. — Ная приспустила до пояса сарафан, повернулась к

привратнику спиной.

— Не слабо тебя отделали, — присвистнул Тэзир.

— Не бережешь ты себя, девка, — заворчал Хостен, смывая кровь с ран. — Как позволила подобраться так близко? Чему тебя только Каид учил? Эх, ребятня зеленопузая. Не успели вылупиться, уже возомнили себя великими бойцами. Вас там скрутить в два счета могли.

— Не дались же, — вспыхнул Тэзир.

— Повезло просто, — отрезал привратник. — Чем в жнецов пальнула? Волной силы аж сюда ударило.

— Кровавым смерчем, — проговорила Ная, зажмурившись от боли. Пальцы впились в лавку. — Пришлось. Думала, не выберусь.

— Про случай с Саем уже знаю. Выкладывай, во что потом вляпались.

Рассказ не занял много времени. Морщась и покусывая губы от прикосновения пальцев привратника, втирающего мазь, Ная поведала о шаре.

— Сучьи дети, — выругался Хостен. — Все-таки создали поисковик. Проклятье на их головы. Хорошо рассмотрела шар?

— Увижу — не ошибусь. Этот нам уничтожить удалось, но ваш приятель Крок сказал, будто еще один на восточных воротах имеется.

— Один ли? Боюсь, таких шариков Дарующие понаделали достаточно. А уж после сегодняшней заварушки сделают еще больше.

— Мы не могли не драться. Они нам не оставили выбора, — отрезала Ная.

— В этом Кагара будешь убеждать. А сейчас жгут-то зубами зажди, а то губы с языком прокусишь. Рана у тебя нехорошая, прижечь надо. — И, не слушая возражений, впихнул девушке в рот свернутую Витогом тряпку, кивком велел парням сесть по бокам, держать, чтобы не вырвалась. Из сложенных щепотью пальцев привратника всколыхнулся огонь. Лиловое пламя зализало лезвие ножа, растеклось по нему, вспыхивая маленькими искорками, повисло серебристой капелькой на острие. Хостен резко приложил нож к ране под правой лопаткой. Ная взвыла, впиваясь в жгут зубами, выгнулась, мгновенно покрывшись липким потом. Вот теперь бы она не отказалась ухнуть во тьму на время. Но именно сейчас сознание не захотело пожалеть ее и дало в полной мере вкусить боль.

— Все, девочка, все. Выдержала, — Хостен убрал нож, спрятал банку с мазью в котомку. — Ложитесь отдыхать. Неизвестно, что нас завтра ждет, могут понадобиться все силы. Приду за вами на заре. — Ладонь тяжело опустилась на плечо Тэзиру. — Молодец, что не бросил девчонку в беде. Удивил.

Балагур пренебрежительно фыркнул, показывая, что думает о его словах.

— Шалопай, — не остался в долгу привратник, выходя из землянки.

С осторожностью, стараясь не задеть раны, Тэзир помог Нае одеться, свернул рулоном плащ, уложил на лавке:

— Приляг.

— Жаль, перины с подушкой нет, а то бы ты и их взбил, — съязвила Кайтур.

— Уймись! Не видишь, она ранена, — прошипел балагур.

— Вижу. Много чего вижу. Только по чьей милости мы оказались в таком положении? Потому что кому-то неймется, хочется выделиться, доказать свою особенность, оттого и лезет во все драки, — выпалила смуглянка, задув со злости каганец.

— Что ты несешь? — Голос парня зазвенел раздражением.

— То, чего ты замечать не желаешь, как собачонка прыгаешь перед ней на задних лапках, чуть ли не пятки лижешь.

— Думай, что говоришь!

Ная с ухмылкой покосилась на Кайтур, поднялась со скамьи.

— Знаю, отчего ты ядом брызжешь. Дело даже не в Алиште, что не удалось ее спасти. Тебя другое гложет, потому и бесишься, глядя на меня.

— Да пошла ты... — куда именно Кайтур добавлять не стала, но по ее виду не составило труда догадаться, что дорога предполагалась длинная и долгая.

— Девчонки, вы чего не поделили? — удивленно спросил Витог.

— Мне с ней делить нечего. Просто терпеть не могу выскочек, — выпалила Кайтур, отвернувшись демонстративно.

— Так уж и нечего? — Ная красноречиво глянула на Тэзира. Тот смущенно отвел глаза. — Не там врагов ищешь.

Девушка направилась к двери.

— Ты куда? — вскинулся балагур.

— Свежим воздухом подышу, душно здесь.

Ная вышла из землянки, присела у стены. Небо щедро усыпали звезды, но сегодня оно не вызывало неясного томления в груди, не манило вглядываться в глубины, отыскивая свою заветную звезду. Усталость лежала на плечах тягостным бременем, отзывалась болью в каждой кости, каждой мышце. Более скверно колдунья себя еще не чувствовала. Ее словно лепешку раскатали и запекли в печи. Девушка прикрыла глаза. Вот к чему приводит недопустимая расточительность силы, непростительное легкомыслие. Но тогда, в городе, было не до бережливости и самосохранения. Она считала себя уже стоявшей одной ногой в мире мертвых. И все, чего хотелось в тот миг, — отомстить напоследок так, чтобы мир содрогнулся. Но Незыблемая опять лишь игриво коснулась ее ладонью.

Приоткрылась дверь, слышались легкие шаги.

— Не помешаю?

Ная посмотрела на вышедшего из землянки парня.

— Если считаешь, что мне тут страшно и одиноко — ошибаешься.

— Уж это меньше всего приходило мне в голову. — Витог уселся рядом. Выудив из кармана сухарь, протянул ей. — Хочешь?

Она не отказалась. Взяла. Вдруг поняв, что ужасно голодна.

Парень достал еще один сухарь, хрустел на пару с девушкой.

— Тревожно. Волнуюсь за Саю с Арки. Нашел ли их Олерко?

— Не знаю. Но если они попали к Дарующим, им не позавидуешь.

На память пришел офицер, смотревший вслед, когда они убегали. Его хищный взгляд сапсана, узревшего добычу, обещание преследовать ее и поймать. Жнец был не из простых вояк, армейских или охраны. Чувствовалось по манере поведения, что принадлежал к особой службе, для которой ни пылающие в огне солдаты, ни даже едва не лишившийся жизни Дарующий не имели особого значения. За ним была своя сила, своя правда и возмездие.

— Тэзир рассказал мне про случившееся с Саей. Кайтур не права. Ты сделала верно, выпустив кишки тем гадам.

— Она крысится по другой причине.

— Тэзира не поделили?

Ная сорвала с ближайшей ветки не успевший засохнуть еще листочек, растерла в ладонях, понюхала. Пахло терпкой горечью. Будто полынью.

— Невозможно делить то, что тебе не принадлежит. Кайтур славная девчонка. Ему с ней будет лучше, чем со мной... Проживет дольше.

— А Тэзир с этим согласен?

— Сам поймет скоро. Как и Кайтур, что я ей не соперница.

Они помолчали, вслушиваясь в далекие звуки ночного Лота. Суматоха улеглась, и наступило притворное спокойствие, горожане засыпали в своих постелях, где-то гавкала собака, привычно перекрикивались караулы, словно и не происходило на улице с красивым названием Лазурная схватки, не лилась кровь, не горели заживо люди. Нет, город лгал. Он затаился и выжидал, придавленный тенью страха, закрывшегося в его жилища. Чужой, неизвестной силой, разметающей как карточный домик веру в защищенность и безмятежность. И город мстил за свой страх. Нацепив маску благопристойности и тишины, караулил редкую добычу, сужая раскинутую сеть. А где-то там, за высокой стеной, отделяющей от свободы, находились Арки с Саей. Возможно, в это самое мгновение друзья бились насмерть. Возможно, истекали в казематах Дарующих кровью. А им оставалось только гнать тревожные мысли и ждать.

Витог положил посох поперек колен, пробежался пальцами по рунам.

— Я вспоминаю день перед первым испытанием, когда все были еще живы и полны восторженных надежд стать привратниками, добиться признания Верховных и милости Незыблемой. Счастливые, гордые будущим званием. И то ли мы получили, чего ждали? Трое мертвы. Судьба еще двоих неизвестна. А мы с тобой связаны смертью и одиночеством.

— Похолодало. Пойдем спать, — поднялась Ная. Ответа у нее не имелось. Как и сожалений о выбранной судьбе. Кровь, грязь, смерть, одиночество. Что ж, кто-то должен идти и этим путем, не всем дороги высланы коврами и лепестками роз. Она не задумывалась, хорошей ли жизнью живет. Просто жила и делала то, что была должна, к чему обязывал долг привратника. А смерть? Семь лет назад Ная побыла уже за ее чертой и вернулась, чтобы опять уходить и возвращаться. Там не страшнее, чем здесь.

Спустившись в землянку, они застали Тэзира и Кайтур на разных концах лавки, насупленными, отвернувшись друг от друга. Похоже, недавно тут гремела гроза и состоялся неприятный разговор. Занимать мысли еще их ссорой не было никакого желания. Ная бросила у стены плащ, улеглась спать. Хостен прав: следовало отдохнуть и набраться сил. Рядом бухнулся Витог. Завозился, устраиваясь за спиной друга, Тэзир. Кайтур досталось место возле лавки.

Сон пришел быстро. Напряжение дня, схватки и погони брали свое. Но, едва тихо скрипнула дверь, как Ная уже стояла на ногах с кинжалами в руках. Рядом выстроились Витог, Тэзир и Кайтур. За неимением оружия смуглянка схватила валявшийся под лавкой треснутый кувшин.

В проеме застыли три тени: одна грузная, широкоплечая и две поменьше.

— Хорошо же вы друзей встречаете, — хмыкнул Арки. — А нас убеждали — извелись от ожидания.

— Живы, — выдохнула Ная. Кинжалы нырнули в ножны, колдунья притянула к себе за грудки парня с девушкой, стиснула в объятиях. — Поколотить бы вас, чтобы не заставляли волноваться!

Сверху с радостными воплями повисли на несчастной парочке и остальные

привратники. Затеребили, затискали в порыве чувств. Когда страсти чуть улеглись, засыпали вопросами.

— Потом поговорите. Перекусите сперва, а то скоро в дорогу. — Хостен водрузил на стол узелок, из которого шел изумительный запах колбасы. — Ешьте, я пока с Кроком перекинусь парой слов.

Едва за ним закрылась дверь, колдуны налетели на еду, расхватав в один миг и колбасу, и лепешки, и сыр, и копченую рыбу. Работая челюстями, продолжили выпрашивать Арки с Саей.

— Чего молчите, рассказывайте, как спаслись?

— Мальчонка помог, — с набитым ртом произнес Арки. — Мы уже не рассчитывали выбраться. Ворота перекрыты, кругом посты, хватают всех без разбора, кто на улице ночью очутился. Укрылись с Саей в порту, между складами, за бочками. Откуда этот мальчуган взялся, как отыскал нас — не пойму. На миг всего глаза смежил. Смотрю, сидит, яблоко хрумкает. Наглец отменный. Перед смертью выпаться надеетесь, спрашивает. Ага, скоро придут, только с кандалами и заговоренными против колдовства веревками. Хорош валяться! Поднимайте задницы и идите за мной. Выведу из города. Заждались уже вас там.

— И вы поверили, пошли за Олерко? — фыркнул насмешливо Тэзир. — А если бы вас этот белобрысый обманул, в ловушку заманил?

— Пришлось довериться, другого выбора не было. Постой, а откуда знаешь, как мальчишку зовут и что он белобрысый? — Арки торжествующе упер палец другу в грудь. — Тоже познакомился с ним так же? И тебя вывел из города? Давай, признавайся.

Подшучивая над собой, колдуны наперебой рассказывали про свои приключения. Смеялись над тем, отчего вчера в груди разливался холод. Сегодня, когда все живы и в относительной безопасности, события ночи не казались столь смертельно опасными.

Их мирок беззаботного счастья и веселья в кругу друзей нарушило появление Хостена с Кроком.

— Собирайся, — бросил привратник Витогу. — Тебя на лодке переправят в другой город, пока утренний туман не рассеялся.

Колдуны сразу умолкли, закаменели лицами. Витог поднялся грузно, точно на плечах ноша неподъемная, взял котомку, посох. Взглянул на друзей.

— Прощайте, что ли.

Они окружили его, в молчании соприкоснулись головами. Слова ежом застряли в горле. Совсем недавно они так же прощались, но тогда еще не пришло в полной мере осознание потери. Поездка казалась увеселительной, а судьба — в их руках. День и ночь изменили взгляд на жизнь и свое предназначение в этом мире. За ними шла охота, за ними шла смерть. И теперь это их путь, где мог погибнуть любой. А еще хуже — очутиться в руках Дарующих. Колдуны так молча и стояли, пока Хостен не сказал:

— Пора.

Витог ушел быстро, не оглядываясь, резко рвя нить с теми, кто стал ему дорог. По сути, правильно. Смотреть и идти надо только вперед. Каким бы ни было будущее.

— Вы тоже не расхолаживайтесь. Сейчас пригонят телегу, и поедем домой.

Ждать пришлось недолго. Вскоре послышался шелест колес по опавшим сосновым иглам, негромкое ржание Холодка, и из тумана вынырнула телега, управляемая Олерко. И как своенравный жеребец терпел над собой власть мальчишки?

Пацаненок спрыгнул с козел, хлопнул по крупу коня, кинул вожжи Хостену.

— Готово. Доставил, как просили.

Привратник протянул Лерко монету.

— Не передумал? Может, поедешь с нами? Научим тебя даром управлять.

— А огонь метать, как она, — мальчишка кивнул на Наю, — сумею?

— Со временем обучишься. Сыт будешь, одет, крыша над головой, жнецов опасаться не надо. Решайся.

Мальчишка в раздумье поддел ком земли, покачал головой.

— Не, не поеду. Как без меня Крок с парнями обойдутся? Я их глаза. Кто поможет найти таких же, как вы, с даром, и укрыть в безопасном месте?

— Тоже верно. Но, если надумаешь, Кроку скажи, он мне передаст. Приеду, заберу, — Хостен забрался на козлы, подмигнул парнишке. — Бывай, парень. Береги себя.

Кайтур потрепала на прощанье Олерко по волосам, Сая обняла. Арки с Тэзиром хлопнули по плечу. От протянутой руки Наи пацаненок увернулся, лукаво сощурился один глаз, нагло потребовал:

— А ты поцелуешь.

Девушка вскинула в усмешке бровь. Однако. Мальчишка — не промах.

— Мал ты еще с девчонками целоваться. Не дорос, — пробурчал Тэзир.

Вот это неправильно. Жизнью рисковать ради незнакомых людей дорос. А целоваться — нет?

Ная притянула Лерко к себе, коснулась его рта легким поцелуем, будто горячее дыхание щекало губы. Заслужил.

— Я никогда не забуду, что ты для нас сделал, — прошептала она.

— Чего уж там, — махнул рукой пацаненок, засмущавшись. — В другой раз осторожней будьте.

И заспешил по тропинке к тайному ходу. Опять кого-то спасать, добывать сведения для Крока. Глядя на щупленькую фигурку невысокого росточка, бредущую между деревьями, хотелось верить, что и в следующий раз ему повезет выжить, хватит проворства и хитрости не попасться в руки жнецам.

— Довольно время терять зря. Ехать пора, — поторопил колдунов Хостен.

— А садиться куда? Телега бочками заставлена, — возмутился Тэзир.

— Вот в бочки и полезайте. Или думали, что из города выбрались, так про вас сразу и забыли? Ваши рожи хорошо запомнились. И теперь за вами начнется настоящая охота, по всем дорогам, деревням и лесам. Палец на отсечение даю, всех жнецов, что вчера с вами сражались, разбросали по вратам и трактам, чтобы опознать могли, если попадетесь. Потому прячьтесь в бочки и сидите тихо, как мыши. Крок там кое-какое оружие для вас приготовил — внутри найдете. Но чтобы, — привратник показал огромный кулачище, — без приказа геройствовать не лезли. Знак подам, если помощь понадобится. А кто самовольно высунется, тому сам башку оторву.

— По одному забираться или можно вдвоем? В тесноте да не в обиде, — сдохмил Тэзир, подмигнув девчонкам.

— Еще слово — и поедешь в разных бочках. Усек? — пригрозил Хостен.

— Усек. — Балагур запрыгнул на телегу, нырнул в одну из бочек, бросив напоследок. — Мухомор трухлявый.

— Шалопай, — слышалось в ответ.

Привратник оказался прав. Охрана лютовала. Невзирая на достаток и звания, врывались

в шатры, переворачивали все вверх дном, хватали без объяснений парней и девушек. Если такое творилось в пригороде, то нетрудно представить, что происходило в самом Лоте. Пока они проехали город шатров и выбрались на тракт, их останавливали два раза. Но незаметно сунутая в ладонь охраны серебряная монетка делала тех сговорчивее и менее дотошными в обыске. Пересуды так и роились повсюду, обрастая домыслами и невероятными событиями.

«Слышали? Боги вчера на Лот напали. Сначала на ярмарке, а потом ночью полгорода сожгли. Людей-то погибло, не перечесть. Вот и до нас докатилась судьба Сайнарии», — говорили одни.

«И чего брехать, если не знаете, — опровергали другие. — Из моря демоны пришли, корабли потопили, колдовской туман наслали. Отчего весь берег в патрулях?»

«Дракон из-за гор прилетал, улицы пожег», — утверждали третьи.

«Неправедно живем. Вот земля и раскололась, искупляющий наши грехи огонь из недр вырвался», — доказывали четвертые.

Колдунам оставалось только дивиться фантазии народа и посмеиваться про себя. На тракте стало легче. Слушать дальше бредовый вымысел — пухли уши. Хостен отъехал достаточно далеко от города, миновав благополучно все посты, но выбраться колдунам из бочек запрещал.

— Не время. Обождите.

Телега тяжело взбиралась на холм, когда сзади послышался конский топот и раздался грозный крик:

— С дороги!

Хостен торопливо направил Холодка к обочине, освобождая путь скачущему отряду. Шляпу надвинул сильнее на глаза, голову склонил ниже. Рука легла на вышитый коврик на сиденье, под которым прятался тесак.

— Если услышите «вахор» — действуйте, — произнес привратник негромко.

Ная прильнула глазом к щелке между разошедшимися досками бочки. Взбивая пыль, мимо проскакал отряд жнецов из шести человек. Двое, судя по форме, офицеры. Остальные — охрана. Вояки очень торопились, и путь лежал им не близкий: дорожные плащи, набитые доверху седельные сумки, заводные лошади. Отряд пролетел вперед шагов пятьдесят, и Хостен уже начал выводить Холодка с обочины на дорогу, как один из офицеров вдруг резко натянул поводья, придержав жеребца. Каурый красавец встал на дыбы, заплясал на месте. Жестко осадив коня, черноволосый всадник обернулся, в настороженной задумчивости уставился на телегу. Ная узнала этот хищный взгляд. Сомнение с неясным предчувствием отразилось на лице жнеца. Оскалившись по-волчьи, он повел носом, принюхиваясь, словно пытался ухватить витающий в воздухе знакомый след. Девушка сжалась, приложила ладонь к груди, заставляя сердце биться тише, еще тише, чтобы не дать черноволосому уловить его стук, сбить с ощущения чужого присутствия. К жнецу подъехал второй офицер, что-то спросил. Мужчина раздраженно ответил, откинув назад мокрые от скачки волосы. Колдунья разобрала лишь одно слово: «Почудилось». Обернувшись еще раз на телегу, черноволосый прищипорил коня, и отряд понесся дальше. Ная отвалилась измучено спиной к стенке бочки. По вискам стекли струйки пота. Пронесло.

Пирамиды и подземные коридоры вобрали в себя частичку разума десятника, а может, это его разум впитал в себя частичку той тени, потому что каждую ночь Ильгару снились топи, осклизлые камни, ил, смрад, безжизненные пустоши и его собственная тень, стоявшая рука об руку с ужасом в женском обликии.

Он уселся на угол топчана, набросил мягкую овечью шкуру на плечи. На языке чувствовался горький привкус отвара из сонной травы — пришлось выпить на ночь две кружки, чтобы забыть про боль в изувеченной кисти и уснуть. Знахарь речного народа вчера вправлял ему пальцы, затем, с помощью Тагль, наложил жесткую лангету из деревянных планок, полос сыромятной кожи и пропитанных каменной пылью тряпиц.

Десятник глубоко выдохнул. Усталость по-прежнему не уходила из тела. Он вторую неделю лежал пластом, лишь изредка поднимаясь, чтобы пройтись или поработать сорок хлопков с оружием. Тело настолько ослабло, что знахарь плотогонов побоялся вправлять все кости сразу и посоветовал отлежаться пару недель. Все одно — ломать заново пришлось...

Желудок недовольным урчанием затребовал еду, напоминая, что выздоровление невозможно без мяса, хлеба, каши и жира. А еще — пива. Или лучше — вина. Горячего. С перцем, медом и лимоном...

Ильгар сглотнул слюну. Встал. Побрызгал в лицо теплой водой из глиняного таза и, утершись тряпицей, выбрался из хижины.

Солнце было в зените, над непоколебимо мощной и полноводной Нарью гулял ветер. Пахло чистотой, зеленью, жареной рыбой и лавровым листом. Десятник мог бы днями вдыхать эти ароматы.

Раздобыв травяного чая, копченого угря и ломоть черного хлеба, уселся на самый край настила и свесил ноги над шумящим речным потоком. Ел неспешно, наслаждаясь каждым кусочком. Наблюдал то за игрой мелкой рыбы в стремнине, то за тем, как на берегу речные люди разводят костер под большим чугунным котлом. Запахло смолой, зачатило. Плотогоны смолили днища лодок, вощили канаты, правили шесты и весла, перебрасывались шутками. Там были и женщины, и старики, и дети. Все выглядели счастливыми, яркими, живым. Никто из них не подозревал, что творится в глубине болот.

«Радуйтесь, что порча не затронула вас и ваших богов...»

Послышались тихие шаги. На Ильгара повеяло запахом ягод. Он оглянулся.

— Варлана? Ты все чаще на ногах. Я рад. Садись — раздели со мной трапезу.

Женщина осторожно опустилась на колени рядом с десятником. Отщипнула кусочек хлебного мякиша и отправила в рот. Ее глаза до сих пор хранили отпечаток безумия, а лицо покрылось морщинами.

— Спасибо.

— Ты говоришь это мне по двенадцать раз на дню, — отмахнулся Ильгар. — И не только мне — всем в отряде. Уймись, наконец.

— Вы спасли моего сына. Меня. Не оставили умирать в лапах... этого чудовища.

— Она не чудовище! — Ильгар дернул щекой. Но взгляд его снова коснулся глаз женщины. В них крылось больше, чем безумие. Десятник лишь порадовался, что не может разгадать тайну этих глаз.

«Забудь про Эланде. Пусть она не чудовище в твоём сердце, но для остальных — это

монстр. Тварь, рожденная порчей».

— Расскажи, что было дальше? — попросила Варлана. Они частенько беседовали, пока Ильгар приходил в себя и не мог лишнего шага ступить. Женщина приносила уху, припарки и воду, а он рассказывал о злоключениях в болотах.

Она понимала, что воин говорит не с нею. Говорит сам для себя. И собеседник ему нужен исключительно молчаливый, внимательный, тихий, как мышка. — Ты ведь не собираешься и сегодня возиться с топором или шестом?

— Вечером намереваюсь посмотреть, как тренируются мои увальни, а пока с удовольствием поболтаю. Я ведь не часто говорю так много, ты заметила? Знаешь, не всегда нужно давать волю словам...

— Иногда — необходимо. Иначе голова лопнет от всего, что копишь в душе.

— Верно-верно! Ты права, Варлана. Тогда — слушай. — Он уставился вдаль, где изгибалась, скрываясь лесом, река. Заговорил:

— Дорога к Нарью заняла семнадцать дней. Быстро, говоришь, воротились? Да. Но вел нас загадочный филин. Кабы не он — шли бы дольше и еще неизвестно, добрались бы до реки или нет. Трижды схватывались с погоней — и трижды уходили, оставив за плечами утыканные стрелами тела рабов, посланных черными богами. Был улов и пожирнее! Существо, которое могло ползать под землей и вселяться в деревья. Оно возомнило о себе слишком много. Стрелы и рогатины быстро охладили его пыл. Мы взяли в плен этого бога... Ты говоришь, рассказывать обо всем? Без утайки? Хорошо. Гур, тот самый парень, что собирает для тебя в лесу шиповник, отрубил богу руки и ноги. Жестоко? Да, жестоко. Но он мстил за брата. Затем Дарующий отправил на костер демона, а силу его заключил в один из кувшинов. Знаешь, они ведь и вправду демоны! Ну не могу я называть богами тех, кто терзает смертных!

«Вкус мести, — так сказал Гур, слизнув с перчатки темно-зеленую кровь. — Брат бы улыбнулся, если бы увидел!»

Эльм-Крапивка дышал еле-еле, и даже травы и припарки ему не помогали. Яд сжег до корней его волосы, ослепил, лишил слуха и дара речи. Не буду скрывать: многие хотели прервать мучения Эльма, но Стебелек и Ковыль не дали.

«Он будет жить, либо умрет тогда, когда станет угодно природе, — говорили они. — Сталь не коснется его горла».

И, знаешь, эйтар жил. Мучился, ходил под себя — с ним возилась Тагль, омывала водой из более-менее чистых источников, поила снадобьями. Стоило лишь выбраться в леса — дыхание Крапивки выравнилось. Щеки порозовели. Чудо, говоришь? Ну, не знаю. Эйтары... они — эйтары.

Он по-прежнему походил на мертвеца, но, по крайней мере, понимал, что ему говорят, и даже сам порой просил воды или размоченного хлеба. А теперь — вон, видишь? Стоит и рассматривает водоросли! Лысый, как яйцо, окосевший на один глаз, а все туда же! Корешки и лозу обнюхивает.

А что — Дан? Твой сын показался себя молодцом. Глупый мальчишка! Но отважный, этого не отнять. И чудесный. На обратной дороге постоянно жаловался, что не может найти солнца, чтобы наполнить вазу. Я велел ему заткнуться — Альстед был постоянно где-то поблизости и натворил бы бед, прознай про все, что произошло в подземельях.

Это тайна, хорошо? Думаю, ты и сама понимаешь, что лучше хранить секрет и дальше.

Вот так мы вышли к Нарью. Брели вдоль русла четыре недели, пока не добрались сюда.

Разожгли костер на противоположном берегу — ты ведь первая его заметила, правда?

На том и конец нашему походу в Плачущие топи...

Демоны меня заберите, как же приятно видеть солнце и небо! Что, Варлана? Ты сс
мной согласна?

— И все-таки ты что-то утаиваешь.

Альстед походил на подкрадывающегося к горшочку со сметаной кота. Он одолевал Ильгара вопросами каждый день, уловками пытался заставить противоречить самому себе, выуживал подробности, цеплялся к каждой мелочи. На что способны черные боги, какие цели преследуют, что у них за способности и можно ли провести Армию в болота? Приходилось рассказывать правду касательно всего, умалчивая лишь о помощи Эланде и семенах с цветком.

— Подробности изложу в рапорте, — спокойно отвечал Ильгар. — Про остальное было говорено. И не раз. Зачем толочь воду в ступе?

— Мне непонятно, как ты умудрился улизнуть, когда сотни воинов сгнили в плену, — Дарующий потер указательным пальцем несуществующее пятно на плаще. — Ты не особо умен и не выделяешься силой. Солдат как солдат. И все-таки — сбежал. Откуда знать, что ты не заключил предательский договор с черными богами?

— Я уже говорил, что побег — счастливый случай, не более. Здесь нет моих заслуг. Влага и время сделали свое дело. Под слоем мха на стене выкрошилась кладка. Мы осторожно расширяли по ночам трещину, пока первый из нас сумел протиснуться. А потом — бросились бежать, куда глаза глядят. Поднялась суматоха! Я сбился с пути — да я его и не знал вовсе! — и провалился вниз, в коридоры. Блуждал, не ведаю сколько времени. Наверное, сгинул бы там вовсе, но появились парни. И филин.

— Филин... филин... — хмыкнул Дарующий. — Я бы и его не отказался изловить, но пернатый нечестивец исчез. Говорю тебе открыто — в рапорте Совету я опишу все, как было и есть. И твой договор с черноволосой, позволившей пройти нам через брод, и про филина упомяну, что искал тебя в подземельях. Это не простое животное — я уверен. Так что будь готов к расспросам и вполне вероятному аресту.

Десятник почувствовал, как холодеет в животе. Понимал ведь, что так просто Альстед от него не отвяжется, но рапорт и арест... Впрочем, причины для недоверия со стороны Дарующего были. И достаточно веские.

— Я служу Сеятелю и его воле. Угодно посадить меня за решетку — пусть сажают. Но я не предавал Армию. Не предавал волю нашего мудрейшего повелителя. Моя совесть чиста, как твои доспехи.

Большую часть пути к Сайнарии десятник молчал — выговорился Варлане на всю жизнь вперед. Теперь больше думал и прикидывал, что ожидает их в конце пути. Трижды садился писать рапорт, но, едва взгляд падал на список погибших, становилось мерзко на душе. Хотелось выпить вина или настойки из ягод бузины, от которой в глазах темно, а в голове роятся радужные фантомы.

До Сайнарии оставалось совсем немного, когда эйтары изъявили желание покинуть отряд. Оспаривать их решение никто не имел право — этот народ был вольным, таковым и оставался...

— Им будет хорошо у нас, — проговорил Эльм, помогая переложить нехитрые пожитки Дана и Варланы на купленную по дороге телегу с запряженным мулом. — В наших краях нет войны. Красиво. Спокойно. Там — жизнь. Что еще нужно израненным душам, как не мир и

покой?

— Конечно, важнее покоя нет ничего не свете, — сказал Ильгар, понимая, что его-то душа требует справедливости. Нового порядка. Перемен. А до них можно доплыть лишь по рекам крови. — В Эйтании им будет лучше, чем где бы то ни было.

— Потому, что там нет Дарующих? — перешел на шепот эйтар. — Потому, что мой народ невозможно заставить отдать ребенка?

— Именно. Храни мальчишку, Эльм. И его вазу тоже.

— Буду хранить как зеницу ока. В них есть нечто, что не похоже ни на силу богов, ни на мощь колдовства. Иное что-то. Как и в твоих семенах. Никогда ничего подобного не видел и не ощущал. От них идет тепло...

— Тише, — Ильгар сжал его плечо. Он рассказал про семена лишь одному Крапивке. Кто еще способен понять природу семян, как не человек из народа, живущего в полной гармонии с силами природы. — Замолкни. Альстед не должен знать про них.

— Понимаю. Если что-нибудь вызнаю — сразу сообщу тебе, — Эльм кивнул. — Прощай, десятник. Иди к своей цели, но смотри под ноги.

Он протянул Ильгару браслет, сплетенный из лозы, плюща, ивовых прутьев, волокон коры и водорослей.

— Подарок. Одень его на руку той, которую любишь, и природа сохранит красоту твоей избранницы на долгие годы.

— Спасибо, друг. Я уже восхищаюсь твоим народом. Когда-нибудь, когда война закончится, жди меня в гости.

— Приезжай без меча.

— Так и поступлю.

Затем Ильгар отправился к Дану и Варлане. Женщина выслушивала длинный список рекомендаций от Тагль. Жрица по два раза повторяла каждый ингредиент, название каждой травы, каждого эликсира. Свою работу она делала с упоением.

— Ты позаботишься о матери, парень? — Ильгар пригнулся и посмотрел мальчишке в глаза. — Защитишь, если что?

— Конечно. Никто не посмеет ее обидеть!

— Ты — воин. Когда вырастешь — возьму к себе в сотню, — улыбнулся десятник.

— Нет, в Армии я воевать не буду. Да и не думаю, что ты увидишь меня взрослым. Прощай, Ильгар. Ты — хороший. Честно! Пусть твоя рана когда-нибудь исцелится.

Мальчишка повис на шее у ошарашенного десятника.

Впервые за долгие месяцы отряд оказался под крышей настоящего трактира. В общем зале было чадно от табака, пахло хлебом. Пол устилала солома, а сквозь распахнутые настежь окна ветерок задувал напоенный ароматами полевых трав и цветов воздух. В холодном очаге лежали нетронутые пламенем бревна. Три вспотевшие девушки сновали между рядами скамеек и столов, разнося питье и еду. Посетителей хватало. Местность сельская, работы в полях невпроворот, для торговли наступало самое подходящее время — и по дорогам тянулись вереницы телег и фургонов.

На столешнице перед жнецами исходили паром три жареные утки, начиненные кашей и изюмом, стоял котелок с тушеной капустой и горохом, а также большой пивной жбан, усеянный капельками влаги. А еще: хлеб, твердый соленый сыр, свежий лук, квашеные огурцы и кусочки соленой рыбы в масле. Альстед не поскупился на угощение и заплатил за все из своего кармана. Сам, правда, предпочел пировать за столом со жрецами, уставленным

менее богато. Ромар цедил вино, сидя на табурете и опершись спиной о дверной косяк. Из еды прикоснулся лишь к грушам в меду.

Ильгар взирал на соратников, служаночек и прочий люд поверх кружки.

Пиво было густым и одуряющее пахло солодом. Кусок в горло не лез, зато пилось исключительно легко и в охотку. Правда, голову хмель отчего-то не спешил затуманивать. Это даже слегка удивляло десятника, учитывая плачевное состояние тела.

Заставив себя съесть три куса сыра и ломоть хлеба, Ильгар допил четвертую кружку и, упершись кулаками в столешницу, встал. Он надеялся, что прямо сейчас получит коварный и сокрушающий удар от выпитого пива — так бывало частенько, когда упорно и с интересом надираешься за столом, а потом резко вскакиваешь на ноги. Но сознание оставалось досадно чистым.

«Может, это и к лучшему».

— Ты куда собрался, десятник? — Марвин ухватил его за рукав. — Да еще и с таким злым лицом? Морду кому-нибудь вздумал начистить? Тогда я с тобой! — Он снял с пояса туго набитый песком мешочек из жесткой кожи.

— Уймись, — Ильгар пихнул парня в плечо. — Сегодня вечер отдыха. Забудь про мордобой и жри от пуза. Может, это наша последняя совместная трапеза.

— Хрен там, — махнул рукой Партлин, — мы не позволим каким-то штабным бабам закрыть тебя за решетку, десятник!

— Верно! — громыхнул Гур. — Не позволим. Вот сейчас уделаем этот жбанчик — и не позволим! Лично запишаю пергамент с доносом Альстеду в задницу!

— Умолкните, пока наш сияющий доспехами кормилец не услышал, — цыкнул на них Кальтер. — Иначе все окажемся в кандалах и за одной решеткой.

На него непонимающе уставились остальные бойцы. В их глазах притаилось едва ли не презрение.

— Ты чего это? Сдурел, следопыт? — насупился Тафель. — Не для того Барталин жизни лишился, чтобы потом какие-то болтуны и писаки десятника в темнице сгноили! Ты ведь сам в ту темень полез! Сам все видел!

— Верно! — грохнул кулачищем по столу Гур. Он не прикоснулся к пиву, зато внутри весь клокотал от злобы. — И братишка мой даром сгинул, получается? Если наш десятник вступил в сговор с теми отродьями, то и все мы, получается, тоже? А они убили Нура! На ножи таких доносчиков! На ножи!

Соратники поддержали его опасным рокотом. Кто-то и вправду потянулся к ножу, кто-то ухватился за рукоять топора.

Ильгар взял две кружки с пивом и выплеснул в лица Тафелю и Гуру. Заводилам. Все резко умолкли.

— Кальтер прав, — холодно проговорил Ильгар, чувствуя, что трезв, как никогда в жизни. — Все мы с потрохами принадлежим Армии. Роптать против законного трибунала, Дарующего и моего ареста — ослушание. Хвататься за ножи — измена. Даю вам один шанс заткнуться и радоваться тому, что меня слишком часто в плену били по голове, поэтому я уже забыл все, о чем вы здесь болтали. Еще раз услышу нечто подобное — лично на первом суку повешу. Может, и меня тогда на ножи?

Он вышел из-за стола и отправился на улицу.

Пусть этим вечером у солдат будет только один враг — десятник. И словесные ножи достанутся ему, а не Кальтеру. Ильгар понимал, что слегка переборщил, но ничего не мог

поделать, не всегда удается держать эмоции в узде. Сейчас же все усугубляла проклятая усталость. Ломота в костях, постоянно зудящее предплечье. Ни сон, ни сытная еда не могли вернуть силы, растерянные в болотах.

— Порча... — пробормотал он, набивая трубку табаком, — порча во мне...

Трактир «Под Черемухой» был хорошо известен в этих землях и даже охранялся стражей из Армии. Многие трактирщики, торговцы, морские купцы и прочие люди, не сидящие на месте, восприняли появление Сеятеля с нескрываемой радостью — война и очищенные от божьего ига земли открывали возможность для новых сделок и странствий. Войскам всегда необходимы пропитание и фураж, вестовым необходим ночлег, а тайным службам, важным персонам и прочим заклепкам в машине новой империи требовались вот такие местечки, где можно не бояться получить нож в спину или угодить в лапы к прислужникам богов. И не стоило удивляться, что у конюшен стояла массивная повозка, напоминавшая кованый сундук на колесах. Возле нее несли стражу воины, облаченные в кожаные латы.

Сизый табачный дым кольцами курился к небу. В окружавших строение полях шумели цикады, где-то кричали ночные птицы. Звезды казались яркими, четкими, серебрились, как рыба чешуя на солнце. Как-то даже не верилось, что минул без малого год со дня, когда отряд покинул Сайнарию. Ильгар помнил Летнюю звезду, помнил ее отражение в мече черийской стали. Заслуживал ли десятник такого клинка теперь? Пожалуй, нет. А заслуживал ли ржавых кандалов и пропитанной мочой соломы в темнице? Пожалуй, тоже. Так чего же он заслуживал?..

— Высокий. Худощавый. Волосы — как вороново крыло. Правда, щетина тебе не идет, Ильгар, но в целом — ты уже не мальчишка.

Десятник обернулся.

Перед ним стоял, уперев руки в бока, Геннер. Дарующий поседел, отрастил усы и лишился глаза. Доспехи его хранили на себе следы от ударов, плащ не ошеломлял белизной. Низкорослый Геннер все равно выглядел и являлся могучим человеком. Во взгляде крылась сила. Уверенность. Та самая, что когда-то поразила и заразила Ильгара.

— Приветствую вас! — Три пальца ко лбу и низкий поклон.

— Да брось, парень, — Дарующий подошел и встряхнул десятника за плечи. — Что еще за церемонии? Разве не помнишь, что я терпеть не могу всех этих глупостей?

— Кодекс велит...

— Кодексы хороши лишь для тех, кто их пишет. Пусть тратят чернила и считают, что делают нечто полезное. Для тех, кому надлежит их выполнять — это всего лишь закорючки на листах и прорва бездарно потраченного времени. Ритуалы нужны тем, кто мнит себя выше других. Но в Гаргии есть лишь один, кто стоит выше любого другого человека. Сеятель. А уж ему, — поверь на слово, жнец! — наплевать на подобную чепуху.

«Пожалуй, — подумал десятник, — Геннер несколько не изменился. Велеречив, резок, громогласен и стоит прямо, словно копьё проглотил... Как ухитряется держать спину ровно, когда на плечах гора железа?»

— Не стану спрашивать, откуда и куда держит путь твой отряд, — улыбнулся Дарующий. — Но, надеюсь, успех сопровождал или только будет сопровождать твоему делу. Единственное... ответь, что — это?

Пальцы сжались на Ильгаровом предплечье.

— Это то, что я заслужил. Памятка, чтобы не забывал, кто правил веками этим миром.

Некоторое время Геннер молчал. Ладонь его подрагивала, сквозь пальцы проходило тепло. Оно растекалось по жилам, но... быстро остывало. Исчезало без следа. Десятник не почувствовал прилива сил.

Дарующий отпустил руку жнеца, привалился плечом к стене трактира. Жадно хватая ртом воздух, сглатывал, словно донимала тошнота.

— Нет. Не могу... — прохрипел он, утирая ладонью пот с лица. — Моя сила словно в бездонный колодец переливалась! Что-то поглощало ее! Как это возможно?

— Игла, — коротко ответил Ильгар. — Артефакт. Ты всегда был честен со мной, поэтому и я тебе никогда не врал. Я был в плену у черных богов. Сбежал. Они оставили на память эту игрушку. Во мне.

Геннер нахмурился.

— В болотах побывал? Не завидую. Мне не было ведомо о том, что Сеятель вновь решил исследовать те края. А кто из Дарующих был с вами?

— Альстед. С ним — его телохранитель Ромар.

— Знаю, знаю таких. Не самые плохие парни. Альстед слишком много о себе мнит, конечно, зато безмерно честен. Это, пожалуй, самая худшая его черта. Если уж втемяшил что в голову — не переспоришь.

— Верно подмечено, — улыбнулся Ильгар. Затем спросил: — А почему ты спрашиваешь?

— Не твоего ума дело. Но, запомни кое-что, — Геннер наклонился к самому уху десятника, — не всякий союзник — друг. Гляди по сторонам, Ильгар. Сила портит и развращает. Излишнее доверие порождает врагов.

Он хлопнул десятника по плечу и отправился к повозке.

— Я пробуду в Сайнарии до конца лета. Если окажешься в городе — разыщи меня. Это не сложно. А я постараюсь найти того, кто сумеет помочь тебе разобраться с недугом.

На месте, где когда-то была отстроена арена, теперь возвышался земляной курган, увенчанный обелиском. Земля поросла полынью — той самой, которую сеяли на полях сражения жрецы. Неподалеку от кургана, еще обнесенная строительными лесами, сияла белая мраморная статуя. Вокруг нее сновали рабочие, а человек в зеленом фартуке и высокой меховой шапке — зодчий — о чем-то толковал с облаченным в доспехи сарлугом.

— Отпрыски знатных родов решили купить своему дружку вечную память, — пробурчал Гур. За время странствий его борода стала еще безобразней, а волосы длиннее и кудрявее. — Что скажете, парни, хватит наших запасов, чтобы поставить такие же Нуру и Барталину?

— Хватит, — ответил Тафель. — По глиняной статуэтке. Где-нибудь в лесной чаще... Меня больше бесит, что власти поощряют эту тупость! Неужели не возьмут в толк, что простых солдат позерство раздражает?

— Прикуси язык, — посоветовал зарвавшемуся лучнику Альстед. — Войска содержатся за счет их отцов, матерей и дядьев. И чада их могут позволить себе казаться важнее, чем являются на самом деле.

Ильгар в спор вмешиваться не стал. И тот, и другой правы по-своему. В конечном счете, его дело воевать, а не оценивать тех, с кем никогда не пересечется за кружкой пива в трактире. Гораздо интереснее было наблюдать за городом. А он изменился. Выросшая вверх и вширь стена, углубленный ров. Лучники на сторожевых вышках, готовые нашить стрелами любого, кто посмеет вести себя агрессивно. Сайнария больше не была шумной и веселой, она казалась осторожной, испуганной, готовой к бою. Шарм исчез, запахло сталью.

У городской стены стоял недавно сколоченный помост, где на перекладине болтались обгоревшие тела. Ветер раскачивал покрытые сажей цепи, наполняя воздух противным звоном и скрипом. Вороны клевали прогорклое мясо, радостно каркали.

— Хорошо кормят, — оценил Тафель. — Не иначе, богов и их присных теперь казнят на глазах у всего честного народа. Веселее стало жить, ничего не скажешь.

У ворот была толкотня. Стражи довольно бесцеремонно осматривали входящих и всех, кого считали подозрительными, отправляли к караулке. Там стоял, внимательно глядя в большой мутный шар со сверкающей пылью, низкорослый человек. На лбу его блестел пот, глаза покраснели от напряжения. Казалось, еще немного, и рухнет, изнуренный, на плиты.

— Что-то новенькое, — заметил Партлин. — Никогда таких не видел!

— Новое время требует нового оружия, — ответил Альстед. — И новых жертв.

Они прошли сквозь толпу, сопровождаемые злыми криками и недовольным ворчанием. Даже белый плащ и сверкающие латы Дарующего не могли охладить пыл изнывающих на солнцепеке людей. Телегу пришлось оставить на попечение стражам. Солдаты забрали все, что принадлежало им, и за что нес отчетность отряд. Морлин на ходу записал в летописи день возвращения в город.

За ним пришли, едва Ильгар успел смыть пот и проглотить кусок вареной репы.

Он сидел в беседке, в которой распивал вино с Барталином несколько месяцев назад, когда слышал глухие шаги и бряцанье металла. К нему приближалось семеро мужчин. Стражи и пеший сарлуг. Последний походил на куклу из железа, позолоты и напыщенности.

— Десятник Ильгар? Резервный полк восточной армии Сеятеля под командованием Теора Неустрашимого? — сквозь забрало отчеканил сарлуг. Получив утвердительный ответ, положил ладонь на оголовье меча в изукрашенных ножнах. — По приказу военного преатора вас надлежит взять под стражу. Не советую чинить препятствий!

Он вытащил меч, показав три пальца сверкающей черийской стали.

— Успокойся, скоморох, — Ильгар отодвинул тарелку и встал. У него не было сил возмущаться, спорить или оправдываться. В теле надежно поселилась усталость. — Я не враг Сеятелю.

Десятник спустился с беседки и встал перед гвардейцами. Развел в стороны руки.

— Ведите.

— Что везу? Рыбу соленую, копченую, капусту квашеную, — бубнил Хостен, следуя за офицером патруля и словно ненароком оттесняя того от телеги. — На всю родню везу. Деревенька у нас маленькая, высоко в горах, такого добра не водится. Больше мясо в ходу. Овец разводим. Этим и живем. Потому, кто на ярмарку едет, на всех набирает. Не, в сам Лот не заезжал, что в нем делать? В городе шатров всегда останавливаюсь. Человечек знакомый там имеется, он товар загодя готовит, а я приезжаю, рассчитываюсь. Про шумиху в Лоте? Да, слышал, болтал народ всякое, то ли смута какая, то ли боги напали. Сам ничего не видел. И хорошо, что внутрь, за ворота не сунулся, уберегла судьба очутиться в кипящем котле. А вы, значит, зачинщиков ловите? Благое дело. Ишь, удумали чего, негодники, народ будоражить, торговле вредить.

...Патруль появился внезапно. Его уже и не ждали на горной дороге — далековато от Лота. Хорошо, Хостен попридержал колдунов выбраться из бочек, велел потерпеть еще немного. Как чувствовал.

Четверо всадников преградили телеге путь, вынырнув из-за скалы. Пятый дожидался в сторонке. Суровые ребята, все при оружии, напряжены точно тетива на луке. Глаза так и рыскают, осматривают с подозрением телегу и самого возничего. Да не поймешь, чего больше — усердия или страха. Знатную, видимо, задали Дарующие жнецам трепку за упущенных колдунов, головы чьи-то точно полетели, оттого теперь вояки землю носом и рыли.

Окружили телегу по всем правилам, оружие наставили, учинили допрос. Хостен слез с козел, стянув шляпу, кланялся с почтением, с готовностью сбросил мешковину, показал груз. Чопорный офицер в новенькой, словно с парада, форме, кривясь, слушал вполуха. Старая телега, с замызганными неизвестно чем бочками, интереса у него не вызвала. Но приказ есть приказ. Надо досматривать.

— Вы, господин офицер, чего в телеге найти собираетесь? Тут, кроме бочек, ничего нет. А хотите, рыбкой угощу? Оголодали, поди, целый день на дороге торчать на пустой живот, — Хостен опередил жнеца, скинул крышку с ближайшей бочки, запустил огромную пятерню внутрь. Вытащив щедрую горсть, истекающей жирным рассолом рыбы, сунул офицеру в лицо, капая на форму и начищенные до блеска сапоги. — Кушайте, не стесняйтесь. Вкуснотища, хоть с костями ешь. Для служивых не жалко. Я ж понимаю, как нелегко вам приходится.

Офицер отшатнулся от пихаемого угощения, выругался сквозь зубы, узрев пятна на стеганке:

— Что б тебя... зараза!

Возница виновато закачал головой.

— Ай-яй-яй. Извиняюсь, господин офицер, попачкал вас малость. Ща все исправлю, и следа не останется, — плюхнув рыбу в бочку, что во все стороны полетели брызги, привратник схватил грязную тряпку с телеги, потянулся обтереть стеганку.

Жнеца чуть удар не хватил

— Уйди от меня, старик! — прорычал он, отталкивая подальше не в меру заботливого путника. — Новую форму сгубил, лиходей.

— Не горюйте вы так, делов-то. Хотите, женке отвезу, она постирает? Мы недалече

живем, в двух днях пути. А поедем ко мне в гости, я вас бараниной угощу, молочком напою. А, может, и чего покрепче съедем, — подмигнул Хостен.

— Дурак! — выругался вновь офицер. — Проваливай.

— А капустки опробовать не желаете? Славная, с клюквой, — привратник поспешно сдвинул крышку с другой бочки. — В знак примирения, чтоб обиды никакой у вас не осталось. Не побрезгуйте!

Текущий между грязных пальцев сок вызвал у жнеца омерзение.

— Вот привязался... Убирайся уже, старик, не мешайся под ногами!

— Не хотите, как хотите, — Хостен шмякнул капусту обратно в бочку, обтер об штаны ладонь. — Напрасно не откушали, я ведь от чистого сердца предлагал. — Направился к козлам, похлопал по морде Холодка. — Поехали домой, дружок.

— А знатный у тебя конь, — подошел к вознице один из вояк, со знанием дела оглядел жеребца. — Сильный. Такую тяжесть один тащит, и даже не притомился.

— Порода особая. Эрверская. Сильнющий, как бык, а упрямый, как осел. Если упрется, с места не сдвинешь. Я однажды полдня простоял на обочине под дождем, пока морковкой не задобрил дальше идти, — сокрушенно вздохнул Хостен.

— А где брал жеребца? — не отставал патрульный, продолжая дотошно осматривать Холодка.

— В Наве, на торгу.

— Давно?

— Два года назад, — буркнул Хостен, которому все меньше нравились вопросы мужчины. Он сдвинулся к козлам, положил, словно невзначай, руку на коврик на сиденье.

Служивый пробежался пальцами по шелковистой гриве Холодка.

— Хорош! Красавец! Мой род из поколения в поколение занимается коневодством. А о эрверской породе слыхом не слыхивали... Да и не было в Нарве два года назад торгов — мор у них случился, никого в город не пускали. — Вояка глянул с лукавым прищуром на возницу. — Сдается мне, старик, врешь ты.

— Да к чему мне врать, мил человек? — улыбнулся привратник, краем глаза подмечая, как патрульные, заинтересовавшись разговором, подъехали ближе. — Напутал, может, чуток. Брат покупал, он точнее знает. Приеду, спрошу.

Служивый не унимался.

— И глаза у твоего жеребца, будто темной пеленой затянуты, а внутри огонь мечется. А ведь конь у тебя не простой, старик.

Вояки, положив руки на оружие, подобрались, опасливо придвинулись еще на несколько шагов. Вытянули шеи, стараясь разглядеть огонь в глазах жеребца. Любопытство оказалось сильнее страха. Даже тот, что в сторонке держался, не утерпел, покинул пост.

Хостен громко расхохотался.

— Ох, веселый же ты человек, служивый! Ну и сказанул. Откуда такому чуду взяться у обычного горского пастуха?

— У пастуха неоткуда, а у колдуна — запросто, — заявил патрульный. Шаткое подозрение сменилось убежденностью в голосе. Лицо стало настороженно враждебным.

— Это я-то колдун? — хмыкнул привратник. Рука незаметно нырнула под коврик на сиденье, сжала рукоять тесака. — Забавник, ты, однако. Люблю шутников. Но молодец! Славный воин! Все подмечает. Это правильно. Бдительность терять никогда нельзя. Распознал ведь, поганец, колдун я. — Длинное лезвие стремительно вошло в живот солдата.

Громовой крик разнесся над тропой: — Вохор!

Тут же взлетели в воздух крышки с бочек, и из них повыпрыгивали колдуны. Даже Сая, которой велели не высовываться.

— К бою! — завопил офицер, выхватывая меч. Но кинжал Наи вошел ему ровно между глаз, отбив навсегда охоту сражаться.

Кнут Мышки хлестанул одного из патрульных по глазам. Тот закричал, ослепнув от боли, схватился руками за лицо. Тэзир сдернул его с седла, прикончил чеканом. Арки, прыгнув на следующего всадника, перехватил ему горло серпом. Один из вояк попытался ускакать, но нож Кайтур нагнал его.

Все закончилось быстро. Внезапность и перевес сил решили исход схватки. Патрульные толком и не успели оказать сопротивление, лишившись командира.

Хостен сидел на камне и хмуро взирал на мертвецов.

— Сучьи дети. Дался им наш Холодок. — Обтерев тесак пучком травы, грузно поднялся. — Наследили мы тут, ребятки, сильно, прибраться надобно. Соберите коней, посадите на них мертвецов.

Когда дело было сделано, привратник подошел к каждому жеребцу, что-то прошептал на ухо, сунул в рот серый корешок.

— Теперь не рыпнутся, пойдут послушно, — подозвав парней, велел: — Гоните коняшек вверх по дороге. Там, за рощицей, выступ над ущельем будет. Подведете животину к краю, сами сзади встанете, хлопнете по крупу и крикните: «Рей-йе». Дальше они без вашей помощи вниз сиганут. А вы немедленно возвращайтесь. Давайте, ребятки, торопитесь, время против нас играет.

Следующей Хостен поманил Наю.

— Поворачивай Холодка. Поедете с девчонками другой дорогой. На этой нас непременно искать станут, когда пропажа патруля обнаружится. Вернетесь до развилки, где высохший родник. А оттуда сразу забирайте вправо, в горы. Держите путь на скалу, похожую на ворона. Там тропа по-над пропастью пойдет. Девоч с телеги ссадишь — ехать опасно. Пустые бочки сбросьте вниз. Жеребца поведешь под уздцы. Сама води, других не слушает — сорвется и вас утянет. Дорога сложная, случаются камнепады, потому будьте внимательны. И это, парусину накиньте на головы, а то промокните.

Ная глянула на чистое безоблачное небо, но глупых вопросов задавать не стала. Сказал, промокнут, значит, так и случится.

— Ступай. Даст судьба, нагоним вас.

Телега все выше поднималась в горы. А чистая синева над головой темнела с невероятной быстротой. Черная туча появилась из-за горизонта и ползла, подобно стае саранчи, поедая кусок за куском небо. Огненные всполохи вспарывали время от времени ее брюхо. Глухо рычала, рокотала она в ответ. Близилась гроза.

Ливень обрушился, когда колдуны двигались над пропастью. Струи воды заливали глаза, ноги скользили по размытой тропе. Сая с Кайтур шли впереди, почти вжимаясь в скалу. Нае приходилось труднее — нужно было еще тянуть заупрямившегося некстати Холодка. Натерпелись они страха, когда колеса телеги вдруг поползли к краю пропасти. Еле удержали от падения. Рискав слететь вниз, Кайтур с Саей вцепились в узду жеребца. Ная, проскользнув под возком, подложила булыжники под колеса. Холодок, недовольный грубым обращением, фыркнул, обнажил зубы, потянулся цапнуть за руку Кайтур, но удар кулаком в лоб вернул ему доброжелательность и смирение. Втроем девчонки кое-как дотащили телегу

до небольшого плато, в которое переходила тропа, повалились без сил кто куда.

— Когда закончится этот проклятый дождь? — простонала Кайтур.

— Пусть идет, следы смо...

Жуткий грохот смял последние слова Наи. Колдуньи в испуге подскочили, забыв об усталости. Огромный обломок скалы с лязгом сорвался на тропу, слизав ее полностью. Эхо обвала прокатилось оглушающей волной в горах, стихло на дне пропасти. Привратницы в оцепенении усталились на тропу, которой больше не было. Всего мгновение назад они шли там. Чуть задержись...

— А как же наши? — пролепетала Сая. — Ведь они должны идти следом. Что с ними? — Точно безумная, рванулась к обрыву, закричала, срывая горло:

— Арки! Арки!

Ная с Кайтур еле успели ухватить ее у самого края, оттащить назад.

— С ума сошла, свалиться вниз захотела? — залепила Мышке пощечину Кайтур.

— Мне теперь без разницы... если Арки мертвы, — бесцветным голосом ответила Сая. Зажмурившись, завывала, запричитала как по покойнику.

— Чего раньше времени оплакиваешь? — буркнула смуглянка, в неловкой поддержке положила девушке на плечо ладонь. — Мы ничего не знаем. Шли они уже по тропе или нет. Случись беда, Ная сразу поняла бы. Они с Тэзиром обрядом связаны. А видишь, стоит целая целехонька, ни царапинки, ни кровинки. Ная, да скажи ты ей, что живы они!

Колдунья молчала, с болью смотря на небо. Дождь прекратился. Туча растворялась в серых красках наступающих сумерек. А это означало одно... когда колдун погибал, его ворожба рассеивалась. В глазах внезапно запекло, горло сжали спазмы — ни дыхнуть, ни выдохнуть. Не верилось, что вот так, в один миг не стало сурового Хостена, умницы Арки и путника Тэзира. Кто же будет теперь ее доставать и веселить, кто прикроет спину в бою?

Ная потянулась мысленно к другому концу незримой нити, что соединяла их с балагуром. Растворилась в ощущениях. Сердце молчало, не кричало о беде. Но так бывает в первые мгновения. Рассказывали. Если гибель напарника наступала внезапно, и он не успевал осознать ее. Сердце второго «близнеца» вначале просто отказывалось принимать правду, закрывшись, отторгало смерть. Но чуть позже случившееся ворвется в него горькой истиной, скрутит, закроет от потери своей половинки. Как сейчас. Когда пустота пропасти ничто с пустотой в груди. И лучше в этот момент загрузить свой разум другими заботами, неотложными делами, чтобы не дать боли взять верх. Что толку валяться на камнях и, рыдая, заламывать руки? Мертвых все равно не оживить.

Колдунья повернулась к подругам.

— Хватит голосить! Кайтур права, я бы почувствовала их гибель. Все, что происходит сейчас с Тэзиром, ощущаю и я, как на поединке при посвящении. Помнишь?

Мышка перестала рыдать, поднялась с усталостью столетней старухи, произнесла отрешенно:

— Да, почувствовала бы... Тэзира, но не Арки. Не надо меня утешать. Я знаю, что у них не было шанса спастись.

— Надо ехать. В любом случае. Погибли они или нет, тут околачиваться без толку, мы ничем им не поможем.

Кайтур посадила понику Саю на телегу, Ная забралась на козлы. Ехали молча. Да и о чем говорить? Печальным вышло путешествие в город. Вот и развлеклись. Из семи человек домой возвращались только трое? Эх, мальчишки, мальчишки. Как же так? Мышка вскоре

уснула, измученная слезами. Смуглянка прикрыла ее плащом, повернулась к хмуро глядящей на дорогу Нае.

— Как считаешь, они живы?

— Не знаю.

— Все ты знаешь, — огрызнулась Кайтур. — Думаешь, я не заметила, как ты на небо смотрела? Дождь сразу после обвала кончился.

— Чего тогда спрашиваешь, если сама все поняла? Услышит Сая, опять в истерике биться начнет.

— А, может, мне тоже выть охота, — проговорила тихо Кайтур. — Есть, кого оплакивать. Это ты у нас железная, ничем тебя не прошибить.

— Не железная, — ответила Ная, загасив в кулаке расцветший огнем шарик.

Следовало сделать привал, близилась ночь. Но подходящего места не попадалось. Каменистые склоны с редкими деревцами не давали надежного укрытия. Наконец, девушка углядела темнеющий в отдалении лесок, направила к нему Холодка. Жеребец давно выбился из сил и еле передвигал ноги. Выстроившиеся с двух сторон горы, в темноте напоминали исполинских великанов, живших в древности, да так и застывших в вечном сне, став камнем. Неожиданно со склона по левую руку посыпалась мелкая щебенка. На обвал смахивало мало, больше походило на неосторожную поступь. Ная попридержала коня, бросила настороженный взгляд на вершину. Шуршание усилилось. Камни уже сыпались потоком под ногами торопившихся наперерез телеге трех вооруженных мужчин. Засада. Девушка выхватила кинжалы, вскочила на сиденье. Кайтур, толкнув в бок Саю, перемахнула через борт, сжала в кулаке цепь. Мышка встала с кнутом в руке. Мужчины приближались. Скрытые темнотой черты лиц стали проясняться. Сая, вскрикнув, отбросила кнут, соскочила с телеги и метнулась по насыпи навстречу мужчинам: оскальзываясь, падая, сдирая в кровь ладони и колени. Один из мужчин бросился к ней, подхватил плачущую от счастья, прижал к себе, глядя по волосам.

Ная с улыбкой смотрела на спускающегося Тэзира. Живой. Балагур радостно помахал рукой, обогнал обнимающуюся парочку, не удержался, сострил. Перескочил с валуна на валун, прыгнул и... очутился в объятиях Кайтур. Губы смуглянки прижались поцелуем к его рту. Радостный взгляд балагура стал растерянным, руки робко приобняли девушку. Ная отвернулась. Сунув в ножны «сестренку», спустилась на землю, подошла к Хостену.

— Мы думали, вы погибли. На тропе случился обвал, — сказала она, словно в оправдание несдержанной пылкости друзей.

— Короткой дорогой пробирались, через скалы. Холодок там бы не прошел, поэтому пришлось вас послать через воронью гору. Как вижу, вы справились. Тяжело пришлось?

— Воспоминания не из приятных.

Оставив позади обнимающиеся парочки, привратники повели жеребца к лесу.

Место для ночлега подобралось хорошее — уютная ложбинка, поросшая рябинами. Неподалеку журчал родник. Едва распрягли Холодка, Хостен сразу завалился спать, велел разбудить, когда будет готов ужин. Две бессонные ночи и потраченная на колдовство сила вымотали его изрядно. Пока Ная обихаживала жеребца, подтянулись остальные колдуны. Утонувшая в вечерних сумерках ложбина сразу оживилась, наполнилась весельем и шутками. Недавняя скорбь сменилась радостью. Друзья живы — что может быть лучше. Вмиг запылал костерок, в котелке забулькала похлебка. Легли на траву одеяла.

Ная очищала Холодку копыта, когда раздался за спиной голос Тэзира.

— Помочь?

— Сама справлюсь, — ответила, не оборачиваясь.

Балагур потоптался, не спеша уходить, спросил с непонятым вызовом.

— Ты тоже обрадовалась, узнав, что я жив?

Ная повернулась к нему, удивленно вскинула бровь.

— Станный вопрос. Конечно. Ведь вы с Арки для меня не чужие.

— Я спрашивал только о себе, — процедил балагур. Желваки заходили у него на скулах. — Или тебе так сложно это произнести: «Рада, что ты жив»? Всего четыре слова!

— Рада, что ты жив, — повторила Ная, чеканя слова. — Теперь доволен? Похоже, тебя Кайтур заждалась. Шел бы к ней.

Тэзир в задумчивости взглянул на колдунью, повернулся уйти, но резко выпалил:

— Это все из-за Кайтур, да? Из-за ее поцелуя злишься? Или... — усмехнулся криво от догадки, — оттого, что произошло у нас с ней в домике в Лоте? Я знаю, что ты почувствовала. Причина в этом?

— Ты вправе любиться с кем хочешь. Мне до этого нет никакого дела, — ответила Ная сухо.

— Но тебя это задело. Не забывай, я тоже ощущаю твои чувства.

— Чушь. Наоборот рада, что у вас сложилось. Вы подходите друг к другу.

— Рада?! — едко выпалил Тэзир. — Ну и я рад, потому что Кайтур жаркая, страстная, умеющая любить, настоящая женщина. Не то, что ты, ледышка.

— Вот и отлично, — Ная равнодушно отвернулась к жеребцу. Подвесила ему торбу с овсом, похлопала по спине. — Наконец ты это понял и сделал правильный выбор. Счастья тебе.

— Себе пожелай!

Тэзир подхватил в раздражении с земли топор и скрылся в темноте леса.

«Лучше пусть ненавидит, чем наделает глупостей», — вспомнились слова Скорняка. Правильно. Пусть лучше ненавидит.

Мышка с напускной занятостью готовила ужин. Достала крупу, солонину, травку для вкуса. Перетряхнув с обеспокоенным видом дорожный мешок с продуктами, посетовала громко:

— Вот незадача, листья кислицы закончились. Чем заваривать кипяток?

— Схожу, в леске поищу, — поднялся Арки.

— Твоя помощь здесь понадобится. — Сая, дернула его за руку, заставила сесть на место. — Ная, не сходишь? Я видела кусты кислицы в той стороне. — Девушка вытянула руку в направлении, куда ушел Тэзир.

Шитая белыми нитками хитрость подруги только повеселила колдунью. А то не заметила, как Сая внимательно следила за их разговором с балагуром. Ная поднялась и пошла в противоположном направлении.

Пробираясь сквозь кусты и валежник, девушка поминала Мышку недобрым словом. Заговорщица. Собирать листья кислицы ночью — это только ей могло прийти в голову. Благо луна светила яркая, не заблудишься. Колдунья приостановилась, слышав тихое меканье, направилась на звук. Раздвинула ветви орешника. На бугорке стоял козленок. Маленький, хорошенький. Всего-то месяц отроду. Ная повертела головой. А где же мамка? Присутствия козы не наблюдалось. «Да ты сиротка. Съел кто-то твою мамку». Сорвав листок, колдунья поманила к себе козленка. Но тот был не так прост, повел носом и

отскочил на несколько шагов. Убегать однако не торопился, шельмец, поглядывал с любопытством на девушку. Ная медленно приблизилась, протягивая на этот раз пучок сочной зеленой травы. Выждав, козленок опять отскочил.

— Чтоб, тебя, паршивец...

Можно было плюнуть и возвращаться в лагерь, соврав Сая, что впотьмах не нашла кислицы. Ничего, воды простой попьет. Но азарт разыграл в девушке. Она нежным голоском позвала козленка и шагнула к нему. Все повторилось. Да он просто играл с ней! Вспомнив, что в кармане завалялась половина сухаря, колдунья злорадно ухмыльнулась. «Теперь ты никуда не денешься». Выудив приманку, подразнила животное. Тот учуял запах, заинтересовался, переступил в сомнении. Робко приблизился к девушке, шевеля ноздрями. «Попался». Ная незаметно двинулась навстречу. Потихоньку расстояние между ними сокращалось.

Вот их уже разделяет только вытянутая рука, нос козленка почти касается сухаря, рот тянется в жадности к угощению. Рывок. И пойманный малыш забился в руках девушки.

«Ага, обхитрили, дурачка! А нельзя быть доверчивым...»

Колдунья погладила блеющего пленника, скормила ему сухарь, успокаивая животное. Засмеялась, когда шершавый язык пощекотал ладонь. Потрепала козленка ласково за ухо. Малыш, мекая, потерялся об нее головой. Ласковый.

Охнув, Ная сжалась от стиснувших внезапно невидимых объятий. В висках бешеное застучало. Волна жара прокатилась по телу, запылала угольками внизу живота. Голову охватило сладким туманом вожделения. Тэ-зи-р-р! Губы скривились в болезненной усмешке. Вкус полынной горечи разлился в горле. Гладившая козленка рука соскользнула ему на подбородок, резко дернула голову, сворачивая шею. Тельце животного обмякло, распласталось у нее на коленях. Девушка поднялась, уцепив козленка за задние ноги, пошла к лагерю. Кровь продолжала бурлить в жилах, тело млело от прикосновений и ласк.

Она не собиралась искать их, ноги вывели. А не заметить прижавшихся к дереву, сплетшихся вместе парня и девушку было невозможно. Слишком бесстыдно луна освещала поляну. И то, как ноги Кайтур обхватывали бедра Тэзира, и то, как он целовал ее шею. И то, как двигались в одном ритме, постанывая от наслаждения. Ная отступила в тень. Вздрогнула от хрустнувшей под ногой ветки. Присев, спряталась за раскидистый куст. Вроде не заметили. Выждав, с осторожностью убралась с поляны.

Сая испугано ойкнула, когда Ная швырнула ей тушку козленка.

— Добавь в похлебку, будет сытнее. Листьев не нашла.

— Откуда этот кроха?

— Догадайся, — рыкнула колдунья. — На дереве вместо груши рос. — От свирепого взгляда подруги Мышка прикусила язык.

Колдунья рассерженно направилась к Холодку, обняла за шею, провела пальцами по гриве. Почему же ей так плохо? Если все правильно. Сама того желала. И по-другому быть не должно.

— Замерз, красавчик? — Ная накрыла жеребца попоной. Ночь должна выдастся прохладной. Они уже высоко в горах, стывший воздух идет с ледников и снежных вершин.

Появились из темноты Тэзир с Кайтур.

Девушка поморщилась, ощущая исходивший от них запах недавней близости, благостное состояние, растекавшееся еще по телу сладким томлением.

— Похлебка готова, — оповестила громко Сая, расставляя миски.

Тэзир подошел первым к костру, поведя ложкой в котле, с удивлением спросил:

— А мясо откуда?

— Ная в лесу козленка нашла, — произнесла Сая.

— И свернула ему шею, — утверждающе добавил балагур. — Кто б сомневался. Даже такого кроху не пожалела. — Швырнул пренебрежительно миску на траву. — Сами жрите. Я не собираюсь. Кусок встанет в горле. — Отошел к расстеленному одеялу, уселся боком к костру.

— Давно ли стал таким разборчивым? Помнится, раньше трескал мясо и муками совести не страдал, — поддел его Арки.

— Не хочет — не надо, остальным больше достанется. — Ная вытерла руки тряпкой, наполнила миску похлебкой и принялась с аппетитом поглощать ее.

— У тебя всегда и во всем так — никогда не дрогнет ни сердце, ни рука? — произнес балагур, следя за девушкой исподлобья. А сам в душе то волком воет, то от злости захлебывается.

— Почему у меня должна дрожать рука? Если решил перейти на траву и листья — твое личное дело. Я же предпочитаю мясо. С ним сытнее. К тому же, на завтра остались только небольшой кусок колбасы, сухари и солонина.

— Жалеешь, что козленок оказался один? Ты ведь его приманила? Хитростью взяла? — обвинение со смесью презрения отразилось на лице парня.

— Ага, — кивнула Ная, добавив хвастливо: — Сухарем. Повелся, как простачок.

Щеки Тэзира вспыхнули, словно от пощечины.

— Он бы не выжил без матери. Не мы, так другие звери съели бы, — вклинилась в разговор робко Мышка.

Балагур даже не услышал ее. Приготовленная грубость уже вертелась у него на языке в нетерпении ударить Наю побольнее, но отчего-то сдержался, закусил губу, туша гнев.

— Тэзир просто не ест себе подобных, — сострил Арки. Но друг обжег его таким убийственным взглядом, что парень живо уткнулся в миску.

— Сами вы... — процедил балагур, улегся на одеяло, отвернулся ото всех.

Кайтур следила за перепалкой молча, сосредоточенно черпая ложкой похлебку и терпеливо выжидая, к чему приведет их очередная стычка. Дурой смуглянка не слыла и отлично понимала, что козленок просто повод выяснить отношения.

Быстро вычистив миску, девушка примостилась рядом с Тэзиром, успокаивающе приобняла за плечи. Умная женщина никогда не упустит шанс прибрать мужчину, выждав нужный момент, чтобы утешить и приласкать.

— Видела? — прошептала Мышка.

— Иди спать, Сая, — отозвалась равнодушно Ная, кусочком лепешки выскребая со стенок миски остатки похлебки.

— Тебе это безразлично?

Колдунья оторвалась от еды, взглянула на подругу.

— Не ты ли говорила, что я не должна приваживать Тэзира?

— Да, но...

— Нет никаких но. Вставать между ними не собираюсь.

Мышка, закусив губу, поднялась, коснулась сочувствующе плеча Наи.

— Мне жаль.

— Не вижу повода для жалости.

— На вас с Тэзиром сегодня поветрие нашло?! — рассерженно выговорила Сая подруге. — Как ежи топорщит иголки. Знаешь, не стоит постоянно держать чувства в узде, боясь, что тебя сочтут слабой. Я-то знаю, какая ты на самом деле.

Она знает! Да колдунья сама того не знает.

Наконец, все улеглось, и наступила тишина. Впрочем, ночь в лесу не бывает тихой. То ухает филин, то раздастся волчий вой, то шуршат в траве мыши. Вороша палкой угли, Ная смотрела в огонь. Возникавшие в нем перед мысленным взором картины не очень нравились ей. В них не было покоя. Сражения, горящие города, кровь, смерть.

— Чего не разбудили, как велел? Похлебки хоть оставили? — проворчал Хостен, вырывая девушку из ее мыслей и усаживаясь рядом на бревно.

— Решили дать отдохнуть подольше. Дни выдались не из легких, — Ная протянула ему полную миску.

— Это верно. Сама чего не спишь?

— Караулю.

— Ложись, постерегу.

— Не хочу. Не спится.

— Мясо откуда?

— Козленка в лесу поймала.

— Славно. Мясо нам сейчас в самый раз, чтобы силы восстановить.

Хостен бросил на нее изучающий взгляд.

— Болит?

Ная в недоумении сморщила лоб, не сразу догадавшись, о чем тот спрашивает. Сразу подумалось о Тэзире, но откуда привратнику знать о ссоре? И что неприятно и больно, когда друг на тебя в обиде. А вместо примирения приходится углублять пропасть ради его же блага.

— Немного, — солгала она.

Хостен, не доверяя ее словам, доел похлебку, обтер руки, приспустив девушке сарафан, приоткрыл повязку. Проворчал недовольно, нанеся мазь:

— Кровит еще. Отравой, что ли, клинок смазали? Не загнила бы... И как отчитываться дома стану, почему не доглядел?

— Сама перед Кагаром отвечу.

— Если бы перед Кагаром...

Ная вскинула глаза, но Хостен уже поднялся с бревна, поплелся к постилке.

— Дежурь тогда, раз не спится.

Ночь перевалила за полночь, когда зашелестела потревоженная листва кустов, хрустнули под неосторожной ногой ветки. Колдунья осталась сидеть в прежней позе, только незаметно вытащила кинжалы из ножен, положила на траву у ног. Глянула на Хостена. Будить или нет? Но привратник не спал, приложив палец к губам, дал знак не суетиться. Тесак лежал рядом, под рукой. Ная терпеливо ждала и, наконец, гость решил показаться.

Девушка застыла в изумлении, когда увидела, кто вышел из-за деревьев. Существо было низенького росточка, не выше собаки, покрытое шерстью. Стояло оно на двух задних лапках, передние напоминали руки, только имели по четыре пальца. Маленькие острые ушки торчали по бокам головы. Огромные, чуть ли не на пол мордашки глаза, смотревшие с испугом и печалью, светились изумрудным светом. Нос приплюснут, алый ротик прятался в шерсти. Гость опасливо потоптался в стороне, зыря на девушку. Пошевелись колдунья, и

задал бы стрекоча. Но Ная не собиралась его пугать.

Заметив, как тот поглядывает с жадностью на котелок, принюхивается, медленно подняла руку и позвала к себе. Существо недоверчиво отступило, но еда продолжала манить. Голодный. Не делая резких движений, девушка потянулась к котелку, сняла с перекладки и поставила у бревна. Сама отсела в сторонку, чтобы не боялся. Голод победил. Мелкими шажками гость приблизился к бревну, ухватило котелок и хотел удрать, но, заметив улыбку на лице девушки, пересилил страх и опустился на землю. Ел он лапкой, восприняв с пренебрежением протянутую ложку. Внутри ладошка у него была без волос, но изрезана морщинами. Длинные когти свидетельствовали, что кроха не столь и беззащитен. Однако враждебности пока не проявлял, ел жадно, с оглядкой на девушку — не кинется ли обижать. Вылизав котелок, существо вытянуло шею, рассматривая пожитки путников, выискивая, нет ли еще чего, чем можно поживиться. Ная, подтянув дорожный мешок, выудила оттуда сухарь и кусок колбасы, протянула гостю. Тот бочком придвинулся, выхватил угощение из рук и собирался рвануть в лес, но вдруг положил еду на землю, подошел к девушке. Глаза, в которых плескалось изумрудное море печали, всмотрелись ей проницательно в лицо. Морщинистая ладошка прижалась к ране на спине. Колдунья ощутила приятное тепло, проникающее внутрь тела. И щекочущие мураши на коже. Боль исчезла, словно и не было. Гость удовлетворенно кивнул, переложил ладошку теперь девушке на сердце. Грустно вздохнул, покачал с сожалением головой и потопал в лес, не забыв захватить колбасу и сухарь.

— Ух ты, — раздался голос Арки, едва существо скрылось в темноте. Парень подбежал к колдунье, возбужденно замахал руками. — Ты хоть знаешь, кто это был? — Ная пожала плечами. — Креп. Дух полей. Его увидеть очень сложно, редко показывается людям. А тут сам вышел. Странно, чего так далеко от полей в горы забрался.

— Жнецы согнали, — произнес, подходя, Хостен. — Всех изводят, у кого хоть какая сила есть.

— Да Крепы добрейшие существа! Людям никогда зла не чинили, за лугами, полями следили, чтобы урожаи родились, и травы сочные были.

— А жнецам до того дела нет: добрый, злой ли, лишь бы силу выжать и прибрать, — пробурчал сердито Хостен. Развернул Наю спиной, сдернул повязку с раны. — Так и думал. Чисто. Даже шрама не осталось.

— Говорю же, добрые создания. За угощение отблагодарил, — Арки переполняли чувства. Глаза светились восторженным блеском.

— Чего расшумелись? — зевнула Сая, поднявшись с одеяла.

— К Нае Креп приходил, рану ей залечил. Я глазам не поверил, когда увидел.

— Ну-ка, покажи, — Сая самолично оглядела место раны, укоризненно выговорила Арки: — Меня чего не разбудил? Тоже было бы интересно взглянуть.

— Сам опешил. Собрался по нужде сбегать, а тут смотрю — Ная сидит у костра, а напротив Креп, похлебку лопает. Честно говоря, сначала испугался, когда ты его колбасой поманила, а у твоих ног кинжалы лежали. Думал, и его хочешь, как... — Арки осекся от удара локтя Саи под ребра, захлопнул рот, сообразив, что чуть не ляпнул лишнее.

— Как козленка, — добавил за него Тэзир. Никто и не заметил, когда он проснулся. А может, и не спал совсем и все видел. Лицо парня не выглядело ни сонным, ни благодушным. Взгляд сочился желчью. Балагур вскочил, направился к колдунам. — Чего смущаешься? Говори, как есть. Для нее ведь в порядке вещей приманить и свернуть шею, как несчастному

козленку. Ведь так?

Он встал напротив Наи, вызывающе смотря в глаза девушке.

— Если доверчивые дураки сами суют ее в ловушку, то грех не свернуть, — ледяным тоном ответила Ная. Тэзир сжал кулаки. Ощущение сплётшихся вместе полос гнева, боли и обиды, рвущих его нутро, опалило колдунью, пришлось невидимой плеткой по телу. Балагур еле сдержался, чтобы не ударить ее.

— Только посмей вякнуть хоть слово — зубы пересчитаю, — пригрозил Хостен.

Тэзир дернул головой, оскалился, но смолчал.

Сая осуждающе хмурилась. Происходящее на поляне ей не нравилось.

— А ну-ка, пойдем со мной, — Арки потащил балагура в темноту деревьев.

— Отцепись! Никуда не пойду! — попытался тот вырваться, но друг оказался на удивление сильным:

— Кому сказал — двигай ногами или мне тебя за шиворот тащить?

Утянув Тэзира подальше от лагеря, жестко толкнул спиной к дереву, придавил рукой, чтобы не рыпался.

— Что с тобой происходит? Мозгами повредился? Зачем ты с ней так?

— А она как со мной?! — прорычал Тэзир. — Точно с тем козленком. Сая вон в гору к тебе карабкалась, в кровь ноги разбила, спеша обнять. А Ная даже не подошла.

— Ничего не забыл? Ты с Кайтур обнимался.

— Я этого не хотел. Кайтур сама повисла на шее. Ная видела это, но даже спросить не пожелала, как добрались. А погиб бы в пропасти — не всплакнула.

— Дурак! Неужели ничего не понимаешь? Она тебя от себя оберегает.

— А мне нужно это?

— А что нужно?

Растерянность промелькнула во взоре Тэзира. Он опустился на корточки, прижался затылком к коре дерева.

— Не знаю.

— Вот видишь, а чего от нее требуешь?

— Не знаю, — поморщился балагур. — Сказала — забудь, а как из головы выбросить? Рад бы, да сумею.

На это Арки не нашелся, что ответить, промолчал, думая о Сае. Потребуй, кто такое, сумел бы он сам?

Наваливающуюся пушистым облаком дрему разорвала возня за спиной. Ная приподнялась на локте, глянула через плечо. Балагур мостил рядом с ней одеяло.

— Ты не ошибся? Постель Кайтур в другой стороне.

— Не ошибся, — проворчал Тэзир. — Кончил дурить. Все. От безысходности к той, что не люблю, качнуло. Назло тебе. Больно было. От правды, в которую ты меня как щенка окунула. Прости.

— Мне тебя прощать не за что. Твое дело, с кем спать — жизнь твоя. Надеялась, разумно ей распорядишься.

— Я и распорядился. Пусть не вместе, но хоть рядом буду. Надежный друг, думаю, тебе не помешает? Силой поделиться, спину прикрыть в бою? Взамен не прошу ничего.

Прогнать бы шалопая. Накричать. А сердце почему-то от жалости сжимается. И не поймешь, кого жальче: себя или его?

— Давай спать. Утром рано вставать. — Ная улеглась, отвернувшись к нему спиной,

чтобы не заметил предательски заблестевших глаз.

Пробуждение было приятным. Теплые и уютные объятия Тэзира ограждали от утренней прохлады. Горячее тело согревало не хуже печи. Хотелось еще понежиться, задержаться в сладостной неге безмятежности. Ная теснее прижалась к балагуру, не желая разрывать упоительное ощущение от близости мужчины. Наверное, слишком тесно, потому что поняла, что ее начинают волновать его жаркие объятия и то, как дыхание щекошет шею, и то, как бьется учащенно в груди балагура сердце, совсем не как у спящего, а притворяющегося таковым. И чем дольше они продлевали обман и наслаждались призрачным счастьем, тем делалось невыносимее покинуть его. Пора рвать эту нить дурмана, и чем быстрее, тем лучше. Тут вовремя проснулся Хостен. Завозился, закричал, вставая, хлопнул в ладоши.

— Хватит спать, лежебоки. Пора в дорогу.

Ная с облегчением выскользнула из-под одеяла, не давая Тэзирu возможности ни сказать ничего, ни удержать ее в объятиях, схватила флягу и направилась к роднику.

— Сладко спалось нынче? — язвительный голос Кайтур прогнал добродушное настроение.

— Тепло.

— Тебе совсем на него наплевать? — Смуглянка стояла, уперев руки в бока. словно торговка рыбой перед конкуренткой.

— Не наплевать.

— Зачем тогда к смерти тянешь? Для самоутверждения? В удовольствие, что парень по тебе дуреет? Знаешь, кто ты?

— Знаю. Наслушалась, — колдунья отвернулась, наполнила флягу водой. — Только самой держать надо было крепче. Я в сторону отошла, шанс тебе дала. Чего упустила?

Кайтур растерялась. Обвинений и нападок от Наи она не ожидала.

— Удержишь его, как же. Он тобой бредит. Поиграл мной — и все на этом.

Смуглянка расстроено уселась на землю возле родника, поджала к груди ноги. Ная опустилась рядом.

— Потерпи немного. Вот уедет домой, перегорит, забудет. А ты напхни о себе, письмо напиши, навести. Все вновь и закрутится.

— Ты серьезно? — Кайтур недоверчиво глянула на девушку.

— Сказала же — не плевать, что с ним будет.

Смуглянка покачала головой.

— Ничего у нас не сложится. Он тебя любит.

— Что в том толку. Сама знаешь, со мной ему — смерть, — колдунья сорвала пучок травы, разжала ладонь, бесстрастно проследила, как травинки падают меж пальцев.

— Ты это ему Расскажи, — буркнула смуглянка.

— Рассказывала и показывала. Не проняло.

Кайтур фыркнула.

— Если Незыблемая не убедила, то мне и подавно не удастся. Такой, как Тэзир, любит единожды и на всю жизнь. Так что тяни этот воз сама, подруга.

Теперь на козлы с Хостеном забралась Кайтур. Привратник лишь хмыкнул при виде новой спутницы и проворчал.

— Эх, молодежь, молодежь. Сами не знаете, чего хотите, чего ищете.

Глава последняя (промежуточный финал)

Сырая медь, простая, крестообразная рукоять, перемотанная сыромятной кожей. Клинок хранил на себе следы ударов молота, был прямым, плохо заточенным и не сбалансированным. Полностью соответствовал человеку, который нес его.

Ильгар держал оружие на ладонях. Смотрел не под ноги — на меч.

Сам установил его в пазы между двумя железными кубами, загнал до половины. Кивнул военному преатору и отошел в сторону. Два жнеца, облаченных в синие парадные одежды, провели десятника к каменной скамье. Оттуда открывался отличный вид на ложе Дарующих, два кресла преаторов и совет жрецов.

«Хоть некоторое время не придется дышать тюремной затхлостью...»

От одного воспоминания о камере его прошибал пот. Это было худшей пыткой, которую ему доводилось перенести. Даже муки в топях не сравнятся с тем, чтобы глядеть на Сайнарию из-за решетки. Когда на улицах кипит жизнь, когда солнце сверкает в зените, когда ветер мчится через город, неся вслед за собой запахи полевого разнотравья. Когда Рика так близко, что нет сил терпеть. Нет сил не думать о ней. Когда воспоминания приходится гнать прочь, а от чувств отмахиваться, как от назойливой мошкары.

Мелодичный звон возвестил о том, что трибуналу самое время начаться.

Десятник держался гордо, почти надменно, головы не опускал. Расправил плечи, сжал кулаки.

— Ну что ж, — первым взял слово военный преатор Аларий. — Не вижу смысла в долгом заседании. Мы имеем достаточное количество фактов, чтобы вынести вердикт. Тем более что подсудимый сам признался во всех преступлениях.

— Нет, не признался, — парировал один из Дарующих, чем вызвал у Ильгара улыбку. — Согласился с тем, что сговор и пленение имели место быть. Не стал отпираться и юлить, что, несомненно, делает честь молодому жнецу.

— Я не знаток военных дел и уставов, уважаемый Геннер, — преатор народный, Карвус Камале, кивнул. Его алая мантия была расшита белыми нитями, а на голове красовался пышный накрахмаленный парик — последний писк моды среди сайнарийской знати. — Но тоже предпочитаю все тщательно обдумать и взвесить. Дело не такое простое, как утверждает уважаемый Аларий. Перед нами перспективный и доказавший свою полезность Армии жнец. Он молод, силен телом и духом — поглядите, как спокоен! Не стоит рубить с плеча. Нет, не простое дело всем нам предстоит.

«О да, совсем непростое, — подумал Ильгар, глядя на велеречивого, разряженного в пух и прах Карвуса. — Особенно, когда есть возможность чинно просутяжничать друг с другом, щелкнуть по носу конкурента, а то и вовсе — выставить дураком...»

Ему не нравилось, что приходится быть бездушным инструментом политических игр, марионеткой, но в этом крылся и шанс на спасение. Сам себя десятник защитить не мог — подсудимый не имел права голоса на суде: все, что должен был, он изложил в рапорте перед заключением. Так что пришлось доверить весла рукам сильных мира сего и просто ждать, куда вынесет река судьбы, и как решится участь медного меча. Противоречие между городскими старшинами могло как спасти, так и похоронить подсудимого.

— Вы и вправду ничего не понимаете в армейских законах, — Аларий усмехнулся. — Но, думаю, в кодексах Сеятеля разбираетесь не хуже других. Он дал понять еще давным-

давно своим последователям: никакого перемирия с врагами! Тварь на реке — враг. Твари в болтах — враги! Их надлежит предать огню! Вступить в сговор с монстрами, значит, стать предателем!

Десятник скривился. «Опять...»

— Я вижу здесь не сговор, с целью получить личную выгоду, — перебил его Геннер. — Вижу, что заставила его пойти на это необходимость. Либо так, либо многие из отряда погибли бы. Это существо — насколько можно понять из рапортов десятника и достопочтимого Альстеда, — было поразительно сильным и опасным. В таких условиях, как мне кажется, жнец проявил скорее мудрость, нежели трусость. Знал, что последует за подобным соглашением, и все-таки решил пренебречь репутацией во имя жизни подчиненных и дела. Это редкость.

«Слишком возвышено. Все гораздо проще. Я тоже боюсь смерти, как и большинство людей», — Ильгар глубоко вздохнул.

— Воин должен сражаться, а не говорить. Он не должен бояться крови и смерти. — Аларий поднял обрубок руки над столом. — Когда берем оружие, мы знаем, что нас ждет. Воину всегда делало честь умение сражаться и лишать жизни врагов, а не то, как он работает языком.

— Уважаемый Аларий, вы неправы, — вновь подал голос Карвус. — Даже Сеятель не гнушался мирных договоров и помощи некоторых богов. Когда иного не дано, когда нет возможности выбора...

— Воин идет и умирает, — перебил его военный преатор. — Не молит о пощаде, иначе он — трус. Я так полагаю, что примерно то же самое произошло в болотах. В рапорте написано, что десятник подвергся пыткам. Но на теле его нет ран. Только... Игла под кожей. Никто так и не сумел разобрать, что это такое...

После того, что пришлось пережить двумя днями ранее в пыточной, Ильгар чувствовал себя сносно. Лишь морщился, когда болела рана на плече.

Его вытащили из камеры ночью. Подгоняя рогатинами, повели вниз, во тьму коридоров и лестниц, где держали самых отъявленных преступников, богов и их ярых прислужников, по каким-либо причинам не казненных сразу. Пыточная располагалась в самой глубине. Ильгар всегда думал, что такие места выглядят чудовищно. Крючья, машины смерти, раскаленные щипцы и прочие замечательные изобретения смертных. Но ошибся. Комнатка была самой обыкновенной: эдакий каменный мешок без окон, очага и соломы на глиняном полу. Тесно, низкий потолок. Два перекрещенных столба вкопаны у восточной стены.

Стражи защелкнули на запястьях Ильгара кандалы. Затем закрепили голени. На правой скобе перетянули винты, и железо больно впилось в ногу. Воины направились к выходу, и на некоторое время десятник остался один. Было холодно, тихо и темно. Пахло кровью.

Вскоре появилась настоящая делегация из жрецов. Впереди шествовал незнакомый Ильгару Дарующий. Без доспехов, но поверх кожаного жилета наброшен белоснежный плащ. Лицо у мужчины морщинистое, взгляд колючий. Седые волосы зачесаны направо, довольно глупо маскируя плешь.

— Время начинать, — он сильно грассировал и растягивал слова. Не иначе, пришел на службу Сеятелю с островов Кораллового моря. — Нужно больше света.

Пара жрецов зажгла факелы, закрепленные на стенах. Воздух наполнили треск и запах жженой смолы. Почти тут же появился полевой хирург — их легко узнать по красным перчаткам и особого покроя камзолу.

— Дайте ему маковой настойки, — велел сразу жрецам. — Полуторную дозу.

— Как при ампутации, Шотвер? — поинтересовался молодой слуга Сеятеля, доставая из заплечного мешка бутылку в ивовой оплетке.

— Да. Остальные — выйдите.

В комнате остались только Шотвер, Дарующий и Ильгар.

— Приступим, уважаемый Жосье, — хирург разложил на полу инструменты. Красные перчатки едва заметно мерцали — сила очищала металл от скверны, как будет потом очищать и рану.

— Помните, с чем имеете дело, — сказал Дарующий, привалившись спиной к стене. — И — с кем.

Шотвер кивнул и принялся за дело.

Ильгар начало помнил смутно.

Пара надрезов на коже. Ловкие щипчики полевого хирурга, проникающие под кожу. Вкус макового отвара на языке, в голове — цветной хаос... Все до той поры, пока Шотвер попробовал вынуть артефакт.

Боль была таковой, что десятник почувствовал ее даже сквозь дурман. Игла не поддавалась. Словно прикипела к костям и мясу. Жилы почернели, вздулись. Из раны потянулась густая кровь. Ильгар взревел, рванулся в цепях, едва не вырвав скобы из дерева. Испуганный хирург упал на задницу. Выскользнувшая из щипчиков Игла погрузилась еще глубже в плоть, заставив десятника зарычать от боли.

— Мы убьем его, если продолжим, — Шотвер утер со лба пот. Он быстро обратился на алой перчатке паром.

— Ничего страшного. Умрет — дело замнем, — отмахнулся Жосье. — Артефакт важнее всего. Вынимайте. Можете даже отрезать руку, если понадобится.

— Мы не знаем, как Игла себя поведет, оказавшись вне тела.

— Делай, что велено! Совет поручил тебе извлечь Иглу — исполняй.

Вздыхнув, хирург вновь вооружился щипцами и остро заточенным ножом. Внимательно посмотрел на краешек артефакта, потом перевел взгляд на глаза Ильгара. Зрачки пленника затянула чернота. Она казалась бездонной, как смерть.

Шотвер содрогнулся, покосился на Дарующего и сделал аккуратный надрез. И еще один. Крови выступило совсем немного. Пару капель. Рана вокруг иглы покрылась инеем.

Доктор осторожно потянул за кончик иглу. Свет факелов скукожился. Потемнело. Пахнуло холодом. Хирург отпустил артефакт, и языки пламени вновь раззадорились, разогнали по углам мрак.

Одурманенный Ильгар увидел, как в углу комнаты появилась знакомая женская тень.

— Это что еще такое? — удивился Дарующий. — Я чувствую эманации незнакомой силы.

— Пожалуйста, давайте прекратим, — взмолился хирург. — Ничего хорошего не выйдет из этого, я уверен.

— Закрой рот! — Жрец отпихнул Шотвера. Попробовал ухватить артефакт пальцами, но оцарапавшись, отдернул руку, выругался сквозь зубы. Сплюнув, взял щипцы и рванул артефакт. — Нам было поручено достать Иглу, и я ее достану.

Ильгара словно окунули в котел с кипятком. Десятник дико взвыл, выгнувшись на цепях, затрещали сдерживающие петли. Столбы сдвинулись в креплениях, по потолку пробежала трещина.

— Матерь демонов! Он сейчас вырвется. Откуда в нем столько силы?! — придушенно

взвизгнул Шотер, вжавшись спиной в дверь. — Я позову на помощь.

— Нет. Справимся сами. — Дарующий, продолжая тянуть иглу. Вены вздулись на лбу, лицо перекосилось от напряжения.

Тело Ильгара словно изрезали кинжалами и натерли солью, но жестокое сознание не думало уходить. Крик, переросший в хрип, застрял в горле. Кандалы глубоко вгрызались в плоть, кости трещали, сердце грохотало в груди. А перед глазами простирались ледяные торосы и ветер шептал сотнями голосов: «Ты мой. Ты мой».

С тихим шелестом погас огонь. Артефакт снова скользнул под кожу.

Некоторое время во мраке раздавались испуганные крики и проклятия. Кто-то барабанил иступлено в дверь. То ли Шотер рвался наружу, то ли стучали с той стороны, требуя открыть. Заскрипел засов, послышалось множество торопливых шагов, кто-то зажег лучину, и комнатку залил свет. Пыточную наводнили охранники и жрецы.

Возле столбов лежал Дарующий. Его лицо было белым, глаза вытекли, а распухший и посиневший язык торчал из раскрытого рта. Кожа на оцарапанной артефактом руке приобрела странный лиловый оттенок, слезала лоскутами. Шотвер боязливо вжимался в стену, держась за горло и рыдал, как перепуганный ребенок.

— Кто-то схватил меня! Оно чуть не убило меня... — на шее хирурга четко выделялись следы от шести пальцев. Унесли его бледным, еле живым.

Ильгара освободили от цепей и оттащили в камеру, где он провалился в тяжелый, полный кошмаров и боли сон. Рана к следующему утру затянулась, лишь верхушка Иглы выглядывала из-под кожи. Иногда из нее начинала сочиться кровь, порой — темный и дурно пахнущий гной...

— Поэтому я считаю, — Аларий покраснелся, рванул ворот мундира, — что этого человека нужно отстранить от командования десятком. Потом отдать на милость жрецам! Артефакт опасен и, вполне возможно, является частью какого-то хитрого плана...

— Этого мы ни проверить, ни опровергнуть не можем, — сказал Геннер. — Поэтому здесь как раз следует оперировать фактами. Было пленение, был побег. Об остальном нам неизвестно, но это не значит, что стоит отмахиваться от вполне обоснованных опасений военного преатора. Каждый сделает вывод сам, благо, голосование будет общим и каждый голос равнозначен.

— Тогда не вижу смысла продолжать болтовню, — пожал плечами Аларий. — Урну и камни! Быстро!

Жнец внес каменный сосуд с широким горлышком, украшенный глазурью. Следом появился еще один солдат с двумя корзинами в руках. В каждой лежали камни: в черной и белой краске.

— Приступим, уважаемые, — Карвус, брезгливо оттопырив мизинец, взял белый камень. — Помните, вначале решаем вопросом о том, разжаловать ли десятника Ильгара и отстранять ли от службы.

Стук падающих в урну камней казался Ильгару громовыми раскатами. Он внимательно смотрел, кто какой камень берет. Старался встретиться взглядом с каждым, кто принимал участие в его судьбе. Черных камней было больше, и это не удивляло.

— Закон есть закон... — прошептал десятник.

Палач вошел в зал. Облаченный в черное и синее. Громадный, могучий и безжалостный, как и любая кара. Длинные кожаные перчатки были усеяны медными шишечками.

— Разжалован, — провозгласил Аларий.

Палач одним легким движением преломил клинок. Подошел и вручил обломок подсудимому.

— Твоя служба закончилась, солдат.

И снова решетка, снова четыре стены. Снова взаперти.

Крохотное окошечко под потолком и медные лунные лучи, скользящие по пыльным булыжникам и глиняному полу. Смерд из выгребной ямы в углу. Засаленный лежак, засаленное рубище, засаленный воздух. Минимум света. Плен для тела — свобода для мыслей... черных.

Единственной вещью, которая осталась при Ильгаре, был плетеный браслет.

Ладони пекло — они до сих пор помнили, как в них вложили рукоять сломанного меча.

Карцер отличался от каменного мешка, в котором дожидался перового суда Ильгар, лишь тем, что здесь имелся набитый прелой соломой тюфяк, а не дырявое одеяло, смердящее мочой и потом. Да воду раз в сутки приносили не в старом бурдюке, из которого разлило тиной, а в глиняном кувшине. Живительная влага отдавала железом, но была чистой и вкусной. Сухари, приправленная топленным жиром похлебка из чечевицы — еда всегда была холодной и дряной на вкус, но помогала поддерживать силы.

«Всяко лучше сырой крысятины», — усмехался про себя Ильгар.

Браслет казался насмешкой. Памятью о том, чего лишился жнец. Но... река судьбы прихотлива. Ни одни воды — даже коварного Ирхана — не способны удивлять так, как она, не способны путать, а главное — давать надежду.

Разжалованный десятник не спал. Он сидел на тюфяке, размачивал в воде сухарь и глядел в окно. Слушал, как на улице где-то вдали играет музыка. Казалось, там выступает целый оркестр. Впрочем, ничего удивительного. Даже в настороженной Сайнарии случались залихватские гуляния.

Но вот один звук отделился от сонма. Поплыл, затмевая и заглушая все другие инструменты. Стал самым ярким, самым чистым, самым честным. Он приблизился, заполз через решетку и заполнил карцер.

Ильгар встал. Подошел к окну и, повиснув на прутьях, подтянулся.

С этой стороны было темно. Ни огонечка вокруг — только стены внутреннего двора, в котором, как помнил бывший десятник, находились столбы для порки провинившихся. Музыка была там. Она без света сияла в ночи.

«Скрипка...»

Редкий нынче инструмент. Менестрели и просто бродячие музыканты, переигрывающие чужие и известные песни, пользовались флейтами, барабанами, дудочками и лютнями. Эта же мелодия, казалось, рождалась из самой природы. Из воздуха. Из земли. Из огня и воды. Казалась частью самой Ваярии, как ветер или снег.

Заключенный почувствовал, как трепещет сердце. Во рту сделалось сухо, глаза защипало...

— Прекрати, — попросил неведомо кого Ильгар. Непонятно почему, почувствовал злость, быстро переродившуюся в ярость: — Прекрати сейчас же!

Его крик утонул в густой ночи, а музыка и вправду смолкла. Сразу стало темнее и на душе заскребли кошки...

— Не сдавайся, — в камеру долетел шепоток. Красивый женский голос с хрипотцой. — Жди и верь. Будет больно. Меняйся. Хоть станет еще больнее. И, да — она уже рядом.

В коридоре послышались шаги. На стенах заплясали тени.

«Стражники», — холодно подумал Ильгар, приготовившись получить заслуженную взбучку.

Но перед решеткой замерла она.

Ильгар узнал. Не мог не узнать. Даже под бесформенным мужским плащом. Сделал три шага к чугунной решетке, отделяющей его от любимой.

— Я потерял перчатку. Извини. — Слова царапали глотку.

— Но ты не потерял себя. — Теплая ладонь коснулась его груди. Огонь в небольшом медном фонаре казался золотым, а знакомо-забытый запах любимой служил доказательством, что это не сон. — Я слышу, как бьется твое сердце. Сейчас мне большего не нужно.

Она резко развернулась, собираясь уйти, но десятник сорвал с запястья браслет и, ухватив девушку за рукав, развернул к себе.

— Надень. Или Просто сохрани. Он сбережет твою красоту... так говорили эйтары.

— Я подожду, — в глазах Рики блеснул огонек. — Надену, когда придет время. Ждать недолго.

Девушка улыбнулась.

Вскоре в коридоре вновь стало темно и тихо. Молодой человек, совершенно разбитый и вымотавшийся, дремал, повиснув на прутьях. А за окном переливалась изумрудными трелями скрипка.

На втором суде Аларий не появился. Видно, удовлетворился тем, что молодой жнец остался без десятка и выброшенным из армии. Зато народу теперь собралось побольше. Городские чины, трое писарей, преатор Карвус, горожане, заслужившие честь и доверие решать судьбы подсудимых, и рядок пышно разряженных и веселых нобилей. Когда Ильгара ввели в зал, они смолкли, внимательно разглядывая его. Разжалованный десятник продолжал держать голову высоко, не прятался от взглядов, а в руке сжимал обломок меча. Почему-то парню казалось, что он не должен стесняться своей судьбы. Если даже Рика от него не отвернулся, чего самому терзаться? Он знал, что поступил правильно во время первой встречи с Эллане и никого не предал в плену.

Знать приготовилась к интересному зрелищу, горожане выглядели посуровее и собраннее. Карвус, со скуки, перекладывал перед собой листы, а писари уже вовсю скрипели по пергаменту перьями.

— Итак, — народный преатор положил ладони на стол. — Мы собрались, чтобы решить...

Дверь заскрипела. В зал вошел размашистой походкой Ракавир. В доспехах, белом плаще. Его темные волосы были зачесаны назад, лицо казалось жестким и властным. Этот человек выглядел могущественным. Это чувствовалось в каждом его движении.

— Воспользуюсь правом участвовать в суде, — громко проговорил он. — Случай вопиющей глупости, господа. Фарс.

Он без обиняков уселся рядом с преатором. Тот скорчил капризно-обиженную гримасу, будто кто-то покусился на его положение, но промолчал. Со ставленником Совета особо не поспоришь.

— Тогда продолжим, — пригубив воды из серебряного кубка, Карвус снова переложил перед собой стопку листов. — Этот разжалованный жнец...

— Совершенно не по делу разжалованный, — вставил Ракавир.

— Мы не станем обсуждать здесь дела военных, — вяло запротестовал народный

преатор. — Наш суд — не трибунал. Мы решаем...

— А я стану обсуждать. Ибо — глупость несусветная. Это двенадцатый случай за прошедшие пять седмиц, когда военный трибунал незаслуженно лишает звания и казнит, отправляет в тюрьмы и ссылает в каменоломни молодых солдат. Опростоволосились на празднике — теперь лютуют. Ни один офицер не был наказан! Смею напомнить, что солдат показал себя храбрецом при нападении великанов на Сайнарию и спас несколько высокопоставленных особ. Сам получил ранения, но продолжал защищать людей. За что получил благодарность и награду... Посему — вот вам мое единственное, окончательное слово. Предлагаю солдата оправдать. Он и так лишился меча и уже никогда не вернется в армию. Тот, кто хоть раз брал в руки меч — поймет, что это значит для едва оперившегося воина. Я говорю: невиновен. Думаю, Совет поддержал бы меня.

Ильгар смотрел в спину удаляющегося Ракавира со смешанными чувствами. Он ожидал, что Дарующий, так высоко стоявший в иерархии нового мира, выбросит его из головы и заставит Рику сделать то же самое. Но это... даже поверить сложно.

Суд закончился быстро. Закончился так, как не должен был. И Ильгар радовался этому.

Его освободили прямо в зале. Он отказался от положенного жалования в армии, не захотел и обращаться к местному вербовщику для работы в полях или гончарных и прочих лавках. Просто забрал свою одежду и, к немалому удивлению интенданта, обломок меча. Сунул его за пояс, приложил три пальца ко лбу и вышел на улицу.

Сайнария была подернута соленой пеленой, но прекрасной. Как та мелодия в ночи.

Больше книг на сайте — Knigolub.net